СОЧИНЕНІЯ

ЗАРОСКИНА

ТОМЪ 10.

ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

ИЗЪ БИБЛІОТЕКИ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

М. Н. ЗАГОСКИНА

ТОМЪ ДЕСЯТЫЙ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

М. Н. ЗАГОСКИНА

ТОМЪ ДЕСЯТЫЙ

ТОСКА ПО РОДИНѢ

ВЕЧЕРЪ НА ХОПРѢ

ТРИ ЖЕНИХА

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЕ ОЧЕРКИ

ИЗДАНІЕ
поставщиковъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный дворъ, 18 | МОСКВА, Кузнецкій мостъ 12
1901

Дозволено цензурою. Спб., 23-го октября 1901 г

Типографія Товарищества М. О. Вольфъ. Спб., Вас. Остр., 16 л., д. № 5—7.

ТОСКА ПО РОДИНѢ

Чтобъ не сулило вамъ воображенье ваше,
Не вѣрьте, той земли не сыщете вы краше,
Гдѣ ваша мила, иль гдѣ живетъ вашъ другъ.

Крыловъ.

1.

Петербургъ не избалованъ хорошею погодою, но на этотъ разъ время было прекрасное: чистое небо; теплый воздухъ и свѣтлое солнце, которое пекло точно такъ же, какъ оно печетъ и жаритъ народъ Божій и въ Римѣ, и въ Неаполѣ, и въ Тегеранѣ, и даже на *благословенныхъ* берегахъ Гангеса, гдѣ подлинно былъ бы рай земной, еслибъ днемъ можно было не задыхаться отъ жару, а ночью спать не опасаясь, что какой-нибудь стоножникъ, скорпіонъ или ядовитый клопъ помѣшаютъ вамъ на другой день проснуться. Это было въ маѣ мѣсяцѣ, въ тысяча... въ тысяча... Нѣтъ! рѣшительно не помню, въ которомъ году; но если скажу, что тогда существовала еще деревянная церковь Казанской Божіей Матери, и красноватыя стѣны Адмиралтейства до половины были закрыты земляным валомъ, то, вѣроятно, мои читатели догадаются, что это было не вчера.

Вотъ этакъ, часу въ шестомъ послѣ обѣда, когда сильный зной сталъ примѣтнымъ образомъ уменьшаться, отъ Гагаринской пристани отчалилъ шестивесельный катеръ. Въ катерѣ сидѣло двое молодыхъ людей: одинъ въ синемъ однобортномъ сюртукѣ, другой въ морскомъ вицъ-мундирѣ; первый — вашъ покорнѣйшій слуга, а второй—пріятель мой, балтійскаго флота лейтенантъ Иванъ Алексѣевичъ Бурминъ. Если вы рѣшились прочесть до конца этотъ истинный разсказъ, то вамъ непремѣнно надобно познакомиться короче съ молодымъ человѣкомъ въ синемъ сюртукѣ, то-есть со мною.

Меня зовутъ Владиміромъ Сергѣевичемъ Завольскимъ; я отставной гвардіи штабсъ-капитанъ; мнѣ двадцать восемь лѣтъ; у меня ужъ давно нѣтъ ни отца, ни матери; полторы тысячи душъ, которыя мнѣ послѣ нихъ достались, я продалъ для того, чтобъ получать безъ всякихъ хлопотъ тридцать тысячъ въ годъ вѣрнаго дохода, то-есть у меня шестьсотъ тысячъ рублей лежитъ въ Опекунскомъ Совѣтѣ. Говорятъ, будто бы я не дуракъ; есть даже люди, которые увѣряютъ, что я уменъ; но я плохо имъ вѣрю; я такъ много дѣлалъ глупостей въ жизни!—Наружность моя... вотъ тутъ я ужъ не знаю, что и сказать! Самому себя хвалить стыдно, а не похвалить—нельзя. Представьте себѣ... иль нѣтъ! позвольте лучше повторить слова двухъ дамъ, изъ которыхъ первая, говоря обо мнѣ съ пріятелемъ моимъ Бурминымъ, сказала: «Надобно признаться, этотъ Завольскій весьма красивый и видный мужчина; у него такой благородный видъ, такая прекрасная манера! Жаль только, что этотъ молодой человѣкъ такъ задумчивъ и разсѣянъ. Ну, повѣрите ли? онъ никогда не помнитъ козырей, когда играетъ со мною въ бостонъ!»—Другая барыня, помоложе первой, также при Бурминѣ, говорила вполголоса своей пріятельницѣ: «Какъ хорошъ этотъ Завольскій! Какое выразительное лицо! какіе огненные голубые глаза! какая милая улыбка! Какъ жаль, что онъ не любитъ танцовать; а если танцуетъ, то ужъ вѣрно перепутаетъ всѣ фигуры».

Одна чистая похвала, безъ всякой примѣси злословія, всегда намъ кажется подозрительною; но я надѣюсь, что читатели не назовутъ этихъ похвалъ безусловными; и слѣдовательно повѣрятъ, что я, точно, молодой человѣкъ весьма пріятной наружности. Главною чертою моего характера была какая-то мечтательность, которая всегда мѣшала мнѣ наслаждаться спокойно настоящимъ; я строилъ безпрестанно воздушные замки, одинъ другого прекраснѣе; я видѣлъ себя счастливымъ только въ будущемъ; мнѣ было ве-

село только тамъ, гдѣ я еще не былъ; однимъ словомъ, никто не напоминалъ такъ часто, какъ я, русскую пословицу: «Тамъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ». Однажды, смотря оперу «Князь Невидимка», я до того плѣнился декорацiей, которая представляетъ замокъ черныхъ рыцарей, что началъ бредить средними вѣками.—Боже мой!..—думалъ я,—какъ прекрасны эти огромныя башни съ узенькими окнами, эти подъемные мосты, опускныя желѣзныя рѣшетки! Сколько поэзiи въ этой полуразбойничьей жизни феодальныхъ бароновъ Германiи! Ѣду на Рейнъ! Поживу хоть нѣсколько мѣсяцевъ въ одномъ изъ рыцарскихъ замковъ, которыми унизаны его берега!—Съ деньгами все возможно: я отправился, прiѣхалъ, разочаровался, и чрезъ мѣсяцъ поскакалъ назадъ въ Петербургъ съ твердымъ намѣренiемъ ѣхать на востокъ, чтобъ полюбоваться этимъ роскошнымъ Кашемиромъ, въ которомъ круглый годъ цвѣтутъ розы и царствуетъ вѣчная весна.

Ну, вотъ мы съ вами и познакомились, любезные читатели; только не забудьте, что вы знаете не тепершняго Владимiра Завольскаго, который носитъ парикъ, фланелевую фуфайку и плисовые сапоги... нѣтъ! этотъ старикъ ужъ не мечтаетъ, не строитъ воздушныхъ замковъ, а любитъ поговорить, поразсказать о быломъ, и очень будетъ радъ, если не усыпитъ васъ своей болтовнею. Теперь, кажется, мы можемъ выѣхать изъ Гагаринской пристани.

— Куда прикажете, ваше благородiе? — спросилъ рулевой,—обращаясь къ Бурмину.

— На Крестовскiй! Да смотри, держись фарватера: я берегомъ плыть не люблю.

Всѣ шесть гребцовъ, разомъ какъ одинъ, припали впередъ, понатужились, зачерпнули, вода хлынула съ веселъ, закипѣла подъ катеромъ, и онъ вылѣтелъ на средину рѣки. Если вы бывали лѣтомъ въ Петербургѣ, то, безъ всякаго сомнѣнiя, переѣзжали черезъ Неву, и слѣдовательно любовались, дивились и даже приходили въ восторгъ, смотря на эту огромную панораму ши-

рокой Невы, съ ея гранитными берегами и великолѣпными палатами.

— Каковъ, братецъ, видъ?—сказалъ Бурминъ, когда мы выѣхали на средину рѣки. — Фу ты, батюшки! Куда ни обернись, вотъ такъ глаза и разбѣгаются...— Тише, ребята!..—Тише, — не торопись! — Вотъ, говорятъ, можно ко всему приглядѣться — неправда! Мнѣ кажется, я въ сотый разъ любуюсь этимъ видомъ.

— Полно, Бурминъ!—сказалъ я,—ну что тутъ диковиннаго?—Вотъ еслибъ мы были въ Венеціи...

— Я знаю Венецію, мой другъ! и могу тебя увѣрить, ты не увидишь тамъ ничего, что было бы такъ живописно и такъ грандіозно, какъ то, что теперь у насъ передъ глазами.

— Да что у насъ передъ глазами? Рѣка какъ рѣка, дома какъ дома; все это пошло, обыкновенно и все мнѣ до смерти надоѣло. Какъ я радъ, что скоро отсюда уѣду!

— А ты рѣшительно ѣдешь?

— Завтра, чѣмъ свѣтъ. Да, мой другъ! скорѣй, скорѣй изъ этого чопорнаго, холоднаго Петербурга! Я увѣренъ, старушка Москва будетъ для меня гораздо сноснѣе.

— А ты ѣдешь на житье въ Москву?

— О нѣтъ, мой другъ! Она будетъ для меня только перепутьемъ.

— Да, бишь! Совсѣмъ забылъ: ты отправляешься на востокъ.

— Нѣтъ, мой другъ, на западъ.

— Какъ такъ! Давно ли? А Кашемиръ?

— Я передумалъ.

— Куда же ты ѣдешь?

— Въ Испанію. Я не знаю ни одного восточнаго языка, а вѣчно таскать съ собою переводчика—скучно. Чтобъ прочесть въ подлинникѣ Донъ-Кихота, я выучился испанскому языку, и могу безъ труда на немъ изъясняться. Къ тому-жъ, Испанія будетъ для меня точно такой же новой землею, какъ Персія, Индія,

Китай, и я, не выѣзжая изъ Европы, увижу тьму вещей, о которыхъ не имѣю понятія. А какой климатъ, мой другъ! Какія женщины!.. А эти развалины мавританскихъ замковъ! Эти померанцевыя рощи! Эта Сіерра-Морена, увѣнчанная розмариномъ!.. О, я увѣренъ, Испанія будетъ для меня обѣтованной землею; и почему знать? быть можетъ, я навсегда тамъ останусь.

— Что ты говоришь, Владиміръ?—вскричалъ Бурминъ.—Ты хочешь навсегда покинуть свою родину?

— Я не говорю этого утвердительно; но, впрочемъ, почему же и не такъ? И что можетъ меня удержать въ Россіи? Я сирота, близкихъ родныхъ у меня нѣтъ; есть нѣсколько добрыхъ пріятелей—да развѣ я живу вмѣстѣ съ ними? Вотъ ты, напримѣръ, когда я жилъ безвыѣздно въ Петербургѣ, ты служилъ въ черноморскомъ флотѣ, теперь ты здѣсь—такъ я отсюда уѣзжаю, и Богъ вѣсть, когда мы опять съ тобою встрѣтимся! Я продалъ все мое наслѣдственное имѣнье; заботиться мнѣ не о чемъ: у меня тридцать тысячъ въ годъ вѣрнаго дохода. Съ этимъ жить можно вездѣ хорошо, — исключая Англіи, въ которой платятъ за скуку въ десять разъ дороже, чѣмъ у насъ въ Россіи, гдѣ она нипочемъ. Да кто велитъ мнѣ ѣхать въ Англію? По моему, если тратить деньги, такъ ужъ тамъ, гдѣ мнѣ будетъ весело или, по крайней мѣрѣ, тепло.

— Гдѣ-жъ ты будешь жить? въ Мадридѣ?

— Избави, Господи! Мнѣ всѣ большіе города до того надоѣли, что я скорѣй соглашусь жить въ какой-нибудь Барабинской степи, чѣмъ въ столичномъ городѣ. Нѣтъ, мой другъ! я проберусь въ Андалузію.

— Вотъ что?—Ты будешь жить въ Севильѣ или Гренадѣ?

— Помилуй, что за радость!—Севилья — столица Андалузіи, Гренада была также когда-то столицею мавровъ; и я ужъ тебѣ сказалъ, что терпѣть не могу большихъ городовъ.

— Да неужели ты ѣдешь въ чужіе края для того, чтобъ жить въ деревнѣ?

— А вотъ послушай, Бурминъ: на этихъ дняхъ я обѣдалъ съ однимъ англичаниномъ, который объѣздилъ всю Испанію; вотъ что онъ мнѣ разсказывалъ: недалеко отъ Гренады, на самомъ берегу моря, есть небольшой городокъ Алмерія. Ты, конечно, знаешь, что, по мнѣнію древнихъ поэтовъ, знаменитые сады Гесперидскіе были въ нынѣшней Андалузіи. Если вѣрить англичанину, то эти сады, съ своими золотыми яблоками и вѣчной зеленью, до сихъ поръ еще окружаютъ счастливую Алмерію. Никакая волшебная сказка изъ «Тысяча одной ночи» не можетъ дать понятія объ этой роскошной природѣ, объ этомъ ароматическомъ, благорастворенномъ воздухѣ и неизъяснимой красотѣ этихъ вѣчно-цвѣтущихъ померанцевыхъ рощей. Когда подъѣзжаешь къ Алмеріи, то кажется, какъ будто бы она тонетъ посреди зелени своихъ обширныхъ садовъ. Каждую ночь морской вѣтеръ освѣжаетъ воздухъ. Въ каникулы, когда въ Гренадѣ задыхаются отъ жару и днемъ не смѣютъ выходить на улицу, въ Алмеріи дышатъ прохладою и сидятъ на открытомъ воздухѣ. Небольшая, но красивая рѣка течетъ городомъ, и нѣсколько ручьевъ, чистыхъ какъ хрусталь, холодныхъ какъ ледъ, вьются по лугамъ и рощамъ; потомъ, прокрадываясь садами, вливаются шумными каскадами въ рѣку, и даже во многихъ мѣстахъ журчатъ подъ окнами домовъ. Джонъ-Буль, который мнѣ все это разсказывалъ, не могъ нахвалиться ласковымъ обхожденіемъ жителей Алмеріи, въ которой онъ пробылъ недѣли три. Онъ говоритъ, что въ жизнь свою не встрѣчалъ нигдѣ такихъ радушныхъ и гостепріимныхъ людей; а женщины... О, мой другъ! о нихъ англичанинъ и теперь не можетъ вспомнить безъ восторга! Черные, пламенные глаза, отъ которыхъ сошелъ бы съ ума весь Петербургъ, встрѣчаются на каждомъ шагу. Шнуровокъ тамъ не знаютъ, потому что каждая женщина создана такъ, что ужъ тутъ нечего дѣлать никакой корсетницѣ. А какія ножки!.. Какъ эти воздушныя испанки танцуютъ фанданго и болеро!.. Мой разсказ-

чикъ хотѣлъ было мнѣ описать эти танцы, да, видно, словъ не достало; я же съ нимъ говорилъ по-французски,—ужъ онъ коверкалъ, коверкалъ языкъ, шипѣлъ, свисталъ, кричалъ безпрестанно *годдемъ*—и такъ часто подливалъ себѣ въ стаканъ рому, что, не окончивъ своего разсказа, свалился подъ столъ и захрапѣлъ какъ удавленный.

— Вотъ то-то и есть, мой другъ!—Не валялся-ли онъ подъ столомъ и тогда, какъ жилъ въ Алмеріи? Вѣдь старое испанское вино стоитъ рома. Если въ самомъ дѣлѣ онъ каждый день былъ пьянъ, такъ диво ли, что этотъ городишка показался ему земнымъ раемъ?

— Городишка!.. Да почему же городишка?

— Потому, что я видѣлъ эту знаменитую Алмерію.

— Неужели?

— Да, мой другъ! Я былъ тогда еще мичманомъ; мы крейсировали въ Средиземномъ морѣ и заходили въ Алмерію налиться водою. Такъ! небольшой городокъ; много садовъ—это правда. Я не съѣзжалъ на берегъ, и потому не могу тебѣ сказать, у всѣхъ ли тамошнихъ женщинъ большіе глаза и маленькія ножки; но очень помню, что въ этой Алмеріи ключевая вода совсѣмъ не походитъ на хрусталь, и что мы вовсе не дышали прохладою, хотя это было не въ Петровки, а въ первыхъ числахъ апрѣля, слѣдовательно, въ самомъ началѣ весны.

— Полно, Бурминъ! Ты готовъ изъ своего смѣшного патріотизма спорить, что у насъ въ Россіи климатъ лучше, чѣмъ въ Испаніи.

— А что ты думаешь? У всякаго свой вкусъ. Вотъ я, напримѣръ: для меня нашъ русскій холодъ несравненно сноснѣй африканскаго жару; а вѣдь твоя хваленая Алмерія почти въ Африкѣ.

— Что за дѣло! Избытокъ тепла то-же, что избытокъ жизни; объ этомъ еще горевать нечего. Спроси у старика, гдѣ ему привольнѣе, на солнышкѣ или въ тѣни? Нѣтъ, мой другъ! жаръ не бѣда; вотъ худо,

когда солнце-то не грѣетъ, а у насъ это бываетъ частехонько не только весною, но даже лѣтомъ.

— Однакожъ, надѣюсь, не сегодня?

— Одинъ день не въ счетъ. Да я еще не поручусь за сегодняшній вечеръ: вдругъ потянетъ съ Выборгской стороны, и мы, прежде чѣмъ выйдемъ на Крестовскій островъ, успѣемъ продрогнуть до костей.

— Да ты ужъ не колдунъ ли, братецъ?—прервалъ Бурминъ.—Въ самомъ дѣлѣ что-то становится гораздо свѣжѣе.

— Вѣтеръ перемѣнился, ваше благородіе!—сказалъ рулевой матросъ.

Свѣтлая Нева нахмурилась, потемнѣла, и съ Ладожскаго озера пахнулъ такой прохладный вѣтерокъ, что мы съ Бурминымъ тотчасъ застегнулись на всѣ пуговицы.

— Вотъ онъ!—вскричалъ я, пожимаясь невольно.— О, милый зефиръ моей родины, я чувствую тебя!

— И я начинаю его чувствовать,—сказалъ Бурминъ.—Эхъ, досадно! шинелей-то мы съ собою не взяли.

— Да! Вотъ этотъ офицеръ догадливѣе насъ,— прервалъ я, указывая на яликъ, который плылъ шагахъ въ десяти за нашимъ катеромъ. Въ немъ сидѣлъ молодой человѣкъ въ треугольной шляпѣ и въ форменной шинели съ зеленымъ воротникомъ.

— Э!—вскричалъ Бурминъ,—да это, кажется, капитанъ-лейтенантъ Красноярскій!.. Да, точно, онъ!.. Вотъ, братецъ, чудакъ!

— А что?

— Престранный человѣкъ! Честный, благородный малый, отличный офицеръ; но такой нелюдимъ, что и сказать нельзя—подчасъ отъ него двухъ словъ не добьешся. Онъ и прежде былъ не слишкомъ веселаго характера, а какъ съѣздилъ въ Москву, такъ теперь къ нему вовсе приступу нѣтъ. Я слышалъ мимоходомъ, что будто бы онъ тамъ влюбился, посватался, что ему отказали...

— Бѣдняжка! Со мной такой бѣды не случалось; а думаю, что это должно быть вовсе незабавно.

— Да такъ-то незабавно, Владиміръ, что не приведи, Господи! Мнѣ также года два тому назадъ забрили затылокъ, такъ я чуть было съ ума не сошелъ; и грустно, и стыдно, и обидно—вовсе рехнулся: на стѣны лѣзу! Насилу, насилу мѣсяца черезъ три опять кой-какъ наладилъ—и то, дай Богъ здоровье роднымъ, ужъ какъ за мной ухаживали—и батюшка, и матушка и братья!.. А этотъ горемыка Красноярскій—и побаловать-то его некому: круглый сирота.

— Такъ же какъ я?

— Ну, нѣтъ! у тебя шестьсотъ тысячъ въ ломбардѣ, такъ родные будутъ; а Красноярскій человѣкъ небогатый.

— Такъ чтожъ?

— Какъ что? Я увѣренъ, что у тебя есть кузины въ шестомъ колѣнѣ, которыя называютъ тебя братцемъ, ухаживаютъ за тобою, балуютъ...

— Есть, мой другъ, есть!

— Вотъ то-то же! А у Красноярскаго есть и родная сестра, да я побьюсь объ закладъ, что она его знать не хочетъ.

— Почему ты это думаешь?

— Во-первыхъ, потому, что у этой сестрицы, которая ни отъ кого не зависитъ, слишкомъ тысяча душъ; а Красноярскому подчасъ нечѣмъ за мундиръ заплатить. Правда, онъ такой чудакъ, что, пожалуй, и отъ родной сестры подарка не возьметъ; да врядъ ли и она захочетъ его дарить. Они отъ разныхъ отцовъ, воспитывались не вмѣстѣ, живутъ розно, такъ какой тутъ ждать любви. Вотъ еслибъ ему досталось въ наслѣдство тысяча душъ, а этой барышнѣ одно отцовское благословеніе, такъ ужъ вѣрно она была бы пренѣжной сестрою. Экое житье богатымъ-то людямъ, подумаешь! Всѣ тебя уважаютъ, всѣ любятъ, всѣ молятся за твое здоровье—только вѣрь!

— Постой, постой, мой другъ!—прервалъ я:—посмотри-ка, что это плыветъ?

— Гдѣ?

— Ну, вотъ направо, шагахъ въ пяти отъ насъ... что-то круглое, зеленое... Да это, кажется, дамскій ридикюль?

— Точно, дамскій ридикюль?

— Я первый увидѣлъ, такъ находка моя!—сказалъ я, нагибаясь, черезъ бортъ, чтобъ схватить ридикюль, который въ эту минуту плылъ подлѣ самаго катера. Я поймалъ его; но въ то же самое время, не знаю какъ-то, поскользнулся, потерялъ равновѣсіе и упалъ въ воду. Я думаю, что и тотъ, кто мастеръ держаться на водѣ, не скоро справится, если упадетъ нечаянно въ глубокую и быструю рѣку; а я вовсе не умѣлъ плавать, и тотчасъ пошелъ какъ ключъ ко дну. Я такъ скоро захлебнулся и совершенно обезпамятѣлъ, что не могу даже разсказать вамъ, что чувствовалъ, когда началъ тонуть; помню только, что надъ моей головою раздался громкій крикъ, и вслѣдъ за этимъ что-то тяжелое упало въ воду. Когда я пришелъ въ себя, то увидѣлъ, что лежу на катерѣ, что подлѣ меня суетится Бурминъ, и стоитъ тотъ самый морской офицеръ, который ѣхалъ позади насъ на яликѣ; на немъ не было ни шляпы, ни шинели, и съ него, точно такъ же какъ съ меня, вода текла ручьемъ.

— Ну, слава Богу, ничего! — вскричалъ Бурминъ, когда я открылъ глаза.—Вотъ онъ и очнулся!

Морской офицеръ, не говоря ни слова, подошелъ къ борту катера и перепрыгнулъ на свою лодку; двое дюжихъ гребцовъ принялись за весла; черезъ нѣсколько минутъ яликъ обогнулъ берегъ Васильевскаго острова, и прежде чѣмъ я успѣлъ совсѣмъ образумиться, его и слѣдъ простылъ.

— Ну что, Владиміръ? — сказалъ Бурминъ; — мы, чай, ужъ на Крестовскій не поѣдемъ?

— Помилуй—какой Крестовскій! Развѣ ты не видишь, что у меня лихорадка?

— Назадъ!—закричалъ Бурминъ,—къ Гагаринской пристани!—Да живѣй, ребята!—Ну, братъ Владиміръ, какъ ты меня перепугалъ! Да что ты свинцовый

что-ль? Ахъ, батюшки! словно стопудовый якорь: не успѣлъ свалиться съ катера, да ужъ и на днѣ!

— Чтожъ дѣлать! я не умѣю плавать.

— Стыдно, братецъ! Какъ порядочному человѣку не умѣть плавать! Ну, долго ли до бѣды! Вотъ хоть теперь: когда ты упалъ съ катера, онъ былъ на всемъ ходу. Здѣсь очень быстро, и я не успѣлъ еще опомниться, какъ насъ пронесло шаговъ на двадцать впередъ. Не случись тутъ Красноярскаго, такъ тебя и поминай какъ звали.

— Такъ это онъ вытащилъ меня изъ воды.

— А кто-жъ? Мы были отъ тебя далеко. Ну, нечего сказать, молодецъ! Какъ онъ живо тебя выхватилъ! Нѣтъ, онъ лучше моего плаваетъ.

— Ахъ, Боже мой! а я не успѣлъ и поблагодарить его.

— Да! очень нужна ему твоя благодарность! Лишь только онъ замѣтилъ, что ты сталъ приходить въ себя, такъ и тягу! какъ будто бы боялся, что ты дашь ему на водку. Экій чудакъ!

— Да, мой другъ! Только такіе чудаки отмѣнно рѣдки. Спросилъ ли онъ, по крайней мѣрѣ, кто я?

— Нѣтъ.

— Подлинно, чудный человѣкъ!

— Я готовъ биться объ закладъ, что онъ встрѣтится съ тобой и не узнаетъ.

— Быть можетъ; но за то ужъ я тотчасъ его узнаю: у него такая замѣчательная наружность.

— Да, онъ не дуренъ собою и очень видный мужчина... Э! посмотри, Владиміръ: вѣдь находка-то твоя не пропала: вотъ этотъ проклятый ридикюль.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Какъ онъ уцѣлѣлъ?.. А, вотъ что! Онъ снурками зацѣпился за пуговицу... Ну, братецъ, ты можешь владѣть имъ по всей справедливости. Дорого онъ тебѣ достался!

— Въ немъ, кажется, ничего нѣтъ, кромѣ платка,— сказалъ я, взявъ въ руки ридикюль.—Дома я посмотрю

хорошенько, а межъ тѣмъ вели скорѣй грести: я что-то очень прозябъ.

— Да, этотъ родимый вѣтерокъ начинаетъ порядкомъ свѣжѣть. Сильнѣй, ребята!

Мы причалили къ Гагаринской пристани. Я жилъ въ двухъ шагахъ отъ набережной; но, несмотря на это, едва могъ, при помощи Бурмина, дотащиться до моей квартиры. Черезъ полчаса я лежалъ ужъ безъ памяти; у меня сдѣлалась сильная горячка.

Прошло болѣе трехъ недѣль, я сталъ понемногу оправляться. Бурминъ навѣщалъ меня каждый день; я узналъ отъ него, что Красноярскій отправился въ Любекъ на своемъ шлюпѣ, и не прежде мѣсяца воротится назадъ въ Кронштадтъ. Мнѣ очень хотѣлось съ нимъ познакомиться и лично поблагодарить за мое спасеніе; но я не могъ дожидаться его цѣлый мѣсяцъ въ Петербургѣ; это совершенно бы разстроило всѣ мои планы. Я располагался, проживъ нѣсколько времени въ Москвѣ, отправиться черезъ наши бѣлорусскія губерніи въ Австрію, изъ Австріи въ Сардинію, въ Южную Францію, а тамъ черезъ Пиринеи въ Испанію. Въ Гренадѣ я хотѣлъ пробыть только нѣсколько дней, напиться водицы изъ знаменитаго фонтана львовъ очаровательной Альгамбры, погулять въ тѣнистыхъ садахъ волшебнаго Хенералифа и прямо на житье въ Алмерію По моимъ разсчетамъ, я долженъ былъ сдѣлать все это въ теченіе трехъ мѣсяцевъ; слѣдовательно, не могъ никакъ откладывать моей поѣздки въ Москву. Въ началѣ іюня мѣсяца я былъ еще нѣсколько слабъ, но ужъ совершенно здоровъ, и когда мой докторъ позволилъ мнѣ отправиться въ дорогу, я тотчасъ послалъ за подорожною и приказалъ Никанору укладываться. Да, кстати! Теперь вы меня знаете, любезные читатели. Такъ ужъ позвольте мнѣ познакомить васъ и съ моимъ слугою Никаноромъ.

Если вамъ удавалось читать русскія сказки, то вы, безъ сомнѣнія, помните, какіе вѣрные слуги были удалой Торопъ и досужій Личарда,—такъ смѣю васъ

увѣрить, что моему Никанору эти оба молодца и въ подметки бы не годились. Не осудите за это лакейское выраженіе. Чтобъ познакомить съ вами хорошенько Никанора Ѳедотыча, я невольно долженъ перенести васъ въ переднюю. Представьте себѣ свѣтлорусаго дѣтину, лѣтъ подъ-тридцать, вершковъ десяти росту, плечистаго, съ кудрявой головою, румянымъ лицомъ и сѣрыми глазами, которые вполнѣ выражали, если не умъ, то, по крайней мѣрѣ, русскую смѣтливость и досужество, которыя подчасъ бываютъ нужнѣй всякой премудрости. Изъ всѣхъ слугъ, которые перешли ко мнѣ по наслѣдству отъ отца и матери, одинъ Никаноръ Ѳедотычъ сохранилъ еще вполнѣ этотъ первобытный типъ старинныхъ русскихъ холопей. Онъ въ настоящемъ смыслѣ готовъ былъ за меня и въ огонь и въ воду; ему казалось, что онъ родился для того, чтобъ быть моимъ слугою, и, конечно, послѣ хорошаго пѣннаго вина любилъ меня болѣе всего на свѣтѣ; но эта любовь вовсе не походила на привязанность, впрочемъ, довольно рѣдкую, нынѣшнихъ слугъ къ своимъ господамъ. Онъ не могъ бы не любить меня даже и тогда, еслибъ я былъ дурнымъ господиномъ, потому что эта любовь къ барину, котораго отцу и дѣду служилъ его отецъ и дѣдъ, обратилась въ немъ въ какую-то необходимость или, лучше сказать, инстинктъ, который не могъ быть истребленъ ничѣмъ. Впрочемъ, несмотря на свою привязанность и слѣпое повиновеніе, онъ любилъ иногда поспорить со мною; а особливо если мнѣ приходило въ голову толковать ему, напримѣръ, что есть государства, въ которыхъ нѣтъ вовсе зимы, или что земля вертится, а солнце стоитъ. Онъ обыкновенно, слушая меня, сначала улыбался, а потомъ говорилъ: — Помилуйте, сударь! Какъ это можно, да еслибъ земля вертѣлась, такъ какъ бы мы устояли на ногахъ?

— Да это ужъ, братецъ, дѣло извѣстное. Вотъ изволишь видѣть: былъ одинъ умный человѣкъ, по имени Коперникъ: онъ первый доказалъ это...

— Каперникъ?.. что за Каперникъ такой?.. Чай, нѣмецъ?.. Да не подъ хмелемъ ли ему казалось, сударь, что земля-то вертится? Вотъ и у меня, какъ выпью лишнюю чарку, такъ все начнетъ въ глазахъ ходуномъ ходить! Эхъ, сударь! что вы имъ вѣрите, проклятымъ! Всѣ эти нѣмцы да Каперники народъ продувной, только людей морочатъ.

— Экій ты, братецъ, дуракъ! Да отчего же бываетъ попеременно: то день, то ночь?

— Оттого, сударь, что по утру солнышко взойдетъ, а къ ночи закатится.

— Да солнце-то стоитъ на одномъ мѣстѣ.

— Кто это вамъ сказалъ, сударь?.. Ахъ ты Господи! Чему, подумаешь, господа-то вѣрятъ!

— Поди сюда, болванъ! Я тебѣ начерчу на бумагѣ, какъ это дѣлается.

И, бывало, я примусь ему чертить небесную сферу, толкую, изъясняю, а мой Никаноръ стоитъ и ухмыляется.—Ну что?—спрошу я, наконецъ!—понимаешь ли?

— Да чего тутъ понимать, сударь? Помилуйте! все это такъ,—пустыя выдумки: финты-фанты, нѣмецкіе куранты.

— Пошелъ вонъ, дурачина!

— Слушаю-съ!

Такъ обыкновенно кончались всѣ наши ученые диспуты. Я намекнулъ мимоходомъ, что Никаноръ Ѳедотычъ придерживался чарочки; однакожъ, его нельзя было назвать пьяницею въ обширномъ смыслѣ этого слова. Конечно, часто случалось, что отъ него и въ будни пахло виномъ, но подъ хмелькомъ онъ бывалъ по однимъ двунадесятымъ праздникамъ, а рѣшительно пьянъ однажды только въ году: въ день моихъ именинъ. Тутъ ужъ не помогали ни просьбы, ни угрозы. Бывало, начнешь ему говорить, а онъ все несетъ: «Помилуйте, Владиміръ Сергѣевичъ! Чтобъ я въ день вашего ангела не выпилъ лишній стаканчикъ! Да за-что-жъ меня и хлѣбомъ кормить! Господи Боже

мой!.. Нѣтъ, сударь, за ваше здоровье послѣднюю рубашку пропью!» Впрочемъ, надобно сказать въ его оправданіе, онъ напивался всегда послѣ обѣдни; и когда постился, то въ ротъ не бралъ хмельного. Никаноръ Ѳедотычъ былъ очень веселаго нрава, дѣтина ловкій, проворный, однимъ словомъ, какъ говорится, на все удача; любилъ спѣть пѣсенку, поиграть на балалайкѣ, и въ кругу деревенскихъ красавицъ, городскихъ прачекъ и даже горничныхъ дѣвушекъ слылъ ужаснымъ пострѣломъ.

Извините, что я такъ долго продержалъ васъ въ передней, теперь милости прошу ко мнѣ.

— Что, сударь,—спросилъ Никаноръ,—вы возьмете съ собой въ коляску этотъ кожаный мѣшочекъ, или прикажете уложить его въ чемоданъ?

— Какой мѣшочекъ?

— Да вотъ, сударь! Посмотрите, въ немъ что-то есть.

— А!.. Да это ридикюль, по милости котораго я чуть было не утонулъ. Совсѣмъ о немъ забылъ! Подай сюда!.. Да изъ него выйдетъ славный кисетъ!:. Оставь его у меня и ступай—укладывайся.

— Посмотримъ, что въ этомъ ридикюлѣ... Во-первыхъ, бѣлый батистовый платокъ; на одномъ углу вышиты красной шерстью французскія буквы: S и L; слѣдовательно, если его потеряла не иностранка, то ужъ вѣрно *воспитанная* русская барыня. Простая купчиха или *необразованная* дворяночка не посовѣстилась бы вышить на своемъ платкѣ наше русское С и Л. Что далѣе?.. Желтая атласная ленточка... черепаховая бонбоньерка съ мятными лепешечками... хрустальный флакончикъ со спиртомъ... уксусъ четырехъ разбойниковъ... Ого!.. c'est du bon genre!.. Слабые нервы, плохой желудокъ—всѣ признаки женщины хорошаго общества... А это что такое?.. Записочка... на русскомъ языкѣ!.. Итакъ я не ошибся: этотъ ридикюль потеряла русская барыня... Посмотримъ, можетъ быть, и узнаю, кому принадлежитъ моя находка. Ожиданіе мое не сбы-

лось: на запискѣ, сложенной уголкомъ, не было никакой надписи, и она была такъ размыта водою, что я могъ только разобрать слѣдующее:

«Ты мнѣ сказала вчера, мой милый другъ, что будешь сегодня послѣ обѣда на Крестовскомъ, и что . . . . какое счастіе! . . . . я не могу описать тебѣ любви моей . . . . . . но мы должны . . . . охъ, эта тетушка! . . . . Ты говоришь правду, мой другъ . . . . Боже сохрани, если она догадается . . . . да, мой другъ . . . . . . пустъ думаютъ . . . . какое дѣло . . . . я увѣренъ въ любви . . . . еще нѣсколько мѣсяцевъ . . . . моею . . . . твой . . . .

Что это любовная записочка, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія; что та, которая потеряла ридикюль, назначила свиданіе тому, кто писалъ эту записку, и это также очевидно. Онъ называетъ ее *милымъ другомъ*, говоритъ ей: *ты*; слѣдовательно, это не первое свиданіе... Они любятъ другъ друга, и должны скрывать любовь свою отъ какой-то тетки; судя по нѣкоторымъ отдѣльнымъ фразамъ, мнѣ даже сдается, что этотъ страстный любовникъ совѣтуетъ своей возлюбленной, вѣроятно для того, чтобъ лучше обмануть тетушку, любезничать со всѣми мужчинами или, можетъ быть, кокетничать съ однимъ. Кажется, такъ! «Пусть думаютъ... какое дѣло... я увѣренъ въ любви...» Это, безъ сомнѣнія, значитъ: пусть думаютъ, что ты меня забыла, что ты кокетка — какое дѣло! Я увѣренъ въ любви твоей. Да, точно такъ! Итакъ, я знаю теперь: этотъ ридикюль принадлежитъ женщинѣ хорошаго общества, эта женщина должна быть непремѣнно молодая дѣвушка. Еслибъ она была вдова, замужняя, или даже старая дѣвица, то не стала бы такъ бояться своей тетки. Я думаю, что она должна быть хороша, и даже могу сказать утвердительно, что у нея черные волосы: ленточка, которую я нашелъ на днѣ ридикюля, разду-

шена помадою, слѣдовательно, она снята съ головы; а можетъ ли быть, чтобъ блондинка, у которой платокъ помѣченъ французскими буквами, повязала себѣ на голову желтую ленту? О, конечно, нѣтъ! Такое безвкусіе можно только допустить въ какомъ-нибудь уѣздномъ городкѣ, гдѣ барышни учатся русской грамотѣ по часослову и называютъ гро-де-туръ—гарнитуромъ, а купеческія дочки отвѣчаютъ на самую обыкновенную вѣжливость: «Помилуйте, что вы-съ!.. Мы этого не понимаемъ-съ. Вѣдь мы не московскія-съ; мы не имѣемъ такихъ прочихъ случаевъ въ этакіе реванжи предаваться». Нѣтъ! рѣшительно, у моей незнакомки черные волосы. Но, вѣроятно, въ Петербургѣ очень много брюнетокъ, у которыхъ есть и строгіе и страстные любовники, такъ, несмотря на мою проницательность, я ровно ничего не знаю, а долженъ поневолѣ владѣть чужимъ добромъ; только ужъ теперь не сдѣлаю никакого употребленія изъ этого ридикюля: онъ принадлежалъ молодой и, безъ сомнѣнія, прекрасной женщинѣ; она прятала въ немъ свои любовныя записки, а я стану набивать его турецкимъ табакомъ... Фи, нѣтъ, пусть онъ до времени лежитъ у меня въ чемоданѣ; а если уѣдетъ со мною въ Андалузію, то я подарю его какой-нибудь черноглазой испанкѣ,—разумѣется, хорошенькой. Она станетъ класть въ него также любовныя записочки, мои или чужія, все равно; по крайней мѣрѣ, этотъ бѣдный ридикюль не будетъ уничтоженъ до степени табачнаго кисета.

На другой день, рано по утру, Бурминъ и еще человѣкъ пять, или шесть прежнихъ моихъ сослуживцевъ, проводили меня до средней рогатки, выпили бокала по два шампанскаго и я отправился въ Москву.

Всякій разъ, когда я слышу теперь, то есть въ 1839 г., что какой-нибудь молодой человѣкъ, пріѣхавъ изъ Петербурга въ Москву, жалуется на усталость, говоритъ, что его разбило, что у него бока болятъ, то повѣрите ли, вотъ такъ злость и беретъ.—Прокатилъ бы тебя, голубчикъ,—думаю я,—на перекладныхъ

лѣтъ двадцать пять тому назадъ по этой дорожкѣ! Теперь ѣдешь по Валдайскимъ горамъ, а спрашиваешь, скоро ли придутъ горы? Везутъ тебя ровной рысью по гладкому шоссе, какъ по скатерти; вплоть до Москвы не тряхнетъ ни разу; а бывало—душа съ тѣломъ разстается: что шагъ, то толчекъ; что станція, то хуже. Ѣдешь по каменной мостовой, молишь Бога, чтобъ скорѣй пришла деревянная; добрался до деревянной—Господи! ждешь не дождешься, когда опять начнется каменная! А тамъ пески сыпучіе: то скачешь сломя голову по самой гнуснѣйшей дорогѣ въ мірѣ, то шагомъ тащишься. Ѣдешь на перекладныхъ—бѣда, въ своемъ экипажѣ—другая: глядишь, ось пополамъ, а тамъ колесо вдребезги; на одной станціи кой-какъ починятъ, возьмутъ вдесятеро, а на другой опять чини. Вотъ, то-то и есть! не даромъ говоритъ русская пословица: «Не узнавъ горя, не узнаешь и радости». Кто не ѣзжалъ по прежней Петербургской дорогѣ, тотъ и спасибо не скажетъ за нынѣшнюю, а еще начнетъ говорить: «Стыдно, дескать, намъ, что мы до сихъ поръ изъ Москвы въ Петербургъ не ѣздимъ въ одни сутки по желѣзной дорогѣ! Все это оттого, что мы не двигаемся впередъ, а стоимъ на одномъ мѣстѣ». Охъ, ужъ мнѣ эти двигатели, эти юные европейцы съ бородами и безъ бородъ!.. Воля ваша, не могу вытерпѣть! Покамѣстъ мы ѣдемъ до Москвы, позвольте мнѣ словечка два перемолвить съ этими господами.

Милостивые государи! Скажите мнѣ, что вамъ за радость быть отголосками иностранныхъ журналистовъ, романистовъ, публицистовъ и всякихъ другихъ *истовъ*, которыхъ расплодилось несмѣтное число? Они называютъ насъ татарами, калмыками, варварами, и изъ всѣхъ силъ стараются забросать грязью. Я понимаю ихъ ожесточеніе: кто кого боится, тотъ почти всегда того не любитъ; а кого не любишь, того, разумѣется, хвалить не станешь. Но вы-то, мои почтенные соотечественники, за что изволите гнѣваться на матушку святую Русь? Что она вамъ сдѣлала? «Она отстала

отъ Европы».—Да это и не могло быть иначе.—«Она коснѣетъ въ своемъ невѣжествѣ. Посмотрите, какое разстояніе отдѣляетъ насъ отъ всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ! Они идутъ впередъ, а мы стоимъ на одномъ мѣстѣ».—Полно, такъ ли? Послушайте!

Нѣсколько человѣкъ отправилось изъ общаго ихъ жилища въ дальній путь; имъ всѣмъ предстояла одна и та же цѣль. Одинъ вышелъ чѣмъ свѣтъ, другой какъ солнышко взошло, третій немного попозже; но всѣ ранехонько по утру были уже на пути къ своей цѣли, исключая одного, который хотѣлъ было итти съ ними вмѣстѣ, да его захватили незваные гости. Въ одной русской пословицѣ — извините, я охотникъ до пословицъ—говорится, что «незваные гости хуже татаръ»; такъ положимъ, что это были татары. Вотъ спустя часа четыре отдѣлался онъ отъ своихъ гостей и отправился вслѣдъ за товарищами; глядитъ—ихъ уже не видно. Куда итти? Дорогъ много; надобно отыскать настоящую. Тѣ, которые вышли прежде, имѣли для этого довольно времени, а нашему отсталому мѣшкать было некогда. Что дѣлать?.. Къ счастію, откуда ни возьмись на встрѣчу къ нему сильный могучій богатырь; видно самъ Богъ послалъ. «Послушай, братъ!»— сказалъ онъ запоздалому путешественнику,—«жаль мнѣ тебя; ты одинъ не догонишь своихъ товарищей: они ужъ далеко; дай я тебѣ помогу». Потомъ схватилъ отсталаго подъ мышку и помчался съ нимъ какъ изъ лука стрѣла. Сильный, могучій богатырь шагалъ по одному разу тамъ, гдѣ первые путешественники дѣлали шаговъ по двадцати; правда, идя потихоньку, они хорошо познакомились съ дорогою, а нашъ отсталый видѣлъ все мелькомъ; да малый-то былъ онъ смѣтливый и досужій, такъ это еще не бѣда. Вотъ какъ богатырь завидѣлъ вдали тѣхъ, за которыми гнался, то опустилъ на землю отсталаго и сказалъ ему: «Прощай, любезный! Радъ бы тебѣ еще послужить, да некогда; пора домой. Ну, вотъ видишь своихъ товарищей? Смотри-же, не отставай отъ нихъ, однако-жъ

не спѣши; теперь ужъ это не нужно; не собьешься съ дороги; а какъ побѣжишь, такъ неравно задохнешься, упадешь, и они, пожалуй, опять уйдутъ у тебя изъ виду. Если на дорогѣ встрѣтятся съ тобой зѣваки, которые начнутъ надъ тобой смѣяться и говорить межъ собою: «Смотрите, господа! какъ онъ отсталъ отъ своихъ товарищей!» такъ ты скажи имъ, что твои товарищи ранѣе тебя отправились въ дорогу; а если найдутся такіе зубоскалы,—по большимъ дорогамъ всякаго народу много, — которые начнуть тебя дразнить, и заговорятъ, что ты вовсе нейдешь впередъ, что у тебя ноги не двигаются, такъ ты обернись, да попроси ихъ, чтобъ они показали тебѣ домъ, изъ котораго ты вышелъ; а лучше всего не слушай этихъ пустозвоновъ: они подъ носомъ у себя ничего не видятъ, и повторяютъ только то, что имъ натвердили въ ребячествѣ ихъ мамушки, да нянюшки. Иди себѣ да иди, сойдешься когда-нибудь съ своими товарищами: да и лучше, что ты идешь теперь позади. Видишь, тамъ одинъ изъ нихъ, — вотъ что кричитъ, что всѣхъ обогналъ—такой вертлявый, Богъ съ нимъ! Посмотри, какъ онъ коверкается, вертится колесомъ, ходитъ вверхъ ногами, прыгаетъ черезъ канавы! Шелъ бы ты рядышкомъ съ этимъ фигляромъ, такъ долго-ль до бѣды? Малый ты добрый, да натура-то въ тебѣ больно переимчивая: пожалуй, ты сталъ бы его передразнивать; да, можетъ быть, вмѣстѣ съ нимъ и сломилъ бы себѣ шею; а теперь онъ попадетъ въ оврагъ, или увязнетъ въ болотѣ, а ты обойдешь сторонкою: вѣдь заднему-то виднѣе».

Вотъ вамъ, милостивый государь, вмѣсто отвѣта, аллегорія, басня, апологъ—все, что вамъ угодно. Поговорилъ бы я съ вами и подолѣе, да некогда. Мы пріѣхали въ Москву.

Это было еще до пожара. Никому и въ голову не приходило, что Москва разыграетъ въ лицахъ баснословное сказаніе о безсмертномъ фениксѣ, то есть, превратится въ пепелъ для того, чтобъ воскреснуть и сдѣ-

латься еще прекраснѣе. Въ ней было всего довольно: и огромныхъ каменныхъ палатъ, и скверныхъ лачугъ, и кипящихъ народомъ площадей, и пустопорожнихъ мѣстъ, на которыхъ пасли коровъ; подлѣ великолѣпныхъ садовъ грязные овраги, и рядомъ съ вымощенными улицами сыпучіе пески, по которымъ не было проѣзду. Теперешняя Москва во многомъ не походитъ на прежнюю; но, благодаря Бога, она сохранила вполнѣ свою русскую физіономію: это та-же православная боярыня, въ той же парчевой ферязи, только безъ заплатъ; въ той же жемчужной повязкѣ, только бурмицкія зерна ея роскошнаго головнаго убора не перемѣшаны съ корольками и стеклянными бусами. Правда, и теперь еще встрѣтишь кой-гдѣ флигелекъ, выкрашенный зеленой краскою, затѣйливый домъ съ *бельведеромъ* въ родѣ дурацкаго колпака, а иногда огромныя запачканныя хоромы, на кровляхъ которыхъ бываютъ ежегодные покосы и ростутъ преспокойно грибы; но эти образчики изящнаго вкуса *нашихъ* среднихъ вѣковъ и памятники давно минувшаго становятся довольно рѣдкими; ученый антикварій долженъ ихъ отыскивать на краю свѣта, то есть у Лефортова, на Міусахъ, у Николы въ Хамовникахъ, за Сухаревой башней, въ Сущевѣ, или за Московской-рѣкой на Зацѣпѣ. Я никогда еще не былъ въ нашей древней столицѣ, никогда еще не любовался ея живописнымъ мѣстоположеніемъ, ея древними соборами, высокими башнями и царскими теремами. Она съ перваго взгляда мнѣ чрезвычайно понравилась. Чтобъ разсмотрѣть ее хорошенько, я первые дни ходилъ съ утра до вечера по улицамъ, и не былъ ни у кого изъ моихъ знакомыхъ. Мнѣ хотѣлось пожить нѣсколько времени точно такъ, какъ живутъ обыкновенно путешественники, пріѣзжающіе въ большой городъ, гдѣ у нихъ вовсе нѣтъ никакихъ связей. На второй день нашего пріѣзда въ Москву, мой Никаноръ отпросился у меня походить по городу. Онъ пришелъ подъ вечеръ домой немного на веселѣ и рѣшительно безъ ума отъ Москвы. «Ахъ, сударь, что

за городъ такой!—говорилъ онъ въ восторгомъ.—Ну, ужъ подлинно матушка Москва, золотыя маковки!.. Церквей-то, церквей! видимо-невидимо! Ходилъ по соборамъ, сударь, былъ у Иверской. А большой-то колоколъ и толстую пушку изволили видѣть?.. Ну, ужъ диковинки! Былъ я также и въ гостиномъ дворѣ,— по здѣшнему городъ—не петербугскому чета! Ужъ я плуталъ, плуталъ! улицы, переулки, закоулки! Купечество такое авантажное, народъ разбитной, всѣ говорятъ свысока: «Что вамъ, баринъ, сударь, угодно-съ?.. Пожалуйте сюда-съ, пожалуйте-сь!» Такъ за руки и хватаютъ. А зашелъ я въ Сундучный рядъ, да выпилъ тамъ кваску... ну!!! и клюквенный, и яблочный, и малиновый! Да прямо съ ледку! пей сколько душѣ угодно. А калачи-то какіе! а растегайчики!.. Фу ты, Господи, что за городъ такой!.. Эхъ, сударь, хотите вы ѣхать въ какую-то Гишпанію,—помилуйте, да на что вамъ лучше Москвы?

— Я хочу, братецъ, путешествовать, поѣздить по свѣту.

— Да мало ли мы ужъ съ вами ѣздили, сударь, по этой Нѣметчинѣ! Въ городѣ Берлинѣ были, въ Керехсдергѣ и въ разныхъ другихъ мѣстечкахъ. Ну, что хорошаго? По улицамъ два воза не разъѣдутся, дома какъ голубятни; народъ неповадливый; ты съ нимъ говоришь только, а онъ наладитъ себѣ: «нихъ ферштантъ» да и только. Вина хоть въ ротъ не бери— вода водою; церквей нѣтъ, все какія-то кирки... Воля ваша, Владиміръ Сергѣевичъ! Если ужъ вы такъ жалуете все новые города смотрѣть, такъ мало ли ихъ на Руси? Вотъ, давно ли мы выѣхали изъ Питера, а ужъ городовъ-то не перечтешь: Новгородъ, Тверь, Торжокъ, Волочекъ... И, сударь, сударь! Не даромъ старики говорятъ: «Донъ, Донъ, а все лучше домъ».

— Послушай, Никаноръ!—прервалъ я;—если ты въ самомъ дѣлѣ не желаешь ѣхать со мною заграницу, такъ Богъ съ тобой; я принуждать тебя не намѣренъ; я дамъ тебѣ хоть завтра же отпускную.

Никаноръ поблѣднѣлъ. — Отпускную, повторилъ онъ. — Какъ, сударь, отпускную?.. Да на что мнѣ отпускная?..

— На то, чтобъ остаться въ Москвѣ.

— Да куда я безъ васъ дѣнусь? Что вы!.. Нѣтъ, сударь, и не затѣвайте! Да я за вами пѣшкомъ уйду! Сохрани Господи! Мнѣ васъ покинуть? Да я безъ васъ съ кругу сопьюсь, съ тоски самъ руки на себя подыму... Что вы, что вы!.. Богъ съ вами!

— Но вѣдь ты не хочешь ѣхать заграницу?

— Эхъ, сударь, это только такъ говорится. Помилуйте, да мнѣ и Москва-то безъ васъ опостылитъ хуже Нѣметчины. Нѣтъ, сударь, куда вы, тýда и я.

— Смотри же, Никаноръ Федотычъ, чуръ послѣ не каяться.

— Ужъ я вамъ, сударь, докладываю, извольте ѣхать куда вамъ угодно, по мнѣ хоть въ Туречину, лишь толькобъ быть при вашемъ лицѣ.

Не знаю, испугался ли бы нынѣшній слуга моей угрозы, а Никаноръ не на шутку струсилъ, и долго послѣ этого не намекалъ мнѣ, что дома жить лучше, чѣмъ шататься по бѣлу свѣту.

Вотъ черезъ нѣсколько дней, нагулявшись до сыта по улицамъ, я отправился любоваться московскими окрестностями. Я началъ съ Воробьевыхъ горъ. Когда, оставивъ позади себя рощи, которыя опушаютъ вершину этихъ горъ, я подошелъ къ обрывистому скату, составляющему крутой берегъ Москвы-рѣки, то не могъ удержаться отъ неволнаго восклицанія: огромность и великолѣпіе панорамы, которая развилась передъ мною, превосходитъ всякое описаніе! У самыхъ ногъ вашихъ, посреди обширныхъ поемныхъ луговъ, сверкаетъ излучистая рѣка. Направо, какъ на зеленыхъ облакахъ, подымается надъ вершинами деревьевъ, бѣлое, стройное зданіе — это *Васильевское* съ своей обширною колонадою и широкими террасами; рядомъ съ нимъ *Нескучное*—чудный, диковинный садъ, перерѣзанный глубокими оврагами, на днѣ которыхъ ра-

стетъ дремучій лѣсъ; еще нѣсколько садовъ и безконечное Замоскворѣчье, усыпанное красивыми церквами. Прямо передъ вами зубчатыя стѣны и круглыя башни Новодѣвичьяго монастыря; за нимъ на необъятной, волнистой равнинѣ тысяча разноцвѣтныхъ кровель, безчисленное множество блестящихъ главъ, позлащенныхъ крестовъ и высокихъ колоколенъ; вездѣ зелень, сады и отдѣляющіяся отъ темной массы деревянныхъ зданій бѣлокаменныя палаты русскихъ бояръ и именитыхъ гостей московскихъ; вдали, какъ на амфитеатрѣ, весь Кремль, соборы, царскій дворецъ, Иванъ Великій; а за ними, въ туманѣ, опять безчисленныя главы церквей и остроконечные верхи колоколенъ.

Я до того былъ восхищенъ этой неизъяснимо-великолѣпной панорамою, что не находилъ словъ для выраженія моего восторга.—Боже мой!—сказалъ я, наконецъ, вполголоса, — какой очаровательный видъ! — Что, сударь, нравится вамъ?—раздался позади привѣтливый голосъ. Я обернулся: въ пяти шагахъ отъ меня, подъ тѣнью толстаго дуба, сидѣли: пожилой, почтеннаго вида, купецъ съ своей дородной сожительницею, двое молодыхъ гостинодворцевъ и три купеческія дочки. На разостланномъ коврѣ стоялъ огромный самоваръ и полный чайный приборъ. Старикъ - купецъ, вѣжливо приподнявъ шляпу, повторилъ свой вопросъ.

— Да кому не понравится этотъ очаровательный видъ?—сказалъ я.—Вся Москва какъ на ладони.

— Куда вся! Помилуйте! Ведь нашу матушку Москву въ два дня кругомъ не объѣдешь.

Не прогнѣвайтесь, любезные читатели, это такъ— небольшое московское хвастовство. Когда у васъ рѣчь зайдетъ съ москвичемъ средняго состоянія объ огромности нашей древней столицы, то знайте напередъ, онъ непремѣнно отпуститъ красное словцо: сорокъ сороковъ церквей и два сорока верстъ кругомъ, это ужъ дѣло извѣстное. Начните увѣрять московскаго мѣщанина, что, напримѣръ, Лондонъ болѣе Москвы, онъ покачаетъ головою и скажетъ съ насмѣшливой улыб-

кою:—Помилуйте, батюшка, славны бубны за горами! Гдѣ быть городу больше Москвы? Да наша бѣлокаменная и Царьграду не уступитъ, такъ другимъ бы прочимъ городишкамъ и соваться нечего.

— Осмѣлюсь спросить, батюшка,—продолжалъ купецъ,—вы здѣшній обыватель?

— Нѣтъ, я недавно пріѣхалъ изъ Петербурга.

— Такъ, сударь, такъ-съ! И мы бывали въ Питерѣ. Конечно, до Москвы ему далеко, однако жъ знаменитый городъ; церквей только маленько, да и всѣ онѣ не походятъ какъ-то на здѣшнія.

— Это правда. Здѣсь все напоминаетъ старину; да такъ и быть должно: Москва старинный русскій городъ.

— Что русскій, то русскій, батюшка, кромѣ одного Кузнецкаго моста; да вѣдь онъ невеликъ.

— А Нѣмецкая-то слобода, любезный?

— И, сударь, давнымъ давно обрусѣла.

— Скажите мнѣ,—продолжалъ я,—какъ называется этотъ монастырь, вотъ что противъ насъ за рѣкою?

— Новодѣвичьимъ, батюшка.

— А эта площадь, или большой лугъ, что передъ нимъ?

— Дѣвичьемъ полемъ, сударь.

— Желалъ бы я знать, монастырь ли получилъ названіе отъ поля, или поле названо Дѣвичьимъ по монастырю?

— Монастырь, батюшка.

— Почему же вы это думаете?

— А вотъ изволите видѣть... Да не угодно-ли вамъ... Имя и отчества вашего не знаю...

— Владиміръ Сергѣевичъ.

— Такъ милости просимъ, Владиміръ Сергѣевичъ! Не погнушайтесь, присядьте вмѣстѣ съ нами, выкушайте нашего чайку.

— Милости просимъ,—повторила дискантомъ толстая купчиха; купеческія дочки взглянули на меня изъподлобья, улыбнулись и опустили книзу свои длинныя рѣсницы; молодые гостинодворцы пораздвинулись, и

меня, какъ почетнаго гостя, посадили рядомъ съ старымъ купцомъ. Вотъ началось подчиванье; я выпилъ чашку, другую, третью.

— Еще чашечку, Владиміръ Сергѣевичъ!—сказалъ купецъ.—Наливай, жена!

— Покорнѣйше васъ благодарю!

— Выкушайте, батюшка! Чаекъ *ей-же-ей* хорошій! Изъ пробнаго цыбика! Одну только чашечку... сдѣлайте милость!..

Чтобъ не огорчить добраго старика, я выпилъ четвертую чашку.

— Вотъ, батюшка, Владиміръ Сергѣевичъ, одолжили, такъ одолжили!.. Ужъ сдѣлайте милость, выкушийте еще!

— Право не могу!

— Ну, хоть полчашечки!

— Помилуйте! я и такъ выпилъ четыре чашки!

— Такъ ужъ куда нейдетъ пятая. Сдѣлайте мимость!.. *Да кланяйся жена!..*

Въ эту самую минуту раздался позади меня шорохъ; я оглянулся: въ двухъ шагахъ отъ насъ стоялъ мужчина довольно высокаго роста, въ сюртукѣ, кожаномъ картузѣ, худощавый, немного растрепанный, худо выбритый, но съ такимъ замѣчательнымъ лицомъ, что оно и до сихъ поръ еще не вышло изъ моей памяти; такой веселой, умной, и въ то же время добросердечной улыбки я никогда не видывалъ; во всѣхъ чертахъ лица его изображалось какое-то безпечное спокойствіе и даже лѣнь, но въ этихъ глазахъ, какъ будто бы немного заспанныхъ, сверкалъ такой самобытный умъ, такой русскій толкъ, что, спустя много лѣтъ послѣ, я тотчасъ вспомнилъ объ этомъ незнакомцѣ, когда прочелъ въ одной прелестной баснѣ два стиха:

«Не движась, я смотрю на суету мірскую,
И философствую сквозь сонъ».

Поглядѣвъ на насъ еще съ полминуты, онъ вынулъ записную книжку, черкнулъ въ ней карандашемъ и

повернулъ прямо въ рощу. Если одинъ изъ нашихъ величайшихъ писателей могъ нѣкогда похвастаться стройнымъ станомъ, то я готовъ биться объ закладъ, что это былъ онъ. Да! я увѣренъ, что Иванъ Андреевичъ Крыловъ живалъ съ молоду въ бѣлокаменной, и что въ ней-то именно подсмотрѣлъ нашъ русскій простой бытъ и подслушалъ этотъ народный языкъ, которымъ плѣняетъ насъ въ своихъ неподражаемыхъ басняхъ.

Я не могъ отдѣлаться, и выпилъ пятую чашку чаю; но рѣшительно отказался отъ шестой, и попросилъ купца изъяснить мнѣ, почему онъ полагаетъ, что Дѣвичье поле имѣло это названіе прежде, чѣмъ построенъ былъ на немъ Новодѣвичій монастырь?

— А вотъ изволите видѣть,—сказалъ купецъ, поглаживая свою сѣдую бороду.—Жена, поставь-ка чайникъ на канфорку. Вотъ что, батюшка, Владиміръ Сергѣевичъ, нашимъ пращурамъ разсказывали ихъ дѣды и прадѣды. Не безъизвѣстно вамъ, что Божіимъ попущеніемъ поганая нехристь, татары окаянные, владѣли нѣкогда не только первопрестольнымъ градомъ Москвою, но и всѣмъ нашимъ православнымъ царствомъ. То-то былъ срамъ для всей земли русской! Наши великіе князья ѣздили на поклонъ въ Орду и встрѣчали баскаковъ, сирѣчь татарскихъ пословъ, не у себя въ дому, а по тогдашнему за городомъ, на нынѣшней *Болвановкѣ*, которую прозвали Болвановкой потому, что татарскіе послы заставляли тутъ князей русскихъ кланяться деревянному болвану, изображающему ихъ верховнаго богдыхана. Эти нечестивые агаряне въ грошъ не ставили нашихъ князей, обижали бояръ, грабили народъ, и даже, входя въ храмы Божіи, не ломали шапокъ передъ святыми иконами. Много было всякихъ денежныхъ поборовъ съ Москвы; но самая-то тяжкая дань была натурою: ежегодно отправляли въ Орду по пятидесяти что не лучшихъ московскихъ дѣвицъ. Когда приходило время, со всѣхъ концовъ Москвы сгоняли ихъ, сердечныхъ, словно беззащитныхъ

овечекъ, на большое поле передъ Лужниками; тутъ татарскіе браковщики выбирали изъ нихъ самыхъ лучшихъ красавицъ и отправляли на свое подворье за Москву-рѣку. Это урочище и теперь еще прозывается по-татарски Берсень, а все это мѣсто за Москвой-рѣкой слыветъ Бабьимъ городомъ. Вотъ, батюшка Владиміръ Сергѣевичъ, почему Дѣвичье поле называется Дѣвичьимъ. Теперь, изволите видѣть, что не оно отъ монастыря, а монастырь отъ него получилъ свое названіе.

Вы вѣрно догадаетесь, любезные читатели, что я вовсе не выдаю этого народнаго преданія за какой-нибудь историческій фактъ: я повторяю только то, что слышалъ отъ купца, который, окончивъ свой разсказъ, принялся снова подчивать меня чаемъ. Видя бѣду неминучую, я, какъ догадливый Фока въ баснѣ «Демьянова уха»

> «Схватя въ охапку
> Кушакъ и шапку».

ударился бѣжать, но только не домой, а внизъ подъ гору. Извилистая тропинка довела меня до самой рѣки; я переѣхалъ въ лодкѣ на другой берегъ, и черезъ нѣсколько минутъ былъ уже подъ стѣнами Новодѣвичьяго монастыря. Тутъ нѣкогда, снѣдаемая жаждой властолюбія, вздыхала о свободѣ надменная сестра Петра Великаго. Изъ этого же самаго монастыря московскіе жители долго не могли вызвать Бориса Годунова, чтобъ вручить ему скипетръ и державу царства русскаго. Вопреки мнѣнію почти всѣхъ историковъ, я увѣренъ, что въ этомъ продолжительномъ упорствѣ Годунова, не соглашаться на желаніе всей Москвы, не было ничего притворнаго. Онъ давно уже былъ правителемъ Россіи, но боялся назваться царемъ ея. Я понимаю это чувство: надобно родиться въ порфирѣ, чтобъ безтрепетно возложить на главу свою эту завѣтную шапку Мономаха. Не даромъ всѣ короны бываютъ усыпаны драгоцѣнными каменьями. Нѣтъ! эта царственная рос-

кошь заключаетъ въ себѣ глубокую мысль. Да! блестящъ и свѣтелъ царскій вѣнецъ, но зато какъ тяжело носить его!

Трудно найти такого неутомимаго пѣшеходца, какимъ я бывалъ встарину; но день былъ жаркій, меня пекло сонцемъ, и я почувствовалъ, наконецъ, необходимость отдохнуть гдѣ-нибудь въ тѣни. Шагахъ въ пятидесяти отъ монастыря передъ двухъ-этажнымъ каменнымъ домомъ спускался по отлогому скату въ Москвѣ-рѣкѣ небольшой, не очень густой и тѣнистый садъ. Я прошелъ къ отпертой калиткѣ; прибитая подлѣ нея дощечка съ надписью возвѣщала всѣмъ и каждому, что гулять по саду можно, но только съ тѣмъ, чтобъ не рвать цвѣтовъ, не ломать деревьевъ и не ходить по травѣ. Въ полной увѣренности, что не нарушу ни одного изъ этихъ условій, я пошелъ по липовой аллеѣ; она привела меня къ зеленому лугу, на которомъ передъ самымъ домомъ разбросаны были клумбы цвѣтовъ. Этотъ лугъ былъ окруженъ съ двухъ сторонъ прелестными рощицами изъ густыхъ кустовъ сирени, бузины и акацій. На противуположной сторонѣ дома, высокія подстриженныя шпалеры, какъ зеленой стѣною, перерѣзывали поперекъ весь садъ. У единственнаго входа за эту живую ограду прибита была на столбѣ еще дощечка, а на ней написано: «входъ въ лабиринтъ». Я невольно улыбнулся, прочтя эту надпись. Лабиринтъ!.. прошу покорно, какія претензіи! Я увѣренъ, подъ всѣмъ садомъ нѣтъ и четырехъ десятинъ земли, а нашлось мѣсто для лабиринта. Ну, такъ и быть, пущусь безъ проводника; авось не пропаду безъ вѣсти! Пройдя нѣсколько шаговъ по узенькой дорожкѣ, я долженъ былъ поворить направо, потомъ повернулъ налѣво, а тамъ опять направо; дорожки поминутно пересѣкались, путались, и я черезъ нѣсколько минутъ рѣшительно не зналъ, въ которой сторонѣ былъ выходъ. Прокруживъ съ четверть часа почти на одномъ мѣстѣ, я попалъ наконецъ на тропинку, которая свела меня въ узкую, поросшую кустарникомъ лощину; въ

глубинѣ ея, изъ небольшого, отдѣланнаго дикимъ камнемъ, грота, струился ручей; подлѣ него на деревянной скамьѣ лежалъ желѣзный ковшъ. Я присѣлъ, выпилъ водицы, отдохнулъ съ полчаса и отправился опять по той же самой тропинкѣ, которая привела меня къ гроту. Шелъ, шелъ и наконецъ уперся въ каменную стѣну, вдоль которой не было никакого хода. Я повернулъ назадъ, выбралъ наудачу другую дорожку; она извивалась, кружилась, переплеталась съ другими и вывела меня, наконецъ, на деревянный красивый мостикъ; глядь внизъ—лощина, гротъ и ручей... Что за вздоръ?.. Нельзя же мнѣ заплутаться въ этомъ кукольномъ лабиринтѣ! Это все равно, что утонуть въ стаканѣ воды!.. Я пошелъ по новой дорожкѣ; казалось, она вела прямо къ дому. Вотъ я иду себѣ, да иду, а дорожка непримѣтно все поворачиваетъ въ сторону, и вдругъ оканчивается лѣстницей. Попытаюсь сойти... Ахъ, батюшки! Опять лощина, гротъ и ручей!.. Ужъ не правду ли говоритъ мой Никаноръ Федотычъ, что когда обойдетъ лѣшій, такъ въ коноплянникѣ заплутаешься... Что за дремучій лѣсъ, въ самомъ дѣлѣ! Я отправился скорымъ шагомъ назадъ. А! вотъ наконецъ дорожка гораздо шире другихъ; она вѣрно выведетъ меня изъ этого проклятаго лабиринта. И подлинно: я начинаю слышать голоса; кажется, идутъ ко мнѣ на встрѣчу; я прибавляю шагу, почти бѣгу... голоса отдаляются, дорожка становится все уже, уже, и наконецъ приводитъ меня на берегъ небольшого пруда; направо тростникъ и болото, налѣво, за кустомъ бузины журчитъ ручей... Что это?.. Ну, такъ и есть! Опять эта несносная лощина съ своимъ дурацкимъ гротомъ и глупымъ мостикомъ... Ахъ, чортъ возьми! Ужъ это становится скучно! Я усталъ до смерти, проголодался, да и пора домой: солнце начинаетъ садиться. Пойду прямо на проломъ! Я этимъ нарушу одно изъ условій, объявленныхъ мнѣ при входѣ въ садъ; но дѣлать нечего: не ночевать же мнѣ здѣсь на берегу *прозрачнаго ручейка!* Что я за аркадскій пастушокъ, въ самомъ

дѣлѣ! При первой попыткѣ я удостовѣрился, что это насильственное средство никуда не годится: по сторонамъ дорожекъ, густо обсаженныхъ деревьями, тянулись такіе плотные шпалерники изъ колючихъ кустовъ, что мнѣ пришлось бы прорубать себѣ дорогу, если-бъ я захотѣлъ пройти цѣликомъ. Ходя взадъ и впередъ по дорожкамъ, я нашелъ на одной изъ нихъ бѣлыя женскія перчатки. Въ то время, какъ я разсматривалъ мою находку, за частымъ шпалерникомъ въ двухъ шагахъ отъ меня послышались женскіе голоса.—Да куда же ты ихъ дѣвала, Сонюшка?—говорилъ кто-то протяжнымъ голосомъ. — Ужъ не забыла ли ты ихъ въ лавкѣ?—Нѣтъ, тетушка! Я очень помню, что держала ихъ въ рукѣ, когда мы ѣхали,—отвѣчалъ другой голосъ, такой благозвучный, исполненный такой необычайной прелести, что я весь превратился въ слухъ и притаилъ дыханіе, боясь проронить хоть одно слово.

— Да развѣ ты ихъ не надѣвала, мой другъ? — продолжалъ первый голосъ.

— Нѣтъ, тетушка!—вы видите, на мнѣ старыя... Любовь! не тебѣ ли я отдала мои перчатки?

— Нѣтъ, ma chère!—раздался третій голосъ, также очень пріятный, но котораго звуки не потревожили моего сердца и не заставили его биться сильнѣй обыкновеннаго.

— Такъ я вѣрно ихъ оставила въ каретѣ. Иванъ! пойди, посмотри тамъ...

— Не безпокойтесь!—прервалъ я громкимъ голосомъ.—Я нашелъ ваши перчатки.

Вдругъ все замолкло.

— Только не знаю, какъ ихъ отдать,—продолжалъ я. — Мы близко другъ отъ друга, но мнѣ нельзя къ вамъ подойти. Постойте... Насъ раздѣляютъ однѣ шпалеры: если угодно, я перекину перчатки на вашу сторону.

— Сдѣлайте милость!

Я бережно свернулъ перчатки мячикомъ и перекинулъ ихъ черезъ деревья.

— Покорнѣйше васъ благодарю!—сказали мнѣ этимъ плѣнительнымъ голосомъ, отъ котораго вся кровь моя бросилась къ сердцу.

— Извините—одно слово!—закричалъ я, услышавъ, что мои сосѣдки идутъ прочь.—Не можете ли вы мнѣ сказать, какъ выйти изъ этого лабиринта? Я заплутался.

Мнѣ послышалось, что мои дамы-невидимки потихоньку смѣются.

— Я чувствую самъ, что это очень забавно,—сказалъ я;—но признаюсь, мнѣ вовсе не до смѣху: вотъ ужъ два часа, какъ я ищу и не могу найти выхода. Сжальтесь надо мною! Я, право, начинаю бояться, что умру здѣсь голодной смертью.

За шпалерами громкій хохотъ, и послѣ минутнаго молчанія тѣмъ же очаровательнымъ голосомъ проговорили:—Теперь извольте итти налѣво, держитесь все правой стороны, покуда не дойдете до высокой черемухи; позади ея, за большимъ кустомъ сирени, начнется тропинка, которая выведетъ васъ изъ лабиринта.— Представьте себѣ:—я двадцать разъ проходилъ мимо этой черемухи! На этотъ разъ, благодаря данному мнѣ наставленію, я отыскалъ тропинку и черезъ нѣсколько минутъ вышелъ, наконецъ, изъ этой проклятой западни. Вдали, у воротъ дома, стояла карета, къ ней подходили дамы, вѣроятно тѣ самыя, съ которыми я разговаривалъ. Мнѣ чрезвычайно хотѣлось увидѣть ихъ въ лицо или, лучше сказать, посмотрѣть на ту, которая очаровала меня своимъ ангельскимъ голосомъ; но прежде чѣмъ я успѣлъ подойти, дамы сѣли въ карету, кучеръ погналъ лошадей, и онѣ рысью помчались вдоль Дѣвичьяго поля.

Когда я пришелъ домой, Никаноръ подалъ мнѣ визитную карточку, на которой было написано прескверным почеркомъ: «Дѣйствительный статскій совѣтникъ Кузьма Петровичъ Кукушкинъ».

— Что это значитъ?—сказалъ я.—Почему узнали, что я въ Москвѣ, и кто это Кукушкинъ?

— Его люди говорятъ, сударь, что онъ генералъ и баринъ добрый,—отвѣчалъ Никаноръ.—Я по вашему приказу отвозилъ къ его сожительницѣ посылку.

— А, да, да! Мнѣ эту посылочку въ два пуда навязала въ Петербургѣ княгиня Любская. Что, этотъ Кукушкинъ самъ пріѣзжалъ?

— Никакъ нѣтъ, сударь. Присылалъ человѣка и проситъ васъ завтра къ себѣ кушать.

— Хорошо.

Я сталъ раздѣваться.—Ну, сударь!—сказалъ Никаноръ, развязывая мнѣ галстукъ,—какія знатныя палаты у этого Кукушкина! А дворня-то какая! Въ передней проходу нѣтъ: биткомъ набита; и народъ все такой проворный, наметанный; одеженка на людяхъ плохая— это правда, да зато кормятъ хорошо; передъ обѣдомъ каждому чарка вина. Я поразговорился съ однимъ парнемъ—такой ласковый! Ну, сударь, видно этотъ генералъ Кукушкинъ не изъ простыхъ, живетъ бариномъ: и пѣвчіе, и музыка такая, и музыка роговая! Они совсѣмъ было собрались ѣхать въ свою подмосковную, верстъ восемьдесятъ отсюда, да старая барыня что-то прихворнула. Теперь ей получше, слава Богу, дня черезъ три ѣдутъ.

Никаноръ Федотычъ долго еще болталъ и разсказывалъ мнѣ разныя подробности о домѣ Кукушкиныхъ; но я давно уже его не слушалъ: въ ушахъ моихъ безпрестанно раздавался плѣнительный голосъ незнакомки.—Боже мой!—думалъ я,—какъ она должна быть прекрасна! Какъ бы я желалъ взглянуть на нее, или, по крайней мѣрѣ, хотя еще одинъ разъ послушать, какъ она говоритъ!.. Однако, чтожъ это значитъ?.. Я безпрестанно о ней думаю... Ужъ не влюбился ли я?.. Какой вздоръ! Я ее не видѣлъ, не имѣю никакого понятія о ея наружности, не знаю, что она: глупа или умна, любезна или нѣтъ... Все такъ! А межъ тѣмъ этотъ голосъ не выходитъ у меня изъ головы.—Послушай, Никаноръ,—сказалъ я громко;—какъ ты думаешь? можно ли влюбиться въ одинъ голосъ?

— Каковъ голосъ, сударь; отъ иного голоса вотъ такъ и растаешь! Изволите помнить, еще при вашемъ покойномъ батюшкѣ, былъ безсмѣнный фолеторъ Митька—такъ! недоростокъ и лицомъ-то не ахти мнѣ; а что за голосъ былъ такой—фу ты, батюшки! Бывало, какъ затянетъ бестія:

«Ты дѣтинушка, сиротинушка,
Безпріютная твоя головушка!»

такъ вѣрите-ль Богу, Владиміръ Сергѣевичъ, слеза пробьетъ! Федосья ключница,—вы знаете, дѣвка была немолодая, степенная, а какъ послушала Митькиныхъ пѣсенокъ, такъ вовсе по немъ зачахла. Ужъ чего она, сердечная, не дѣлала! и по ворожеямъ-то бѣгала, и какой-то приворотный корешокъ доставала. Въ одинъ годъ высохла, какъ соломинка, да такъ и въ могилу пошла. Бывало, глядитъ на него, не наглядится; а чего было смотрѣть? Чай, изволите помнить? Голова съ пивной котелъ, кривоногій, черномазый, рябой, вся рожа въ узорахъ! Такъ чтожъ, сударь? Чѣмъ онъ сокрушилъ Федосью-то? Вѣстимо голосомъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, — подумалъ я, — развѣ нельзя имѣть прекрасный голосъ и преотвратительную наружность? Можетъ быть моя незнакомка дурна, какъ смертный грѣхъ! Коса, кривобока; можетъ быть, у нея красный носъ, ротъ до ушей... Нѣтъ, нѣтъ! Такіе очаровательные, гармоническіе звуки могутъ ли выходить изъ безобразнаго и огромнаго рта? Она, можетъ быть, нехороша собою; но я увѣренъ, что ротикъ у нея прекрасный.

На другой день, послѣ довольно продолжительной утренней прогулки, я принарядился, велѣлъ Никанору надѣть ливрею и отправился въ наемной каретѣ къ Кузьмѣ Петровичу Кукушкину. Его каменный двухъэтажный домъ былъ подлинно очень великъ; но не всякій согласился бы назвать домомъ эту огромную кучу кирпича, несмотря на то, что въ ней были пробиты окна, сдѣланы двери, что надъ нею была же-

лѣзная кровля, а на воротахъ висѣла дощечка съ надписью: «свободенъ отъ постоя». Представьте себѣ... Да нѣтъ, я личностей терпѣть не могу! Этотъ уродливый домъ давно уже перестроенъ, но живъ еще въ памяти всѣхъ московскихъ обывателей; слѣдовательно, описать его или даже намекнуть только, на какой онъ улицѣ, будетъ то-же самое, что указать на него пальцемъ. Зачѣмъ тревожить прахъ добраго Кукушкина? Онъ выстроилъ этотъ огромный кирпичный балаганъ не столько для собственной своей потѣхи, сколько изъ благороднаго патріотизма: онъ хотѣлъ украсить имъ одну изъ лучшихъ улицъ первопрестольнаго града Москвы. На одрѣ болѣзни, въ послѣднюю минуту своей жизни, онъ утѣшался мыслію, что благодарное потомство будетъ благословлять его имя и повторять вмѣстѣ съ Фамусовымъ:

Кузьма Петровичъ, миръ ему!

Выходя изъ кареты, я началъ съ того, что у самаго подъѣзда попалъ въ лужу и забрызгалъ грязью сапоги; потомъ, идя по узкой и крутой лѣстницѣ, чуть было не сломилъ себѣ шеи. Въ передней, на деревянныхъ скамьяхъ, сидѣло человѣкъ двадцать слугъ: одни дремали, другіе вполголоса разговаривали межъ собою. Въ одномъ углу играли въ шашки, въ другомъ двое слугъ лупили третьяго немилосердно по носу засаленными картами. Мой приходъ прервалъ эти мирныя занятія; всѣ вскочили съ своихъ мѣстъ... Господи!.. Гдѣ я? Не въ Муромскомъ ли лѣсу?.. Что за пьяныя, небритыя рожи! У этого подбитые глаза вовсе заплыли отъ перепоя, у другого изорванный сюртучишка надѣтъ безъ жалета, у третьяго волосы торчатъ на головѣ какъ щетина, у четвертаго все лицо на сторону... На стѣнахъ висятъ ружья, пистолеты, охотничьи ножи... Ахъ! батюшки! да это, ни дать ни взять, разбойничья пристань! Я не совсѣмъ еще опомнился отъ удивленія, какъ вдругъ изъ этой толпы одинъ оборванный парень бросился мнѣ прямо подъ ноги, а двое

другихъ кинулись на меня съ такимъ остервенѣніемъ, что сердце мое замерло отъ ужаса; я хотѣлъ закричать караулъ, но не успѣлъ: въ одну секунду съ меня сорвали шинель и вычистили мнѣ сапоги.—Дома ли Кузьма Петровичъ? — спросилъ я трепещущимъ голо сомъ.

— Ступай, Фомка, доложи! — прошепталъ одинъ слуга другому.

— Ступай самъ!

— Да пошелъ же, тебѣ говорятъ!

— Вотъ я васъ!—закричалъ старикъ лѣтъ шестидесяти съ толстымъ брюхомъ, въ нѣмецкомъ поношенномъ кафтанѣ и въ бумажныхъ, заштопанныхъ чулкахъ.—Что вы копаться чтоль хотите? Бѣги доложить хоть ты, Андрюшка... Ну что сталъ? Пошелъ! Эти послѣднія слова были произнесены такимъ строгимъ голосомъ, что Андрюшка бросился какъ бѣшеный, столкнулся со мною въ дверяхъ и сшибъ меня съ ногъ. Въ лакейской раздался громкій крикъ, и почти всѣ остальные слуги кинулись на меня, какъ разъяренные львы.—«Ну»!—подумалъ я,—«пришелъ мой послѣдній часъ! Не вставать мнѣ живому!» Однакожъ, слава Богу, всѣ ребра мои остались цѣлы. Меня схватили, подбросили кверху, поймали на воздухѣ и поставили на ноги благополучно; только одинъ изъ слугъ, вѣроятно портной, оцарапалъ мнѣ щеку иглою, которая была у него заткнута въ рукавѣ. — Пожалуйте - съ! — закричалъ Андрюшка, распахнувъ настежъ двери столовой. Выходя изъ этого разбойничьяго вертепа, я оглянулся назадъ; въ толпѣ слугъ стоялъ мой вѣрный Никаноръ съ своимъ беззаботнымъ и добродушнымъ лицомъ.—Боже мой! — прошепталъ я невольно: — что-то съ нимъ будетъ? Убьютъ они его до смерти!

Хозяинъ встрѣтилъ меня въ гостиной. Онъ показался мнѣ съ перваго взгляда человѣкомъ ласковымъ, добродушнымъ—въ этомъ я не ошибся—и весьма простымъ, что также черезъ нѣсколько минутъ оказалось совершенно справедливымъ. Впослѣдствіи я познако-

мился очень коротко съ Кузьмой Петровичемъ: онъ принадлежалъ къ этому довольно многочисленному разряду полу-богатыхъ, полу-просвѣщенныхъ и полу-знатныхъ русскихъ дворянъ, которые, чтобъ не отставать отъ своей *братіи* вельможъ, *топорщатся*, *пыхтятъ и надуваются* точь, въ точь какъ въ баснѣ Крылова лягушка, желающая сравниться съ быкомъ и точно такъ же, какъ она, всегда кончаютъ тѣмъ, что лопаются съ натуги. Ему по наслѣдству досталось чистыхъ полторы тысячи душъ и полмилліона наличными деньгами. Деньги онъ убилъ какъ разъ, а души заложилъ въ Опекунскій Совѣтъ, вовсе не думая о томъ, что, не заплатя долга, ему нельзя будетъ снова заложить свое имѣнье. Весьма натурально, что человѣкъ просвѣщенный и богатый заводитъ большую библіотеку, картинную галлерею, и, если можетъ, содержитъ свой собственный оркестръ; вѣроятно, онъ это дѣлаетъ потому, что любитъ словесность и всѣ изящныя художества; Кузьма Петровичъ, совершенно наоборотъ, полагалъ себя обязаннымъ покровительствовать всѣмъ талантамъ, любить музыку, живопись, заниматься словесностію и даже писать стихи, потому что у него была большая библіотека, картинная галлерея и свой собственный оркестръ. По женѣ своей онъ былъ въ дальнемъ родствѣ съ двумя-тремя вельможами; они смѣялись надъ нимъ, говорили ему: «mon cousin» и изрѣдка у него обѣдали, такъ диво ли, что Кузьма Петровичъ помѣшался на знатности? Люди и поумнѣй его сходятъ отъ этого съ ума. Когда онъ читалъ какого-нибудь французскаго философа, возстающаго противъ аристократовъ, то говорилъ всегда: «толкуйте себѣ, господа, толкуйте! а *мы* необходимы». Его страсть называть себя вельможею дошла, наконецъ, до того, что всѣ слуги затвердили наизусть это слово и употребляли его иногда весьма забавнымъ образомъ. Однажды очень умный человѣкъ, отъ котораго я самъ это слышалъ, пріѣхалъ къ нему съ визитомъ. «Дома ли баринъ?» — спросилъ онъ въ передней у дворецкаго.

— Никакъ нѣтъ, сударь: *она* изволила уѣхать въ деревню.

— Она?.. Да ты вѣрно не слышалъ, о комъ я тебя спрашиваю?

— Слышалъ, сударь! О его превосходительствѣ Кузьмѣ Петровичѣ.

— Такъ чтожъ ты говоришь: *она изволила* уѣхать?

— Да какъ же-съ? Вѣдь *она* вельможа.

— Se non e vero ben trovato!—скажутъ мои читатели. Клянусь честію, это истинная правда, такъ же какъ и то, что я буду имѣть честь разсказать вамъ сію минуту.

— Очень радъ, Владиміръ Сергѣевичъ, что имѣю удовольствіе съ вами познакомиться!—сказалъ Кузьма Петровичъ, протягивая ко мнѣ руку.—Моя свояченица, княгиня Любская, пишетъ, что вы пробудете въ Москвѣ около мѣсяца.

— Едва ли.

— И, полноте! Поживите у насъ подолѣе. Да прошу покорно садиться! Я сейчасъ буду имѣть честь представить васъ моимъ дамамъ,—продолжалъ Кузьма Петровичъ, когда мы усѣлись на диванъ.—Онѣ еще не кончили своего туалета. Мы обыкновенно обѣдаемъ часу въ пятомъ, такъ теперь еще у насъ утро.

Я невольно взглянулъ на бронзовые часы, которые стояли надъ каминомъ: стрѣлка показывала три часа съ половиною.

— Вы вѣрно смотрите на эту картину, что виситъ подлѣ камина?—сказалъ хозяинъ.

Чтобъ не вовсе солгать, я только что кивнулъ головою.

— Хорошая картина,—продолжалъ Кузьма Петровичъ.—Мнѣ она досталась въ мѣняльной лавкѣ за бездѣлицу: я далъ за нее двѣ золотыя табакерки, рублей въ шестьсотъ, да старыя бриліантовыя серьги. Я думаю, вы съ перваго взгляда узнали, что это Ванъ-Дикъ? Посмотрите, какая жизнь въ лицѣ! Не правда

ли? Выньте эту картину изъ рамы—и вы съ нею заговорите.

Я опять и по той же самой причинѣ кивнулъ только головою.

— Вы вѣрно знатокъ, Владиміръ Сергѣевичъ?

— Извините! Я только что люблю хорошія картины.

— А если любите, такъ не угодно ли взглянуть на мою галлерею!.. Милости прошу!

Я пошелъ вслѣдъ за хозяиномъ. Изъ столовой мы вошли въ узкую и продолговатую залу. Въ ней на запачканныхъ стѣнахъ висѣло картинъ пятьдесятъ, подлинно диковинныхъ! Изъ числа ихъ было однакожъ нѣсколько картинъ недурныхъ. Я остановился противъ одного пейзажа: вода, воздухъ, зелень—все было въ немъ изображено и вѣрно и хорошо.

— Эта картина не стоитъ вашего вниманія,—сказалъ хозяинъ.—Я, право, не знаю, какъ она сюда попала. Это копія.

— Можетъ быть, только весьма недурная. Посмотрите, какъ хороша эта даль, какъ вѣренъ этотъ воздухъ, какъ свѣжа эта зелень...

— Ну да, конечно—свѣтло, зелено, un plat d'èpinards! Самая ученическая работа!.. Не угодно ли вамъ сюда? У меня, батюшка, Владиміръ Сергѣевичъ, надписей на рамахъ нѣтъ: мои картины сами за себя говорятъ... Вотъ настоящій Корреджій; я купилъ его въ Римѣ... Подлѣ него Андрей дель-Сарто; а объ этой картинѣ, кажется, и говорить ничего—манера Гвидо-Рени такъ всѣмъ извѣстна. Вотъ чудный Басано! Посмотрите, какъ онъ сохранился!.. Вы вѣрно думаете, что это Вуверманъ? Нѣтъ, это Рубенсъ. Онъ во всю жизнь свою написалъ только одну картину въ этомъ родѣ. А это, какъ вы полагаете, что такое?

— Право, не знаю.

— Настоящій, подлинный Эспаньіолетъ. Вамъ извѣстно, какъ рѣдки картины испанской школы. Ужъ я за ней волочился, волочился!.. Что вы скажете объ этомъ Тѣньерѣ?.. А этотъ Вандервервъ? Я купилъ ихъ

обоихъ въ Амстердамѣ за пятьсотъ червонныхъ—даромъ!

У меня заболѣла шея отъ безпрестаннаго киванья головою. Съ полчаса хозяинъ гонялъ меня сквозь строй по своей картинной галлереѣ; наконецъ, когда мы пересмотрѣли поодиночкѣ всѣхъ этихъ самозванцевъ, Кузьма Петровичъ сѣлъ на стулъ, посадилъ меня возлѣ себя и сказалъ торжественнымъ голосомъ:—«Теперь я покажу вамъ послѣднюю мою покупку. Эй, Ванька!»

У дверей появился плѣшивый старикъ съ заспанными глазами и длиннымъ носомъ, на которомъ замѣтны были слѣды весьма упругихъ очковъ; его коричневый сюртукъ, замаранный во многихъ мѣстахъ разноцвѣтной краскою, ясно гласилъ, что я вижу передъ собой одного изъ домашнихъ артистовъ Кузьмы Петровича Кукушкина.

— Принеси-ка, братецъ, сюда, да, смотри, бережненько,—сказалъ хозяинъ,—эти двѣ картины, что я купилъ на аукціонѣ.

Доморощенный артистъ поклонился и вышелъ вонъ.

— Надобно вамъ разсказать,—продолжалъ Кукушкинъ,—какъ это случилось. Подлинно правда: на ловца и звѣрь бѣжитъ. Представьте себѣ: третьяго дня я заѣхалъ на публичный аукціонъ—такъ, отъ нечего дѣлать; гляжу, продаютъ картины. Ну, это по нашей части; посмотримъ, что такое?—Плохія копіи, нѣсколько оригиналовъ, писанныхъ Богъ знаетъ кѣмъ, однимъ словомъ—дрянь. Только что я хотѣлъ отправиться домой, выносятъ двѣ картины; глядь на ту, которая побольше... Ба, ба, ба!.. Кисть знакомая... Что за вздоръ! Протираю глаза... Смотрю... да! такъ точно! Одинъ изъ лучшихъ пейзажей Пуссеня!.. Другая картина также оригиналъ необычайнаго достоинства. Вотъ я, батюшка, себѣ на умѣ, притаился—молчу, какъ будто бы ничего; посматриваю по сторонамъ, а самого вотъ такъ варомъ и обдаетъ!.. Послушаемъ оцѣнку: за обѣ картины сто рублей! А, сударь? Каково вамъ покажется?—Сто рублей! Посмотримъ,

что будетъ... Всѣ молчатъ, и я молчу. Вотъ кто-то позади закричалъ «рубль»! а я пятьдесятъ; онъ опять рубль, а я сто; онъ опять рубль, а я двѣсти! Не отстаетъ проклятый! И добро бы знатокъ какой-нибудь, а то, чортъ знаетъ, кто такой! Какой-то лоскутникъ, аферистъ... Видно догадался, что я недаромъ набиваю цѣну, или хозяинъ аукціона растолковалъ ему достоинство этихъ картинъ: я самъ видѣлъ, какъ они послѣ перешептывались. Вотъ, сударь, пошло за тысячу,—тысяча двѣсти,—тысяча триста,—не за мной! Я наддаю вдругъ пять сотъ: разъ, два—стукъ!.. мои!.. Фу, батюшки! такъ и отлегло отъ сердца! Повѣрите ли, Владиміръ Сергѣевичъ, я вошелъ въ такой азартъ, что хоть до ножей; и еслибъ этотъ аферистъ былъ понастойчивѣе, у насъ пошла бы такая рѣзня, что Боже упаси!.. А! вотъ онѣ!.. несутъ!. Тише, Ванька, тише! Не зацѣпи въ дверяхъ.

Лысый Ванька придвинулъ къ намъ два стула, поставилъ на каждый по картинѣ, задернутой зеленой тафтою, и съ низкимъ поклономъ подалъ своему барину метелку изъ перьевъ. Кузьма Петровичъ началъ съ той картины, которая была гораздо болѣе; онъ отдернулъ занавѣску, махнулъ по картинѣ своей метелкою и, взглянувъ на меня съ гордостію, сказалъ:—Что сударь?.. а?.. Есть ли этакій Пуссенъ въ Эрмитажѣ.

Господи Боже мой, что это!.. Вода молочнаго цвѣта, зеленоватое небо, черные листья на деревьяхъ; сатиръ, который потому только не вовсе походитъ на пенекъ, что у него козлиныя ноги; и вмѣсто нимфъ какіе-то тараканы. Чтожъ это, въ самомъ дѣлѣ? Ужъ не дурачитъ ли меня господинъ Кукушкинъ? Нѣтъ! добродушное лицо Кузьмы Петровича сіяетъ такою радостью, онъ такъ счастливъ, такъ доволенъ своей покупкою!..

— Теперь извольте взглянуть на эту!—сказалъ хозяинъ, отдернувъ занавѣску другой картины и обмахнувъ ее метелкою.—Что, сударь? Я вижу, вы поражены необычайнымъ достоинствомъ этого геніальнаго произведенія,—продолжалъ Кукушкинъ, замѣтивъ мое

удивленіе.—Посмотрите, какъ группированы эти музы около Апполона! Какая широкая кисть! Какой колоритъ!.. Чудо! Что это оригинальная картина лучшаго времени италіянской школы, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія; да только чья? Вотъ тутъ-то и запятая! Утвердительно и я сказать не могу, а крѣпко подозрѣваю, что она должна быть Аннибала Караччіо.

— Позвольте!—прервалъ я, взявъ въ руки эту картину, которая возбуждала и во мнѣ сильное подозрѣніе. Я повернулъ ее къ себѣ изнанкою.

— Не смотрите! — сказалъ Кукушкинъ, — надписи никакой нѣтъ. Но я искалъ не надписи: мнѣ показалось, что въ одномъ мѣстѣ какъ будто бы бумага чуть-чуть поотстала отъ холстины... Ну, такъ и есть! я не ошибся. Это гравированный эстампъ, наклеенный на холстину, размалеванный масляной краской и покрытый лакомъ!!! Вы не вѣрите? Эхъ, любезные читатели! да если-бъ дѣло пошло на выдумки, такъ я придумалъ бы что-нибудь и забавнѣе и вѣроподобнѣе этого. Повѣрьте мнѣ, нѣтъ такого сумазбродства, такой очевидной глупости, къ которой не былъ бы способенъ человѣкъ недальняго ума, если онъ прикидывается знатокомъ. Слушая безцвѣтную, ледяную музыку, онъ будетъ таять отъ восторга, заплатитъ тысячу рублей за грошевую картину и станетъ плакать отъ умиленія, повторяя какой-нибудь пошлый стихъ моднаго поэта. Онъ думаетъ этимъ доказать, что вполнѣ постигаетъ непостижимое для невѣжественной толпы; что онъ открываетъ небесныя красоты тамъ, гдѣ люди обыкновенные видятъ одну нескладицу, безобразіе и пустой наборъ словъ; что онъ, однимъ словомъ, записной, отъявленный знатокъ. Просвѣщенные и безпристрастные цѣнители дарованій находка для художника-писателя; но они очень рѣдки. Зато ужъ сколько почтенныхъ Кукушкиныхъ, отъ которыхъ да избавитъ васъ Господь Богъ, любезные читатели, какъ отъ нашествія иноплеменныхъ, язвы, огня и потопа.

Разумѣется, я не сообщилъ моего открытія Кузьмѣ

Петровичу, который, посмотрѣвъ нѣсколько минутъ на эту картину, воскликнулъ:—Да, да! это точно долженъ быть Аннибалъ Караччіо! Рисунокъ, манера, драпировка—все его! Я подозрѣваю только, что деревья писаны не имъ, а ученикомъ его, Албаномъ. Не правда ли?

Я кивнулъ головою, которая отъ безпрестаннаго движенія насилу держалась у меня на плечахъ.

— Марья Ивановна проситъ васъ въ гостиную,— проговорилъ довольно опрятно одѣтый мальчикъ, войдя въ галлерею.

— Пойдемте, Владиміръ Сергѣевичъ,—сказалъ Кукушкинъ, вставая. — Жена и племянница нетерпѣливо желаютъ съ вами познакомиться. Княгиня, моя свояченица, такъ много объ васъ пишетъ. Пойдемте, пойдемте!

Кузьма Петровичъ представилъ меня сначала женѣ, женщинѣ пожилой, но довольно еще свѣжей.—А вотъ моя племянница или, лучше сказать, дочь, — сказалъ онъ, подводя меня къ дѣвицѣ лѣтъ девятнадцати. Когда я поцѣловалъ ея бѣлую, прелестную ручку (тогда было еще въ обычаѣ *подходить къ рукѣ*), то, Богъ знаетъ отчего, вовсе растерялся, съ трудомъ могъ выговорить два-три слова, и сказалъ совсѣмъ не то̀, что хотѣлъ сказать. Вы вѣрно подумаете, что она поразила меня своей красотою? Нимало! Я видалъ женщинъ несравненно ея лучше, по крайней мѣрѣ такъ показалось мнѣ съ перваго взгляда; сначала я не замѣтилъ даже, что у нея прекрасные голубые глаза съ черными рѣсницами, прелестный ротикъ, жемчужные зубы,—все это я разсмотрѣлъ уже послѣ.

— Да, Владиміръ Сергѣевичъ, — продолжалъ Кукушкинъ,—ее зовутъ Софьей Николаевной Ладогиной, а меня Кузьмой Петровичемъ Кукушкинымъ; и она все-таки мнѣ не племянница, а дочь. Я думаю, вы часто объ ней слыхали отъ свояченицы моей, княгини Любской?

— Какъ же!—прошепталъ я;—а въ самомъ-то дѣлѣ

эта Любская, у которой я бывалъ изъ году въ годъ, никогда мнѣ объ ней не говорила.

— Если вы слышали отъ моей свояченицы, что Сонюшка круглая сирота, что у ней нѣтъ ни отца, ни матери, такъ не вѣрьте этому. Не правда ли, мой другъ?

Софья Николаевна улыбнулась. Боже мой! ну можно ли этакъ улыбаться!.. Отъ этой улыбки сошли бы съ ума всѣ греческіе софисты, стоики и мудрецы; а тотъ изъ нихъ, который осмѣлился назвать человѣка, слѣдовательно и женщину, двуногимъ животнымъ безъ перьевъ, непремѣнно бы удавился отъ отчаянія, что сказалъ такую нелѣпость.

Хозяйка посадила меня подлѣ себя на диванѣ. Марья Ивановна Кукушкина, — дай Богъ ей царство небесное! — была женщина добрая, привѣтливая, но такая говорунья, что упаси, Господи! Она болтала безпрерывно днемъ, бредила безпрестанно ночью, и каждый день давилась за обѣдомъ, потому что хотѣла и ѣсть и говорить въ одно время. Я всегда любилъ наблюдать, съ какимъ неподражаемымъ искусствомъ она переходила отъ одного предмета къ другому, съ какой необычайной ловкостію пользовалась всѣмъ, чтобъ сбить васъ съ поля, завладѣть мѣстомъ сраженія и уничтожить всякую попытку съ вашей стороны сдѣлать изъ ея безконечнаго *монолога*, хотя что-нибудь похожее на разговоръ. Если вы чихнете или остановитесь, чтобъ перевести духъ, она уже и тутъ; а если закашляетесь, такъ дѣло и съ концемъ. Слушайте себѣ или не слушайте, все равно, а ваша рѣчь впереди. Съ своими домашними она была нѣсколько великодушнѣе, и дозволяла имъ иногда говорить съ собою, вѣроятно, потому, что ужъ все съ ними переговорила; а я былъ для нея человѣкъ совершенно свѣжій, непочатый, такъ вы можете себѣ представить, какая разразилась надо мной словесная буря. Съ полчаса уже продолжался ея монологъ. Кузьма Петровичъ зѣвалъ, нюхалъ табакъ и посматривалъ съ умиленіемъ на своего Вандика;

Софья Николаевна молча перебирала шнурки своего ридикюля, а я во все это время изъ вѣжливости глядѣлъ прямо въ глаза Марьѣ Ивановнѣ; потомъ сталъ понемногу коситься и посматривать изъ-подлобья на племянницу, сначала украдкою, а тамъ безъ всякаго зазрѣнья совѣсти. Вдругъ ужасный визгъ и фырканье раздались въ сосѣдней комнатѣ.—Что это?—вскричала Марья Ивановна, вскочивъ съ дивана.—Вѣрно опять Азоръ подрался съ Алиною!.. Негодная, вотъ я ее!..

Лишь только Марья Ивановна вышла изъ гостиной, собачій визгъ прекратился; но вмѣсто него началось такое отвратительное мяуканье, такой отчаянный кошачій вопль, что мы всѣ должны были заткнуть себѣ уши. Пока продолжалась эта экзекуція, я успѣлъ собраться съ духомъ и рѣшился заговорить съ Софьей Николаевной.

— Позвольте васъ спросить,—сказалъ я,—вы бывали когда-нибудь въ Петербургѣ?

— Нѣсколько разъ. Мы съ тетушкой были тамъ прошлаго мѣсяца.

— Боже мой!—подумалъ я,—этотъ голосъ...

— А вы вѣрно,—продолжала Софья Николаевна,—всегдашній петербургскій житель?

Ахъ, какъ забилось мое сердце!.. Такъ точно, это она!.. Она — и прекрасна какъ ангелъ! Софья Николаевна повторила свой вопросъ.

— Да-съ!—прошепталъ я какъ школьникъ, который не знаетъ своего урока.—Прежде-съ я былъ петербургскимъ жителемъ, а теперь...

— А теперь сдѣлайтесь-ка нашимъ братомъ москвичемъ,—прервалъ Кузьма Петровичъ.—Право такъ, Владиміръ Сергѣевичъ! Вѣдь у насъ здѣсь рай земной!

— О, вы совершенно правы — здѣсь, точно, рай земной!—сказалъ я съ такимъ восторгомъ, что Софья Николаевна вдругъ вспыхнула и стала еще прекраснѣе. Въ эту минуту я отдалъ бы все на свѣтѣ,—за что вы думаете?.. за одно позволеніе сказать ей, что я во всю жизнь не видалъ ничего небеснѣе, ничего об-

ворожительнѣе ея темно-голубыхъ глазъ, алыхъ щечекъ и опущенныхъ книзу черныхъ рѣсницъ.

Марья Ивановна вошла опять въ гостиную. Она держала въ своихъ объятіяхъ какое-то безобразное, толстое чудовище, похожее на моську.—Представьте себѣ!—сказала она,—какъ эта скверная кошка изувѣчила Азора! Посмотри, Кузьма Петровичъ!

— Бѣдный Азоръ!—вскричалъ Кукушкинъ.—Онъ весь исцарапанъ! Голубчикъ ты мой!.. Да и ты, Марья Ивановна, хочешь, чтобъ кошка съ собакою жили дружно!

— Какой прекрасный мопсъ!—сказалъ я.

— Не правда-ли, Влядимірѣ Сергѣевичъ?—подхватила Марья Ивановна. — Я вамъ разскажу, какимъ страннымъ случаемъ онъ ко мнѣ попался. Княгиня Анна Петровна Зарѣцкая... Вы знаете ее?.. Да вѣрно знаете, хоть по наслышкѣ: ея жизнь настоящій романъ. Она по третьему году осталась сиротой. Отецъ ея, Петръ Ивановичъ Выдыбаевъ... Слыхали вы о немъ?.. Вотъ былъ странный человѣкъ!.. Представьте себѣ, однажды онъ былъ еще тогда холостымъ...

Къ счастію, моська, которая до того только что хрипѣла, вдругъ начала снова визжать; тетушка занялась ею, и я могъ опять заговорить съ племянницею.

— Я совершенно очарованъ вашей Москвою,—сказалъ я.—Какой оригинальный городъ! Какіе прелестные виды! И сколько прекрасныхъ садовъ! А чей это садъ на Дѣвичьемъ полѣ, въ которомъ вы вчера гуляли?

Софья Николаевна посмотрѣла на меня съ удивленіемъ.

— Онъ не великъ,—продолжалъ я,—но очень милъ! Вы вѣрно тамъ часто бываете?

— Да-съ, это правда; но почему вы знаете?..

— Я колдунъ. Вы были тамъ вмѣстѣ съ вашей тетушкой и одной изъ вашихъ пріятельницъ: ее зовутъ Любовью.

— Это правда! Да почему же вы знаете.

— Я вамъ говорю, что я колдунъ. Вы гуляли недолго, а успѣли потерять ваши перчатки.

— И это правда! Да, точно! Я потеряла мои перчатки...

— А я нашелъ ихъ.

— Ахъ, Боже мой! Такъ это были вы? Тетушка, слышите?

— Слышу, матушка, слышу!.. Такъ это мы васъ, Владиміръ Сергѣевичъ, спасли отъ голодной смерти?..

И тетка и племянница обѣ засмѣялись.

— Такъ это вы?—закричалъ Кукушкинъ.—Да какъ вы ухитрились заплутаться въ этомъ лабиринтишкѣ?.. Прошу покорно! А я не хотѣлъ имъ вѣрить.

— Скажите, какой странный случай! — прервала Марья Ивановна.—Вотъ точно также прошлаго года...

— Но почему же вы меня узнали? — спросила Софья Николаевна.—Вѣдь вы насъ не видѣли.

— Я слышалъ вашъ голосъ.

— Да развѣ можно узнать по голосу?

— Почему же нѣтъ, мой другъ? — подхватила тетка.—Я помню, лѣтъ двадцать тому назадъ, — это было на масленицѣ въ маскарадѣ у графини Знатовой...

— Ѳедосья Юрьевна Костоломова съ сестрицею!— прокричалъ слуга, войдя въ гостиную.

— Проси!—сказалъ Кукушкинъ. — Да кушать давать!

Черезъ минуту, вошли двѣ пожилыя барыни, и лишь только хозяйка усадила ихъ возлѣ себя на диванѣ, то я сейчасъ увидѣлъ, что ей придется худо. Ну, язычки! Онѣ не дали опомниться Марьѣ Ивановнѣ, пристали къ ней, впились въ нее, начали передавать ее другъ другу, хватали налету каждое слово, и, наконецъ, до того ее затрепали, что она и руки опустила. Черезъ нѣсколько минутъ тотъ же слуга доложилъ, что пріѣхала Агриппина Карповна Морганцева съ племянницею. Наружность этой Морганцевой мнѣ очень не понравилась. Я видѣлъ ее въ первый разъ, но готовъ былъ побиться объ закладъ, что она зла,

глупа, упряма, что она таскаетъ за волосы своихъ дѣвокъ, бьетъ по щекамъ слугъ, и круглый годъ сокрушаетъ ихъ плоть строгимъ постомъ и воздержаніемъ. За то племянница, стройная барышня, лѣтъ восемнадцати, несмотря на грустное выраженіе лица своего, показалась мнѣ очень миловидною. Софья Николаевна встрѣтила ее съ большимъ изъявленіемъ дружбы; онѣ начали шептаться межъ собою. Кажется, рѣчь шла обо мнѣ, по крайней мѣрѣ вновь пріѣхавшая гостья безпрестанно поглядывала на меня украдкою; и когда Софья Николаевна назвала ее Любовью, то мнѣ нетрудно было догадаться, что это та самая пріятельница, которая гуляла съ нею наканунѣ. Межъ тѣмъ тетка ея сдѣлала сильную диверсію въ пользу хозяйки: она заняла разговоромъ старшую сестрицу Костоломову; другая, оставшись одна противъ хозяйки, не могла долго выдерживать ея сильныхъ натисковъ. Раза два пыталась она возстановить равновѣсіе, но напрасно: бой былъ неровный; къ тому-жъ она имѣла несчастіе поперхнуться. Опытная Марья Ивановна тотчасъ этимъ воспользовалась и напала съ такимъ ожесточеніемъ на свою соперницу, что въ одну минуту смяла, втоптала ее въ грязь и заговорила до смерти.

Когда насъ позвали обѣдать, я увидѣлъ въ столовой еще новое лицо. Кузьма Петровичъ, указывая мнѣ на худощаваго старика, который поклонился ему съ большимъ подобострастіемъ, сказалъ: — Рекомендую вамъ Алексѣя Андреевича Мордоченко; это мой капельмейстеръ. Мастеръ своего дѣла! дайте ему, сударь, мужика изъ-подъ сохи, черезъ два мѣсяца онъ у него заиграетъ на чемъ угодно; а черезъ годъ кладите передъ нимъ Бетховена и Моцарта: начнетъ такъ помахивать, что только держись! Что и говорить! золотой человѣкъ Алексѣй Андреевичъ Мордоченко!.. золотой!

Я смотрѣлъ съ любопытствомъ на этого золотого человѣка, по милости котораго наши русскіе мужички

такъ легко знакомились съ Бетховеномъ и Моцартомъ. Представьте себѣ олицетворенное смиреніе и кротость въ видѣ худощаваго старичка въ рыжеватомъ парикѣ и вишневомъ нѣмецкомъ кафтанѣ; онъ держалъ себя въ струнѣ передъ Кузьмою Петровичемъ и, помѣстясь съ нами за столъ, не сѣлъ, а какъ-то прилѣпился къ кончику стула. Хозяинъ посадилъ меня подлѣ себя и такъ далеко отъ своей племянницы, что я во весь обѣдъ не могъ перемолвить съ ней ни слова. — Какъ жаль, Владиміръ Сергѣевичъ, — сказалъ Кукушкинъ, продолжая говорить о своей музыкѣ,—что я не могу васъ подчивать моимъ оркестромъ: я отправилъ всѣхъ музыкантовъ въ подмосковную; мы сами скоро ѣдемъ, да и къ тому же — что грѣхъ таить! моя первая скрипка, фаготистъ, второй кларнетъ и одна волторна зашалились! Что будешь дѣлать? Москва не деревня: на каждой улицѣ трактиръ, такъ, какъ за этими пострѣлами усмотришь? А жаль, право жаль, что они въ подмосковной!.. Впрочемъ, чтожъ такое? Вѣдь она не за горами: восемь часовъ ѣзды—прогулка; вы же человѣкъ совершенно свободный. Милости просимъ! Да этакъ, знаете, недѣльки на двѣ, на три. Что вамъ за радость теперь въ Москвѣ-то пыль глотать? Конечно, вамъ, столичному жителю, ѣхать недѣли на двѣ въ деревню къ какому-нибудь мелкому дворянчику, страшно! Я испыталъ это на себѣ: накормятъ васъ чортъ знаетъ чѣмъ, напоятъ жиденькимъ чайкомъ съ домашнимъ *папушникомъ*, положатъ спать въ какой-нибудь бесѣдкѣ или передбанникѣ... А претензій-то сколько! Господи Боже мой! Ты желаешь остаться одинъ, уйдешь себѣ въ комнату, а хозяинъ тутъ какъ тутъ! Какъ же! вѣдь надобно занимать гостя. Хочешь выкурить трубку табаку—нельзя! барыня встала и проситъ къ себѣ въ гостиную. Погода прекрасная, сбираешься итти гулять — какъ бы не такъ! Прошу сидѣть въ душной комнатѣ, да не угодно ли по грошу въ лото! Нѣтъ, сударь, у меня не такъ! Свобода полная во всемъ: дѣлайте, что вамъ угодно, занимайтесь чѣмъ

хотите: вы не въ гостяхъ, вы у себя дома. Вамъ скучно — мы пожалѣемъ, а удерживать не станемъ; полюбится — живите все лѣто. А мѣсто-то какое, батюшки, мѣсто! На Клязьмѣ, за двадцать верстъ кругомъ видно! Ну что, Владиміръ Сергѣевичъ, такъ ли? По рукамъ!

Разумѣется, я принялъ съ благодарностію предложеніе добраго Кукушкина. Въ деревнѣ всѣ барыни любятъ хозяйничать, такъ вѣрно ужъ тетушка примется варенье варить, заготовлять брусничную и смородинную воду, дѣлать различныя наливки; слѣдовательно не станетъ меня мучить съ утра до вечера своей болтовнею и не помѣшаетъ мнѣ познакомиться короче съ ея племянницею. Жить подъ одной кровлей съ Софьей Николаевной, каждый день, по крайней мѣрѣ каждый день, гулять въ лѣсу, ходить по полямъ, въ лунную ночь, кататься на шлюпкѣ по рѣкѣ, изрѣдка любоваться солнечнымъ восходомъ, и все это вмѣстѣ съ нею!.. Да это не жизнь, а рай земной!.. Рѣшено— ѣду! Непремѣнно ѣду!.. Не тотчасъ вслѣдъ за ними— это можетъ показаться нѣсколько страннымъ, а такъ черезъ недѣлю; и проживу у нихъ... ну что-жъ?.. двѣ... три недѣли... цѣлый мѣсяцъ... А моя поѣздка въ Андалузію?.. Э, Боже мой! успѣю! Теперь хорошо и здѣсь, даже лучше чѣмъ въ южной Испаніи. Тамъ пріятно жить только зимою, а лѣтомъ... Не вѣрю этому англичанину. Не можетъ быть, чтобъ тамъ не задыхались отъ жару!

Все это я думалъ, слушая или, лучше сказать, не слушая предлинную дессертацію Кузьмы Петровича о достоинствѣ вообще всѣхъ рейнскихъ винъ, а въ особенности знаменитаго *штейнъ-вейна*, которое подали намъ передъ десертомъ. — Да-съ! — продолжалъ онъ, наливая мнѣ вторую рюмку. — Да-съ! Про это винцо потолковать можно: оно досталось мнѣ отъ дѣдушки. Каковъ, сударь, букетъ?.. а?.. Истинно бальзамъ небесный?.. Мой родственникъ, князь Иванъ Залуцкій, умиралъ отъ разслабленія желудка; послалъ я къ нему

полдюжины бутылочекъ; чтожъ вы думаете?.. Ожилъ, сударь, ожилъ! Съ недѣлю тому назадъ, онъ у меня обѣдалъ, да такъ ѣлъ, что дай Богъ всякому: цѣлое баранье плечо съ начинкою одинъ изволилъ скушать!

Мы отобѣдали ровно въ шесть часовъ. Марья Ивановна велѣла подать карты и предложила мнѣ сѣсть въ бостонъ съ нею, съ Агриппиной Карповной Морганцевой и съ одной изъ Костоломовыхъ, которыя никогда не играли вмѣстѣ. Я отказался, надѣясь, что хозяинъ сядетъ вмѣсто меня и мнѣ можно будетъ поговорить съ Софьей Николаевной; но я ошибся въ расчетѣ: Кузьма Петровичъ не сѣлъ, а подалъ карточку своему капельмейстеру.

— Нѣтъ ужъ, ваше превосходительство, увольте!— сказалъ Мордоченко съ низкимъ поклономъ.

— Что ты, батюшка, Алексѣй Андреевичъ!—вскричала Марья Ивановна. — Помилуй! что съ тобою сдѣлалось?..

— Не могу, ваше превосходительство! Право не могу!

— Да вѣдь ты всегда играешь съ нами, когда нѣтъ четвертаго?

— Я всѣ эти дни игралъ такъ несчастливо.

— Отыграешься, любезный!—прервалъ хозяинъ.

— Нѣтъ ужъ, Кузьма Петровичъ, сдѣлайте милость!

— Экій ты, братецъ, какой? Ну, такъ садись за меня.

— Воля ваша, не могу.

— Да что ты, любезный, рехнулся что-ль въ самомъ дѣлѣ?

— Почти, ваше превосходительство.

— Что ты, братецъ, что ты!

— Осмѣлюсь доложить,—продолжалъ Мордоченко съ такой несчастной миною, что жалко было на него смотрѣть, — со мною что-то дѣлается неловкое; вотъ ужъ пятый вечеръ я играю пули по три сряду въ бостонъ—совсѣмъ ошалѣлъ! Въ головѣ такая безпоря-

дица: взятки, увертюры, ремизы, симфоніи, все такъ перемѣшалось!.. Возьму въ руки партицію — вмѣсто нотъ двойки да тройки... По ночамъ сна вовсе нѣтъ; а лишь только вздремну, такъ мнѣ чудится, что я пиковый валетъ: такъ сердце и замретъ! Ужъ я жмусь, жмусь!.. Мечусь во всѣ стороны, того и гляжу, что меня тузомъ покроютъ!.. Нѣтъ, ваше превосходительство, увольте! Бога ради, увольте!

Всѣ засмѣялись, и я также вмѣстѣ съ другими; но только смѣхъ мой скоро прошелъ: Кузьма Петровичъ, уволилъ отъ бостона своего капельмейстера, приказалъ племянницѣ взять карточку. — Садись, мой другъ, за меня,—сказалъ онъ.—Проиграешь—я плачу; а выиграешь—все твое. Вы себѣ здѣсь козыряйте, а мы съ Владиміромъ Сергѣевичемъ пойдемъ въ кабинетъ. Я хочу передъ нимъ похвастаться моей библіотекою. Милости прошу! Да не прикажете ли трубочку табаку?

— Я не курю.

— Такъ позвольте мнѣ выкурить. Пойдемте, Владиміръ Сергѣевичъ.

Дѣлать было нечего; я не-хотя, а пошелъ за Кузьмой Петровичемъ. Его кабинетъ въ самомъ дѣлѣ заслуживалъ вниманія: большая коллекція медалей, минералогическій кабинетъ, собраніе рѣдкостей во всѣхъ родахъ, огромная библіотека занимала пять обширныхъ комнатъ. Кузьма Петровичъ, закуривъ щегольскую пѣнковую трубку, началъ мнѣ показывать рѣдкія книги, изъ которыхъ нѣкоторыя были, дѣйствительно, весьма замѣчательны по своей древности.

— Вотъ, сударь,—сказалъ онъ, развертывая передо мною одно in folio, напечатанное готическими буквами,— это латинская библія, изданная въ 1460-мъ году подъ руководствомъ Гутенберга. Посмотрите! всѣ заглавныя буквы дѣланы отъ руки. За эту книгу дали бы въ Англіи тысячу гиней, да я то съ нею ни за что не разстанусь. Вотъ эта псалтырь, хотя моложе цѣлымъ вѣкомъ, а едва ли еще не драгоцѣннѣе. Заглавнаго ли-

ста нѣтъ, но по всѣмъ примѣтамъ надобно полагать, что она печатана знаменитымъ Фаустомъ.

— Полно, такъ ли, Кузьма Петровичъ? Фаустъ и Гутенбергъ были современники.

— Что вы, что вы, Владиміръ Сергѣевичъ! Да ужъ позвольте намъ знать: мы на этомъ стоимъ. Здѣсь, сударь, хранятся у меня древнія книги и манускрипты,— продолжалъ Кукушкинъ, подводя меня къ небольшому шкапу.—Вотъ часословъ Франциска Скорины, печатанный въ Стрѣтинѣ. Рѣдкая книга! Требникъ Петра Могилы... Ариѳметика, изданная при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ... А вотъ, Владиміръ Сергѣевичъ, преинтересная книжка! Въ ней нѣтъ ни начала, ни конца, и въ серединѣ много листовъ вырвано, а несмотря на это, она чрезвычайно любопытна! Посмотрите, какія неуклюжія, безобразныя буквы!.. Удивительно!—Дошло дѣло до рукописей. Взглянувъ мимоходомъ на полдюжины восточныхъ манускриптовъ, одинъ еврейскій талмудъ, писанный на кожѣ, и два алкорана, мы добрались, неконецъ, до русскихъ лѣтописей и духовныхъ книгъ. Тутъ Кузьма Петровичъ совершенно погрязъ въ своей заемной учености: онъ забросалъ меня техническими терминами, засыпалъ исковерканными греческими словами: Анѳологіонъ, Ирмологій, Октоихъ, Типиконъ, Хронографы, Сказанія, Временники, Космографіи. Меня начала одолѣвать дремота, и я заснулъ бы непремѣнно, еслибъ для сохраненія должнаго приличія, не кивалъ въ знакъ согласія головою всякій разъ, когда Кукушкинъ восклицалъ:—Ну, сударь, что скажете? Каковъ почеркъ? Печать двѣнадцатаго столѣтія— печать! А этотъ полууставъ какъ вамъ нравится? Не правда ли: картина, бисеръ, прелесть!.. а это скоропись... Посмотрите: вѣдь настоящій узоръ! каждая буква въ завитушкахъ... двухъ словъ не разберешь сряду... Истинные *характеры* шестнадцатаго столѣтія!

Наконецъ, Кузьма Петровичъ умилосердился, позвалъ человѣка, велѣлъ разставить по мѣстамъ всѣ вынутые фоліанты и повелъ меня назадъ въ гостиную.

Бостонъ кончился; но Софья Николаевна, вѣроятно, опасаясь, чтобъ ее не заставили играть другую пулю, ушла съ своей пріятельницей къ себѣ въ комнату. Посидѣвъ еще съ полчаса, я раскланялся и поѣхалъ домой, давъ слово Кукушкинымъ бывать у нихъ какъ можно чаще.

Кажется, не нужно говорить, что я сдержалъ мое обѣщаніе. Кукушкины прожили еще дней пять въ Москвѣ: я проводилъ у нихъ всѣ вечера, слушалъ розсказни Марьи Ивановны, любовался картинами Кузьмы Петровича, игралъ въ бостонъ съ Морганцевой, которая крала у меня фишки, и вистовалъ Костоломовой; несмотря на то, что она всегда меня топила; однимъ словомъ, чтобъ видѣть каждый день племянницу, я угождалъ не только дядюшкѣ и тетушкѣ, но даже всему ихъ обществу. Очень часто я умиралъ съ тоски; но иногда мнѣ удавалось говорить по цѣлому часу съ Софьей Николаевной. Когда игралъ въ бостонъ, она садилась подлѣ меня: разумѣется, я дѣлалъ ренонсы, пропускалъ игры, забывалъ брать къ своему ремизу, и всегда оставался въ проигрышѣ. Все это очень нравилось моимъ старушкамъ. Однажды, кажется, наканунѣ отъѣзда Кукушкиныхъ въ деревню, Софья Николаевна, желая разсмотрѣть хорошенько мою игру, наклонилась ко мнѣ такъ близко, что черный локонъ ея распущенныхъ по плечамъ волосъ коснулся моей щеки. Боже мой, какое странное чувство! Ну, что такое локонъ волосъ?.. А если бъ я не сидѣлъ—бѣда! У меня ноги подкосились. — Вамъ говорить, Владиміръ Сергѣевичъ! — сказала Марья Ивановна. Я прошепталъ, заикаясь, восемь въ сюрахъ, и взялъ только двѣ взятки. Старушки умерли со смѣху, обобрали у меня всѣ марки и очень долго толковали о томъ, что я играю горячо, что у меня не было даже и бостона. Одна Софья Николаевна догадалась, кажется, отчего я съ двумя взятками сказалъ на восемь: во весь тотъ вечеръ она ужъ ни разу не заглядывала ко мнѣ въ карты.

Кузьма Петровичъ отправился, наконецъ, со всѣми домашними въ свою подмосковную, взявъ съ меня честное слово, что я пріѣду къ нему погостить на цѣлый мѣсяцъ. Вотъ прошли однѣ сутки. Ну, право, въ нихъ было, по крайней мѣрѣ, сорокъ восемь часовъ! Чтобъ хотя немного себя разсѣять, я поѣхалъ на другой день съ визитами. Меня принимали вездѣ очень ласково, приглашали обѣдать и вездѣ мнѣ было скучно, всѣ мнѣ надоѣдали — отцы и матери своею чопорностію и претензіями, а ихъ дочери, эти парижанки московскаго издѣлья, своей французской болтовнею. Все мнѣ было не по сердцу, вездѣ такая пустота; въ домахъ скука, на улицахъ и душно и пыльно... Поѣду за городъ... къ Симонову монастырю. Я очень часто слышалъ, что отъ него видъ еще лучше, чѣмъ съ Воробьевыхъ горъ... Какой вздоръ! Ну, что въ немъ хорошаго? Небольшая гора, скверная лужа, въ которой Карамзинъ утопилъ свою бѣдную Лизу, куча карточныхъ домиковъ, низенькія церкви, неуклюжія колокольни... и это называютъ прекраснымъ видомъ!.. Нѣтъ, попытаюсь лучше возобновить мои прежнія впечатлѣнія: поѣду на Воробьевы горы... Что это? Неужели московскія окрестности мѣняются какъ декораціи?.. Да это вовсе не то, что я видѣлъ прежде; это все такъ обыкновенно, такъ пошло, такъ мелко!.. Вотъ, кажется, тотъ садъ, въ которомъ я услышалъ въ первый разъ этотъ очаровательный, небесный голосъ!.. Такъ и быть! Не хотѣлось, а дѣлать нечего: поѣду съ визитомъ къ Агриппинѣ Карповнѣ Морганцевой; по крайней мѣрѣ съ ея племянницей мнѣ можно будетъ поговорить о Софьѣ Николаевнѣ.

Я засталъ Агриппину Карповну въ передней: она, вѣроятно для маціона, изволила трудиться надъ щеками какого-то засаленнаго поваренка, который ради вящшаго удобства, стоялъ передъ нею на колѣняхъ. Отвѣсивъ ему окончательную оплеуху, она пригласила меня къ себѣ въ гостиную. Тутъ я узналъ, что ея племянница уѣхала на нѣсколько дней въ подмосковную къ Ку-

кушкинымъ.—Я, батюшка, и сама бы съ ней поѣхала,—продолжала Агриппина Карповна,—да, право, некогда: жду съ часу на часъ Любинькина жениха: черезъ мѣсяцъ свадьба, такъ, знаете, то надобно приготовить, о томъ должно позаботиться; а положиться на людей—помилуйте, какъ можно! Охъ, батюшки, наказалъ насъ Господь этимъ родомъ—воры, пьяницы, лѣнтяи! То и дѣло что колотишь съ утра до вечера: тѣмъ только и домъ держится! То-то, подумаешь, вдовье дѣло! При покойникѣ все-таки было полегче. Мы, батюшка, съ нимъ очередовались: бывало, то онъ держитъ въ порядкѣ людей, то я; а теперь, вѣрите-ль Богу, Владиміръ Сергѣевичъ, рукъ не покладываю!

Около часу пробылъ я у этой смиренной вдовицы. Несмотря на то, что уже было поздно, она хотѣла непремѣнно играть со мною въ пикетъ; но я кой-какъ отдѣлался и поскакалъ домой, чтобъ приготовить все къ моему отъѣзду, только не въ Италію. Какое мнѣ дѣло до роскошной Андалузіи: *ее* тамъ нѣтъ; пусть тамъ растетъ зеленый лавръ и спѣетъ на пламенномъ солнцѣ золотой апельсинъ — все это прекрасно и въ прозѣ и въ стихахъ, а можетъ быть и на самомъ дѣлѣ; но я чувствую, что умеръ бы тамъ съ тоски. Тихій и спокойный берегъ Клязьмы, на которомъ *она* живетъ, зеленый лугъ, по которому гуляетъ, березовая роща, въ которой отдыхаетъ послѣ своей прогулки: вотъ мои сады Гесперидскіе, моя Альмерія, мой рай земной!.. Да! я люблю ее, люблю до безумія. Если она также меня полюбитъ, то къ чорту всѣ померанцевыя и апельсинныя деревья! Я пойду любоваться на нихъ въ оранжерею, а ужъ, конечно, не поѣду туда, гдѣ они растутъ на открытомъ воздухѣ... Развѣ съ нею вмѣстѣ—о, это другое дѣло!

Я воротился домой часовъ въ одиннадцать. Трактирный слуга отперъ мнѣ двери моего номера.

— А гдѣ Никаноръ?—спросилъ я.

— Онъ еще не приходилъ.

— Какъ не приходилъ? Въ десять часовъ ночи?..

— Онъ мнѣ говорилъ, что вы изволили его отпустить въ театръ.

— Совсѣмъ забылъ! Подай же мнѣ огня, да принеси отъ хозяина счетъ за все время.

Черезъ полчаса явился мой Никаноръ Федотычъ.

— Насилу! — сказалъ я. — Гдѣ ты до сихъ поръ шатался? Неужели театръ...

— Только что кончился, сударь.

— Укладывайся! Мы завтра поутру ѣдемъ... Ну что ты выпучилъ глаза?

— Завтра поутру!—повторилъ Никаноръ, почесывая въ головѣ.—Ахъ ты, батюшки!.. Ну, воля ваша!.. Да куда же мы поѣдемъ?

— Въ подмосковную къ Кузьмѣ Петровичу Кукушкину.

— Вотъ что! — вскричалъ Никаноръ. — Ну, слава Богу! А я было, сударь, испугался.

— Чего?

— Да такъ-съ! сегодня на театрѣ представляли какой-то некрещенный народъ—людоѣды что-ль какіе? Такъ мнѣ и пришло въ голову: ну если барину-то вздумается поѣхать въ ихъ землю? Избави Господи!

— А что такое давали въ театрѣ?

— Не могу знать, сударь; только больно хорошо. Всѣ въ перьяхъ, съ дубинами; а самый-то главный такой молодчина, что и сказать нельзя!.. Какъ, бишь, его зовутъ?.. дай Богъ память... Имя такое чудное... Рыла не Рыла...

— А, понимаю! Ролла? Такъ сегодня давали трагедію «Смерть Роллы?»

— Да, точно такъ-съ! трагедію. Другіе-прочіе играли и туда и сюда, а ужъ этотъ Ролла—ну, сударь, у насъ въ Питерѣ нѣтъ такого актера.

— Право?

— Ужъ я вамъ доложу! Дѣтина ражій, проворный; а голосина-то какой!.. И все съ перемѣнами: сначала примется шептать—шепчетъ, шепчетъ, да какъ вдругъ рявкнетъ! Фу ты, батюшки, словно изъ бочки! А тамъ

начнетъ дрожать, да поскрипывать зубами... Отлично. хорошо! А руками-то, руками, вотъ такъ и хлещетъ! Предъ концемъ онъ сталъ потише. Вотъ я думаю себѣ: «ну, братъ, видно умаялся». Куда умаялся! Передъ самымъ-то послѣднимъ концемъ какъ будто его бѣшеная собака укусила—какъ завопитъ! батюшки свѣты! и въ грудь-то себя кулаками и по бокамъ. Внизу молчатъ, а у насъ вверху стонъ стономъ. Вотъ онъ ревѣлъ, ревѣлъ, да какъ хлобыснется о-земь, да лежа-то и ну говорить и то се, — «и я тебя люблю, и ты меня любишь»...—Славно!.. Эка диковинка, подумаешь! Какъ онъ, бестія, впрахъ не расшибся? Вѣдь такъ со всѣхъ ногъ и грянулся! Ну знатный актеръ! Вотъ вы изволите смѣяться, Владиміръ Сергѣевичъ, а въ театрѣ я самъ видѣлъ: барыни, да какія еще барыни—въ чепцахъ, въ шелковыхъ платьяхъ, такъ и разливаются! Глядя на нихъ, и мнѣ стало грустно; сначала я крѣпился, да какъ онъ затылкомъ-то свистчулся о-полъ, такъ и меня слеза прошибла. Жалко!

— Хорошо, хорошо!—прервалъ я.—Укладывайся.

— Не извольте безпокоиться: все будетъ готово!

— Да смотри, не проспи, завтра чѣмъ свѣтъ ступай за лошадями.

— Слушаю, сударь; будутъ готовы.

На другой день часу въ восьмомъ утра мы отправились.

II.

Перемѣнивъ лошадей въ Новой Деревнѣ, мы пріѣхали въ уѣздный городъ Богородскъ, отъ котораго оставалось до села Кузьмы Петровича съ небольшимъ тридцать верстъ. Мы выѣхали изъ Богородска ровно въ двѣнадцать часовъ, и, отъѣхавъ верстъ пять, повернули въ сторону по проселочной дорогѣ. Направо и налѣво мимо насъ мелькали веселые перелѣски, холмистыя поля и небольшія деревеньки, изрѣдка виднѣлись по сторонамъ господскія усадьбы и подымались колокольни деревенскихъ церквей. Вотъ вдали по опушкѣ

сосновой рощи сверкнула изгибистая Клязьма; черезъ нѣсколько минутъ она спряталась въ глубинѣ бора, потомъ показалась опять и снова исчезла за березовой рощею.

— Ну что,—спросилъ я у ямщика,—далеко ли еще до села Кохмы?

— Да не такъ чтобъ очень, сударь. Вотъ отъ этого липняка считается до Бунькова двѣ версты, отъ Бунькова до Коврижкиной верстъ восемь, а тамъ не то пять, не то шесть до самой Кохмы. Знатное село! Да и баринъ-то, Кузьма Петровичъ, дай Богъ ему здоровье, янералъ, а такой повадный и ласковый, что и Господи! Привезешь къ нему гостей, велитъ накормить, напоить; а поклонишься, такъ и овсеца отпустятъ изъ господскаго амбара... Важный баринъ!.. Эй, вы, соколики!

Прошло еще около часу, вдали на горѣ забѣлѣлась каменная церковь, потомъ изъ-за густой рощи сталъ показываться выкрашенный свѣтлосѣрой краскою домъ съ высокимъ бельведеромъ.

— Вотъ, сударь, видите? — сказалъ ямщикъ.—Это село Кохма.

— Ступай же проворнѣй, любезный; на водку дамъ.

Мы помчались. Не доѣзжая полверсты до села, ямщикъ сталъ сдерживать лошадей.

— Ну, что ты?—спросилъ я.

— Да вотъ сейчасъ будетъ спускъ на Клязьму. Крутенько немного, да и дорога-то пойдетъ косогоромъ.

— Постой! я выйду.

Я выпрыгнулъ изъ коляски, а Никаноръ слѣзъ съ козелъ и пошелъ вслѣдъ за мною. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, мы очутились на крутомъ берегу Клязьмы. Чрезъ нее былъ переброшенъ широкій и красивый мостъ, а на другой сторонѣ начинался длинный порядокъ избъ; онъ огибалъ подошву довольно высокаго холма, на которомъ помѣщались господская усадьба и церковь.

— Ну ужъ подлинно барскій домъ!—сказалъ Ника-

норъ.—Смотрите-ка, сударь, смотрите! Экъ настроено: Словно городъ какой! И село-то знатное! Избы все бѣлыя, крыты драньемъ... Славное село!

— Какое прекрасное мѣстоположеніе,—сказалъ я.

— Да-съ, да-съ, прекрасное!—повторилъ Никаноръ съ необычайнымъ восторгомъ. — Что за диковинка! Давно ли мой вѣрный Личарда сталъ восхищаться природою?.. Я невольно взглянулъ въ ту сторону, куда устремлены были его жадные взоры... Ага! вотъ что!.. Налѣво, подлѣ одной избы толпится народъ, надъ дверьми всероссійскій гербъ и елка... Понимаю!— Но вотъ дорога поворачиваетъ направо. Никаноръ остановился, вздохнулъ отъ глубины души и, бросивъ послѣдній всглядъ на свое *прекрасное мѣстоположеніе*, пошелъ вслѣдъ за мною. — Знаете ли что, Владиміръ Сергѣевичъ?—сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія.— Вѣдь это село достанется Софьѣ Николаевнѣ, племянницѣ Кузьмы Петровича.

— Такъ чтожъ?

— Какъ, сударь, что? Да вѣдь она и сама по себѣ богатая невѣста.

— Тѣмъ лучше для нея.

— Да не худо, Владиміръ Сергѣевичъ, будетъ и тому, кто на ней женится.

— Женится?—повторилъ я почти съ испугомъ.—А развѣ ты что-нибудь слышалъ?

— Слышать не слышалъ: да вѣдь извѣстное дѣло богатыя невѣсты въ дѣвкахъ не засиживаются. Эхъ сударь! чтобы вамъ...

— Что такое?

— Да чѣмъ вы не женихъ?

— Вотъ вздоръ какой!

— Что за вздоръ, сударь? Не даромъ люди-то меня разспрашивали:—Что, братъ, твой баринъ сердитъ или нѣтъ? Много ли у васъ душъ? въ какой губерніи?..— Какъ же! подпоить хотѣли; да нѣтъ, шутишь! Выпить-то я выпилъ, а нагородилъ имъ такихъ турусовъ на колесахъ...

— Глупецъ! зачѣмъ ты это дѣлалъ?

— Помилуйте, Владиміръ Сергѣевичъ! да что я, въ самомъ дѣлѣ, за дуракъ такой, чтобъ сказать всю правду? И они говорили мнѣ, что у барыни слишкомъ двѣ тысячи душъ; а какъ пойдетъ на чистоту, такъ дай Богъ, чтобъ тысяча нашлась. Ужъ это такъ заведено, обычай такой. Вотъ вы сударь, человѣкъ съ достаткомъ, а скажи-ка я всю правду, такъ, подумаютъ, что вамъ перекусить нечего. Э, Владиміръ Сергѣевичъ!.. Посмотрите-ка! Никакъ самъ генералъ идетъ навстрѣчу?.. Ну такъ и есть—онъ!

Кузьма Петровичъ встрѣтилъ меня съ отверстыми объятіями. Шаговъ за двадцать онъ принялся кричать:— Милости просимъ, Владиміръ Сергѣевичъ, милости просимъ! Вотъ ужъ одолжили, такъ одолжили!

— Мнѣ хотѣлось скорѣй воспользоваться вашимъ обязательнымъ приглашеніемъ,—сказалъ я, расцѣловавшись съ добрымъ Кукушкинымъ;—и если позволите, пробуду у васъ нѣсколько дней?

— Какъ нѣсколько дней! что вы?.. Да развѣ можно за восемьдесятъ верстъ ѣздить въ гости на нѣсколько дней? Нѣтъ, батюшка Владиміръ Сергѣевичъ! пріѣхали, такъ поживите. Черезъ двѣ недѣли мои именины; мы попируемъ вмѣстѣ; а тамъ недѣли черезъ три рожденье Марьи Ивановны...

— Да это будетъ болѣе мѣсяца.

— А почему-жъ вамъ не прожить у насъ и все лѣто? Разумѣется, если вамъ будетъ весело.

— О, въ этомъ я увѣренъ!

— А если увѣрены, такъ о чемъ говорить. Да пойдемте скорѣй къ нашимъ дамамъ, а не то онѣ перессорятся: у нихъ идетъ такой споръ, что святыхъ вонъ понеси! Жена бьется объ закладъ, что къ намъ пріѣхалъ ея двоюродный братецъ, князь Иванъ; Любовь Дмитріевна Хапрова, которая у насъ гоститъ, увѣряетъ, что вы сосѣдъ нашъ, Ѳедоръ Николаевичъ Недочетовъ; и я тоже думалъ; одна племянница,—этакіе зоркіе глаза!—вѣдь тотчасъ узнала, что это вы.

Мы нашли Марью Ивановну, Софью Николаевну и ея пріятельницу Любовь на обширной террасѣ дома, съ которой видны были всѣ окрестности. Ласковая хозяйка осыпала меня привѣтствіями и, не давъ мнѣ опомниться, принялась разсказывать о своихъ сосѣдяхъ, о ихъ житьѣ-бытьѣ, о томъ, что какой-то Егоръ Андреевичъ Фурсиковъ развелся съ своей женою, что какая-то Аграфена Минишна Вопіюхина подала жалобу на своего родного брата, Сергѣя Минича Мухоморкина, за то, что онъ затравилъ у нея борзыми собаками двухъ свиней. Вы можете себѣ представить, какъ мнѣ было весело слушать эту болтовню въ то время, какъ я горѣлъ нетерпѣніемъ подойти къ Софьѣ Николаевнѣ, съ которой не успѣлъ еще перемолвить ни словечка. Кузьма Петровичъ, сдавъ меня съ рукъ на руки своей барынѣ, ушелъ о чемъ-то хлопотать; наконецъ, онъ возвратился къ намъ на террасу и пригласилъ итти обѣдать. Столъ былъ накрытъ въ огромной залѣ въ два свѣта. Лишь только мы сѣли, на хорахъ грянула музыка. Кажется, играли какую-то увертюру, симфонію, или даже ораторію, право не помню; я не забылъ только одного, что надобно было во все горло кричать, чтобъ слышать другъ друга. Господинъ капельмейстеръ Мордоченко стоялъ впереди всѣхъ музыкантовъ передъ пюпитромъ, и конечно ни одинъ крестьянинъ не работаетъ такъ усердно цѣпомъ, какъ онъ помахивалъ своей дирижерской палочкою. Сначала все шло изрядно; но подъ конецъ флейты стали оттягивать, кларнетъ запищалъ, волторны заревѣли нелѣпымъ голосомъ, а фаготъ началъ шипѣть такъ отвратительно, что меня морозъ подралъ по кожѣ. Эй, Филька, шалишь! — закричалъ Кузьма Петровичъ. — Алеша, Фомка!.. вотъ я васъ!.. Фаготъ! фаготъ! опять закутилъ!

Капельмейстеръ шикалъ, махалъ своей палочкой, топалъ ногою, подымалъ обѣ руки вверхъ, и наконецъ, началъ бить тактъ по головамъ своихъ духовыхъ инструментовъ, которые вышли рѣшительно изъ всякаго порядку.

— Стой! — закричалъ Кузьма Петровичъ.—Музыканты перестали играть.—Что это батюшка Алексѣй Андреичъ,—продолжалъ онъ, обращаясь къ капельмейстеру,—что это у тебя духовая-то музыка?

— Помилуйте, ваше превосходительство!—завопилъ несчастный Мордоченко,—что мнѣ дѣлать съ этими разбойниками? Фаготистъ Антонъ лыкомъ не вяжетъ, Фомка чуть живъ съ похмелья; а Филькѣ какъ можно играть на волторнѣ: онъ сегодня подрался въ кабакѣ. Извольте посмотрѣть, какъ у него разбиты губы! Ну, какому тутъ быть амбушуру?

— Негодяи! Гони ихъ вонъ! Ужъ я съ ними перевѣдаюсь! Да нельзя ли безъ нихъ хоть польскій какой?

— Сейчасъ, ваше превосходительство.

— Ну, вотъ, Владиміръ Сергѣевичъ,—продолжалъ хозяинъ,—заводи оркестръ! Скоты!.. Никакого самолюбія, никакой амбиціи!.. Канальи!.. Посмотришь, въ чужихъ краяхъ, любо-дорого! Музыкантъ, такъ ужъ музыкантъ! А здѣсь... Экій народецъ!.. Срамники!..

Я не сказалъ, а подумалъ про себя:—Правда! Въ Германіи, напримѣръ, кто музыкантъ, тотъ ужъ, точно, музыкантъ; да за то вѣдь тамъ какой-нибудь Кукушкинъ не возьметъ крестьянина отъ сохи, и не скажетъ ему: Ты мужикъ высокій, катай на контрабасѣ! Ты плечистъ—дуй въ волторну! У тебя передніе зубы цѣлы—играй на фаготѣ! А есть ли у тебя охота или нѣтъ, объ этомъ тебя и спрашивать не станутъ.

— Ну, чтожъ вы? — закричалъ Кукушкинъ.— Играйте что нибудь!

Музыка грянула какой-то польскій, и хозяинъ успокоился.

Послѣ обѣда, Кузьма Петровичъ повелъ меня по своимъ заведеніямъ. Во всякое другое время я сталъ бы любоваться его оранжереями, коннымъ заводомъ, скотнымъ дворомъ: все это было прекрасно; но на этотъ разъ очень былъ бы ему благодаренъ, еслибъ онъ уволилъ меня отъ этого инспекторскаго смотра, который продолжался часа три сряду. Потомъ я по-

палъ опять въ руки къ Марьѣ Ивановнѣ: она принялась мнѣ доказывать, какимъ образомъ началась и продолжается ссора сестрицы Вопіюхиной съ братцемъ Мухоморкинымъ. Вплоть до ужина я не могъ оторваться отъ нея ни на минуту, и пошелъ спать въ приготовленную для меня комнату, почти не сказавъ двухъ словъ съ Софьей Николаевной; но я цѣлый день пробылъ съ нею вмѣстѣ, глядѣлъ на нее и, прощаясь, поцѣловалъ ея руку. Сколько я могъ замѣтить, Софья Николаевна была обрадована моимъ пріѣздомъ. Каждый разъ, когда наши взоры встрѣчались, она краснѣла и опускала книзу свои прелестные глаза. Обыкновенно краснѣютъ отъ трехъ причинъ: отъ гнѣва, стыда и удовольствія. Если взоръ, въ которомъ она могла прочесть всю любовь мою, заслуживалъ ея гнѣвъ или по крайней мѣрѣ досаду, то зачѣмъ было ей сидѣть по цѣлымъ часамъ противъ меня? Если онъ возбуждалъ въ душѣ ея чувство стыда, то ужъ вѣрно бы она не мѣнялась такъ часто со мною взглядами: слѣдовательно, глядя на меня, она краснѣла отъ удовольствія. Отъ удовольствія!.. Боже мой!.. Что, еслибъ въ самомъ дѣлѣ... Нѣтъ... Я даже и вѣрить не смѣю такому счастію!..

Однакожъ я увѣрился, что Софья Николаевна смотритъ на меня точно съ удовольствіемъ. Дня черезъ три, когда Кузьма Петровичъ мнѣ все показалъ, а Марья Ивановна все высказала, я сдѣлался свободнѣе. Хозяинъ пересталъ со мной церемониться: ложился послѣ обѣда отдыхать, потомъ ходилъ по своимъ заведеніямъ и не таскалъ меня вмѣстѣ съ собою. Марья Ивановна обратилась также къ обыкновеннымъ своимъ занятіямъ: по нѣскольку разъ въ день заходила въ ткацкую, кормила своихъ заморскихъ куръ, павлиновъ, выводила канареекъ и разбирала ссоры своихъ барскихъ барынь и горничныхъ дѣвушекъ. Я замѣтилъ также, что дядюшка и тетушка любили соснуть порядкомъ, то-есть до десяти часовъ утра; а Софья Николаевна вставала очень рано. Я этимъ воспользовался,

и каждый день часу въ седьмомъ утра встрѣчалъ ее, вмѣстѣ съ Любовью Дмитріевною Хопровой, или въ саду, или въ дубовой рощѣ, которая окружала съ трехъ сторонъ господскую усадьбу. Эта Хопрова была премилая дѣвушка, такая добродушная, привѣтливая! Мнѣ одно только въ ней не нравилось: она почти всегда казалась грустною. Конечно, ей, бѣдняжкѣ, радоваться было нечему: она совершенно зависѣла отъ своей тетки, и какой тетки!.. Агриппины Карповны Морганцевой! Но дѣвушка въ восемнадцать лѣтъ часто улыбается и сквозь слезы, а Любовь Дмитріевна никогда не улыбалась. Несмотря на это, я скоро съ нею сблизился, гораздо скорѣе, чѣмъ Съ Софьей Николаевной, которая сначала примѣтнымъ образомъ меня дичилась; да и я—что грѣхъ таить! въ первые дни до того былъ съ нею робокъ и ненаходчивъ, что очень часто, встрѣчая ее по утрамъ въ саду, не зналъ, что ей сказать, и раза по три спрашивалъ объ ея здоровьѣ. Впрочемъ, это продолжалось недолго. Мало-по-малу, Софья Николаевна стала обращаться со мною свободнѣе, я сдѣлался смѣлѣе, и недѣли черезъ полторы мы какъ будто бы вѣкъ жили вмѣстѣ.

Съ каждымъ днемъ открывалъ я новыя достоинства въ Софьѣ Николаевнѣ и, разумѣется, съ каждымъ днемъ любовь моя увеличивалась: она росла не по днямъ, а по часамъ. Мнѣ казалось каждое утро, что я люблю ее столько, сколько можно любить человѣку. День проходилъ, наступалъ вечеръ, и я, ложась спать, чувствовалъ, что люблю еще болѣе прежняго; но, несмотря на это, я боялся не только говорить, но даже намекнуть ей о любви моей. Конечно, она обращалась со мною такъ просто, такъ мило; и хотя истинная любовь всегда труслива и недовѣрчива, однакожъ, я не могъ не видѣть, что при встрѣчѣ со мною, глаза ея оживлялись радостію, что, слушая меня, она улыбалась, и что эта улыбка была такъ ласкова, такъ привѣтлива! Но развѣ дружба, и даже самая обыкновенная пріязнь, не выражаются точно также? Еслибъ

она была постоянно ласкова со мною въ городѣ, окруженная толпою своихъ обожателей, то я могъ бы по крайней мѣрѣ видѣть въ этомъ какое-то предпочтеніе; но въ деревнѣ, гдѣ нѣтъ вовсе общества, гдѣ подчасъ радехонекъ, что какой-нибудь безграмотный сосѣдъ заѣдетъ въ гости, что значитъ эта ласка? Ровно ничего. Если Софья Николаевна не раздѣляетъ моихъ чувствъ, то ужъ вѣрно при первомъ словѣ любви перемѣнитъ со мною свое обращеніе, станетъ убѣгать меня, мнѣ должно будетъ уѣхать... Уѣхать! Боже мой!.. О нѣтъ, нѣтъ! Быть неразлучно вмѣстѣ съ нею, слышать ея очаровательный голосъ, гулять съ нею рука съ рукою, упиваться воздухомъ, который вылетаетъ изъ ея прелестныхъ устъ, все это было такимъ неизъяснимымъ для меня блаженствомъ, что я не смѣлъ и даже не хотѣлъ желать ничего болѣе.

Однажды, рано по-утру, Софья Николаевна гуляла со мною по берегу Клязьмы. Любови Дмитріевны съ нами не было; она читала до трехъ часовъ ночи новый романъ Коцебу «Мальчикъ у ручья» и, натурально, не могла встать въ шестомъ часу утра. Мы подошли къ мосту.

— Посмотрите,—сказалъ я,—какъ вашъ домъ красивъ, когда на него смотришь съ этой сторны.

— Да, это правда. Отсюда онъ кажется гораздо болѣе.

— Какъ вы думаете, Софья Николаевна, можно ли отсюда узнать въ лицо, если кто-нибудь выйдетъ на терассу?

Не думаю: по крайней мѣрѣ я ужъ вѣрно не узнаю.

— Право? Однакожъ, вы не всегда бываете такъ близоруки. Помните ли, какъ я пріѣхалъ къ вамъ въ деревню, я былъ здѣсь намосту, а вы на терассѣ? Однакожъ, вы меня узнали.

— Кто это вамъ сказалъ.

— Вашъ дядюшка.

Софья Николаевна покраснѣла.—Да, это правда,—прошептала она;—но вѣроятно я узнала васъ оттого...

— Оттого,—прервалъ я, шутя,—что можетъ быть сверху внизъ виднѣе, чѣмъ снизу вверхъ.

Софья Николаевна покраснѣла еще болѣе.—Послушайте, Владиміръ Сергѣевичъ, — сказала она, помолчавъ нѣсколько времени,—я вамъ скажу всю правду. я не могла разсмотрѣть ваше лицо, а назвала васъ потому... Ну да! потому, что мнѣ хотѣлось, чтобъ это были вы.

Она желала меня видѣть!.. И это говоритъ она сама!.. Не знаю, можно ли умереть отъ радости; но задохнуться, онѣмѣть и сойти съ ума очень можно: я это испыталъ на себѣ. Я чувствовалъ, вся кровь бросилась къ моему сердцу, въ глазахъ потемнѣло, я не могъ дышать, не могъ говорить, и, слава Богу! въ эту минуту былъ я точно сумасшедшій, и заговорилъ бы такой вздоръ, что испугалъ бы до смерти Софью Николаевну.—Скажите, Владиміръ Сергѣевичъ,—продолжала она, пройдя со мною, молча, нѣсколько шаговъ,— вы еще не скоро поѣдете назадъ въ Москву.

— Въ Москву?—повторилъ я съ невольнымъ содраганіемъ; — да что я тамъ буду дѣлать? умирать съ токи?

— А здѣсь вамъ не скучно?

— Здѣсь, Софья Николаевна? Да еслибъ отъ меня зависѣло...

— Такъ вы бы навсегда здѣсь остались?

— О, съ радостію!... Когда-бъ вы знали, какъ я здѣсь счастливъ!..

— Право? Такъ вы очень любите деревенскую жизнь?

Этотъ вопросъ былъ сдѣланъ такимъ простымъ и натуральнымъ голосомъ.—Чтожъ это значитъ,—подумалъ я.—Да неужели она меня не понимаетъ? Не можетъ быть!

— Вы любите деревню!—продолжала Софья Николавна.—Да это оттого, что вы всегда жили въ городѣ. Въ деревнѣ бываетъ иногда очень скучно. Вы хороше сдѣлали, что къ намъ пріѣхали, Владиміръ Сергѣевичъ!

Ужъ если пошло на откровенность, такъ я вамъ скажу всю правду: мы съ Любинькой ждали васъ съ большимъ нетерпѣніемъ. Вы такъ любезны! Съ вами весело!.. А здѣшніе сосѣди... Ахъ, еслибъ вы знали, какіе они несносные! Да вотъ, постойте, завтра дядюшкины именины: гостей наѣдетъ къ намъ множество, и вы увидите, что за лица!.. что за обхожденье!..

Уфъ! какимъ обдало меня холодомъ!.. Такъ вотъ за что меня ласкаютъ!.. Вотъ почему желали, чтобъ я пріѣхалъ!.. Глупецъ! я это отгадывалъ, я зналъ напередъ, что меня любятъ просто какъ забаву, какъ развлеченіе, и, несмотря на это, готовъ былъ вѣрить... О, женщины, женщины! самая лучшая изъ васъ не стоитъ ничего! Она рада одурачить бѣднаго мужчину, свести его съ ума, погубить его будущность, и все это для того, чтобъ ей не было скучно!.. Какой отвратительный эгоизмъ!.. Уѣду—непремѣнно уѣду!..—Вы такъ любезны, съ вами весело; забавляйте меня до тѣхъ поръ, пока не явится другой, съ которымъ мнѣ будетъ веселѣе, чѣмъ съ вами. Кокетка!.. Уѣду—завтра же уѣду!

Разумѣется, я не говорилъ, а думалъ все это, идя подлѣ Софьи Николаевны. Она молчала, я также; мы смотрѣли въ разныя стороны. Не знаю, что дѣлалось съ моимъ лицовъ; но когда я взглянулъ украдкою на Софью Николаевну, то замѣтилъ, что щеки ея пылали.—Посмотрите,—сказала она, стараясь примѣтнымъ образомъ избѣгать моихъ взоровъ, — вѣдь это нашъ капельмейстеръ—вонъ тамъ, на берегу.

— Да, кажется, это онъ,—отвѣчалъ я, вѣроятно, очень смѣшнымъ и страннымъ голосомъ, потому что Софья Николаевна улыбнулась... Злодѣйка!

— Онъ удитъ рыбу, — продолжала она. — Вы Владиміръ Зергѣевичъ, кажется, не любите этой забавы?

— Нѣтъ, сударыня.

— Почему-жъ?

— Потому что я не люблю забавляться страданіемъ даже какого-нибудь карася или окуня.

— Что это, Владиміръ Сергѣевичъ? Ужъ не вѣрите ли вы переселенію душъ.

— Нѣтъ, Софья Николаевна, я только не понимаю, что за утѣха подцѣпить на желѣзный кручекъ и вытащить на берегъ бѣдную рыбу, которая можетъ страдать физически точно такъ же, какъ и мы страдаемъ. Къ тому-жъ въ этой жестокой забавѣ есть что-то лукавое, предательское: этотъ поплавокъ, который, какъ шпіонъ, слѣдитъ и высказываетъ мнѣ всѣ движенія моей жертвы; эта приманка, подъ которой скрывается смерть... Знаете ли, что она мнѣ напоминаетъ? Улыбку коварной женщины, когда она хочетъ, для своей забавы, вскружить голову, то есть погубить какого-нибудь глубца, который думаетъ, что его любятъ, потому что онъ самъ имѣетъ дурачество любить.

— Да развѣ есть такія женщины?

— Помилуйте!.. Всѣ женщины менѣе или болѣе любятъ кружить головы легковѣрнымъ мужчинамъ. Вѣдь мы созданы для вашей забавы — неправда-ли?

— И вы это думаете обо всѣхъ?..—сказала Софья Николаевна, взглянувъ мнѣ прямо въ глаза.—Въ этомъ взглядѣ было что-то похоже на упрекъ! Я смутился.

— Позвольте, позвольте!—продолжалъ я;—дайте мнѣ изъяснить вамъ хорошенько мою мысль. Я вовсе не думаю, что всѣ женщины холодныя, бездушныя кокетки — избави, Господи! Большая часть изъ нихъ стараются нравиться мужчинамъ — такъ безъ всякой цѣли, и сводятъ ихъ съ ума самымъ невиннымъ образомъ. Вотъ вы, напримѣръ, когда глядите на кого-нибудь съ этой очаровательной улыбкой, говорите съ нимъ этимъ плѣнительнымъ голосомъ, вы вѣрно не желаете свести его съ ума, обмануть, сдѣлать на вѣкъ несчастливымъ,—о нѣтъ! вамъ это и въ голову не приходитъ! Вы это дѣлаете не по разсчету, безъ всякаго намѣренія: вамъ не въ чемъ упрекать себя; но развѣ отъ этого легче тому, кто сойдетъ съ ума по вашей милости? А можете ли вы поручиться, что никого съ ума не сводили?

— О, конечно, могу!

— Полно, такъ-ли? Послушайте. Если до сихъ поръ сердце ваше было спокойно, то по крайней мѣрѣ вамъ случалось оказывать кому-нибудь хотя небольшое предпочтеніе, то есть быть съ нимъ любезнѣе и ласковѣе, чѣмъ съ другими?

— Право не знаю! Кажется, я стараюсь одинакимъ образомъ быть ласкова со всѣми.

— Извините! Я не очень вѣрю этому равенству. Вотъ, напримѣръ, вы признались, что мой пріѣздъ сдѣлалъ вамъ удовольствіе, а почему знать,—продолжалъ я робкимъ голосомъ, — можетъ быть есть кто-нибудь, который своимъ пріѣздомъ обрадовалъ-бы васъ еще болѣе?

— О, нѣтъ!

Боже мой!.. Не ошибаюсь-ли я?.. Такъ точно: это невольное восклицаніе вырвалось изъ души ея!..

— Возможно-ли?—вскричалъ я.—Такъ вы желали меня видѣть не потому только, что у васъ нѣтъ никакого общества, и стали-бы желать этого даже и тогда, еслибъ всѣ ваши знакомые были здѣсь, вмѣстѣ съ вами?.. Ахъ, отвѣчайте! Прошу васъ, отвѣчайте!..

Софья Николаевна задумалась, яркій румянецъ исчезъ съ ея поблѣднѣвшихъ щекъ, грудь волновалась; она хотѣла что-то промолвить, но вдругъ остановилась, и сказала вполголоса: — Посмотрите, вотъ идетъ Любовь Дмитріевна. Пойдемте къ ней навстрѣчу.

— Но вы не отвѣчали на мой вопросъ.

— Да чтожъ мнѣ вамъ отвѣчать?..

— Скажите только одно слово...

— Одно слово,—повторила Софья Николаевна.—Ну если вы хотите... Да, нѣтъ! вѣдь вы мнѣ не повѣрите: всѣ женщины кокетки!—прибавила она съ такой обворожительной улыбкою, что я непремѣнно упалъ-бы передъ нею на колѣни (тогда еще на колѣни становились), еслибъ къ намъ не подошла Любовь Дмитріевна. Софья Николаевна бросилась къ ней на шею и начала

ее цѣловать, какъ будто-бы цѣлый вѣкъ съ нею не видѣлась.

— Что ты, Софи? Что съ тобою сдѣлалось?—сказала съ удивленіемъ Хопрова.

— Ничего, мой ангелъ, ничего! Ахъ, какъ я люблю тебя, Эме!

— Въ самомъ дѣлѣ?

— До безумія!..

Вотъ я опять на небесахъ — надолго-ли? Странное дѣло! Давно-ли я говорилъ самому себѣ: быть вмѣстѣ съ нею, видѣть ее, слышать ея голосъ есть ужъ такое неизъяснимое блаженство, что я не смѣю и даже не хочу желать ничего болѣе; а теперь, когда я увѣрился, что она не вовсе ко мнѣ равнодушна, мнѣ ужъ этого было мало.—Она меня предпочитаетъ другимъ,—думалъ я. Да развѣ это что-нибудь значитъ? Развѣ предпочтенье любовь? Любовь!.. Да, да! я хочу, я долженъ, я не могу жить безъ того, чтобъ не узнать рѣшительно, любитъ-ли она меня или нѣтъ. И что это за жизнь? Это не жизнь, а безпрерывная пытка! Я чувствую, мнѣ душно подъ открытымъ небомъ, меня давитъ воздухъ, земля горитъ подо мною... О, неизвѣстность хуже всего на свѣтѣ! Да не лучше-ли во сто разъ тому, кто долженъ разстаться съ жизнію, умереть вдругъ, чѣмъ томиться медленной смертію, умирать понемногу, по частямъ, умирать каждую минуту!.. Нѣтъ, нѣтъ! одинъ громовой ударъ, и все кончено!

Такъ думалъ я всякій разъ, когда оставался одинъ; но лишь только появлялась Софья Николаевна, вся храбрость моя исчезала. Какое презрѣнное созданіе былъ бы военный человѣкъ, еслибъ онъ трусилъ на полѣ сраженія, точно такъ же, какъ я робѣлъ всякій разъ, когда случайно оставался съ нею на нѣсколько минутъ безъ свидѣтелей! Сколько разъ признанье въ любви, такъ сказать, вертѣлось у меня на языкѣ; но этотъ проклятый языкъ меня не слушался, и я, заикаясь отъ избытка чувствъ, говорилъ съ нею о хорошей погодѣ, или самымъ нѣжнымъ, прерывающимся

голосомъ разсказывалъ, что капельмейстеръ Мордоченко подцѣпилъ на уду двухъ ершей и одного окуня. Въ одну изъ этихъ минутъ я увидѣлъ себя нечаянно въ зеркало. Боже мой! что за смѣшная фигура у человѣка, который влюбленъ и не смѣетъ въ этомъ признаться! Глаза у него вертятся какимъ-то страннымъ образомъ, онъ весь исковерканъ, говоритъ такой вздоръ... Ну, нечего сказать! Не приведи Господи влюбиться въ женщину, которая насъ не любитъ! Мы въ это время играемъ такую жалкую роль, что должны быть ей вѣчно благодарны, если она, глядя на насъ, не умираетъ со смѣху.

Такъ прошелъ весь этотъ день. Вечеромъ Кузьма Петровичъ, который все утро занимался у себя въ кабинетѣ, какъ нарочно не отходилъ отъ меня ни на минуту и вплоть до самаго ужина проговорилъ со мною, какъ вы думаете, о чемъ? О нашей лирической поэзіи! Впрочемъ, надобно сказать правду, тогда было о чемъ поговорить. Какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ послѣ «Людмилы» и «Свѣтланы», а потомъ послѣ «Кавказскаго плѣнника» и «Бахчисарайскаго фонтана» баллады и повѣсти въ стихахъ затопили нашу словесность; точно также въ то время всѣ русскіе поэты, стихотворцы и рифмачи, увлеченные примѣромъ вдохновеннаго пѣвца «Фелицы», пустилась писать оды торжественныя, философическія, дидактическія. Смирновъ выдалъ русскую Мессіяду, въ которой сатана ходитъ пѣшкомъ по небесамъ и шагаетъ черезъ тысячи планетъ; Бобровъ напечаталъ свою «Тавриду», гдѣ нѣсколько счастливыхъ стиховъ утопало въ безднѣ описательной и звукоподражательной премудрости. Вслѣдъ за этой «Тавридою» появились сотни стиховъ, въ которыхъ то:

«На сизо-голубомъ эфирѣ
Плыветъ янтарно-блѣдная луна».

То:

«Средь бурныхъ тучъ грохочутъ громы
И съ визгомъ вихрь въ ущеліяхъ свиститъ».

Или:

«Тамъ слышенъ шелестъ шумныхъ водопадовъ,
Тамъ съ ропотомъ ручей по камушкамъ журчитъ».

Всѣ эти звукоподражательныя штуки весьма нравились Кузьмѣ Петровичу. Съ какимъ восторгомъ повторялъ онъ извѣстный стихъ:

«Отъ топота копытъ пыль по полю несется».

— Вотъ это, батюшка Владиміръ Сергѣевичъ, поэзія! — говорилъ онъ. — Слышите ли, сударь, какъ лошадь скачетъ, какъ она бьетъ копытомъ въ землю? «Отъ топота копытъ...» Удивительно! Сказать вамъ по секрету, Владиміръ Сергѣевичъ, я и самъ кой-что началъ, не оду — нѣтъ! Куда намъ такъ высоко! Съ насъ довольно и басенки; а кажется, будетъ не дурна: мысль новая и стишки есть изрядные; особливо одинъ звукоподражательный стишокъ — ну, я вамъ скажу, хорошъ! Удачно вылился, отмѣнно удачно! Теперь поздно, а завтра, если позволите, я вамъ кой-что изъ нея прочту и съ вами посовѣтуюсь. Вотъ изволите видѣть: я набросалъ нѣсколько стиховъ; конецъ у меня готовъ, начало почти придумано; да главное-то, сударь, главное идея, цѣль этой басни не совсѣмъ еще обрисована, и мнѣ бы очень хотѣлось...

— Я не большой въ этомъ знатокъ, Кузьма Петровичъ.

— Полноте скромничать!

— Увѣряю васъ.

— Добро, добро! Пойдемте ужинать, а тамъ увидимъ: утро вечера мудренѣе.

Софья Николаевна тотчасъ послѣ ужина ушла на свою половину, и я также отправился, но толеко не спать: я зналъ напередъ, что у меня сна вовсе не будетъ. И подлинно, во всю ночь я не могъ сомкнуть глазъ. Я проклиналъ мое дѣтское малодушіе, доказывалъ самому себѣ, что долженъ для собственнаго спокойствія какъ можно скорѣе узнать свою участь; и, наконецъ, далъ себѣ честное слово побѣдить эту

смѣшную робость и, во чтобы ни стало, изъясниться съ Софьей Николаевной. Я заснулъ часу въ пятомъ утра и проспалъ до десяти. Когда я вышелъ изъ моей комнаты, со мною повстрѣчалась Любовь Дмитріевна.

— Что это, Владиміръ Сергѣевичъ,—сказала она,— ужъ не у меня-ли вы переняли? Мы часа три гуляли въ саду, обошли всю рощу, а вы изволили почивать.

— Гдѣ Софья Николаевна?—спросилъ я.

— Она ужъ кончила свой туалетъ и, кажется, теперь на террасѣ. Ступайте къ ней, а я пойду одѣваться. Часа черезъ два начнутъ пріѣзжать гости. Вѣдь вы знаете, я думаю, что сегодня именинны Кузьмы Петровича?

— Какже!

Я вышелъ на террасу. Софья Николаевна читала съ такимъ вниманіемъ какую-то книгу, что сначала меня не замѣтила. Я сѣлъ подлѣ нея. Она была вся въ бѣломъ, одѣта просто; но такъ мила, такъ прекрасна, что я минуты двѣ молча на нее любовался.

— Ахъ, это вы, Владиміръ Сергѣевичъ! — вскричала она, увидѣвъ, наконецъ, что я сижу подлѣ нея.

— Что это вы читаете съ такимъ вниманіемъ?— спросилъ я.

— «Матильду».

— Прекрасный романъ!

— Да, онъ очень интересенъ, и если-бъ въ немъ было поболѣе правдоподобія...

— А чтожъ вамъ кажется въ немъ ненатуральнымъ?

— Характеръ Малекъ-Аделя.

— Почему же?

— Почему? Да развѣ можетъ любить такъ безпредѣльно и съ такимъ самоотверженіемъ...

— Какой-нибудь турокъ или мавръ?—прервалъ я.

— Нѣтъ, Владиміръ Сергѣевичъ, просто какой-нибудь мужчина.

— Право? Такъ вы думаете, что однѣ женщины умѣютъ любить?

— О, нѣтъ! Но любовь мужчины никогда не мо-

жетъ быть такъ постоянна и такъ безкорыстна, какъ любовь женщины. Вы безпрестанно заняты, васъ все развлекаетъ, вамъ некогда любить. Эта неограниченная свобода, этотъ холодный здравый разсудокъ, которымъ вы такъ гордитесь, все мѣшаетъ вамъ предаваться вполнѣ чувству, почти всегда безотчетному; вы любите такъ, мимоходомъ,—это ваше отдохновеніе. А женщины? Онѣ живутъ этимъ чувствомъ. Я не стану говорить о мужьяхъ; но скажите, много ли найдете вы отцовъ, которые точно такъ же любили своихъ дѣтей, какъ любятъ ихъ матери? Да, Владиміръ Сергѣевичъ! Мы родимся для того, чтобъ любить: это наше назначеніе. Женщина, которая ничего не любитъ—чудовище; а сколько есть мужчинъ любезныхъ, милыхъ и даже добрыхъ...

— Какая несправедливость!—вскричалъ я.—И вы думаете...

— Не только думаю, но увѣрена, что слово *эгоизмъ* должно быть на всѣхъ языкахъ мужескаго рода; да и можетъ ли быть иначе? Этотъ порокъ есть необходимое слѣдствіе вашего образа жизни, вашей мужской опытности и холоднаго математическаго расчета. Мужчины зовутъ его благоразуміемъ, разсудкомъ, и этимъ здравымъ смысломъ, въ которомъ они, и весьма справедливо, отказываютъ женщинамъ, потому что мы слабыя, легкомысленныя женщины, всегда любимъ не разсуждая и почти всегда предпочитаемъ счастіе того, кого любимъ, своему собственному.

— Позвольте же мнѣ,—сказалъ я,—повторить вопросъ, который вы мнѣ сдѣлали сегодня поутру. И вы это думаете обо всѣхъ мужчинахъ?

— О, нѣтъ! Конечно, есть исключенія, но они такъ рѣдки...

— Да неужели, Софья Николаевна, вы полагаете, что женщины, способныя любить, какъ любила Матильда, встрѣчаются на каждомъ шагу? Послушайте: я сирота, у меня никого нѣтъ въ цѣломъ мірѣ, и чтобъ не чувствовать весь ужасъ этого одиночества, я

не жилъ никогда на одномъ мѣстѣ, бѣгалъ изъ дому въ домъ и вездѣ неразлучныя мои подруги, тоска и скука, встрѣчали меня на порогѣ. Ничто не привязывало меня къ отечеству: я рѣшился путешествовать; но лишь только переступилъ границу, мнѣ стало грустно по моей родинѣ. О чемъ я грустилъ, по комъ тосковалъ и самъ не знаю; но я воротился опять въ Россію для того, чтобы снова умирать со скуки и жалѣть о томъ, что я торопился пріѣхать назадъ. Неужели вы думаете, что я не понимаю, чего требуетъ моя душа, о чемъ она тоскуетъ? Неужели вы думаете, что, встрѣтивъ женщину, которую я могъ бы навсегда назвать моимъ другомъ, я сталъ бы искать счастія далеко отъ своей родины?.. Ахъ, Софья Николаевна! сколько разъ я былъ обманутъ! Сколько разъ подъ обольстительнымъ покровомъ любви я открывалъ одно холодное кокетство, или одно только желаніе выйти замужъ за кого-бы то ни было. Я не любилъ еще никого, и не могъ любить: до сихъ поръ меня обманывали такъ явно, такъ неискусно! Но еслибъ та, которую выбрало мое сердце и которая не способна ни къ какому обману, еслибъ она намекнула мнѣ только, что моя любовь ей не противна—о! съ какимъ бы восторгомъ я ей повѣрилъ, съ какою-бъ радостію,—прибавилъ я, взявъ за руку Софью Николаевну,—назвалъ бы я ее моей женою, моимъ другомъ, посвятилъ бы ей всю жизнь мою!..

Софья Николаевна поблѣднѣла, рука ея дрожала въ моей рукѣ, но она ее не отнимала.

— Еслибъ она,—продолжалъ я,—забывъ всѣ эти приличія, которыя такъ смѣшны, когда дѣло идетъ о счастіи всей жизни, шепнула мнѣ: и я также люблю тебя!..

Не отвѣчая ни слова, Софья Николаевна подняла свои опущенные книзу глаза; взоры наши встрѣтились, и я, внѣ себя отъ восторга, готовъ уже былъ упасть къ ногамъ ея, какъ вдругъ раздался въ гостиной голосъ Кукушкина:—А, вы здѣсь, Владиміръ Сергѣевичъ! Ужъ я искалъ, искалъ васъ! Софья Николаевна вско-

чила, сбѣжала съ террасы; я хотѣлъ итти за нею, но Кузьма Петровичъ схватилъ меня за руку и закричалъ:—Нѣтъ, батюшка! теперь я отъ васъ не отстану! Того и гляди, нагрянутъ гости и мнѣ некогда будетъ съ вами посовѣтоваться. Садитесь-ка, Владиміръ Сергѣевичъ, садитесь!

— Да о чемъ вы хотите со мной совѣтоваться?— спросилъ я, почти не скрывая моей досады.

— Какъ о чемъ? А басня-то, о которой я вамъ вчера говорилъ?

— Да ужъ я вамъ сказалъ, что вовсе толку въ этомъ не знаю... Позвольте мнѣ...

— Куда? Въ садъ? Не пущу! Вонъ видите, Сонюшка и Марья Ивановна показываютъ, гдѣ разставлять шкалики и плошки. Если вы къ нимъ пойдете, жена начнетъ съ вами говорить, племянница также: люди надѣлаютъ глупостей. Нѣтъ, не мѣшайте имъ!

Нечего дѣлать! Софья Николаевна теперь не одна; намъ нельзя продолжать начатаго разговора; я же отъ этихъ проклятыхъ стиховъ, какъ больной отъ лѣкарства, никакъ не отдѣлаюсь. Ну, такъ и быть, *приму* эту басню! Мы сѣли. — Изволите видѣть,—сказалъ Кузьма Петровичъ, вынувъ изъ кармана исписанный листъ бумаги,—я набросалъ нѣсколько отдѣльныхъ стиховъ, а басня еще не кончена. Вотъ ея содержаніе: утка и курица стоятъ на берегу рѣки; курица хочетъ переправиться на другую сторону; утка остерегаетъ ее и грозитъ ей вѣрной погибелью, но надменная курица ничего не слушаетъ и говоритъ ей:

«Послушай-ка, сестрица,
Чѣмъ хуже я тебя? Такая же я птица.
О, ты вѣдь плавать мастерица!
Такъ почему-жъ и намъ
Нельзя носиться по волнамъ?»

Вотъ утка начинаетъ ей доказывать, что она не создана для воды; но курица думаетъ:

«Все это прибаутки:
Не хуже проплывемъ мы утки!»

— Эй, остерегись,—говоритъ подруга:

«Пускай бы, мой дружочекъ,
Былъ этотъ ручеечекъ;
А то смотри, кума: ну видишь ли, рѣка
Широка
Какъ Ока.
Какъ, какъ Ока?..»

— Что, сударь?.. Каковъ звукоподражательный стишокъ?.. «Какъ, какъ Ока?..» А?

— Да, точно удивительно!

— Призовите, батюшка, кого хотите: француза, нѣмца, татарина, японца, и каждый изъ нихъ отгадаетъ, что это говоритъ не человѣкъ, а насѣдка.

— Да точно, насѣдка!

— А если тутъ какой-нибудь подборъ, какая-нибудь натяжка?.. «Какъ, какъ Ока»... Я прошу васъ сказать иначе.

— Это правда.

— Да нѣтъ, вы мнѣ скажите, можно ли выразиться другимъ образомъ? Вамъ говорятъ, что эта рѣка широка какъ Ока, вы удивляетесь и восклицаете «какъ, какъ Ока?» Что можетъ быть натуральнѣе? Да просто: нельзя сказать иначе, а межъ тѣмъ это кудахчетъ курица!

— Да, точно курица; но чѣмъ же кончится ваша басня?

— А вотъ чѣмъ: хвастливая курица бросилась съ берега въ рѣку:

«Одно крыло какъ парусъ распустила,
Другимъ старалася грести;
Но вдругъ ее волною поглотило,
И не могло ее ничто спасти».

Она погибла въ виду своей пріятельницы, благоразумной утки. Теперь вотъ о чемъ я хочу съ вами посовѣтоваться: изъ этой басни можно извлечь два смысла; во-первыхъ, нравоученіе для тѣхъ, которые, поступаютъ опрометчиво; во-вторыхъ, урокъ тѣмъ, которые, подобно уткѣ, не скупятся на пріятельскіе совѣты, но если надобно помочь, преспокойно остаются на берегу

и смотрятъ, не двигаясь съ мѣста, какъ ихъ друзья погибаютъ. Въ первомъ случаѣ я сказалъ бы въ заключеніе:

Сей басни вотъ мораль:
Пусть скажутъ всѣ, что я педантъ и враль,
Но вѣрю я россійскому народу:
Попробуй прежде броду,
А тамъ ступай ужъ въ воду».

Во второмъ случаѣ я могъ бы кончить басню слѣдующимъ образомъ:

«Теперь скажу безъ шутокъ:
На свѣтѣ много утокъ;
Но много есть и куръ
Такихъ же дуръ».

Какъ вы думаете, Владиръ Сергѣевичъ, который изъ этихъ двухъ смысловъ вѣрнѣе и приличнѣе для моей басни?

— Который? Да какъ бы вамъ сказать?.. Первый чень хорошъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Не дуренъ и второй, а сверхъ того, мнѣ кажется, онъ нѣсколько поновѣе.

— Право?

— И если нѣтъ третьяго, то я совѣтовалъ бы вамъ придержаться второго.

«Теперь скажу безъ шутокъ:
На свѣтѣ много утокъ;
Но много есть и куръ
Такихъ же дуръ».

И сильно, и коротко, и ясно. Да, кажется, и рифмы-то бредутъ! «Шутокъ, утокъ». Конечно не дурно также: «враль, мораль». Да послѣдніе-то три стиха какъ будто бы тянутся—не правда ли?

— Да, да! Есть немножко.

— И такъ рѣшено: я оставлю второе окончаніе. Покорнѣйше васъ благодарю, Владиміръ Сергѣевичъ!

— Помилуйте! за что?

— Какъ за что? Безъ васъ я не зналъ бы, на что

рѣшиться... Э! посмотрите-ка! что это? Никакъ ужъ гости ѣдутъ.

За Клязьмою тянулось по дорогѣ нѣсколько экипажей, а за ними вдали замѣтны были цѣлыя облака пыли.

— Ну!—сказалъ Кузьма Петровичъ, потирая руки, — мы, кажется, изрядно попируемъ! Прошлаго года у меня сегодня обѣдало человѣкъ полтораста, да ночевало человѣкъ семьдесятъ; авось и въ нынѣшнемъ году также будетъ людно. Вѣдь ко мнѣ, батюшка Владиміръ Сергѣевичъ, съѣзжаются въ этотъ день всѣ окольные помѣщики, все Покровское и Богородское дворянство. Конечно, народъ, по большей части, мелкій, нечиновный, да вѣдь не все же водить хлѣбъ-соль съ своею братьею: деревня не городъ. Однакожъ, не прогнѣвайтесь, Владиміръ Сергѣевичъ, пойду принарядиться. Всѣ городскіе чиновники пріѣдутъ въ мундирахъ, такъ—знаете, неловко остаться въ сюртукѣ; я же именинникъ...

— Конечно, Кузьма Петровичъ, это такой день...

— Вотъ то-то и есть! Я черезъ пять минутъ буду готовъ.

Кукушкинъ пошелъ одѣваться, а я побѣжалъ въ садъ, но ужъ тамъ никого не было. Тетушка и племянница дожидались гостей въ диванной. Сколько я могъ замѣтить, приготовленія къ празднику были вовсе не шуточныя: тысячи шкаликовъ, плошекъ и цвѣтныхъ фонарей были разставлены и развѣшаны по саду; напудренные лакеи въ богатыхъ ливреяхъ, официіанты въ щегольскихъ фракахъ и шелковыхъ чулкахъ толпились въ передней и стояли по комнатамъ: все было на барскую стать; а что и того лучше, все было чисто, опрятно и хорошо. Тутъ я въ первый разъ понялъ, что одинъ и тотъ же человѣкъ можетъ быть въ Москвѣ смѣшнымъ полубариномъ и настоящимъ вельможею у себя въ деревнѣ. Въ Москвѣ Кузьма Петровичъ встрѣчалъ на каждомъ шагу людей знатнѣй и богаче себя; а здѣсь онъ давилъ всѣхъ и своимъ гене-

ральскимъ чиномъ и своей столичной роскошью; ему не нужно было *прикидываться знатнымъ:* онъ и безъ этого былъ цѣлой головою всѣхъ выше.

Однакожъ, не смотря на это выгодное положеніе, Кузьма Петровичъ не разсудилъ остаться тѣмъ, чѣмъ создалъ его Господь. Я ахнулъ отъ удивленія, когда передо мною минутъ черезъ пять онъ явился во всемъ своемъ аристократическомъ блескѣ. Какъ теперь гляжу на его свѣтлоголубой фракъ съ золотыми пуговицами и пестрый жилетъ изъ дорогой турецкой шали. Съ какою важностію сыпалъ онъ на свои кружевныя манжеты французскій табакъ, нюхая его безпрестанно изъ золотой табакерки, въ которой было по крайней мѣрѣ фунта два вѣсу. На одномъ изъ пальцевъ правой руки его блисталъ огромный солитеръ; на часовой, украшенной эмалью, цѣпочкѣ висѣлъ цѣлый пукъ дорогихъ печатей, перстней и разныхъ золотыхъ штучекъ. Онъ выступалъ мѣрными шагами, закидывалъ назадъ голову, отдувалъ губы и какая-то надменная, но въ то-же время благосклонная улыбка поминутно являлась на устахъ его; однимъ словомъ, онъ показался мнѣ чрезвычайно смѣшнымъ: слѣдовательно былъ прекрасенъ для своего уѣзднаго общества. Простотой не много возьмешь у провинціаловъ [1]); нѣтъ! имъ давай такого знатнаго, чтобъ онъ былъ *важенъ въ сорокъ пудъ!*

«Серьезный взглядъ, надменный нравъ».

вотъ это вельможа! А то въ самомъ дѣлѣ, что за знатный человѣкъ, который и ходитъ, и говоритъ, и смотритъ какъ всѣ прочіе люди!

---

[1]) Однакожъ не теперь. Въ наше время и въ провинціи уже увѣрились, что истинный вельможа всегда привѣтливъ, ласковъ и простъ въ обращеніи. Благодаря успѣхамъ просвѣщенія, нынче каждый русскій баринъ знаетъ, что если гордая лошадь прекрасна, то зато гордый человѣкъ и смѣшонъ и жалокъ. При семъ случаѣ я нужнымъ полагаю однажды навсегда попросить моихъ читателей перенестись за полвѣка назадъ. Въ послѣднія сорокъ лѣтъ мы такъ подвинулись впередъ, что теперь списанный съ натуры «Недоросль» фонъ-Визина кажется намъ карикатурою.

Черезъ полчаса весь домъ Кукушкиныхъ наполнился гостями; Кузьма Петровичъ встрѣчалъ ихъ въ столовой. Дамы, поздравивъ его съ именинами, проходили въ диванную къ Марьѣ Ивановнѣ, а мужчины оставались въ первой гостиной, гдѣ на большомъ кругломъ столѣ приготовленъ былъ сытный завтракъ. Несмотря на часто повторяемыя приглашенія Кузьмы Петровича закусить «чѣмъ Богъ послалъ», гости церемонились; наконецъ, одинъ молодой помѣщикъ, побойчѣе другихъ, налилъ себѣ рюмку мадеры и отрѣзалъ кусокъ пирога. Этотъ примѣръ подѣйствовалъ: въ одну минуту завтракъ былъ атакованъ со всѣхъ сторонъ. Изъ двухъ бутылокъ мадеры одна осталась неприкосновенною; но зато съ полдюжины графиновъ настойки и золотой *гданской* водки изсушились въ одно мгновеніе ока. При семъ случаѣ особенно отличили себя чиновники уѣзднаго и земскаго судовъ. Проворство и ловкость, съ которыми они истребляли завтракъ, истинно заслуживаютъ удивленія. Я не успѣлъ еще допить одной рюмки бѣлаго вина и съѣсть кусочекъ сыру, а мой сосѣдъ, толстый капитанъ-исправникъ, проглотилъ уже двѣ селедки и, какъ грецкая губка, втянулъ въ себя полъ графина ерофеича. Въ числѣ гостей было нѣсколько дворянъ весьма порядочныхъ; но за то были и такіе, что не приведи Господи! Вотъ этакъ за часъ до обѣда, двери диванной отворились настежь, и Марья Ивановна съ толпою барынь вошла къ намъ въ гостиную. Надобно сказать правду: она умѣла лучше своего мужа представлять роль знатной барыни. Сначала все шло очень хорошо; Марья Ивановна подходила ко всѣмъ поочереди: однимъ говорила привѣтствія, другихъ разспрашивала о семействѣ; но подъ конецъ трое помѣщиковъ совершенно сбили ее съ толку своими отвѣтами. Эти господа стояли рядомъ. Первый, лысый старичекъ съ небольшимъ двухъ аршинъ росту, худой, измозженный, запуганный, однимъ словомъ, настоящій Простаковъ Фонъ-Визина; второй мужчина лѣтъ сорока, видный, дородный, неопрятно

одѣтый, плохо выбритый, съ красными отъ перепоя глазами и огромнымъ багровымъ носомъ; третій, также баринъ лѣтъ пожилыхъ, съ простодушнымъ и даже добрымъ лицомъ, но съ такими бездушными глазами, что съ перваго взгляда они казались оловянными.

— Что это, Яковъ Петровичъ, — сказала Марья Ивановна первому изъ этихъ гостей,—отчего это ваша Ольга Филипповна сегодня къ намъ не пожаловала?

— Не очень здорова, ваше превосходительство.

— Что съ нею сдѣлалось?

— Да такъ-съ! Вчера поразстроилась, сердилась очень. Сама виновата, матушка, ваше превосходительство: завела кружевницъ, а съ ними только безпокойство да досада; уроковъ не выплетаютъ, она гнѣвается, колотитъ ихъ по щекамъ, а что проку? Лишь только всякій разъ ручки отобьетъ! Ужъ я говорилъ, говорилъ: эхъ, матушка! да послушайся! заведи ты, пожалуйста, деревянныя лапаточки...

Марья Ивановна закрыла лицо платкомъ и обернулась ко второму гостю. — Ну, что, Лаврентій Пахомычъ,—сказала она,—погода у насъ стоитъ крекрасная; вы вѣрно ею пользуетесь?

— Какъ же, сударыня! У меня сѣнокосъ давно конченъ; о жнитвѣ поговариваю.

— Я не о томъ хотѣла васъ спросить. Ну, что гуляете вы?

— Плохо, матушка, ваше превосходительство! Какое гулянье! Правда, третьяго дня были мы съ братомъ Степаномъ у сосѣда нашего Егора Андреевича Фурсикова, кой что выпили—вотъ этакъ бутылочки по двѣ на брата досталось—а настоящей гульбы не было.

Марья Ивановна, видя, что ея не понимаютъ, обратилась къ третьему гостю и спросила его съ улыбкою:—Ну что, Парменъ Өедоровичъ, здорова ли ваша Аграфена Минишна?

— Слава Богу, сударыня!

— Вѣрно занимается садомъ?

— Какже-съ.

— И все гуляетъ по прежнему?

— Эхъ, матушка, ваше превосходительство! вѣдь это говорятъ напрасно.

— Какъ напрасно?

— Видитъ Богъ, напрасно! Отъ злыхъ людей не уйдешь. Ну право, матушка, Марья Ивановна, и въ старину-то ничего не было, а теперь ей подъ сорокъ— помилуйте!

— Да чтожъ тутъ дурного?

— Какъ что дурного? Позвольте, ваше превосходительство! Да я-то на что? Да еслибъ она смѣла!.. Да я бы ей и руки и ноги переломалъ! Нѣтъ, матушка, вышла замужъ, такъ живи честно!

Бѣдная Марья Ивановна совершенно смутилась и кончила свой обходъ, чтобъ не попасть въ пущую бѣду.

Обѣдъ былъ великолѣпный: шампанское лилось рѣкою во всѣ мужскіе желудки; конфекты сыпались во всѣ дамскіе ридикюли; музыка гремѣла; крестьяне, которымъ выкатили цѣлую бочку пива, гуляли на барскомъ дворѣ; пьяные кучера пѣли пѣсни и дрались на конюшнѣ; словомъ, все было въ порядкѣ. Разумѣется, во весь этотъ суматошный день мнѣ не удалось ни разу остаться одному съ Софьей Николаевной. Вотъ наступилъ вечеръ и огромное зарево разлилось по всей окрестности; обширный садъ Кузьмы Петровича, вплоть до самой Клязьмы, усыпался огнями, деревья унизались разноцвѣтными фонариками: въ одной куртинѣ раздались плѣнительные звуки роговой музыки: на рѣкѣ, въ нарядной шлюпкѣ, гаркнулъ хоръ удалыхъ пѣсельниковъ, и въ тоже время на противоположномъ берегу загремѣли хороводныя пѣсни. Всѣ гости разбрелись по саду. Я встрѣтилъ Софью Николаевну съ пріятельницей ея Хопровой и двумя другими дѣвицами въ одной широкой сосновой аллеѣ, которая, начинаясь отъ средины сада, тянулась до самаго берега Клязьмы.

— Какъ эта сосновая аллея,—сказала Софья Нико-

лаевна,—напоминаетъ мнѣ одно мѣсто на Крестовскомъ островѣ.

— А вы часто на немъ бывали?—спросилъ я.

— Нѣтъ, я была на немъ только два раза, но эти обѣ прогулки для меня очень памятны. Въ первый разъ я познакомилась тамъ съ Любовью, которая только что вышла изъ института; а во второй—потеряла мой ридикюль.

— Ридикюль! — повторилъ я, и мысль о находкѣ, которая такъ дорого мнѣ стоила, какъ молнія сверкнула у меня въ головѣ. — Вы вѣрно потеряли его,—проговорилъ я робкимъ голосомъ,—гуляя по сосновой рощѣ, или катаясь съ горъ?..

— Нѣтъ! Мы поѣхали на Крестовскій островъ въ шлюпкѣ; я положила ридикюль подлѣ себя на лавочкѣ, и, видно, какъ-нибудь нечаянно столкнула его въ воду.

— Въ воду!.. Ай, ай!.. Худо, очень худо!..

— Правда, въ немъ почти ничего не было,—прибавила Софья Николаевна:—одинъ платокъ.

— И больше ничего?—спросилъ я, заикаясь.

— Кажется ничего... Ахъ, что я говорю! Въ немъ былъ хрустальный флакончикъ со спиртомъ.

Хрустальный флакончикъ!.. Ну!!! у меня сердце такъ и замерло!

— Да, помнится... — продолжала Софья Николаевна. — Да, да!.. Точно! Тетушкина черепаховая бомбоньерка съ мятными лепешечками. Ужъ досталось мнѣ за нее!

— А записочка-то! — подумалъ я; — о ней ты не говоришь ни слова! Такъ вотъ эта скромная дѣвушка, которая до сихъ поръ никого не любила, никого не предпочитала! А ей пишутъ любовныя записки, говорятъ «ты», называютъ «милымъ другомъ». О, женщины, женщины!

Въ эту самую минуту крестьянская дѣвочка подошла къ Софьѣ Николаевнѣ и подала ей перегнутый на двое клочекъ бумаги. Лишь только Софья Николаевна взглянула на эту записку, то вдругъ измѣнилась въ

лицѣ.—Что это?—подумалъ я.—Отъ кого эта записка? И почему она такъ тревожитъ Софью Николаевну? Тутъ что-нибудь да есть!

— А. Сонюшка! ты здѣсь?—раздался подлѣ насъ голосъ Кукушкина.

Софья Николаевна вздрогнула и второпяхъ бросила въ кусты записку, которую держала въ рукѣ.

— А я тебя искалъ по всему саду,—продолжалъ Кузьма Петровичъ, взявъ подъ руку свою племянницу.— Сейчасъ зажгутъ фейерверкъ—пойдемъ! Mesdames! прошу покорно за мною!

— Ахъ дядюшка! вы знаете, я боюсь смотрѣть на эти фейерверки.

— Полно, мой другъ! шалишь!—прервалъ Кузьма Петровичъ и, не слушая ничего, потащилъ насильно за собою Софью Николаевну. Я остался одинъ. Въ двухъ шагахъ отъ меня бѣлѣлась подъ кустомъ брошенная бумажка. Пользоваться неосторожностію другихъ, читать потихоньку чужія письма—не хорошо, даже очень дурно, кто этого не знаетъ? Но прельщенье было такъ сильно, что я не утерпѣлъ, поднялъ записку и прочелъ слѣдующее:

«Я здѣсь, мой милый другъ! Черезъ полчаса я буду тебя дожидаться въ дубовой рощѣ подлѣ швейцарской хижины».

— Чтожъ это такое? Неужели и это любовная записка?.. Какъ! въ тотъ самый день, когда она почти призналась мнѣ въ любви своей... Нѣтъ, нѣтъ! это невозможно! Но, кажется, рука мнѣ знакома?.. Да. Не помню, гдѣ и когда, но только я точно видѣлъ этотъ почеркъ... Боже мой!.. Боже мой!.. Не ошибаюсь ли я?.. Я бросился какъ безумный вонъ изъ сада, прибѣжалъ къ себѣ въ комнату, спросилъ огня и досталъ изъ моего чемодана ридикюль, по милости котораго я чуть-было не утонулъ въ Невѣ. Вотъ этотъ хрустальный флакончикъ, эта бомбоньерка, этотъ платокъ! на немъ вышиты буквы S. и L. Такъ точно: Софья Ладогина!.. А! вотъ, наконецъ, и эта, до половины смытая

водою записка... Боже мой! И такъ я не ошибся: одна и таже рука!.. Нѣтъ! такое предательство, такое гнусное кокетство превосходитъ всякое вѣроятіе... Она любитъ этого незнакомца... она... Да! она его любовница! Теперь я всему вѣрю! Но для чего же и за что, Боже мой! обманывать и дурачить меня? За что?.. Глупецъ! Да развѣ ты не видишь, что ей нуженъ кто-нибудь, чтобъ отстранить всякое подозрѣніе. Когда всѣ будутъ думать, что она къ тебѣ неравнодушна, то кому придетъ въ голову, что ея петербургскій любовникъ здѣсь, что она имѣетъ съ нимъ свиданія по ночамъ въ лѣсу... О, это уже слишкомъ!.. Вся кровь кипѣла въ моихъ жилахъ! Обманутая любовь, оскорбленное самолюбіе, ревность, досада, всѣ эти адскія чувства, какъ ядовитыя змѣи, зашипѣли въ груди моей и впились въ мое сердце.—Въ дубовой рощѣ,—шепталъ я, стиснувъ зубы, подлѣ швейцарской хижины.—Эта самая уединенная и глухая часть сада... Тѣмъ лучше!.. Нѣтъ, почтенная Софья Николаевна! я помѣшаю вашему свиданію! Съ вами мнѣ дѣлать нечего: вы женщина; но если вашъ любовникъ не подлецъ, то онъ ужъ вѣрно, по крайней мѣрѣ здѣсь, не назначитъ вамъ другого свиданія.

Я осмотрѣлъ мои дорожные пистолеты, зарядилъ ихъ и, положивъ къ сторонѣ, отправился въ садъ. Въ дубовой рощѣ не было ни одного шкалика и я не встрѣтилъ никого: всѣ гости собрались вокругъ террасы, чтобъ смотрѣть фейерверкъ. Дойдя почти ощупью до небольшого луга, на которомъ выстроена была швейцарская хижина, я спрятался за густой рябиновый кустъ. Черезъ нѣсколько минутъ послышался шорохъ и закутанный въ широкій плащъ мужчина вышелъ на поляну. На ней было свѣтлѣе, чѣмъ въ рощѣ, но я не могъ никакъ разсмотрѣть его въ лицо. Прошло еще нѣсколько минутъ и снова раздался шорохъ; между деревьевъ мелькнуло бѣлое платье... Это она!..—«Ты здѣсь, Александръ?» — раздался тихій голосъ. О! я узналъ бы его изъ тысячи голосовъ! Да! это былъ ея

голосъ! Незнакомый сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и Софья Николаевна съ радостнымъ крикомъ бросилась ему на шею. Не могу описать вамъ, что происходило со мною въ эту минуту; сердце мое не билось, кровь застыла въ жилахъ, я ухватился за сучья куста, чтобъ не упасть на землю. Я видѣлъ, какъ этотъ незнакомый прижималъ ее къ груди своей, я слышалъ его ласковый голосъ; но сначала чувства мои были въ такомъ одервенѣніи, что я не могъ разобрать ни одного слова, и всѣ ихъ рѣчи сливались для меня въ какой-то невнятный шопотъ. Вотъ, наконецъ, я сталъ понемногу слышать и понимать то, что они говорили межъ собою.

— Ахъ, Александръ! какая неосторожность! — шептала Софья Николаевна.—Что если узнаютъ...

— Чтожъ дѣлать, мой другъ!—прервалъ незнакомый.—Я рѣшился на все... Меня увѣдомили...—Тутъ онъ такъ понизилъ голосъ, что я не могъ ничего разобрать.

— И ты этому повѣрилъ. Александръ? — сказала довольно громко Софья Николаевна. — Да развѣ есть на свѣтѣ мужчина, который могъ бы быть для тебя опасенъ?

— Но это мучительное состояніе должно когда-нибудь кончиться!—вскричалъ незнакомый. Мнѣ жизнь становится несносною!

— Да чтожъ дѣлать, мой другъ?

— Что дѣлать? Рѣшиться на все.

— Какъ! ты хочешь?..

— Да! мы должны убѣжать; другого средства я не вижу.

Вдругъ раздался громкій трескъ и сотни ракетъ взлетѣли на воздухъ.

— Ахъ, Боже мой!—вкричала Софья Николаевна,— фейерверкъ начался! Меня начнутъ искать по всему саду; быть можетъ, придутъ сюда... Послушай, Александръ! Подожди здѣсь: я черезъ полчаса опять сюда приду.

— Софья Николаевна!—раздался въ близкомъ разстояніи громкій голосъ.

— Я здѣсь!—вскричала она, бросившись на встрѣчу къ слугѣ, который искалъ ее по рощѣ.

Незнакомый и я остались одни. Въ душѣ моей происходила ужасная борьба; я чувствовалъ, что не имѣю никакой причины досадовать на этого незнакомца: Софья Николаевна любила его тогда еще, когда я не имѣлъ о ней никакого понятія. Виноватъ ли онъ, что эта бездушная женщина хотѣла, для своей забавы, вскружить мнѣ голову, и потому что она женщина, потому что я не могу, или не хочу сказать ей въ глаза, что она гнусная, презрѣнная кокетка, онъ долженъ стрѣляться со мною?.. Какая несправедливость!.. Несправедливость!.. Да почему я знаю, что они оба не смѣются надо мною?.. Почему я знаю, что этотъ незнакомецъ не совѣтовалъ Софьѣ Николаевнѣ кокетничать со мною для того, чтобъ вѣрнѣе обмануть и тетушку и дядюшку, которыхъ и безъ того обмануть вовсе не трудно... И я буду терпѣть это?.. И я позволю себя дурачить... Нѣтъ, нѣтъ!.. Ни за что на свѣтѣ!..

Лишь только я хотѣлъ выйти изъ-за куста, вдругъ, вмѣстѣ съ оглушающимъ взрывомъ, тысячи ослѣпительныхъ звѣздъ взлетѣли на воздухъ, разсыпались по небу, и яркій, дневной свѣтъ озарилъ всѣ предметы. Въ это самое мгновеніе незнакомый повернулся ко мнѣ лицомъ... Праведный Боже!.. это онъ, это Красноярскій, тотъ самый морской офицеръ, который нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ спасъ меня отъ неизбѣжной смерти!.. И я хотѣлъ... Боже мой, Боже мой!

— Это ты, Софья?—спросилъ Красноярскій, подходя къ рябиновому кусту, за которымъ раздался шелестъ моихъ шаговъ.—Кто здѣсь?—вскричалъ онъ; но я ужъ былъ далеко. Проходя мимо того мѣста, гдѣ горѣлъ фейерверкъ, я увидѣлъ въ толпѣ крестьянъ моего Никанора Федотыча.—Ступай за мною!—шепнулъ я.

— Эхъ, батюшка, Владиміръ Сергѣевичъ!—сказалъ онъ.—Позвольте! Сейчасъ станутъ бураки пускать.

— Мы ѣдемъ! Ступай, укладывайся.

— Какъ такъ? — проговорилъ Никаноръ, остолбенѣвъ отъ удивленія.

— Идешь ли ты!

— Слушаю, сударь.

Войдя въ мою комнату, я повторилъ это приказаніе Никанору, а самъ схватилъ листъ бумаги, и вотъ что написалъ Софьѣ Николаевнѣ:

«Я возвращаю потерянный вами ридикюль. Вы найдете въ немъ все, даже любовную записку отъ этого господина, который такъ нечаянно обрадовалъ васъ своимъ пріѣздомъ. Я видѣлъ и слышалъ все; однако-жъ будьте спокойны: я не помѣшаю вамъ убѣжать съ Красноярскимъ. Скажите ему, что я тотъ самый Завольскій, котораго онъ нынѣшней весною спасъ отъ смерти. Теперь мы, кажется, поквитались. Прощайте, Софья Николаевна! Въ здѣшнемъ мірѣ мы никогда ужъ съ вами не встрѣтимся».

Я положилъ эту записку въ ридикюль.—Никаноръ!— сказалъ я,—возьми, заверни, да попроси кого-нибудь повѣрнѣе, чтобъ онъ завтра поутру отдалъ это Софьѣ Николаевнѣ.

— Слушаю, сударь.

— Мы сейчасъ отправляемся.

— Сейчасъ! Такъ надобно привезти вашу коляску: она въ кузницѣ.

— Тѣмъ лучше! Отнеси туда чемоданъ и найми лошадей. Завтра поутру мы должны быть въ Москвѣ.

— Слушаю, сударь.

Я началъ ходить скорыми шагами по комнатѣ, а Никаноръ сталъ укладываться.

— Что, сударь, — сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія,—мы скоро вернемся назадъ?

— Никогда.

— Никогда? Помилуйте! да какъ это можно.

— А почему же нельзя, болванъ?

— Какъ почему? Вѣдь вы изволите жениться на Софьѣ Николаевнѣ.

— Съ чего ты это взялъ?

— Помилуйте, сударь! Да вся дворня на васъ любуется; всѣ говорятъ, что вы женихъ и невѣста. Вотъ вчера еще, при мнѣ, мамушка Федосья говорила Матренѣ ключницѣ: — Эхъ, дѣвка! Маленько у насъ голландскаго-то полотна, не достанетъ на наволоки! А надо скоро за работу приниматься. Дай Господи всякаго счастія—промолвила она,—матушкѣ нашей барышнѣ — ангелъ небесный! А Матрена-то искривила рожу, да мнѣ изъ-подтишка и подмигиваетъ. Ну вотъ извольте видѣть!

— Я вижу только, что онѣ такъ же врутъ, какъ и ты. Когда пріѣдемъ въ Москву, тотчасъ ступай за подорожной и нанимай лошадей.

— Какъ, Владиміръ Сергѣевичъ. Такъ вы и въ Москвѣ-то не хотите пожить?

— Нѣтъ!

— Да куда же мы поѣдемъ?

— Все равно! Лишь только бы скорѣй изъ Москвы.

— Равно, да не одно, сударь. Вѣдь подорожной-то не дадутъ на всѣ четыре стороны.

— Ну, возьми подорожную до Кіева.

— Слушаю, сударь!

— Мы тамъ пробудемъ нѣсколько дней и отправимся за-границу.

— Ужъ не опять ли къ нѣмцамъ?

— Нѣтъ! Мы поѣдемъ въ Андалузію.

— Куда-съ?

— Въ Андалузію.

— А что это за земля такая? Гдѣ она, сударь?

— Въ Испаніи.

— Вотъ тебѣ разъ! Ахъ, ты, Господи! Да что вамъ далась эта Гишпанія?

— Молчи, дуракъ!

— Слушаю, сударь.

Никаноръ сталъ затягивать ремни чемодана и ворчалъ про себя:—Эка невидаль—Гишпанія!.. Чай хуже Нѣметчины. Вотъ не было печали, да черти накачали!

— Что ты тамъ бормочешь?—закричалъ я.

— Ничего, сударь... Воля ваша.

— Да чтожъ ты ворочаешься? Укладывайся проворнѣй!

— Сейчасъ, сударь! А что, Владиміръ Сергѣевичъ,—прибавилъ Никаноръ, почесывая въ головѣ,—въ этой Гишпаніи Христа знаютъ, или нѣтъ?

— Полно врать, дуракъ! Бери чемоданъ и ступай.

— Чай, порядкомъ и лба-то перекрестить не умѣютъ, проклятые бусурманы!—сказалъ Никаноръ, выходя изъ комнаты.

Часа черезъ два мы скакали уже по московской дорогѣ.

III.

Подлинно правду говоритъ русская пословица: «скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается». Давноли я пировалъ вмѣстѣ съ вами на имянинахъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Кукушкина. Съ тѣхъ поръ вы успѣли только, вмѣсто перваго тома, взять въ руки второй, а межъ тѣмъ прошло уже около двѣнадцати мѣсяцевъ, и я живу теперь въ Альмеріи, въ этомъ небольшомъ, но прелестномъ городкѣ южной Испаніи. Да, любезные читатели, чрезъ шесть недѣль будетъ ровно годъ, какъ вашъ бѣдный, обманутый мечтатель ускакалъ изъ подмосковной Кузьмы Петровича Кукушкина. Вы вѣрно думаете, что я прожилъ все это время въ Андалузіи, что подъ ея благодатными небесами жизнь моя текла спокойно и счастливо? Ахъ, нѣтъ? Я не скоро добрался до этой хваленой Альмеріи; со мною было много тревогъ и много горя. Если позволите, я разскажу вамъ все по порядку.

Я намѣренъ былъ сначала отправиться въ Испанію сухимъ путемъ; но когда пріѣхалъ въ Москву, то вдругъ овладѣло мною непреодолимое желаніе ѣхать моремъ.—Быть можетъ,—думалъ я,—опасности и тревоги морского путешествія будутъ лучшимъ лѣкар-

ствомъ для моего растерзаннаго сердца. Двѣ, три бури, и эта постыдная любовь къ недостойной женщинѣ, любовь, которая и теперь еще наполняетъ мою душу, пройдетъ, исчезнетъ какъ минутное безуміе; сильныя потрясенія почти всегда возвращаютъ разсудокъ сумасшедшимъ. Но если буря не кончится одной тревогою? Если намъ встрѣтится подводный камень? Такъ чтожъ? Тѣмъ лучше: всему конецъ. Грустно разставаться съ жизнію тому, кто счастливъ, кого любятъ; а вѣдь обо мнѣ и плакать-то будетъ некому!

Я поскакалъ въ Петербургъ, пробылъ тамъ однѣ сутки и отправился въ Кронштадтъ. Мнѣ не удалось даже повидаться съ Бурминымъ: фрегатъ, на которомъ онъ служилъ, вышелъ въ море. Въ Кронштадтѣ я познакомился съ капитаномъ англійскаго военнаго шлюпа, который отправлялся обратно въ свое отечество. Этотъ морякъ полюбилъ меня, вѣроятно за то, что я говорилъ съ нимъ по-англійски, и точно такъ же, какъ онъ, никогда не улыбался. Господинъ Томсонъ (такъ называли капитана англійскаго шлюпа) взялся довезти меня до Портсмута.—Если вы, мистеръ Завольскій,— говорилъ онъ, — не захотите побывать въ Лондонѣ, чему однакожъ я не вѣрю, то можете прямо изъ Портсмута отправиться въ Лиссабонъ, или даже въ одинъ изъ испанскихъ портовъ Средиземнаго моря; впрочемъ, я не сомнѣваюсь, что когда вы взглянете на берега нашей древней Англій, то ужъ вѣрно захотите посмотрѣть эту столицу всей Европы, этотъ Лондонъ, въ которомъ вы будете на каждомъ шагу дивиться чудесамъ просвѣщенія и благоговѣть передъ колоссальнымъ могуществомъ свободной Британіи.

Я не хотѣлъ спорить съ господиномъ Томсономъ, но думалъ про себя, что всѣ эти столицы *всей Европы*, которыхъ, вѣроятно, начтется порядочное число, не стоятъ моей скромной, неизвѣстной, но счастливой Альмеріи: она не велика, ее можно выстроить на ладони—это правда; да зато въ ней круглый годъ точно также свѣтло, тепло и привольно, какъ сумрачно,

холодно и тѣсно въ какомъ-нибудь закопченомъ Лондонѣ, или грязномъ Парижѣ.

Вотъ мы вышли изъ Кронштадтскаго порта и пролетѣли на всѣхъ парусахъ мимо угрюмыхъ береговъ русской Финляндіи. Сначала я чувствовалъ себя довольно хорошо, но это продолжалось не долго; во второй день нашего путешествія подулъ сильный вѣтеръ, взрылъ гладкую поверхность моря, шлюпъ запрыгалъ по волнамъ и къ вечеру меня совершенно укачало. Я слегъ въ постель и не вставалъ съ нея до самаго пріѣзда въ Портсмутъ. Кто не испыталъ на самомъ себѣ этой морской болѣзни, тотъ не можетъ вообразить, до какой степени она мучительна. Она совершенно убиваетъ въ больномъ не только тѣлесныя, но и душевныя силы: все становится для него несноснымъ; сначала мучительная боль, потомъ неизъяснимая тоска, а тамъ какое-то безчувственное одеревенѣніе, которое превращается подъ конецъ въ совершенное равнодушіе и даже отвращеніе къ самой жизни. Мой вѣрный слуга, Никаноръ Федотычъ, былъ въ отчаяніи. На всемъ шлюпѣ я одинъ только говорилъ по-русски; но я не могъ его успокоить, потому что подъ конецъ пересталъ отвѣчать на его безпрерывные вопросы: — Что, батюшка Владиміръ Сергѣевичъ, полегче ли вамъ? — Несмотря на увѣреніе господина Томсона, что болѣзнь моя вовсе не опасна, я и самъ начиналъ уже сомнѣваться въ моемъ выздоровленіи.— Ахъ, ты, Господи Боже мой! — говорилъ Никаноръ, смотря на меня и обливаясь горькими слезами.—Эхъ, батюшка Владиміръ Сергѣевичъ! Не сидѣлось вамъ дома! Вотъ тебѣ и поѣхали моремъ!.. А эти басурманы-то, разбойники, имъ какое дѣло, что вы умрете безъ покаянія. Этакіе звѣри, подумаешь!.. Вотъ хоть этотъ матросъ съ красной рожей, что убираетъ вашу комнату: я ему сталъ толковать, что вы умираете, а онъ смѣется! — Что ты зубы-то скалишь, проклятый! — закричалъ я.—Развѣ баринъ у меня собака? Да и собака умираетъ, такъ жаль; пострѣлъ этакой! Чтобь

тебѣ самому издохнуть, нехристь поганая! А онъ пуще смѣется! Ну, нечего сказать—народецъ!.. Не даромъ же ихъ командиръ строгъ; а ужъ строгъ, Владиміръ Сергѣевичъ! Каждый день жаритъ, жаритъ ихъ плетьми!.. Ахъ, ты, Господи!.. А послушаешь этихъ всякихъ мусьёвъ, что изъ чужихъ краевъ пріѣзжаютъ къ намъ наживаться, такъ у насъ только на Руси служивыхъ наказываютъ за вину палками, а у нихъ все гладятъ по головкѣ! Да по дѣломъ этимъ буянамъ! Еслибъ ихъ каждый день не пороли, такъ съ ними и ладу бы вовсе не было [1]).

Какъ странна эта морская болѣзнь! Я казался умирающимъ, никакія лѣкарства не приносили мнѣ облегченія, и лишь только по прибытіи нашемъ въ Портсмутъ вышелъ на берегъ, то сталъ не постепенно, а вдругъ совершенно здоровымъ. Разумѣется, этотъ внезапный переходъ отъ болѣзненнаго состоянія къ здоровью очень меня обрадовалъ, а когда мы радуемся, то бываемъ ко всему снисходительны: все порядочное кажется намъ хорошимъ, хорошее превосходнымъ, а дурного мы даже и замѣчать не хотимъ. Портсмутъ городъ весьма обыкновенный, а мнѣ онъ показался великолѣпнѣе Петербурга. Улицы, дома, площади и даже туманно-сѣрыя небеса его, все меня восхищало, потому что я дышалъ свободно и чувствовалъ себя совершенно здоровымъ. Эта морская болѣзнь такъ меня напугала, что я рѣшился продолжать мое путешествіе сухимъ путемъ, то есть заѣхать на нѣсколько дней въ Лондонъ, потомъ отправиться общей дорогою всѣхъ путешественниковъ въ Дувръ, изъ Дувра переѣхать

[1]) Чтобъ имѣть понятіе, съ какою строгостію или, лучше сказать, жестокостью обращаются въ Англіи съ матросами и вообще нижними морскими чинами, должно прочесть сочиненіе нашего современнаго писателя, капитана Marrit'a. Баронъ Д'Оса (d'Haussez), говоря о дисциплинѣ сухопутнаго войска Великобританіи, разсказываетъ, что въ Англіи сто, двѣсти, и даже триста ударовъ кнутомъ есть самое обыкновенное наказаніе солдату за вину, которая достаточно была бы наказана мѣсячнымъ или двухъ-мѣсячнымъ арестомъ (La Grande Brétagne en mil huit-cent trentetrois, par M-r le Baron d'Haussez. Bruxelles, tom. I, pag, 134).

моремъ въ Кале, пожить недѣли двѣ въ Парижѣ, а тамъ черезъ Южную Францію и Пиренейскія горы добраться потихоньку до Испаніи.

На другой день моего прибытія въ Портсмутъ, я послалъ трактирнаго слугу за почтовыми лошадями, а самъ пошелъ вмѣстѣ съ Никаноромъ въ таможню за моимъ чемоданомъ, который для осмотра былъ туда отосланъ прямо съ корабля. Надобно сказать правду, трудно найдти грубѣе и непріятнѣе англійскихъ таможенныхъ смотрителей. Чтобъ какъ-нибудь скорѣе съ ними развязаться, я далъ имъ гинею, за которую, впрочемъ, не сказали мнѣ даже и спасибо. Это бы еще не бѣда; но вотъ что показалось мнѣ рѣшительно нестерпимымъ: въ моей дорожной шкатулкѣ, между прочихъ вещей, былъ серебряный чайный приборъ; небольшой, но такой уютный и такъ хорошо сдѣланный, что всѣ имъ любовались. Представьте себѣ мое удивленіе: мнѣ возвратили его въ кускахъ! — Чтожъ это значитъ?—вскричалъ я.—Зачѣмъ вы изломали мой чайный приборъ?

— Такъ должно, — проговорилъ нехотя толстый начальникъ таможни, не обращая на меня никакого вниманія.

— По нашимъ законамъ, всѣ серебряныя вещи иностраннаго издѣлія—запрещенный товаръ,—сказалъ другой чиновникъ таможни;—а какъ въ то-же время ввозъ собственно металла не запрещенъ, такъ мы конфисковали только фасонъ вашего чайнаго прибора; а серебро отдаемъ вамъ обратно [1]).

Разумѣется, послѣ этого говорить было нечего: я успокоился; но мой Никоноръ Федотычъ не скоро уходился.—Ну, сударь! — сказалъ онъ, когда мы вышли изъ таможни, — каковъ народецъ? Чтожъ это такое? Да это дневной грабежъ!

— Дѣлать нечего, братецъ: такой законъ.

---

[1]) Не знаю теперь, а лѣтъ двадцать пять тому назадъ, этотъ законъ строго наблюдался во всѣхъ англійскихъ таможняхъ.

— Помилуйте, сударь, какой это законъ! Гдѣ видано ломать чужое серебро?

— Да развѣ, Никаноръ, ты не слыхалъ русской пословицы: «что городъ, то норовъ»:..

— Конечно, сударь, такъ! Да только вотъ что: когда они сами-то ѣздятъ по другимъ землямъ, ломаютъ ли у нихъ серебряные чайники и молочники?

— Кажется нѣтъ.

— Ну, вотъ изволите видѣть! Такъ за чтожъ они-то другихъ обижаютъ?

— Да развѣ ты, Никаноръ, не знаешь, что у себя въ дому всякій господинъ и воленъ дѣлать что хочетъ.

— Какъ не знать, сударь.

— Такъ о чемъ же и толковать.

— А что, Владиміръ Сергѣевичъ!—сказалъ Никаноръ, помолчавъ нѣсколько времени, — вы помните, какъ мы еще жили при покойномъ нашемъ батюшкѣ въ Закамской его вотчинѣ, селѣ Турухтановѣ?

— Какъ не помнить.

— Вѣдь вы изволите знать, что это село было разнопомѣстное?

— Ну да, знаю.

— Вотъ, сударь, лѣтъ двадцать тому назадъ, пріѣхалъ жить въ Турухтаново новый баринъ, не такъ чтобы очень богатый, а ужъ такой буянъ и обидчикъ, что не приведи Господи. На выгонѣ чуть только чужая скотина перейдетъ на его сторону, тотчасъ и загонитъ: плати ему за потраву, за потопку, за то, за се... Ему начнутъ говорить:—Помилуйте, батюшка! ну, какъ усмотрѣть,—дѣло сосѣдское, земля черезполосная! А онъ себѣ оретъ свое:—Я, дескать, господинъ на своей землѣ, и что хочу, то и дѣлаю.—Этакъ-то?—сказалъ покойный вашъ батюшко, дай Богъ ему царство небесное! — Такъ постой же!.. Онъ загонитъ курицу, а у него барана; онъ корову, а у него лошадь! Чтожъ, сударь? Покуражился, покуражился, да дѣлать нечего: присмирѣлъ, полно буянить!

— Прошу покорно!—подумалъ я про себя.—Ай-да

Никаноръ Федотычъ! какія онъ изволитъ отпускать аллегоріи!

Я засталъ у себя на квартирѣ господина Томсона, который пришелъ со мною проститься. Онъ совѣтовалъ мнѣ переѣхать въ ту самую гостиницу, въ которой жилъ одинъ изъ его сослуживцевъ.—Джонъ Шмитъ искренній мой пріятель,—сказалъ Томсонъ,—и когда вы отдадите ему это рекомендательное письмо, то онъ совершенно будетъ въ вашемъ распоряженіи. Вы еще не знаете, что такое Лондонъ. Въ немъ пріѣзжему человѣку безъ товарища и путеводителя—бѣда! Это не городъ, а цѣлый міръ!—Я поблагодарилъ Томсона, простился съ нимъ и сѣлъ вмѣстѣ съ Никаноромъ въ почтовую коляску, въ которой, надобно сказать правду, можно бы было безъ стыда показаться на любомъ московскомъ или петербургскомъ гуляньѣ.

Мнѣ должно вамъ сказать, любезные читатели, что въ Портсмутѣ я рѣшился вести ежедневныя записки моего путешествія по Европѣ. Я кончилъ ихъ въ Гренадѣ. Быть можетъ, я ошибаюсь, но мнѣ кажется, что для васъ будетъ пріятнѣе пробѣжать мимоходомъ отрывистыя записки молодого человѣка, чѣмъ слушать безконечные разсказы старика, который живетъ одними воспоминаніями, слѣдовательно, бываетъ всегда многорѣчивъ, когда разсказываетъ о приключеніяхъ своей молодости. Вотъ эти записки, не всѣ—большая часть изъ нихъ растеряна во время моего путешествія по Испаніи; но такъ какъ это не разсказъ, который требуетъ нѣкоторой полноты и цѣлости, а просто отдѣльныя замѣчанія и отрывки, то я надѣюсь, что эта потеря будетъ вовсе для васъ не замѣтна.

Журналъ русскаго путешественника.

Лондонъ.

...Весело ѣздить въ Англіи на почтовыхъ; берутъ дорого—это правда, но за то васъ везутъ отлично-хо-

рошо. Большая дорога гладка и ровна, какъ скатерть, виды очаровательные; готическіе за̀мки англійскихъ лордовъ, прелестныя дачи, бархатные луга—все веселитъ взоры путешественниковъ. Напрасно только говорятъ, что въ Англіи нѣтъ нищихъ; конечно ихъ менѣе, чѣмъ у насъ въ Россіи; разница только въ томъ, что наши нищіе просятъ, а англійскіе требуютъ. На каждой станціи, когда я сажусь въ коляску, цѣлая толпа оборванныхъ бродягъ приступаетъ ко мнѣ со всѣхъ сторонъ.—Прошу мнѣ дать на водку,—шепчетъ одинъ.—Вы чихнули, а я вамъ сказалъ: здравствуй!—Дайте мнѣ крону,—говоритъ другой:—я отпиралъ и запиралъ дверцы вашей коляски.—Пожалуйте мнѣ шиллингъ!—кричитъ третій:—я снялъ у васъ съ плеча соломенку!—И что всего досаднѣе, имъ дашь, а они и шляпы не приподымутъ. Лондонъ сдѣлалъ на меня большое впечатлѣніе, но только не совсѣмъ пріятное. Это необычайное многолюдство, это безчисленное множество кирпичныхъ домовъ, какъ двѣ капли воды другъ на друга похожихъ, невольнымъ образомъ пугаютъ воображеніе путешественника; ему кажется, что онъ пропадетъ безъ вѣсти, вовсе исчезнетъ посреди этого необъятнаго людского муравейника. Правду сказалъ Томсонъ, что Лондонъ не городъ, а цѣлый міръ; но только міръ самый пасмурный, самый однообразный, и, несмотря на свое многолюдство, едва ли не самый скучный изъ всѣхъ міровъ нашей солнечной системы. Безконечныя улицы, закопченые кирпичные дома, площади правильныя, но дурно обстроенныя, и цѣлыя облака угольнаго дыму, который, какъ густой туманъ, лежитъ на черныхъ кровляхъ; все это вмѣстѣ придаетъ городу видъ отмѣнно мрачный. Чтобъ добраться до трактира, который мнѣ рекомендовалъ господинъ Томсонъ, я долженъ былъ ѣхать почти всѣмъ городомъ. На одной изъ площадей, по большому стеченію народа, коляскѣ моей нельзя было проѣхать; мы остановились. Посреди многолюдной толпы на деревянныхъ подмосткахъ стоялъ какой-то ораторъ; онъ го-

ворилъ съ большимъ жаромъ, размахивалъ руками какъ сумасшедшій и билъ себя въ грудь кулакомъ; отъ времени до времени народъ принимался кричать съ такимъ отвратительнымъ визгомъ, что я заткнулъ себѣ уши. Ко мнѣ безпрестанно заглядывали въ коляску звѣрскія пьяныя рожи и растрепанныя безобразныя твари, которыхъ по одному только платью можно было назвать женщинами. Чрезъ полчаса народъ сталъ расходиться и я, наконецъ, доѣхалъ до моей квартиры.

...Я очень доволенъ моими комнатами: красивая и спокойная мебель; полы обиты коврами, прекрасныя зеркала, мраморный каминъ, нигдѣ ни пылинки, все чисто, свѣжо и опрятно. Я плачу за нихъ рублей тридцать въ сутки—это дорого, но въ Лондонѣ дешевы только деньги. Вчера я не успѣлъ познакомиться съ господиномъ Шмитомъ; сегодня по утру я отнесъ къ нему письмо пріятеля моего Томсона. Этотъ Шмитъ очень добрый и любезный малый; мы живемъ съ нимъ въ одномъ корридорѣ и, вѣроятно, будемъ часто видѣться. Я спросилъ его, между прочимъ, что значитъ это сходбище, которое мнѣ удалось вчера видѣть на площади.

— Это одно изъ частныхъ народныхъ совѣщаній,— сказалъ Шмитъ.—Они называются у насъ: Meeting.

— Да о чемъ же говорятъ въ этихъ совѣщаніяхъ?

— По большей части о реформѣ, объ искорененіи разныхъ злоупотребленій.

— Вотъ что! Такъ они толкуютъ о важныхъ предметахъ?

— Да, по своему.

— Какъ же это мнѣ показалось, что не только ораторъ, но и большая часть слушателей были не въ трезвомъ видѣ?

— Разумѣется, вѣдь порядочные люди никогда не бываютъ на этихъ сходбищахъ.

— Такъ какая же можетъ быть польза отъ этихъ совѣщаній?

— Никакой. Но это одно изъ священныхъ правъ свободнаго англійскаго народа.

— И эти совѣщанія всегда оканчиваются спокойно?

— Почти всегда. Изрѣдка случаются небольшіе безпорядки, а особливо въ Манчестерѣ: тамъ эти совѣщанія бываютъ довольны шумны. Человѣкъ пять-шесть изувѣчатъ, перебьютъ нѣсколько стеколъ; но объ этихъ мелочахъ и журналисты не пишутъ.

Господинъ Шмитъ хотѣлъ было итти вмѣстѣ со мною въ церковь святаго Павла, но его захватили гости. Я надѣлъ фракъ, повѣсилъ въ петличку мой орденъ и сейчасъ отправляюсь одинъ осматривать этотъ великолѣпный храмъ, который, по своей огромности, считается первымъ послѣ римскаго Петра и Павла.

Худо не знать обычаевъ города, въ которомъ живешь. Я воротился домой, не видавъ церкви святаго Павла. Вотъ какъ это случилось. Я шелъ весьма спокойно по тротуару, и хотя замѣчалъ, что почти всѣ проходящіе заглядывали мнѣ въ лицо и косились, но я не обращалъ на это большого вниманія; наконецъ, необычайный шумъ заставилъ меня оглянуться: толпа оборванныхъ мальчишекъ бѣжала вслѣдъ за мною; многіе изъ нихъ указывали на меня пальцами и кричали: French dog! french dog! Я не могъ понять, что это значило. Къ счастью, одинъ англичанинъ сжалился надо мною.

— Снимите вашъ орденъ,—сказалъ онъ мнѣ.

— Для чего?—спросилъ я.

— А для того, чтобъ васъ не закидали грязью.

— Грязью? Помилуйте! за что?

— За то, что вы хотите отличаться отъ другихъ. Въ лондонскихъ улицахъ всѣ должны казаться равными.

Я снялъ мой крестъ, но негодные мальчишки не хотѣли отъ меня отстать и заставили поневолѣ воротиться домой.

Лондонъ.

Мнѣ хотѣлось прожить въ Лондонѣ съ полмѣсяца; но едва ли проживу и недѣлю. Я очень понимаю, что человѣкъ, который ѣдетъ въ Англію для того, чтобъ видѣть своими глазами, до какой высокой степени можетъ достигнуть народная промышленность, найдетъ безпрерывную пищу для своего любопытства; для него мало и полжизни, чтобъ пересмотрѣть всѣ фабрики, заведенія и надивиться до-сыта этимъ чудесамъ ремесленной механики, по милости которой Англія безпрестанно умножаетъ свои производящія силы и поддерживаетъ всемірную свою торговлю. Но я совсѣмъ не для этого оставилъ мое отечество: я искалъ свѣтлыхъ небесъ, тихой, спокойной жизни, простодушныхъ нравовъ и гостепріимнаго уголка, куда еще не достигало это европейское просвѣщеніе, съ его лицемѣрной любовью ко всему человѣчеству, условными фразами, ложной чувствительностію, дѣйствительнымъ эгоизмомъ, холоднымъ безвѣріемъ и этими новыми идеями, въ которыхъ выворочены на-изнанку всѣ прежнія понятія и даже слова, для того только, чтобъ онѣ не казались старыми. Напримѣръ, здѣшняя вольность—ее, безъ всякаго сомнѣнія, назвали-бы въ старину своевольствомъ. Презрѣніе свое ко всѣмъ иностранцамъ англичане величаютъ благородной гордостію; а было время, что эту смѣшную спѣсь называли варварствомъ. Нельзя себѣ представить, до какой степени эта *благородная гордость* наполняетъ душу каждаго англичанина: самый послѣдній ремесленникъ, нищій, считаетъ себя важнѣе всякаго иностранца, и при первомъ удобномъ случаѣ старается ему объ этомъ напомнить. Я сдѣлалъ довольно странное замѣчаніе: мнѣ здѣсь каждый день становится скучнѣе, а мой Никаноръ примѣтнымъ образомъ начинаетъ мириться съ англичанами и даже иногда ихъ похваливаетъ. Отчего такая перемѣна?

Лондонъ.

Сегодня послѣ обѣда мой Никанор̀ъ Федотычъ вошелъ ко мнѣ съ подбитымъ глазомъ.

— Что это у тебя правый глазъ?—вскричалъ я.

— Такъ-съ, ничего; не извольте безпокоиться.

— Да ты, мнѣ кажется, пьянъ?

— Есть немного, Владиміръ Сергѣевичъ! Воля ваша, не могъ отговориться.

— Да гдѣ ты былъ?

— Вонъ тамъ, сударь, на площади, въ харчевнѣ. Я пошелъ туда пообѣдать; гляжу, народу много. Въ одномъ углу стоитъ порожній столикъ; я сѣлъ, стукнулъ ножемъ и мнѣ тотчасъ подали каравай хлѣба, часть говядины, да кружку пива. Вотъ я сижу себѣ, да ѣмъ; вдругъ, откуда ни возьмись, какой-то приземистый и толстый мусью въ синемъ сюртукѣ сталъ противъ меня, да и ну зубы скалить, да говорить: «Френчъ-догъ, Френчъ-догъ!»—Что такое?—подумалъ я.—Ужъ не хозяинъ-ли это? Видно спрашиваетъ, хорошъ-ли столъ? Я кивнулъ ему головою и говорю:—славная, хозяинъ, говядина, славная! А онъ такъ и умираетъ со смѣху. Вотъ подсѣлъ ко мнѣ матросъ и началъ говорить со мной по-русски—плохо, а разобрать можно. Онъ, изволите видѣть, долго жилъ въ Петербургѣ.—Послушай, камрадъ,—молвилъ я,—что этотъ краснорожій-то все ухмыляется, да говоритъ мнѣ: френчъ-догъ? Что это по вашему?—Да не хорошо,—сказалъ матросъ.—Онъ называетъ тебя французской собакою.—Какъ такъ? За что? Ахъ онъ, толстый чортъ! Скажи-ка, братъ, ему, чтобы онъ отваливалъ, а не то вѣдь я какъ-разъ зубы пересчитаю!—Матросъ пробормоталъ что-то по своему; гляжу, этотъ буянъ сюртукъ долой, да и ну рукава засучивать.—Э, братъ! такъ ты хочешь развѣдаться по нашему! Изволь, я не прочь!—И я долой мою куртку. Вотъ всѣ сбѣжались и стали около насъ кружкомъ. Мы вышли другъ противъ друга; толстякъ наклонилъ голову словно быкъ, началъ вертѣть кулаками, дѣлать разныя штуки, да

вдругъ какъ свиснетъ меня подъ салазки... Хорошо! Я хотѣлъ обезпокоить его по становой жилѣ, да нѣтъ—увертливъ! Я разъ, я два—все мимо, а онъ щолкъ да щолкъ! Ахъ, чортъ возьми, досадно! Постой же, проклятый бусурманъ! Вотъ вижу, что онъ нарахтится съѣздить меня по рожѣ; я какъ будто оплошалъ, а онъ размахался, размахался, да какъ хлыстъ! Я въ сторону, да на отмашь-то его царапъ подъ самое дыханье! Онъ и захлебнулся, глаза посоловѣли, руки опустились, а стоитъ! А я думаю про себя:—врешь, нѣмецъ, упадешь! Такъ и есть: покачался, покачался, да и грохъ о-земь. Вотъ тутъ, Владиміръ Сергѣевичъ, я немного струхнулъ. Ну какъ изъ него душа вонъ? Вѣдь уголовщина: возьмутъ тебя на съѣзжую... Какая съѣзжая! У нихъ объ этомъ и слуху нѣтъ! Гляжу, всѣ меня обступили, начали жать руку, посадили за столъ, да ну-ка подчивать пивомъ, виномъ... А вино-то, Владиміръ Сергѣевичъ, лучше нашего: такое забористое! Я пью, а они кричатъ по своему: ура! стучатъ ногами; шумъ, гамъ... Ну, нечего сказать, честно поступили! Эхъ, сударь, жаль, что они по нашему-то не разумѣютъ; а вѣдь что ни говори—бравый народъ!

Теперь я понимаю, отчего Никаноръ Федотычъ сталъ похваливать англичанъ. Ихъ простой народъ любитъ подраться въ кулачки, уважаетъ тѣлесную силу, не боится съѣзжей и пьетъ джинъ, который ничѣмъ не хуже нашего пѣннаго вина.

...Я сейчасъ ложусь въ постель; голова у меня проломлена, а лицо такъ обезображено, что я не похожу на самого себя; и все это потому, что живу въ землѣ свободной, подъ защитою премудрыхъ законовъ. Вотъ какъ это случилось. Я обѣдалъ сегодня у одного изъ чиновниковъ русскаго посольства. Возвращаясь домой въ наемной каретѣ, я былъ остановленъ недалеко отъ парламента цѣлой толпою народа; въ одну минуту человѣкъ десять пьяныхъ англичанъ окружили мою карету; одни осыпали меня проклятіями и ругатель-

ствами, другіе, крича во все горло: hear, hear! дразнили языкомъ. Мой кучеръ ударилъ по лошадямъ, толпа разступилась, я думалъ, что этимъ отдѣлался; не тутъ-то было! Въ меня начали кидать грязью. Я поднялъ стекла и, вмѣсто грязи, каменный градъ посыпался на мою карету; куски стеколъ полетѣли мнѣ прямо въ лицо, и одинъ камень попалъ въ голову. Пріѣхавъ на квартиру, я тотчасъ послалъ за докторомъ. Черезъ полчаса явился ко мнѣ мой сосѣдъ, господинъ Шмитъ.

— Я пришелъ васъ утѣшить,—сказалъ онъ.—Мнѣ извѣстно теперь все. Успокойтесь! Народъ изувѣчилъ васъ ошибкою.

— Вотъ забавно! Да развѣ мнѣ отъ этого легче?

— Васъ приняли за одного парламентскаго члена, котораго партія *радикальныхъ* терпѣть не можетъ.

— Вѣроятно за то, что онъ мыслитъ съ ними различно?

— Разумѣется.

— Такъ какой же вы хвалитесь свободою, когда у васъ и представители народа не имѣютъ свободы ни говорить, ни дѣйствовать по своей волѣ.

— Съ чего вы это взяли?

— Да какъ же? Вѣдь они должны выбирать одно изъ двухъ: или кривить душею для того, чтобъ во всемъ угождать вашей лондонской черни, или говорить только то, что имъ внушаетъ совѣсть, и ожидать всякій день, что имъ расproломаютъ головы? Прекрасная свобода! Парламентскій членъ лицо неприкосновенное для правительства, а какой-нибудь лоскутникъ-журналистъ имѣетъ право осыпать его ругательствами, а какіе-нибудь пьяные поденщики и фабричные могутъ его бить сколько ихъ душѣ угодно.

— Почему-жъ вы это думаете?

— Потому, что читаю англійскіе журналы, и узналъ теперь на опытѣ, что вашъ народъ имѣетъ право кидать грязью и каменьями въ того, кто ему не нравится.

— Вы ошибаетесь. Кидать грязью онъ можетъ: по крайней мѣрѣ правительство не обращаетъ на это никакого вниманія; да и стоитъ ли эта бездѣлка того, чтобъ стѣснять для нее права свободнаго народа? Но кидать каменьями у насъ запрещено.

— Поэтому, если бы я зналъ, кто проломилъ мнѣ голову, то могъ бы на него пожаловаться?

— Конечно могли бы.

— И онъ былъ бы наказанъ?

— Безъ всякаго сомнѣнія; разумѣется, еслибъ вы доказали, что онъ точно хотѣлъ бросить въ васъ камнемъ, а не захватилъ его нечаянно вмѣстѣ съ грязью.

— И послѣ этого вы смѣете хвалиться вашими законами?

— Да чтожъ въ нихъ страшнаго? Они даютъ только возможность обвиненному оправдаться; впрочемъ, ни у кого не отнята свобода: въ васъ кидаютъ грязью, кидайте сами.

— Да, конечно, это большое утѣшеніе.

— Я согласенъ съ вами,—прибавилъ Шмитъ, помолчавъ нѣсколько времени,—излишняя свобода нашего народа имѣетъ свою невыгодную сторону; но еслибъ вы знали, какимъ добромъ выкупается это ничтожное зло...

— Можетъ быть, для васъ, господа англичане,—прервалъ я съ досадою,—но ужъ конечно не для тѣхъ, которые пріѣзжаютъ любоваться вашимъ закопченымъ Лондономъ.

— Вы сердитесь, мистеръ Завольскій,—сказалъ съ улыбкою Шмитъ.—Въ вашемъ положеніи это извинительно. Но вотъ пріѣхалъ докторъ; я не хочу мѣшать вамъ. Прощейте! . . . .
. . . . Мнѣ пустили кровь... я чувствую, что мнѣ становится все хуже и хуже...

Лондонъ,

Сегодня въ первый разъ, послѣ тяжкой трехмѣсячной болѣзни, я принялся снова за перо, я былъ отчаянно боленъ. Несмотря на то, что мнѣ пустили

кровь, у меня сдѣлалось сначала воспаленіе въ мозгу, потомъ изнурительная нервная горячка, а, наконецъ, такая слабость, что я нѣсколько недѣль сряду былъ каждый день на волосокъ отъ смерти. Теперь, слава Богу! я начинаю оправляться; но врядъ-ли прежде мѣсяца мнѣ можно будетъ вырваться изъ Лондона. Господинъ Шмитъ навѣщаетъ меня каждый день; ко мнѣ также часто заходитъ хозяинъ гостиницы, добрый и ласковый старикъ, но такой фанатикъ-патріотъ, что съ нимъ нѣтъ никакой возможности говорить объ англичанахъ, которые, по его мнѣнію, изъ всѣхъ народовъ Европы одни только и созданы по образу и подобію Божію. Во время тяжкой моей болѣзни Никаноръ Федотычъ не покидалъ меня ни на минуту и не былъ ни разу пьянъ; но зато ужъ послѣ дней пять сряду праздновалъ мое выздоровленіе.—Ахъ, ты, Господи!—говоритъ онъ очень часто,—какой я дурачина-то, подумаешь! Вѣдь я, батюшка Владиміръ Сергѣевичъ, по глупости моей, завидовалъ здѣшней волѣ. То-то, думалъ я, разгульное житье! Никто никому и въ усъ не дуетъ! Анъ вотъ тебѣ и воля! За что они, разбойники, чуть-чуть не убили васъ до смерти? Нѣтъ, сударь, толкуй что хочешь, а нашему брату жить безъ грозы нельзя. Да вотъ хоть я—вы изволите знать, я парень бодрый, а бывало въ Питерѣ, на Гутуевомъ острову или въ Катерингофѣ, лишь только выпьешь лишнюю чарку, то и пошелъ бы всѣхъ нѣмцевъ лущить; а за что? и самъ не знаешь. Да какъ вспомнишь, что тебя возьмутъ на съѣзжую, посадятъ въ сибирку, да частный-то на другой день съ тобою словечка два перемолвитъ, такъ, небось, никого пальцемъ не тронешь. То-то и есть! Вѣдь простой народъ безъ управы, что дикій звѣрь въ лѣсу. И добро бы ужъ я не зналъ, до чего это разгульное житье доводитъ; а то не разъ случалось видѣть: иной зарится, зарится на эту волю, а тамъ, глядишь, и запоетъ пѣсенку:

«Ахъ ты воля моя, волюшка,
Ты сгубила добра молодца!»

Я часто, слушая простыя рѣчи моего Никанора, думаю: «завидуемъ мы французской веселости, уважаемъ нѣмецкую аккуратность, удивляемся англійскому глубокомыслію; но про свой *русскій толкъ* и добраго слова не хотимъ сказать, а, право, онъ стоитъ того, чтобъ о немъ говорили».

Сегодня поутру вошелъ ко мнѣ хозяинъ гостиницы съ такимъ грустнымъ лицомъ, что я испугался.—Что съ вами сдѣлалось?—спросилъ я.

— Ахъ, мистеръ Завольскій!—вскричалъ трактирщикъ,—попросите вашего пріятеля Шмита: онъ капитанъ фрегата, у него дядя адмиралъ, и если онъ только захочетъ, то можетъ спасти моего бѣднаго Жака.

— Да кто этотъ Жакъ? И что съ нимъ сдѣлалось?

— Это мой сынъ, единственный мой сынъ!.. Проклятый прессъ! По милости его мой Жакъ теперь матросомъ!

— Я васъ не понимаю. По милости какого пресса? Что это, рекрутскій наборъ, что-ль?

— Что вы, мистеръ Завольскій! Англія свободное государство: у насъ нѣтъ рекрутскаго набора.

— А, вотъ что! Вы называете прессомъ вербовку? Вашего сына уговаривали вступить въ морскую службу?

— Помилуйте! Да кто бы ему велѣлъ итти на службу охотою? Онъ долженъ былъ черезъ мѣсяцъ жениться.

— Такъ видно у васъ это дѣлается по жеребью?

— Какой жеребій! Ужъ я вамъ сказалъ, что онъ попался въ прессъ.

— Да что это значитъ?

— Такъ вы въ самомъ дѣлѣ не знаете, что такое прессъ?

— Нѣтъ, не знаю.

Трактирщикъ посмотрѣлъ на меня съ примѣтнымъ состраданіемъ и, казалось, хотѣлъ сказать: какъ жалки эти иностранцы! они ни о чемъ не имѣютъ понятія!— Если вы не знаете, что такое прессъ, — продолжалъ онъ, — такъ слушайте. Когда вооружаютъ флотъ или

эскадру, король дозволяетъ всѣмъ начальникамъ военныхъ кораблей забирать силою нужное число людей для укомплектованія своихъ экипажей. Для этого посылаются вооруженныя команды по деревнямъ, трактирамъ, во всѣ публичныя мѣста; ночью въ расплохъ пріѣзжаютъ эти команды на купеческіе корабли, хватаютъ всякаго, кто имъ приглянется, отвозятъ его на военный корабль и насильно заставляютъ служить матросомъ неопредѣленное число лѣтъ. Вотъ что называется у насъ прессомъ.

— И вы это предпочитаете рекрутскому набору? Поздравляю!.. Да не лучше ли въ тысячу разъ дѣлать правильную раскладку, наблюдать очередь, не брать одного сына отъ отца и матери, чѣмъ безъ всякаго разбора хватать насильно въ матросы людей, изъ которыхъ, вѣроятно, многіе или вовсе не способны къ морской службѣ, или, по образованію своему, не могутъ и не должны служить простыми матросами? Ну скажите сами, есть ли какой-нибудь здравый смыслъ въ этомъ законѣ?

— Да кто вамъ говоритъ, что это законъ? Мы никогда бы не допустили такого унизительнаго для нашей свободы закона; это только освященное временемъ злоупотребленіе силой, на которое мы смотримъ сквозь пальцы, потому что оно необходимо. Наши законы не могутъ стѣснять народной свободы; а поступая въ морскую службу, свободный англичанинъ становится рабомъ, слѣдовательно онъ долженъ или добровольно отказаться отъ своихъ гражданскихъ правъ, или его надобно брать съ бою; и вотъ почему тотъ, кто попался въ прессъ, имѣетъ полное право до тѣхъ поръ, пока еще не привезенъ на свой корабль, и бѣжать и защищаться. Конечно, и то и другое почти невозможно. Мой бѣдный Жакъ испыталъ это на себѣ: его схватили за городомъ въ трактирѣ. Сначала онъ сталъ защищаться—его прибили до полусмерти; потомъ онъ хотѣлъ бѣжать — ему связали ноги, а теперь, когда ужъ онъ записанъ въ число матросовъ линейнаго

корабля Нептуна, если онъ задумаетъ бѣжать, то его засѣкутъ плетьми какъ дезертира; а если станетъ сопротивляться, такъ повѣсятъ какъ бунтовщика на большой мачтѣ.

— Все это прекрасно, — сказалъ я; — только мнѣ кажется, что ваша англійская свобода бываетъ иногда не лучше турецкаго деспотизма.

— Вы ошибаетесь, мистеръ Завольскій. Но дѣло не о томъ: уговорите господина Шмита похлопотать въ адмиралтействѣ за моего сына... Бѣдный Жакъ!.. Онъ такъ любилъ свою невѣсту!.. Повѣрите ли, мистеръ Завольскій, когда я подумаю только, что моего Жака, который учился въ Оксфордскомъ университетѣ, будутъ за каждую бездѣлку бить линьками и сѣчь кошкою [1]), то у меня сердце такъ кровью и обливается!

Говоря это, бѣдный старикъ плакалъ какъ ребенокъ.

Жаль мнѣ моего хозяина, а нельзя никакъ пособить его горю: господинъ Шмитъ увѣдомилъ меня, что вчера вечеромъ стопушечный корабль Нептунъ отправился въ Калькуту. Бѣдный Жакъ! Не скоро же онъ обвѣнчается съ своей невѣстою!—Сегодня я чувствую себя несравненно лучше и, можетъ быть, послѣзавтра.. Ахъ, дай-то Господи!

Лондонъ.

Черезъ полчаса я сажусь въ дилижансъ, который отвезетъ меня въ Дувръ. Слава Богу! наконецъ, я разстаюсь и, надѣюсь, навсегда съ туманными небесами, дымнымъ воздухомъ и неизъяснимой скукою этой обширной паровой машины, которую мы называемъ Англіею. Пусть чванится она своей колоссальной торговлею, своими флотами, чугунными дорогами и нѣсколькими милліонами *лошадиныхъ силъ*, посредствомъ

---

1) Такъ называютъ англичане плеть о семи концахъ, которою наказываютъ матросовъ, служащихъ въ королевскомъ флотѣ.

которыхъ она варитъ лучшее пиво, прядетъ лучшую бумагу и выдѣлываетъ лучшее сукно въ цѣломъ мірѣ; передъ ней ея натяжное богатство, за которымъ таится ужасная нищета; пускай себѣ думаетъ она, что располагаетъ участію всей Европы, что при имени ея трепещутъ всѣ народы; потому что это говорятъ ей члены парламента для того, чтобъ въ нихъ не бросали грязью, а журналисты для того, чтобъ ихъ журналы раскупались. Пусть гордые британцы остаются въ этомъ пріятномъ заблужденіи; ихъ это утѣшаетъ, а насъ смѣшитъ, слѣдовательно всѣ въ выигрышѣ. Но я совѣтовалъ бы знатнымъ и богатымъ англичанамъ, ради здраваго смысла, выбрать одно изъ двухъ: или говорить, что у нихъ рай земной и сидѣть дома, или дѣлать то, что они дѣлаютъ, то есть, почти всегда жить внѣ своего отечества; но зато ужъ не хвастаться и не увѣрять простодушныхъ зѣвакъ, которыхъ вездѣ много, а особливо на матушкѣ святой Руси, что порядочному человѣку можно жить въ одной только Англіи.

Я сейчасъ заходилъ къ господину Шмиту, чтобъ проститься и поблагодарить его за ласку. — Не забудьте,—сказалъ я,—напомнить обо мнѣ вашему пріятелю Томсону.

— Ахъ, бѣдный Томсонъ! — вскричалъ Шмитъ.— Вы ничего о немъ не слышали?

— Ничего.

— Представьте себѣ, онъ вышелъ въ отставку и сидитъ теперь въ тюрьмѣ.

— Въ тюрьмѣ? За что?

— За то, что женился.

— Ужъ не отъ живой ли жены?

— О, нѣтъ! Томсонъ никогда не былъ женатъ.

— Такъ, можетъ быть, съ нимъ обвѣнчалась замужняя женщина, или онъ увезъ дѣвицу и женился на ней противъ воли ея отца и матери?

— Ни то, ни другое. Томсонъ женился на вдовѣ. Онъ по уши былъ въ нее влюбленъ; казалось, и она ему тѣмъ же отвѣчала; все было сдѣлано законнымъ порядкомъ: никто не протестовалъ противъ ихъ свадьбы; а несмотря на это, бѣднаго Томсона на другой день посадили въ тюрьму.

— Да за что же?

— А за то, что какой-то Виліамъ Клифоръ представилъ ко взысканію векселя, подписанные его женою.

— Да ему-то какое до этого дѣло?

— Пребольшое! По нашимъ законамъ, мужъ отвѣчаетъ за всѣ долги своей жены.

— Даже и за тѣ, которые она сдѣлала до своего замужества?

— Даже и за тѣ.

— Вотъ прекрасно? Такъ поэтому у васъ должно для собственной безопасности вызывать передъ свадьбою кредиторовъ будущей своей жены?

— Да, это было бы гораздо вѣрнѣе; но тогда никто не пойдетъ за васъ замужъ.

— Какой странный законъ! А великъ ли долгъ, по которому Томсонъ содержится въ тюрьмѣ?

— Кажется, двѣ или три тысячи фунтовъ стерлинговъ.

— Бѣдняжка! Да гдѣ онъ?

— Въ Портсмутѣ.

— А его жена?

— Здѣсь, въ Лондонѣ. Ее вчера видѣли въ итальянской оперѣ съ этимъ Клифоромъ, который засадилъ въ тюрьму ея мужа.

— Фуй какая мерзость!

— Да, это очень нехорошо.

— Но за что же бѣдный мужъ обманутъ и сидитъ въ тюрьмѣ?..

— Что-жъ дѣлать! Всякій законъ имѣетъ свою невыгодную сторону. Напримѣръ, что можетъ быть святѣе нашего закона о долгахъ, которые не обезпечены никакимъ письменнымъ актомъ; а межъ тѣмъ по

милости этого же самого закона ни вы, ни я не можемъ сказать утвердительно, что не будемъ ночевать сегодня въ тюрьмѣ.

— Это какимъ образомъ?

— А вотъ какимъ. Представьте себѣ, что какой-нибудь негодяй захочетъ васъ упрятать въ тюрьму: онъ явится въ судъ, и объявитъ, что вы ему должны, на слово, извѣстную сумму денегъ; его приведутъ къ присягѣ, а васъ объ этомъ и спрашивать не станутъ; но просто потребуютъ, чтобъ вы сейчасъ заплатили этотъ долгъ. Разумѣется, не будучи должны, вы платить не захотите и васъ, безъ дальнихъ церемоній, посадятъ въ тюрьму.

— Ахъ, Боже мой! Да за что же? Если я не долженъ, то могу и самъ присягнуть.

— Васъ къ этому не допустятъ: присягать можетъ только проситель, а не отвѣтчикъ.

— Все это очень хорошо, только позвольте, господинъ Шмитъ, сказать вамъ на прощанье всю правду. Что въ Англіи есть много прекраснаго, полезнаго и достойнаго уваженія, объ этомъ никто съ вами спорить не станетъ; но, несмотря на это, едва ли можно назвать то государство благоустроеннымъ, въ которомъ порядочный человѣкъ никогда не можетъ быть увѣренъ въ своей безопасности; гдѣ вамъ говорятъ безпрестанно о свободѣ и поминутно сажаютъ въ тюрьму; гдѣ простой народъ величаетъ себя вольнымъ, потому что имѣетъ право ругать правительство, сходиться толковать о государственныхъ дѣлахъ, которыхъ не понимаетъ, бросать грязью въ своихъ правителей и называть всякаго иностранца французской сабакою. Я не спорю, все это должно быть чрезвычайно пріятнымъ для народнаго самолюбія, потому что эта свобода врать вздоръ и буянить заставляетъ англичанъ забывать даже, что ни одинъ народъ въ мірѣ не отягченъ такими налогами, что они платятъ за все, за все безъ исключенія; даже за солнечный свѣтъ и воздухъ, которымъ дышутъ.

— Это, вѣроятно, риторическая фигура, мистеръ Завольскій,—прервалъ съ досадою Шмитъ.

— Вовсе нѣтъ. Развѣ вы не платите подать съ каждаго окна? А мнѣ кажется, окна прорубаютъ въ домѣ для того, чтобъ пользоваться воздухомъ и солнечнымъ свѣтомъ.

— Да какое вамъ дѣло,—вскричалъ Шмитъ,—много ли, мало ли мы платимъ, если, несмотря на эти подати, мы все-таки въ десять разъ богаче всякаго европейскаго государства, не исключая и вашей безконечной Россіи?

— Полно такъ ли? Подать, которую вы называете *таксою бѣдныхъ*, составляетъ одинъ изъ самыхъ тяжкихъ налоговъ, которыми обременено ваше отечество. Въ Лондонѣ деньги нипочемъ, но за-то въ Ирландіи онѣ отмѣнно дороги. Вотъ почему у васъ полагается круглымъ числомъ съ небольшимъ по четыре фунта стерлинговъ на прокормленіе одного человѣка [1]). Англія расходуетъ ежегодно на своихъ бѣдныхъ слишкомъ *восемь милліоновъ* фунтовъ стерлинговъ [2]), то есть на всю эту необъятную сумму содержитъ *два милліона* неимущихъ. Въ трехъ соединенныхъ королевствахъ Великобританіи считается около восемнадцати милліоновъ жителей, слѣдовательно въ Англіи изъ *девяти* человѣкъ *одинъ* долженъ быть непремѣнно нищій.

— Да чтожъ это доказываетъ?—прервалъ Шмитъ.

— А то, что нигдѣ нѣтъ столько бѣдныхъ людей, какъ въ Англіи.

— Положимъ, что такъ. Мы точно даемъ ежегодно на содержаніе бѣдныхъ восемь милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, и это-то самое должно васъ заставить молчать. Если милостыня, подаваемая нами ежегодно нищимъ, такъ велика, что немного есть государствъ, которыхъ весь годовой доходъ могъ бы съ нею сравниться, такъ какъ же послѣ этого Англія не богатѣйшее государство во всей Европѣ?

---

[1]) Baron d'Haussez. Часть I, стр. 277.

[2]) Двѣсти милліоновъ франковъ, или нынѣшнихъ рублей.

— Я не знаю, господинъШмитъ, — сказалъ я, — какъ разрѣшаетъ этотъ вопросъ политическая экономія; но по моему, чѣмъ болѣе бѣдныхъ въ государствѣ, тѣмъ менѣе оно имѣетъ права называть себя богатымъ.

— А деньги?—прервалъ съ насмѣшливой улыбкою Шмитъ.—По вашему онѣ ничего не значатъ?

— По крайней мѣрѣ гораздо менѣе, чѣмъ вы думаете.

— Право? Да развѣ мы не деньгами опредѣляемъ мѣру нашего богатства? Если, напримѣръ, у меня сто гиней ежегоднаго дохода, а у васъ только двадцать, такъ какъ же я не впятеро васъ богаче?

— Не всегда.

— Не всегда? то есть, по вашему, пять бываютъ иногда менѣе одного? Послушайте, мистеръ Завольскій, я не смѣю думать, чтобъ вы не знали ариѳметики...

— Знаю, господинъ Шмитъ, а все-таки не соглашусь съ вами. Если, напримѣръ, въ Лондонѣ вы почти умираете съ голоду съ вашими ста гинеями годового дохода, а я у себя съ моими двадцатью живу безъ всякой нужды, то, позвольте спросить, кто изъ насъ богаче?

Шмитъ покраснѣлъ отъ досады и не отвѣчалъ ни слова. Мы разстались очень холодно, мнѣ послышались даже, когда я вышелъ изъ комнаты, слова: *татаринъ, сѣверный варваръ, калмыкъ;* но я не обратилъ на это никакого вниманія; я такъ спѣшилъ уѣхать какъ можно скорѣе изъ просвѣщенной Англіи.

Кале.

Еслибъ изъ Англіи можно было проѣхать сухимъ путемъ во Францію, то, можетъ быть, эта рѣзкая противоположность двухъ сосѣднихъ народовъ была бы не такъ поразительна. На сухомъ пути есть всегда какой-то постепенный переходъ отъ одной націи въ другой. Напримѣръ, если вы ѣдете изъ Франціи въ Испа-

нію, то начинаете уже во французскомъ городѣ Баіоннѣ имѣть нѣкоторое понятіе объ испанскихъ обычаяхъ; или когда вы отправляетесь изъ Голландіи во Францію, то нечувствительно привыкаете къ французскимъ нравамъ и образу жизни, проѣзжая черезъ Бельгію; но, переѣхавъ морской рукавъ, отдѣляющій Дувръ отъ Кале, вы попадаете вдругъ, безъ всякаго приготовленія, изъ одного міра въ другой. Языкъ, обращеніе, внутреннее устройство домовъ, нравы, обычаи, народный характеръ, все не походитъ на то, что вы покинули тому назадъ нѣсколько часовъ. Куда дѣвалась эта англійская чистота и опрятность? Смрадные ручьи по улицамъ, грязныя лѣстницы, кирпичные полы, гадость, вонь и кухни, въ которыя не совѣтую вамъ заглядывать, если вы хотите покушать съ удовольствіемъ; но зато, вмѣсто угрюмыхъ рожъ, отрывистыхъ рѣчей и грубаго обращенія, вы видите на каждомъ шагу веселыя лица, слышите безпрестанныя привѣтствія; съ вами говорятъ такъ вѣжливо, такъ ласково! Простой народъ только жалѣетъ, да и то про себя, что вы не имѣли счастія родиться французомъ; но никто не называетъ васъ за это собакою! Напротивъ, васъ величаютъ разными почетными именами, и если вы англичанинъ и хотя вы нѣсколько походите на порядочнаго человѣка, то васъ непремѣнно назовутъ милордомъ. Хозяинъ гостиницы, узнавъ, что я русскій Путешественникъ, тотчасъ началъ меня величать графомъ. — Кто вамъ сказалъ, что я графъ?—спросилъ я, наконецъ, трактирщика.

— Но, если не ошибаюсь,—сказалъ онъ съ вѣжливою уклонкою,—я имѣю честь говорить съ русскимъ дворяниномъ.

— Да я русскій дворянинъ.

— Такъ какъ же я могу васъ называть иначе! Въ Россіи всѣ дворяне графы—c'est connu.

Я засмѣялся. Мой Никаноръ Федотычъ полюбопытствовалъ узнать причину моего смѣха.—Эхъ, сударь!—сказалъ онъ,—да что вамъ за дѣло? Пускай васъ на-

зываютъ графомъ; вѣдь это—не что другое, не бранное слово. Вотъ и меня всѣ здѣсь величаютъ мусьемъ! а мнѣ и горюшки мало; да пожалуй себѣ, хоть мадамой называй!

Сейчасъ отправляюсь далѣе.

Парижъ.

Парижъ описывать не можно: его надобно видѣть. Пантеонъ, Лувръ, Тюльери, Пале-рояль, Тиволи, запачканные дома, пяти-этажныя лачуги, прекрасныя гулянья, роскошные сады, грязь, мерзость, нечистота, все это такъ перемѣшалось въ моемъ воображеніи, что я не могу отдать самому себѣ отчета, нравится ли мнѣ Парижъ, или нѣтъ. Шумъ, многолюдство и безпрерывное движеніе до того меня развлекаютъ, что я до сихъ поръ хожу какъ будто бы въ чаду. Представьте себѣ большую аллею Лѣтняго сада въ Духовъ день: точно также толпится народъ на бульварѣ не по праздникамъ, а каждый день. Вотъ уже трое сутокъ, какъ я живу въ Парижѣ, бѣгаю по улицамъ, смотрю на все, однимъ восхищаюсь, отъ другого мнѣ становится тошно, на каждомъ шагу встрѣчаю предметы достойные моего вниманія и почти вездѣ зажимая себѣ носъ.

Какъ я служилъ еще въ Петербургѣ, мнѣ попалась однажды весьма любопытная рукопись, составленная изъ писемъ или, лучше сказать, путевыхъ записокъ нашего знаменитаго фонъ-Визина; онъ велъ ихъ во время путешествія своего по Европѣ. Его замѣчанія о Франціи показались мнѣ до того странными, что я переписалъ ихъ для себя. Я не смѣлъ подозрѣвать въ пристрастіи просвѣщеннаго фонъ-Визина, а и того менѣе думать, что авторъ «Недоросля» и «Бригадира» станетъ изъ какого-нибудь невѣжественнаго патріотизма унижать иностранцевъ тогда, какъ онъ такъ ясно видѣлъ и такъ вѣрно описывалъ закоснѣлое варварство и безграмотность нѣкоторыхъ русскихъ дворянъ своего

времени; но, признаюсь, я обвинялъ его въ излишней строгости и полагалъ, что болѣзнь или какія-нибудь личныя непріятности были единственной причиною, что все казалось ему въ дурномъ видѣ. Не можетъ быть,— думалъ я, — чтобъ французы, этотъ щеголеватый народъ, который прославился своимъ вкусомъ, сыплетъ себѣ на голову душистую пудру, затопилъ всю Европу своими благовонными эсенціями и дѣлаетъ лучшую въ свѣтѣ жасминную помаду, былъ до такой степени равнодушенъ къ нечистотѣ и зловонію своихъ улицъ? Вотъ что пишетъ объ этомъ авторъ «Недоросля»:

«Въ Парижѣ всѣ столько любятъ забавы, сколько труды ненавидятъ; а особливо черной работы народъ терпѣть не можетъ. Зато нечистота въ городѣ такая, которую людямъ, не вовсе оскотинившимся, переносить весьма трудно. Почти нигдѣ нельзя отворить окошка лѣтомъ отъ зараженнаго воздуха. Чтобъ имѣть все подъ руками и ни за чѣмъ далеко не ходить, подъ всякимъ домомъ подѣланы лавки: въ одной блистаетъ золото и наряды, и подлѣ нея въ другой вывѣшана битая скотина съ текущей кровью. Есть улицы, гдѣ въ сдѣланныхъ по бокамъ стокахъ течетъ кровь, потому что не отведено для бойни особливаго мѣста. Такую же мерзость нашелъ я и въ прочихъ французскихъ городахъ, которые такъ всѣ однообразны, что кто былъ въ одной улицѣ, тотъ былъ въ цѣломъ городѣ; а кто былъ въ одномъ городѣ, тотъ всѣ города видѣлъ. Парижъ передъ прочими имѣетъ только-то преимущество, что наружность его несказанно величественнѣе, а внутренность сквернѣе. Напрасно говорятъ, что причиною нечистоты многолюдство. Во Франціи множество маленькихъ деревень, но ни въ одну нельзя въѣзжать, не зажавъ носа. Совсѣмъ тѣмъ привычка отъ самаге младенчества жить въ грязи по уши дѣлаетъ, что обоняніе французовъ нимало оттого не страждетъ».

Благодаря Бога, я здоровъ, желчь моя покойна; я не имѣю никакой причины досадовать на французовъ и, кажется, вижу всѣ вещи въ настоящемъ ихъ видѣ,

а, несмотря на это, долженъ признаться, что фонъ-Визинъ говоритъ совершенную правду.

Что за чудный городъ Парижъ! Какая смѣсь красоты и безобразія, остроумія и невѣжества, доброты и звѣрства, наружной роскоши и совершенной нищеты, безумной любви ко всѣмъ житейскимъ наслажденіямъ и презрѣнія къ самой жизни, и все это такъ слито, такъ перемѣшано. Рядомъ съ великолѣпными пале-рояльскими лавками *татарскій лагерь* (Camp des tartares), то есть деревянные запачканные ряды [1]), въ которыхъ продается подлѣ бриллiантовыхъ вещей и модныхъ шляпокъ сырая говядина и сосиски. Краснорѣчивый, всезнающій французъ удивляетъ васъ природнымъ своимъ остроуміемъ и тотъ же самый французъ будетъ васъ увѣрять, что китайцы исповѣдаютъ магометанскую религію. Я самъ видѣлъ, съ какимъ усердіемъ и примѣрной добротою рыбныя торговки (les poissardes) ухаживали за какимъ-то старикомъ, которому сдѣлалось дурно на улицѣ: онѣ внесли его на рукахъ въ ближайшую лавку, оттирали, нашли сейчасъ доктора; однимъ словомъ, заботились о немъ, словомъ, какъ истинно сострадательныя сестры милосердія; и эти же самыя *рыночныя барыни* (les dames de la halle), во время Робеспьера, не отходили отъ эшафота, пили кровь несчастныхъ жертвъ революціи и ругались надъ ихъ обезображенными трупами. Вы видите двухъ франтовъ: одинъ изъ нихъ получаетъ тысячъ двадцать пять, или тридцать годового дохода; другой живетъ, вѣроятно, воздухомъ, да и то развѣ потому, что въ Парижѣ не такъ, какъ въ Лондонѣ, за солнечный свѣтъ и воздухъ ничего не платятъ. Съ перваго взгляда вы никакъ не замѣтите этого различія, потому что оба франта одѣты одинакимъ образомъ, на обоихъ фраки изъ тонкаго, дорогого сукна; но только у богатаго фракъ нараспашку, а у бѣднаго онъ застегнутъ до самого галстуха. Бейтесь смѣло объ

[1]) Прошу не забывать, что вы читаете не современные записки.

закладъ, что подъ этимъ щегольскимъ фракомъ нѣтъ рубашки или, по крайней мѣрѣ, жилета. Еслибъ онъ сдѣлалъ себѣ платье изъ ровнаго сукна, то ему осталось бы и на бѣлье; но тогда онъ не могъ бы кричать, что итальянская опера шла прекрасно, что сегодня онъ завтракалъ au Rocher de Cancale, что завтра обѣдаетъ у Тортони; а теперь ему стоитъ только застегнуться на всѣ пуговицы и онъ идетъ рядомъ съ богачемъ, смотритъ на всѣхъ съ гордостію и можетъ лгать сколько душѣ его угодно. Казаться не тѣмъ, что мы есть въ самомъ дѣлѣ, стараться всегда стать выше своего состоянія, вотъ общая страсть французовъ средняго класса; но за то ужъ я нигдѣ не видывалъ такого безобразнаго смѣшенія глупой роскоши съ отвратительной нищетою: измятыя газовыя шляпки на косматыхъ головахъ и немытыхъ рожахъ, шали, сквозь которыя можно просѣевать горохъ, тюлевыя платья въ лохмотьяхъ и атласные башмаки, запачканные грязью, все это встрѣчается вамъ на каждомъ шагу. Въ самый разгулъ французской революціи, въ эту кровавую эпоху, которую французы такъ вѣрно называютъ la terreur (ужасъ), почти каждый день былъ ознаменованъ примѣрами необычайнаго самоотверженія, христіанской любви и совершеннаго презрѣнія къ жизни. Дочери и жены шли безтрепотно на явную смерть для того только, чтобъ раздѣлять во всемъ участь своихъ отцовъ и матерей; и едва окончилось это царство *ужаса*, тѣ-же самыя женщины сбросили съ себя траурныя платья, надѣли прозрачныя греческія, тюники, учредили еженедѣльные балы въ память несчастныхъ жертвъ революціи и пустились танцовать какъ бѣшеныя. Я говорю, *тѣ же самыя женщины* потому, что первое условіе для принятія въ члены этихъ танцовальныхъ обществъ состояло въ близкомъ родствѣ, по крайней мѣрѣ, съ однимъ или съ одной изъ погибшихъ на эшафотѣ. Самое названіе этихъ баловъ, сближающее два слова, которыя не должны имѣть ничего общаго, могло только родиться въ головѣ француза; ихъ называли:

les bals des victimes, «балы жертвъ». Балъ и жертва!.. Прошу соединить въ одно эти два понятія!..

Я не былъ еще ни разу ни въ одномъ изъ парижскихъ театровъ! ихъ такъ много, что я затруднялся въ выборѣ и не зналъ, съ котораго начать. Сегодня, однакожъ ѣду въ Одеонъ: тамъ даютъ въ первый разъ комедію «Ложный стыдъ» (La fausse honte). Билетъ мнѣ прислалъ хозяинъ дома, въ которомъ я стою. Признаюсь, я восхищенъ французской вѣжливостью: они такъ услужливы, такъ добры! Мнѣ скажутъ, что это одна только наружность; быть можетъ, но какое до этого дѣло? Они ласковы, пріятны въ обращеніи, а что у нихъ на сердцѣ, того я и знать не хочу. Седьмой часъ—пора въ театръ.

Я сейчасъ изъ театра и, признаюсь, не очень доволенъ. Французы не всегда бываютъ вѣжливы. Мой хозяинъ прислалъ мнѣ билетъ въ балконъ; онъ увѣрялъ, что это лучшее мѣсто въ театрѣ, и что я буду сидѣть очень спокойно. Не знаю, какимъ образомъ, только, идя въ театръ, я потерялъ билетъ; я хотѣлъ взять другой, но всѣ мѣста были разобраны, и продажа заперта. Оборванный мальчишка предложилъ мнѣ купить у него за двойную цѣну партерную контромарку. Въ Петербургѣ и Москвѣ я не пошелъ бы ни за что въ партеръ: тамъ сидятъ Богъ знаетъ какіе люди; затолкаютъ тебя до смерти, оттопчутъ ноги, какой-нибудь пьяный сядетъ тебѣ на колѣни, начнетъ придираться; правда, его тотчасъ выведутъ, но межъ тѣмъ все это чрезвычайно непріятно. Въ Парижѣ совсѣмъ другое дѣло; я такъ много слышалъ хорошаго о здѣшнемъ партерѣ. У насъ обыкновенно первые ряды креселъ рѣшаютъ судьбу піесы; но здѣсь это право предоставлено партеру, который славится своимъ вѣрнымъ вкусомъ: слѣдовательно, онъ составленъ изъ людей просвѣщенныхъ, образованныхъ, а что можетъ быть вѣжливѣе просвѣщеннаго француза? Я рѣ-

шился—купилъ билетъ и отправился въ партеръ.—Ай, ай!—подумалъ я, входя въ залу театра. — Тѣсненько! Чего другого, а у насъ по крайней мѣрѣ, въ партерѣ бываетъ просторнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, изъ головъ зрителей составленъ былъ такой плотный паркетъ, что по немъ можно было прохаживаться. Я замѣтилъ, однакожъ, одинъ уголокъ подлѣ бенуаровъ, гдѣ было нѣсколько просторнѣе. Вотъ я сталъ пробираться бочкомъ, просилъ, кланялся, извинялся и почти не двигался съ мѣста. Вдругъ какой-то косматый мужчина, въ поношенномъ сюртукѣ, оттолкнулъ меня плечомъ и полѣзъ впередъ; я кинулся вслѣдъ за нимъ. Несмотря на толчи и восклицанія, изъ которыхъ нѣкоторые были очень выразительны, я продрался, наконецъ, до благословеннаго уголка, куда стремились всѣ мои желанія, и прижался къ стѣнѣ промежду двухъ французовъ. Одинъ изъ нихъ былъ въ шелковомъ кафтанѣ и напудренномъ парикѣ aux aîles de pigeon; а другой, остриженный á la Titus, въ гороховомъ сюртукѣ, съ петлицами и длиннымъ висячимъ воротникомъ. Гороховый сюртукъ нахмурился, поглядѣлъ на меня исподлобья и уперся локтемъ въ мой правый бокъ. Шелковый кафтанъ поступилъ гораздо снисходительнѣе; и онъ сдѣлалъ также гримасу, когда я втиснулся между имъ и его сосѣдомъ; но, по крайней мѣрѣ, поотодвинулся и отвѣчалъ на мое вѣжливое: «Pardon messieurs, si je vous dérange довольно ласковымъ голосомъ: «Pas du tout, monsieur, pas du tout» [1]). Мнѣ не трудно было отгадать, что случай привелъ меня стоять между представителями старой и новой Франціи. Нѣсколько минутъ *дитя революціи*, то-есть гороховый сюртукъ, старался изо всѣхъ силъ выпрямить мои ребра; но я побѣдилъ его, наконецъ, моимъ терпѣніемъ: онъ пересталъ тѣснить меня локтемъ и, для перемѣны; воткнулъ свои кулаки въ спину какого-то тол-

---

[1]) Извините, господа, если я васъ обеспокоилъ. — Ничего, сударь, ничего!

стаго господина, который стоялъ къ намъ задомъ. Не имѣя возможности обернуться, толстякъ легнулъ его ногою. Началась перебранка, которая кончилась въ пользу гороховаго сюртука: толстый баринъ провалился, и намъ стало просторнѣе.

— Позвольте узнать,—спросилъ я у шелковаго кафтана,—что даютъ передъ новой піесою?

— «Модный балъ», комедію въ одномъ дѣйствіи.

— Что, она забавна?

— Очень! Да неужели вы ее видите въ первый разъ?

— Я недавно суда пріѣхалъ.

— Право, такъ вы иностранецъ?

— Я русскій.

— Русскій!.. не можетъ быть!..

— Почему же вы это думаете?

— Вы такъ хорошо говорите по-французски.

— Eh, bah!—прервалъ гороховый сюртукъ;—чему тутъ удивляться? Если мы такъ добры, что позволяемъ *этимъ* иностранцамъ пріѣзжать забавляться въ нашемъ Парижѣ, такъ какъ имъ не знать по-французски? Да и кто не знаетъ языка великой націи?

— Parbleu!—промолвилъ стоящій подлѣ гороховаго сюртука маленькій французикъ, на журавлиныхъ ножкахъ, съ длинными напомаженными висками, которые висѣли у него до плечей, какъ уши болонской собачки.

— Великой націи! великой націи! — пробормоталъ сквозь зубы шелковый кафтанъ.—Въ старину мы не называли себя великой націею; но, по крайней мѣрѣ, были вѣжливы съ иностранцами...

— То есть валялись у нихъ въ ногахъ,—прервалъ гороховый сюртукъ. — Да! мы нынче этого не дѣлаемъ.

Шелковый кафтанъ пожалъ плечами и продолжалъ, обращаясь ко мнѣ:

— Удивительно, какъ вы чисто говорите нашимъ языкомъ, а сверхъ того и наружность ваша... je vous

fais mon compliment! Отъ всей души васъ поздравляю. По чести, вы настоящій французъ Vous n'avez pas l'air d'un russ, mais du tout—du tout! Вы вовсе не походите на русскаго.

— Хорошъ и этотъ!—подумалъ я.—Поздравляетъ русскаго съ тѣмъ, что онъ не походитъ на русскаго.

— Monsieur est moscovite? Вы москвитянинъ? — Этотъ вопросъ сдѣлалъ мнѣ дородный и краснощекій мужчина лѣтъ сорока; онъ стоялъ рядомъ съ шелковымъ кафтаномъ.

— Да!—отвѣчалъ я.

— Какъ я радъ! Въ маленькой комедіи, которую даютъ передъ новою піесою, выведенъ русскій офицеръ. Надѣюсь, вы не откажетесь перевести на французскій языкъ то, что онъ говоритъ?

— Съ большимъ удовольствіемъ!

— Вы въ первый разъ у насъ въ Парижѣ?—продолжалъ краснощекій господинъ.

— Да, я никогда еще здѣсь не былъ.

— Никогда? Такъ я вамъ завидую! Сколько наслажденій у васъ впереди!.. Парижъ!.. Да это, сударь, такой городъ, съ которымъ ничто въ мірѣ сравниться не можетъ. Я таки въ мой вѣкъ поѣздилъ по свѣту: былъ въ Раунѣ, въ Гаврѣ, и даже въ Страсбургѣ; но увѣряю васъ, что все это ничто въ сравненіи съ Парижемъ. Повѣрьте мнѣ, кто не видѣлъ Парижа, столица вселенной!

— Вотъ новости!—закричалъ французъ на журавлиныхъ ножкахъ.—Да кто-жъ этого не знаетъ? C'est connu!

Тутъ я невольно вспомнилъ купца, съ которымъ пилъ чай на Воробьевыхъ горахъ. Ему казалось, что никакой городъ не можетъ сравниться съ Москвою. Ну, чѣмъ же умнѣе, — подумалъ я, — моего русскаго бородача этотъ краснощекій французъ? Развѣ только тѣмъ, что онъ брѣетъ бороду и говоритъ по-французски?

— Вы опоздали пріѣхать въ Парижъ, — шепнулъ

мнѣ шелковый кафтанъ. — Теперь онъ не что иное, какъ обширная казарма, кабакъ... О, еслибъ вы знали его прежде, при Бурбонахъ... Но, кажется, начинаютъ...

Музыка заиграла, и черезъ нѣсколько минутъ занавѣсъ поднялся. Въ самомъ концѣ піесы появился на сцену какой-то затянутый какъ куколка офицеръ въ синемъ мундирѣ и рыжемъ парикѣ.

— Вотъ русскій офицеръ! — сказалъ краснощекій французъ.—Постойте! онъ сейчасъ заговоритъ... Слушайте! Ніема глебонишъ, попойско рюскофъ.—Какой странный языкъ!

Подлинно странный!

Комедія кончилась. — Ніема глебовишъ, попойско рюскофъ! — повторялъ краснощекій французъ. — Позвольте, спросить, что это значитъ по-французски?

— Право, не знаю.

— Какъ не знаете? Да вѣдь это по-русски?

— Что не по-русски, въ этомъ могу васъ увѣрить; можетъ быть, по-татарски...

— Ну да по-татарски или по-русски, вѣдь это одно и то-же. C'est absolûment la même chose.

— Нѣтъ, сударь! совсѣмъ не одно и то-же. Мнѣ кажется, сочинитель смѣется надъ вами: онъ выдумалъ свой собственный языкъ и хочетъ васъ увѣрить, что говоритъ по-русски.

— О чемъ тутъ спорить!—сказалъ тонконогій французъ, приглаживая свои длинные виски.—Русскій, нѣмецкій, татарскій—всѣ эти варварскіе языки одинакимъ образомъ дерутъ уши.

— А я утверждаю, — прервалъ гороховый сюртукъ,—что «попойско глебонишъ» настоящія русскія слова. Я знакомъ съ сочинителемъ комедіи; онъ долженъ знать это не хуже всякаго; онъ провожалъ цѣлую колонну плѣнныхъ казаковъ послѣ сраженія подъ Нови, гдѣ мы такъ хорошо поколотили русскихъ.

— Ай да молодецъ!—подумалъ я,—какъ онъ твердо знаетъ военную исторію своего отечества!—Не оши-

баетесь ли вы?—сказалъ я гороховому сюртуку:—мнѣ кажется, сраженіе подъ Нови, гдѣ нашъ Суворовъ дрался съ вашимъ Жубертомъ, рѣшительно выиграно русскими.

— И я того же мнѣнія,—подхватилъ шелковый кафтанъ.—Мнѣ помнится даже, что на этотъ счетъ сочинена довольно забавная пѣсня...

— Эта пѣсня вретъ!—подхватилъ гороховый сюртукъ.—Да, сударь, она вретъ точно такъ же, какъ врутъ всѣ аристократы въ дурацкихъ шелковыхъ кафтанахъ, глупыхъ камзолахъ и напудренныхъ парикахъ, которыми они прикрываютъ свои пустыя головы.

— Monsieur!—закричалъ шелковый кафтанъ.

— Silence! Тише! Молчите!—загремѣли сотни голосовъ. Занавѣсъ поднялся.

Первое дѣйствіе новой піесы прослушали довольно спокойно. Въ половинѣ второго начался глухой ропотъ, и вдругъ при одномъ остромъ словцѣ разразилась ужасная буря: въ партерѣ загремѣли рукоплесканія и въ то же время раздался громкій свистъ. Признаюсь, я слушалъ его съ какимъ-то удовольствіемъ.—Наконецъ,— думалъ я,—удалось мнѣ побывать въ театрѣ, гдѣ зритель есть верховной судья актеровъ и сочинителей; у насъ не позволяютъ даже громко шикать, а здѣсь— какая разница! Я могу свистать, кричать, дѣлать все, что мнѣ угодно. Межъ тѣмъ зрители шумѣли часъ отъ часу болѣе. «A bas le rideau! à bas la cabale!» раздавалось по всѣмъ угламъ залы. Съ правой стороны подлѣ меня человѣкъ пять свистали какъ бѣшеные. Что грѣхъ таить! Смерть захотѣлось и мнѣ посвистать въ первый разъ отъ роду; но лишь только было я собрался помогать моимъ сосѣдямъ, какъ вдругъ закипѣла кругомъ меня ужасная битва: гороховый сюртукъ засучилъ рукава и началъ дѣйствовать съ необычайнымъ мужествомъ. Въ одну минуту онъ оторвалъ длинные виски у бѣднаго мусье на журавлиныхъ ножкахъ, который кричалъ, чтобы опустили занавѣсъ; потомъ, какъ разъяренный левъ, бросился на моихъ сосѣдей, притузилъ

краснощекаго француза и сшибъ съ ногъ, но не побѣдилъ шелковаго кафтана, потому что онъ, лежа подъ лавкою, продолжалъ свистать, какъ человѣкъ совершенно отчаянный. Толпа свистуновъ бросилась на этого свирѣпаго бойца; его схватили за галстухъ, вцѣпились въ бакенбарды: онъ исчезъ среди своихъ враговъ; но черезъ минуту появился снова, только ужъ не въ сюртукѣ, а въ гороховой курткѣ. Остальное я не видѣлъ, потому что успѣлъ добраться до дверей. Въ сѣняхъ я встрѣтилъ нѣсколько жандармовъ и взводъ солдатъ, которые спокойно ожидали приказанія штурмовать партеръ, то есть, для возстановленія должной тишины и порядка, поподчивать ружейными прикладами и правыхъ и виноватыхъ. Я добѣжалъ, не оглядываясь, до перваго фіакра и отправился домой. Вскорѣ за мной возвратился мой хозяинъ съ разбитымъ носомъ: онъ былъ въ партерѣ и храбро сражался за піесу.

— Скажите,—спросилъ я,—часто-ли у васъ бываютъ такіе безпорядки въ театрѣ?

— Помилуйте!—сказалъ мой хозяинъ,—что это за безпорядки? То-ли еще бываетъ! Я былъ самъ свидѣтелемъ одного перваго представленія, при которомъ была такая схватка, что, кромѣ изувѣченыхъ и раненыхъ, одинъ остался убитымъ на мѣстѣ [1]).

— Да растолкуйте мнѣ, за что такъ жестоко прогнѣвались на бѣдную комедію? Она, право, этого не заслуживаетъ.

— Самъ авторъ виноватъ. Прекрасный человѣкъ, а такъ упрямъ, какъ лошадь: забралъ себѣ въ голову, что истинному таланту не нужны никакія постороннія пособія. Чтожъ изъ этого вышло? Піесы не дали кончить, и всѣ станутъ говорить, что она упала. Господинъ Шарль сегодня поутру приходилъ къ нему самъ, просилъ только двѣсти билетовъ, а онъ наговорилъ ему грубостей, выгналъ вонъ...

— А кто этотъ господинъ Шарль?

---

[1]) При первомъ представленіи трагедіи *«Германикъ»* случилось то-же самое.

— Это одинъ извѣстный подрядчикъ успѣховъ (l'entre-preneur de succés).

— Чтожъ это значитъ?—сказалъ я.—Да развѣ у васъ въ театрахъ и свистятъ и хлопаютъ по подряду?

— А вы этого не знали? C'est connu! Въ Парижѣ есть организованное общество *хлопальщиковъ* (les claqueurs); имъ обыкновенно платятъ билетами, или нанимаютъ за деньги. Да неужели вы никогда не слыхали, что такое кабала (la cabale)?

— Какъ не слыхать; но я думалъ...

— Вы думали, что это дѣлается такъ нечаянно, или по какимъ-нибудь личнымъ неудовольствіямъ, по зависти?.. Нѣтъ, сударь, у насъ въ Парижѣ это приведено въ систему. *Хлопальщики* живутъ своими ладонями и свистками; это точно такое же ремесло, какъ и всякое другое. Успѣхъ піесы можетъ обогатить или прославить автора, слѣдовательно весьма натурально, что онъ тратитъ на это деньги.

— Да неужели ваши хлопальщики могутъ спасти дурную піесу отъ паденія?

— Не всегда; но зато они могутъ почти всегда уронить хорошую, или по крайней мѣрѣ сравнять заслуженный успѣхъ хорошей піесы съ натяжнымъ успѣхомъ дурной, которую они поддерживаютъ.

— Я васъ не понимаю.

— А вотъ послушайте. Въ первое представленіе, напримѣръ, какой-нибудь дурной комедіи, подкупленные хлопальщики аплодируютъ, а безпристрастные зрители свищутъ; журналисты, которые всѣ также на откупу, отдавая отчетъ публикѣ о первомъ представленіи этой піесы, могутъ-ли сказать, что, *несмотря* на ужасную *кабалу и подкупленные* свистки, новая комедія имѣла блестящій успѣхъ и была *осыпана рукоплесканіями?*

— Конечно могутъ, если въ нихъ нѣтъ ни совѣсти, ни чести.

— Вотъ еще чего захотѣли! Теперь наоборотъ: если піеса дѣйствительно съ достоинствомъ, могутъ-ли

тѣ-же самые журналисты сказать, что такая-то комедія или трагедія, *несмотря на подсаженныхъ* хлопальщиковъ и друзей автора, была освистана и рѣшительно упала?

— Да чтожъ изъ этого выйдетъ? Рано или поздно истина должна открыться.

— А до тѣхъ поръ,—прервалъ мой хозяинъ,—слова парижскихъ журналистовъ повторятся въ провинціальныхъ журналахъ, перейдутъ за границу, перепечатаются даже въ вашихъ русскихъ газетахъ. Вы прочтете безъ вниманія имя автора хорошей піесы и выучите наизусть имя бездарнаго писателя, потому что его комедія, по словамъ журналистовъ, имѣла блестящій успѣхъ, и все это оттого, что при первомъ представленіи этой піесы и хлопали и свистали, и этимъ самымъ дали возможность журналисту назвать черное бѣлымъ, а бѣлое чернымъ. Ну теперь понимаете-ли, какъ необходимо для автора имѣть на своей сторонѣ этотъ цѣхъ парижскихъ хлопальщиковъ.

— Да чтожъ отъ этого прибыли? Если піеса дурна, то она не будетъ привлекать зрителей, не станетъ давать сборовъ...

— Это правда!—прервалъ мой хозяинъ;—авторъ получитъ за нее мало денегъ, да за то вдоволь славы; а тотъ, кто не хочетъ подкупать ни хлопальщиковъ, ни журналистовъ, можетъ легко остаться и безъ того и безъ другого. Вотъ, напримѣръ, авторъ комедіи: «Ложный стыдъ», піесы, которая сегодня при насъ такъ безстыдно была освистана, истинно человѣкъ съ отличнымъ талантомъ. Я читалъ его комедію, и могу васъ увѣрить, что она сдѣлала-бы честь французской словесности: планъ, интрига, характеры, слогъ, въ ней все прекрасно; а межъ тѣмъ она погибла для нашей сцены. Авторъ человѣкъ съ душею, и я почти увѣренъ, что онъ не только не позволитъ ее играть во второй разъ, но даже не захочетъ ее напечатать [1]).

[1]) Если вы желаете знать, какъ поступилъ авторъ этой комедіи то, потрудитесь прочесть во 2-мъ томѣ «L'hermite de la chaussée d'Antin», статью подъ названіемъ: Les cabales».

— Все это доказываетъ,—сказалъ я,—что очень было-бы хорошо, если-бъ здѣсь, такъ же какъ въ Россіи, не позволяли свистать въ театрахъ.

— Тогда нашли бы какое-нибудь другое средство вредить успѣху новой піесы.

— Чтожъ, вы подкупили-бы весь партеръ, чтобъ онъ заснулъ?

— Помилуйте, зачѣмъ весь партеръ? Довольно и пятидесяти человѣкъ съ хорошимъ насморкомъ, чтобъ замѣнить полсотни свистковъ. Нѣтъ закона въ мірѣ, который запрещалъ бы зрителямъ чихать, сморкаться, кашлять; и если только это хорошо организовано и будетъ дѣлаться порядкомъ въ одно время и, такъ сказать, по командѣ, то, смѣю васъ спросить, какая піеса устоитъ противъ этого? Однакожъ, прощайте! Я чувствую, что мнѣ надобно заняться моимъ носомъ: онъ начинаетъ пухнуть неимовѣрнымъ образомъ!

Мой хозяинъ ушелъ. И мнѣ также надобно отдохнуть. Здоровье мое не совсѣмъ еще поправилось, и это театральное побоище сильно подѣйствовало на мои нервы: голова у меня вертится, въ ушахъ шумитъ. Нѣтъ! право хорошо, что у насъ не свистятъ въ театрахъ!

Я такъ былъ занятъ всю прошедшую недѣлю, что ни разу не принимался за перо.—Если Лондонъ и почти вся Англія могутъ быть неисчерпаемымъ источникомъ наслажденій для человѣла, который влюбленъ въ механику, то, конечно, тому, кто сдѣлалъ своимъ идоломъ всѣ чувственныя наслажденія и не просто любитъ, а *боготворитъ* изящныя художества, Парижъ долженъ казаться первымъ городомъ въ мірѣ. Всѣ первоклассныя произведенія скульптуры и живописи, которыми гордилась Италія, собраны теперь въ Парижѣ. Я былъ уже нѣсколько разъ въ Наполеоновскомъ музеѣ и все еще не пересмотрѣлъ и половины сокровищъ, которыми онъ наполненъ. Я перебывалъ во всѣхъ театрахъ: вездѣ

толпы празднаго народа, который думаетъ только о томъ, какъ убить время. Одинъ остроумный писатель говоритъ, что для француза совершенный возрастъ не существуетъ; онъ или молодъ, или дряхлый старикъ. Представьте же себѣ это безчисленное множество *молодежи* отъ пятнадцатилѣтняго до семидесятилѣтняго возраста, живущее въ такомъ городѣ, гдѣ собраны всѣ возможныя наслажденія обдуманной роскоши, гдѣ, на каждомъ шагу, вы встрѣчаете соблазнительный порокъ, всегда прикрытый свѣжими цвѣтами. Одна цѣль этихъ милыхъ вѣтренниковъ безъ бородъ и съ сѣдыми бородами—*забавляться* съ утра до вечера. Какое имъ дѣло до того, что большая часть ихъ наслажденій основана на самомъ низкомъ и грязномъ развратѣ. Будьте увѣрены, что нѣтъ мерзости, которая не оправдалась бы въ глазахъ француза, если онъ только можетъ сказать про нее: c'est gracieux! c'est élégant.

Способы промышлять, не работая, деньги и жить на счетъ парижскихъ зѣвакъ (badauds) доведены здѣсь до высочайшей степени совершенства. Вы видите толпу народа; посреди этой толпы стоитъ человѣкъ опрятно одѣтый; онъ корчитъ преудивительныя рожи: носъ его скривился на сторону, ротъ на боку, одинъ глазъ смотритъ направо, другой налѣво. Вы думаете, что это какой-нибудь сумасшедшій, или одержимый падучею болѣзнію—ничуть не бывало! Это его ремесло: c'est un grimacier (кривляка, гримасникъ). Здѣсь, на разостланномъ посреди улицы коврѣ, оборванные мальчишки кувыркаются и ходятъ вверхъ ногами; тутъ показываютъ дикаго человѣка изъ Зеландіи, который родился въ Парижѣ. Вотъ диковинка! читайте!—«Желающіе видѣть лошадь, у которой голова тамъ, гдѣ обыкновенно бываетъ хвостъ, могутъ удовлетворить своему любопытству, заплатя одну копѣйку».—Чтожъ это такое?—Это просто лошадь, поставленная задомъ къ яслямъ. Не угодно ли взглянуть за пять копѣекъ

на чудовище, рожденное отъ щуки и борова? Какъ не посмотрѣть! Этотъ балаганъ набитъ народомъ; двѣ скрипки и одинъ турецкій барабанъ играютъ увертюру. Подымается небольшой занавѣсъ, хозяинъ является передъ публикою, кланяется на всѣ стороны и преважно начинаетъ говорить:

«Милостивые государи и милостивыя государыни! Я хотѣлъ показать вамъ эту необычайную игру природы, которая, смѣю сказать, въ своемъ родѣ единственна. Да, милостивые государи и милостивыя государыни! не только новѣйшіе, но даже и древніе писатели не упоминали никогда о чудовищѣ, рожденномъ отъ щуки и борова. Старшій Плиній говоритъ утвердительно, что это невозможно; знаменитый Линней одного съ нимъ мнѣнія; нашъ безсмертный Бюффонъ и не менѣе безсмертный Ласепедъ объявляютъ рѣшительно, что это противно всѣмъ законамъ природы. Одинъ Геродотъ упоминаетъ въ своей лѣтописи о кентаврахъ, представляющихъ нѣчто похожее на удивительное животное, которое, по стеченію необычайныхъ обстоятельствъ, сдѣлалось моею собственностью. Но вамъ всѣмъ извѣстно, милостивые государи и милостивыя государыни, что за это-то именно славный историкъ Геродотъ заслужилъ названіе лжеца, и что французскій глаголъ radoter (врать вздоръ) есть ни что иное, какъ производное слово отъ собственнаго греческаго имени Геродотъ».

Нѣкоторыя изъ зрителей смѣются. Ораторъ кланяется и продолжаетъ.

«Нашему вѣку было предоставлено оправдать возможность такихъ неизъяснимыхъ капризовъ натуры, и стереть позорное клеймо лжеца съ увѣнчаннаго лаврами чела навсегда знаменитаго историка Геродота. Теперь, милостивые государи и милостивыя государыни, я съ прискорбіемъ долженъ объявить вамъ, что необычайное чудовище, рожденное отъ щуки и борова, по распоряженію высшаго начальства, отослано для изслѣдованія въ здѣшнюю академію наукъ».

Общій ропотъ. Ораторъ кляняется и, возвысивъ голосъ, продолжаетъ:

«Прошу почтеннѣйшую публику успокоиться! Если я не имѣю возможности представить ей дитя, то могу показать отца и мать. Вотъ щука, вотъ боровъ!»

Общій смѣхъ. Ораторъ кланяется и занавѣсъ опускается.

Теперь взгляните на красивую вывѣску и прочтите эту чудную надпись: «Здѣсь желанія свободны; за вховъ платятъ по копѣйкѣ». Вы входите. Щеголевато одѣтый господинъ стоитъ передъ жаровнею и держитъ въ рукахъ до половины раскаленную желѣзную кочергу. «Милостивый государь!»—говоритъ онъ,—«не угодно ли вамъ высунуть языкъ...»

— Языкъ! Для чего?

— Для того, чтобъ я погладилъ его этой раскаленной кочергою.

— Что вы, что вы? Я не хочу!

— Какъ вамъ угодно: *здѣсь желанія свободны*. Passez, monsieur! — и васъ просятъ выйти задними дверьми. Нѣмецъ, англичанинъ, русскій вѣроятно бы разсердились, а французъ смѣется и спѣшитъ заплатить пять копѣекъ, чтобъ въ ближайшемъ балаганѣ посмотрѣть индюшечій балетъ и кошачій концертъ. Въ первомъ индюшки прыгаютъ на желѣзной плитѣ, которую снизу нагрѣваютъ постепенно огнемъ; во второмъ; дюжины двѣ кошачьихъ головъ продѣто сквозь круглыя отверстія доски, составляющей верхнюю часть инструмента, похожаго на фортепьяно; хвостъ каждой кошки ущемленъ въ особыя клещи, которыя сжимаются отъ движенія клавишъ. Должность басовъ отправляютъ огромные коты, за теноровъ и альтовъ служатъ кошки, а дискантомъ мяукаютъ котята. Вы смотрите съ отвращеніемъ на эту жестокую забаву, а парижанинъ смѣется; онъ и знать не хочетъ, какъ это дѣлается. Кошки кричатъ престранными голосами, индѣйки дѣлаютъ преуморительные скачки: это его забавляетъ и онъ доволенъ.

— Здѣсь много русскихъ. Вчера я былъ съ визитомъ у моихъ петербургскихъ знакомыхъ, князя М*** и графини Д***. Они обошлись со мною очень ласково, и сами вызывались сблизить меня съ лучшимъ здѣшнимъ обществомъ. Въ первые дни моего пріѣзда въ Парижъ я вовсе не имѣлъ намѣренія заводиться знакомыми; но недѣли черезъ три эта уличная жизнь мнѣ такъ надоѣла, что я принялъ съ благодарностію предложеніе моихъ единоземцевъ. Сегодня я ѣздилъ за городъ, не для того, чтобъ любоваться парижскими окрестностями, но чтобъ посмотрѣть, какъ веселится здѣшній простой народъ по воскреснымъ днямъ. Въ Лондонѣ седьмой день самый тихій и смирный во всей недѣлѣ; въ Парижѣ, напротивъ, каждое воскресенье народъ гуляетъ круглый день, и почти всегда за городомъ, гдѣ въ безчисленныхъ трактирахъ и харчевняхъ ѣдятъ, пьютъ, шумятъ и пляшутъ съ утра до вечера. Одна только жестокая и продолжительная буря помѣшаетъ ремесленнику, швеѣ, лакею, служанкѣ и даже парижскому мѣщанину средняго состоянія, отправиться въ воскресный день за городъ. На это есть весьма важная причина: за вино, которое привозятъ въ Парижъ, платятъ большую пошлину; слѣдовательно за городомъ, гдѣ допускается вольная продажа, оно несравненно дешевле.

Одно изъ этихъ загородныхъ мѣстъ, гдѣ народъ веселится по праздникамъ, называется la Courtille. Я отъ природы очень любопытенъ, и люблю все разсматривать вблизи, а особливо простой народный бытъ во всѣхъ его измѣненіяхъ. Я бывалъ на свадьбахъ у купцовъ, ремесленниковъ и крестьянъ; бывалъ въ русскихъ трактирахъ, обѣдалъ за *кухмистерскими столами*, ѣдалъ блины въ харчевняхъ, и однажды въ Москвѣ, изъ одного любопытства, просидѣлъ полчаса въ самомъ скверномъ и разгульномъ кабакѣ. Помнится, этотъ питейный домъ называется *Агашкою*. По одному этому названію вы можете судить объ обществѣ, которое въ немъ сбиралось по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Я думалъ, что въ жизнь мою не увижу ничего отвра-

тительнѣе, и вѣроятно бы не увидѣлъ, еслибъ не побывалъ въ одномъ изъ трактировъ знаменитой la Courtille. Я ужаснулся, когда вошелъ въ огромную залу, гдѣ пировало человѣкъ двѣсти народа. Нѣтъ! я еще не зналъ, до какого скотскаго униженія можетъ дойти человѣкъ, созданный по образу и подобію Божію! Развратъ и наглое, безстыдное распутство, которыхъ я былъ очевиднымъ свидѣтелемъ, превосходятъ всякое описаніе [1]). Я увѣренъ, что вѣдьмы, которыя, по стариннымъ русскимъ преданіямъ, сбираются на *Лысой* горѣ, близъ Кіева, ведутъ себя несравненно приличнѣе и скромнѣе *дамъ*, которыя плясали при мнѣ какой-то безчинный танецъ, до того развратный, что я не вѣрилъ собственнымъ глазамъ своимъ. Въ этой пляскѣ порокъ не прикрывался уже цвѣтами, а просто, съ какимъ-то демонскимъ безстыдствомъ, является во всей отвратительной наготѣ своей [2]). Вдоль стѣнъ за огромными столами ѣли, пили, кричали, дрались; пьяныя испачканныя бабы пѣли охриплыми голосами, валялись по полу; кругомъ обглоданныя кости, остатки кушанья, мерзость, нечистота; весь полъ превращенъ въ какое-то грязное болото, а посреди залы не танцовала, а бѣсновалась безумная толпа подъ неистовую музыку мѣдныхъ инструментовъ и турецкихъ барабановъ. Я пробылъ не болѣе пяти минутъ въ этомъ вертепѣ разврата, а едва не оглохъ отъ шума и не задохся отъ ужасной вони. Боже мой! до чего можетъ дойти человѣкъ, и безъ того уже наклонный къ пороку, если ни вѣра, ни законъ не обуздываютъ его страстей, если развратники, которые называютъ себя друзьями народа, твердятъ ему безпрестанно, что, кромѣ физическихъ наслажденій, все прочее мечта, что вѣра есть невѣжество, а любовь къ порядку и уваженіе къ правительству низкое рабство; что человѣкъ просвѣщен-

---

[1]) Потрудитесь прочесть въ одиннадцатомъ томѣ «Paris, ou le livre des Cent-et-un» статью подъ названіемъ: «la descente de Courtille».

[2]) Этотъ гнусный танецъ называется: la chahut».

ный не можетъ вѣровать, а человѣкъ свободный не долженъ признавать надъ собою никакой власти, или, по крайней мѣрѣ, быть всегда въ открытой враждѣ съ тою, которая существуетъ.

Наконецъ, я попалъ въ здѣшній хорошій свѣтъ, то-есть познакомился съ обществомъ, которое образовалось изъ остатковъ прежней французской аристократіи. Какъ ни желаетъ Наполеонъ сблизить свое новое дворянство съ этими господами les ci-divant, но едва ли онъ успѣетъ въ своемъ намѣреніи. Нынѣшніе бароны, графы и герцоги почти всѣ или хорошіе военачальники, или отличаются своей личной храбростію. Конечно, нельзя смотрѣть безъ уваженія на этихъ маршаловъ и генераловъ, которые, начиная съ солдатскаго званія, брали всѣ чины свои съ бою: но если они прекрасны передъ фронтомъ и на полѣ сраженія, за то въ гостиныхъ играютъ не слишкомъ блестящія роли. Мнѣ рѣдко удавалось встрѣчаться съ ними у графини Л***, у маркиза С*** и даже у прекрасной банкирши Р***, которая, несмотря на то, что не имѣетъ права прибавлять къ своему имени частичку «де», попала какъ-то въ число избранныхъ жителей Сентъ-Жерменскаго предмѣстія. Надобно сказать правду: хорошій тонъ и любезность высшаго парижскаго общества очаровательны; это чувство приличій, которое французы называютъ тактомъ (le tact), доведено въ немъ до высочайшей степени совершенства. Свобода, не выходящая изъ границъ, веселость живая, остроумная, но всегда вѣжливая; непринужденная ласка хозяина и хозяйки, прекрасное угощеніе, немноголюдная, но ловкая и проворная услуга, вы все это найдете въ гостиныхъ хорошаго парижскаго общества. Одно только всегда меня удивляло и это одно... ну, право, не знаю, какъ бы назвать повѣжливѣе: это невѣроятное отсутствіе самыхъ обыкновенныхъ познаній, эта чудная смѣсь утонченннаго просвѣщенія съ необычайнымъ невѣжествомъ, особливо во всемъ томъ, что касается до нашего отечества и вообще до всѣхъ

иностранцевъ. Еслибъ я сталъ записывать всѣ странные вопросы, которыми ежедневно меня осыпаютъ блестящіе маркизы и очаровательныя виконтесы, то, конечно, исписалъ бы цѣлую стопу бумаги. Вчера у госпожи Р*** одинъ *шевалье* спросилъ меня, во сколько дней можно пріѣхать изъ Петербурга въ Москву на собакахъ? Другой господинъ, который отъ всей души жалѣлъ, что мы, русскіе, не имѣемъ понятія о виноградѣ, не хотѣлъ никакъ вѣрить, что у насъ есть провинціи, въ которыхъ онъ родится, то есть не сказалъ мнѣ, что я лгу, но проговорилъ съ улыбкою: «Я не смѣю съ вами спорить, но, извините, въ Парижѣ этого не знаютъ». А это значило въ переводѣ на простонародный языкъ: «вы, сударь, лжете: я вамъ не вѣрю, потому что все то, о чемъ не знаютъ въ Парижѣ, есть выдумки и вздоръ». Знаменитый французскій мореходецъ Бугенвиль (Bougainville) горько жалуется на это невѣжество своихъ соотечественниковъ, изъ которыхъ одни не хотѣли вѣрить, что на островѣ Таити не умѣютъ говорить ни по-французски, ни по-испански, ни по-англійски; а другіе, люди извѣстные даже своей ученостью, утверждали, что онъ, господинъ Бугенвиль, не объѣхалъ около свѣта, потому что не былъ въ Китаѣ [1]).

---

[1]) Вы можете это прочесть въ 19-мъ томѣ *Всеобщей исторіи путешествій*, на страницѣ 195-й и послѣдующихъ. — «Да это было такъ давно!» скажете вы, «съ тѣхъ поръ общее просвѣщеніе Франціи подвинулось впередъ». Быть можетъ; но вотъ одинъ любопытный фактъ, который не слишкомъ оправдываетъ это мнѣніе. Въ 1831 году, представитель народа, ораторъ лѣвой стороны французской палаты депутатовъ, знаменитый публицистъ, господинъ Могень, (Mauguin), при полномъ собраніи всѣхъ депутатовъ, упрекаетъ французское министерство въ томъ, что оно *не отправило военныхъ кораблей въ Польшу*! И когда господину Могеню дали почувствовать, что нѣсколько трудно пріѣхать на стопушечномъ кораблѣ въ Варшаву, то онъ началъ увѣрять, будто бы Полша имѣетъ свои порты на Балтійскомъ морѣ и въ доказательство этого назвалъ находящуюся нынѣ въ Курляндіи *Палангенскую таможенную заставу* морскихъ портовъ, принадлежащимъ Польшѣ. Все это и еще много кой-чего другого вы найдете въ парижской газетѣ «Journal des Débats»

Впрочемъ, не подумайте, чтобъ это французское невѣжество походило на то, къ которому мы привыкли въ нашемъ отечествѣ; о, нѣтъ! Русскіе невѣжды, то-есть чисто русскіе, народъ пресмирный: они не прикидываются учеными, не толкуютъ о просвѣщеніи, и если иногда придетъ имъ въ голову такая блажь, то это развѣ подъ веселую руку, да и то между собой, въ своемъ кругу; но лишь только завернется въ ихъ компанію кандидатъ, или даже дѣйствительный студентъ, то они всѣ начнутъ его слушать какъ оракула, а сами не смѣютъ и рта раскрыть. Нѣтъ, любезные читатели, французское невѣжество совсѣмъ другого рода: это невѣжество смѣлое, бойкое, усыпанное блестками и нашпигованное учеными выраженіями; оно не прячется въ уголъ, а выходитъ на каѳедру; не прималчиваетъ, а мелетъ вздоръ безъ умолку съ утра до вечера. У насъ безграмотность и просвѣщеніе раздѣлены такой рѣзкой чертою, что никакъ нельзя ошибиться и принять невѣжду за человѣка образованнаго; но въ Парижѣ не вдругъ отличишь позолоту отъ настоящаго золота. Самый безграмотный парижанинъ будетъ съ вами разсуждать обо всемъ; онъ все знаетъ, для него нѣтъ ничего новаго; разумѣется, онъ станетъ врать: техническія слова, собственныя имена, названія наукъ — все это будетъ исковеркано и перемѣшано самымъ забавнымъ образомъ; но чтобъ видѣть, до какой степени простирается наглость и невѣжество этого болтуна, надобно быть самому съ нѣкоторымъ образованіемъ. Представьте же себѣ, напримѣръ, какого-нибудь русскаго невѣжду, который пріѣхалъ учиться уму-разуму въ Парижѣ: вѣдь ему этотъ болтунъ покажется мудрецомъ, а такихъ мудрецовъ онъ встрѣтитъ на каждомъ шагу. «Фу ты, батюшки!» подумаетъ онъ, «что это за городъ такой! Куда ни обернись, все люди ученые!» Чему же дивиться послѣ этого, если

1831 года: потрудитесь только прочесть листокъ, который вышелъ [illegible] во вторникъ.

онъ, возратясь на свою родину, будетъ говорить съ восторгомъ о *всеобщемъ* просвѣщеніи Франціи [1])

Черезъ три дня я оставляю этотъ городъ противоположностей, гдѣ хорошее такъ перемѣшано съ дурнымъ, что нѣтъ никакой возможности отдѣлить одного отъ другого. Я думалъ сначала, что этотъ perpetuum mobile парижской жизни, этотъ вѣчный шумъ, эта безпрерывная бѣготня угорѣлой толпы, которая съ утра до вочера, и съ вечера до утра, гоняется за удовольствіями, разсѣетъ мое горе и, можетъ быть, изгладитъ въ душѣ моей всѣ грустныя воспоминанія: я ошибся. Когда первый чадъ прошелъ, я почувствовалъ такую пустоту въ сердцѣ, такую тоску, что не зналъ, куда дѣваться. Подъ аркадами вѣчно шумнаго Палерояля, въ тѣни молчаливыхъ аллей Люксембургскаго сада, въ театрахъ, въ обществахъ, вездѣ, повсюду преслѣдуетъ меня образъ той, которая сгубила все счастіе моей жизни. Я чувствую, мнѣ нуженъ просторъ; мнѣ тѣсно, мнѣ душно въ Парижѣ. Можетъ быть тамъ, за Пиринейскими горами, на берегу Средиземнаго моря, въ двухъ шагахъ отъ знойной Африки, душа моя отдохнетъ и успокоится.

---

[1]) Я вамъ надоѣлъ выносками, любезные читатели; но, воля ваша, не могу *при сей вѣрной оказіи* не разсказать вамъ одинъ. случай, который подтверждаетъ это мнѣніе. Въ 1812 году я снова пошелъ служить, и въ сраженіи подъ Чашниками былъ раненъ въ ногу. Полковникъ Ж***, точно такъ же раненый какъ я, отправляясь назадъ въ Полоцкъ, предложилъ мнѣ мѣсто въ своей коляскѣ. Не доѣзжая верстъ двадцать до Полоцка, догнали мы партію французскихъ плѣнныхъ. Я поразговорился съ нѣкоторыми изъ нихъ, знаютъ ли они, что Мадридъ взятъ англичанами. «Мадридъ?» закричалъ французъ. — Je n'en crois rien! Я этому не вѣрю! Мадридъ взять нелегко: «это крѣпость перваго разряда». — C'est une forteresse de premier ordre. Мой добрый полковникъ такъ и всплеснулъ руками. «Ну вотъ, братецъ!» сказалъ онъ, «видишь, каковы они? Гдѣ намъ съ ними тягаться? Солдатишка, рядовой, а начнетъ говорить, такъ только слушай! Поди-ка спроси у нашего солдата, что такое Мадридъ, такъ онъ тебѣ и скажетъ: «не могимъ знать, ваше благородіе!» А эти французы!—эки бестіи, подумаешь!—все знаютъ! Что и говорить: просвѣщеніе, братецъ, просвѣщеніе! Не знаю, какъ по вашему, а по моему, полно, не лучше ли сказать съ простодушіемъ: «не могимъ знать, ваше благородіе!» чѣмъ съ наглой увѣренностію врать вздоръ и называть крѣпостью столичный городъ Испаніи».

Погода здѣсь стоитъ несносная: дождь, слякоть; за городомъ голыя деревья, пожелтѣлыя поля, въ городѣ непроходимая грязь; однимъ словомъ, ни дать ни взять русская глубокая осень. Нѣтъ, воля ваша! Русская зима лучше здѣшней. Вспомните, какъ вамъ надоѣдаетъ эта осенняя изморозь, эти сѣрыя небеса, эта грязная земля; съ какимъ нетерпѣніемъ вы ожидаете перваго снѣга. Зимній путь, сани, ясное солнышко, которое осыпаетъ алмазами наши русскія поля, покрытыя пушистымъ снѣгомъ; лунная, морозная ночь, въ которую вы на тройкѣ удалыхъ летите по гладкой, скатертной дорогѣ; чистый, сухой воздухъ—все это не во сто ли разъ лучше мокрой и сырой осени, которую французы называютъ своей зимою. Дѣло другое зима въ южной Испаніи: это наша весна, нашъ благословенный май мѣсяцъ! Скорѣй, скорѣе въ Андалузію! скорѣй туда,

Гдѣ солнце грѣетъ и зимою,
Гдѣ миртъ растетъ и спѣетъ апельсинъ.

Я простился съ моими парижскими знакомыми. Завтра поутру отправлюсь въ Бордо. Мой Никаноръ Федотычъ укладывается, а я, отъ нечего дѣлать, вздумалъ сравнить мнѣнія двухъ русскихъ путешественниковъ о характерѣ французской націи: одинъ изъ нихъ Николай Михайловичъ Карамзинъ, а другой Денисъ Ивановичъ фонъ-Визинъ. Вотъ что говоритъ первый о французахъ, съ которыми онъ имѣлъ время познакомиться.

«Скажу: *огонь*, *воздухъ*—и характеръ французовъ описанъ. Я не знаю народа умнѣе, пламеннѣе и вѣтренѣе. Кажется, будто онъ выдумалъ, или для него выдумано *общежитіе:* столь мила его обходительность и столь удивительны его тонкія соображенія въ искусствѣ жить съ людьми! Сіе искусство кажется въ немъ любезною природою. Никто, кромѣ его, не умѣетъ приласкать человѣка однимъ видомъ, одной вѣжливой улыбкою. Напрасно англичанинъ или нѣмецъ захотѣлъ

бы учиться ей передъ зеркаломъ; на лицѣ ихъ она чужая, принужденная... Говорятъ, что здѣсь трудно найти искреннаго, вѣрнаго друга... Ахъ! друзья вездѣ рѣдки! И чужеземцу ли искать ихъ, тому, кто, подобно кометѣ, *являясь исчезаетъ*. Дружба есть потребность жизни; всякій хочетъ для нее предмета надежнаго. Но все, чего по справедливости могу требовать отъ чужихъ людей, французъ предлагаетъ мнѣ съ ласкою, *съ букетомъ цвѣтовъ*. Вѣтренность, непостоянство, которыя составляютъ порокъ его характера, соединяются въ немъ съ любезными свойствами души, происходящими нѣкоторымъ образомъ отъ сего самого порока. Французъ непостояненъ и незлопамятенъ; удивленіе, похвала можетъ скоро ему наскучить, ненависть также. По вѣтренности оставляетъ онъ доброе, избираетъ вредное; за-то самъ первый смѣется надъ своей ошибкою и даже плачетъ, если надобно. Веселая безразсудность есть милая подруга жизни его. Какъ англичанинъ радуется открытію новаго острова, такъ французъ радуется острому слову. Чувствителенъ до крайности, страстно влюбляется въ истину, въ славу, въ великія предпріятія; но любовники непостоянны! Минуты его жара, изступленія, ненависти могутъ имѣть страшныя послѣдствія, чему примѣромъ служитъ революція. Жаль, если эта ужасная политическая перемѣна должна перемѣнить и характеръ народа, столь веселаго, остроумнаго, любезнаго!»

Въ заключеніе Карамзинъ говоритъ, что это писано для дамы и для француженки, которая ахнула бы отъ ужаса и закричала бы: «*Сѣверный варваръ!*» если-бъ онъ сказалъ ей, что французы не остроумнѣе и не любезнѣе другихъ. Фонъ-Визинъ не имѣлъ этой *уважительной* причины разсыпаться въ вѣжливостяхъ, и въ письмѣ своемъ къ графу Петру Ивановичу Панину изъясняется гораздо откровеннѣе на счетъ французовъ. «Достойные люди», говоритъ онъ, «какой бы націи ни были, составляютъ между собой одну націю. Выключа ихъ изъ французской, примѣчалъ я вообще ея свойство.

Надлежитъ отдать справедливость, что при неизъяснимомъ развращеніи нравовъ, есть во французахъ доброта сердечная. Весьма рѣдкій изъ нихъ злопамятенъ; добродѣтель, конечно, не прочная, и полагаться на нее нельзя, по крайней мѣрѣ и пороки въ нихъ не глубоко вкоренены. Непостоянство и вѣтренность не допускаютъ ни пороку, ни добродѣтели въ сердцѣ ихъ поселиться. Къ нимъ совершенно приличенъ стихъ Кребильоновъ:

Criminel sans penchant, vertueux sans dessein

Разсудка французъ не имѣетъ и имѣть его почелъ бы несчастіемъ своей жизни; ибо оный заставилъ бы его размышлять, когда онъ можетъ веселиться. Забава естъ одинъ предметъ его желаній. А какъ на забавы потребны деньги, то для пріобрѣтенія ихъ употребляетъ всю остроту, которую его природа одарила. Острота, не управляемая разсудкомъ, не можетъ быть способна ни на что, кромѣ мелочей, въ которыхъ и дѣйствительно французы берутъ верхъ предъ цѣлымъ свѣтомъ»...

Тутъ помѣшалъ мнѣ Никаноръ Федотычъ. — Что вы скоро, сударь, перестанете писать?—спросилъ онъ.

— На что тебѣ?

— Да вотъ книги-то надобно уложить въ чемоданъ, да чернильницу поставить въ шкатулку.

— Успѣемъ и завтра.

— Да что это вы писать изволите?

— Описываю французовъ.

— То есть: ихъ житье-бытье, сударь, поведенцію, обычай?

— Ну, да!

— Помилуйте! да какъ это можно?

— Почему-же нѣтъ?

— А потому, сударь, что у нихъ на недѣлѣ семь пятницъ. Шутъ ихъ знаетъ, что занародъ такой! Сегодня такъ, завтра этакъ. Да хоть вотъ этотъ Жанъ, здѣшній трактирный слуга, третьяго дня кричалъ: ви-

ватъ Наполеонъ! А сегодня ужъ позорилъ, позорилъ его! Вы изволите знать: этотъ Жанъ маракуетъ немного по-русски; говоритъ, будто былъ у насъ въ Костромѣ учителемъ; да вретъ! Какой онъ мусье! Они всѣ у насъ наживаются, а у этого пострѣла копѣйки нѣтъ за душею. А ужъ какой хвастунишка! Слышь-ты, совсѣмъ было женился въ Костромѣ на какой-то княгинѣ!.. Видишь, куда смотритъ!—Родня, дескать, не захотѣла; да я же, говоритъ, поссорился съ ея братомъ, дуэль съ нимъ имѣлъ... Дуэль! Чай, бока отломали — вотъ-те дуэль!.. Да что и говорить, Владиміръ Сергѣевичъ! всѣ они на одинъ покрой: хвастунишки да мотыги такіе, что и сказать нельзя!

— Ужъ и всѣ! Что ты, Никаноръ?

— Право такъ, сударь. Не всѣ богаты, да всѣ тароваты. Конечно, грѣхъ сказать, французъ не нѣмецъ, народъ ласковый, веселый, разгульный, да только больно чванливы, сударь. Всякій чумичка въ бары лѣзетъ. Вы изволите знать нашего дворника, вотъ что подметаетъ лѣстницу?.. Вѣдь ужъ взглянуть не на что: рожа немытая, сюртучишко въ дырахъ, оборванъ, общипанъ, ну вотъ, кажись, сейчасъ пойдетъ на перекрестокъ, да запоетъ Лазаря; а посмотрите-ка его въ воскресенье—разфуфонится такъ, что-на поди! Кафтанъ не кафтанъ, жилетъ не жилетъ, а сапоги безъ подошвъ. Сберутся этакихъ молодцовъ десять, да и начнутъ погуливать! И чуть этакъ, знаете-ль, поссорятся межъ собою, тотчасъ и дуэль! Примутся кричать: «я франсе, я франсе!», а тамъ, глядишь, дадутъ другъ другу по плюхѣ, да и помирятся. Тѣмъ хороши, что недолго сердятся.

— Что, Никаноръ, умны французы?

— Умны? Что вы? Да я глупѣй народа не видывалъ.

— Вотъ вздоръ какой!

— Помилуйте, Владиміръ Сергѣевичъ! у насъ на Руси и въ Пошехоньѣ нѣтъ этакихъ ротозѣевъ. Что хочешь имъ говори, всему вѣрятъ. Посмотрѣлъ я,

какъ эти фокусники всякіе да фигляры простой народъ надуваютъ! Добро-бы еще какъ у насъ, по деревнямъ, колдуны глаза отводили, а то нѣтъ! Вотъ въ прошлое воскресенье пошелъ я съ Жаномъ на рынокъ; глядимъ, стоитъ на подмосткахъ какой-то мусье разодѣтый, весь въ прозументахъ и кричитъ что-то во все горло.— Что это, братъ, онъ оретъ? — спросилъ я у Жана. — Онъ, дескать, продаетъ разныя снадобья отъ всѣхъ болѣзней, а вотъ теперь показываетъ пузырекъ съ такимъ зельемъ, что если его станешь пить, то сто лѣтъ проживешь, и морщинки ни одной на лицѣ не будетъ.—Эка бестія, подумаешь! ни одной морщинки на лицѣ не будетъ!.. А самъ то онъ, сударь, весь въ морщинахъ, словно сморчекъ какой! Чѣмъ бы его спросить:—Да чтожъ ты, братъ мусье, самого-то себя не пользуешь, а? — Куда! народъ такъ и валитъ! То-то простофили! Поди-ка у нашего мужичка зашиби даромъ копѣйку, да, какъ бы не такъ: своихъ приплатишь! Что я ни говорилъ Жану, не послушался: купилъ себѣ какое-то снадобье, чтобъ у него лысина волосами заросла. Дожидайся—зарастетъ! Вотъ онъ мнѣ и говоритъ: хочешь ли, я покажу тебѣ такой курьезъ, какого ты вѣкъ не видывалъ?—А что такое?—Да вотъ что: хочешь ли видѣть такихъ блохъ, которыя всякія штуки, на подобіе человѣка, дѣлаютъ?—Какъ такъ?—А вотъ посмотри! — Пошли. Приходимъ въ какой-то домъ; у дверей взяли съ насъ по пяти копѣекъ. Горница большая, за прилавкомъ стоитъ худой французъ, весь въ черномъ, и всякаго народу довольно — вотъ этакъ человѣкъ двадцать или тридцать. Хозяинъ поклонился на всѣ стороны и началъ точить балы. Мой товарищъ толковалъ мнѣ, что этотъ штукарь говорилъ о блохахъ.—Вотъ, дескать, французская блоха—нечего сказать! умна, проворна, понятлива, все на лету хватаетъ. Англійская не такъ; бредетъ и нѣмецкая, только на ногу тяжела; а вотъ русская такъ ужъ глупа, ничему не выучишь. Я думаю про себя: — Врешь, мусье, не глупѣе вашихъ! Ты намъ штуки-то свои показывай!

Вотъ онъ положилъ листъ бумаги и началъ на него выпускать своихъ блохъ! Вотъ шестерня вороныхъ карету везетъ — хорошо, а не стоитъ пяти копѣекъ. А это что такое? Двѣ блохи привязаны стойкомъ къ тонкой булавочкѣ, а снизу булавочку повертываютъ.— Это, дескать, двѣ итальянскія блохи танцуютъ нѣмецкій вальсъ. — Подлѣ нихъ также двѣ блохи, только порознь, привязаны къ спичкамъ. Дали имъ въ лапки пробочные шарики, а къ шарикамъ придѣланы тоненькія иголочки. Вотъ онѣ шариками-то шевелятъ, а иголочками помахиваютъ.—Это, дескать, гишпанская блоха съ англійской блохою на дуэль выходятъ.—Тьфу ты пропасть! Чтожъ это въ самомъ дѣлѣ? Да развѣ можно этакъ людей морочить? Эхъ, кабы воля, да воля! Еще бы далъ пятакъ, да уже понатѣшился бы надъ этимъ краснобаемъ! А дурачье-то французы разинули рты, да такъ и давятся! Нѣтъ, сударь, воля ваша—глупый народъ!

Не знаю, которая изъ этихъ трехъ характеристикъ вѣрнѣе; но мнѣ кажется, что всѣ онѣ имѣютъ между собой большее сходство, и, несмотря на нѣкоторое различіе въ выраженіяхъ, общій результатъ будетъ слѣдующій: изъ всѣхъ европейскихъ народовъ самый непостоянный, вѣтренный, хвастливый и легковѣрный народъ есть, безъ всякаго сомнѣнія, народъ французскій.

Бордо.

Adieu donc, Paris, ville cèlebre, ville de bruit, de fumèe, et de boue où les femmes ne croient plus à l'honneur, ni les hommes à la vertu.— Adieu, Paris, nous cherchon l'amour, le bonhèur et l'innocence; nous ne serons jamais assez loin de toi.

J. J. Rousseau.

Выѣзжая изъ Парижа, я могъ бы отъ души повторить эти слова, замѣнивъ слово *любовь* словомъ спокойствіе, и говоря отъ единственнаго лица, потому что мой Никаноръ Федотычъ не искалъ ничего, и съ радостію отправился бы назадъ въ Москву бѣлокаменную, повторяя русскую пословицу: «Отъ добра добра

не ищутъ».—Я не скажу ни слова о моемъ путешествіи отъ Парижа до Бордо. Я нигдѣ не останавливался, ѣхалъ очень скоро и рѣшился пробыть здѣсь сутки для того только, чтобъ отдохнуть. Я успѣлъ, однакоже, замѣтить мимоходомъ, что чѣмъ далѣе ѣдешь отъ Парижа, тѣмъ лучше и добрѣе становится французскій народъ. Какъ я ни боюсь оскорбить разборчивый вкусъ моихъ читателей и разгнѣвать тѣхъ, для которыхъ Парижъ то-же самое, что Мекка для правовѣрныхъ мусульманъ, но никакъ не могу удержаться, чтобъ не сравнить эту *столицу европейскаго просвѣщенія* съ великолѣпнымъ мраморнымъ резервуаромъ, который превратился въ помойную яму оттого, что въ него стекаетъ грязь и нечистота со всѣхъ концовъ Франціи.

Несмотря на мою любовь къ путешествіямъ, я начинаю скучать этой страннической жизнію; да такъ и быть должно: наши мечты всегда пріятнѣе дѣйствительности, и до сихъ поръ одно разочарованіе быстро слѣдовало за другимъ. Что-то будетъ въ Андалузіи?.. Впрочемъ, и то хорошо, если я когда-нибудь повторю слова автора «Недоросля», который въ одномъ изъ писемъ своихъ говоритъ: «Я очень радъ, что видѣлъ чужіе края. По крайней мѣрѣ, не могутъ мнѣ инпозировать наши gens de France. Много пріобрѣлъ я пользы отъ путешествія. Кромѣ поправленія здоровья, научился я быть снисходительнѣе къ тѣмъ недостаткамъ, которые оскорбляли меня въ моемъ отечествѣ. Я увидѣлъ, что во всякой землѣ худого гораздо больше, нежели добраго; что люди вездѣ люди; что умные люди вездѣ рѣдки; что дураковъ вездѣ изобильно, и, словомъ, что наша нація не хуже ни которой, и что мы дома можемъ наслаждаться истиннымъ счастіемъ, за которымъ нѣтъ нужды шататься въ чужихъ краяхъ».

Баіонна.

Вотъ и конецъ Франціи. Баіонна городъ почти испанскій: вы на каждомъ шагу встрѣчаете смуглыя

южныя физіономіи, слышите звуки испанскаго языка; передъ вами рѣка, которую называютъ *Адуромъ*. Одежда *басковъ*, этихъ полу-испанскихъ французовъ, ихъ пѣсни, обычаи, забавы—все напоминаетъ вамъ испанцевъ: всѣ пьютъ шоколадъ, играютъ на гитарѣ и знаютъ что такое фанданго и волеро.

Я очень радъ познакомиться съ южными провинціями Франціи; теперь я люблю французовъ, несравненно болѣе, чѣмъ тогда, когда жилъ въ Парижѣ. Мы напрасно смѣшиваемъ *парижанъ съ французами*: это два народа, которые во многомъ не походятъ другъ на друга. Во французскихъ провинціяхъ вы встрѣтите очень часто людей набожныхъ, благочестивыхъ, простодушныхъ и безкорыстныхъ. Не хотите ли ихъ поискать въ Парижѣ? Въ южныхъ провинціяхъ Франціи сохранилась еще эта добрая, простодушная веселость, которая въ Парижѣ превратилась въ какой-то буйный цинизмъ и совершенное развращеніе нравовъ. Парижане называютъ это просвѣщеніемъ и смѣются надъ провинціалами, которые ходятъ въ церковь для того, чтобъ молиться, толкуютъ о чистотѣ нравовъ, женятся и выходятъ замужъ для того, чтобъ любить другъ друга, и стыдятся своихъ слабостей, а не щеголяютъ ими. Французскій крестьянинъ, если только онъ живетъ не близко отъ Парижа, добръ, услужливъ и отмѣнно простосердеченъ; въ послѣднемъ онъ даже беретъ преимущество надъ нашимъ русскимъ мужичкомъ, но за то уступаетъ ему и въ умѣ, и въ смѣтливости, и въ этомъ природномъ досужествѣ, которымъ отличается крестьянинъ нашихъ велико-россійскихъ губерній. Возьмите, напримѣръ, какого-нибудь владимірца, ярославца—что за молодецъ такой! Проворенъ, ловокъ, толковитъ; вы ему намекнули, онъ понялъ,—взглянулъ и перенялъ. Да что и говорить—на все гораздъ! А если дѣло пойдетъ на *проводы*, такъ проведетъ кого хотите. Французскій крестьянинъ тяжелъ, простоватъ и чрезвычайно легковѣренъ; для него нѣкоторое образованіе гораздо необходимѣе, чѣмъ для

нашего мужичка, который, съ своимъ простымъ русскимъ толкомъ и деревянными счетами, безъ всякой бухгалтеріи становится частехонько милліонщикомъ.

Многіе думаютъ, что одежда нашихъ крестьянъ несравненно хуже французской; да это оттого, что мы видимъ только на сценѣ французскихъ крестьянъ, а посмотрите-ка ихъ поближе, такъ вы увидите, что женскій ихъ нарядъ ничѣмъ не лучше русскаго сарафана, а головной уборъ *Кошуазокъ* даже безобразнѣе нашихъ кичекъ. Ихъ уродливые деревянные башмаки (sabots), въ которыхъ онѣ ходятъ и стучатъ какъ подкованныя лошади, право, не красивѣе русскихъ лаптей; а похожая на саванъ французская блуза, изъ посконной небѣленой холстины, рѣшительно хуже нашей крестьянской съ косымъ воротомъ рубашки, которая своимъ покроемъ напоминаетъ греческій тюникъ. Издали все кажется хорошимъ, а особливо если то, что мы видимъ вдали, не наше; а чужое.

Я нанялъ сегодня испанскаго аріеро (извозчика). Онъ впрягаетъ шесть муловъ въ дорожную коляску, которую я купилъ у проѣзжаго англичанина. Сейчасъ входилъ ко мнѣ Никаноръ Федотычъ объявить, что черезъ четверть часа все будетъ къ нашему отъѣзду.— Ну, сударь,—сказалъ онъ,—не скоро мы поѣдемъ! Посмотрите, какихъ одровъ намъ заложили: лошади не лошади, ослы не ослы—чортъ знаетъ что такое! А извозчикъ безъ кнута! Вотъ я ему началъ толковать руками и такъ и этакъ. Какъ, дескать, тебѣ, братецъ, безъ погонялки быть! Есть-ли у тебя кнутъ или бичъ? Тебѣ надо что-нибудь! Чтожъ, Владиміръ Сергѣевичъ? вѣдь онъ отвѣчалъ мнѣ по-русски.

— Неужели?

— Да вѣдь какъ чисто, сударь! Замоталъ головою, да и сказалъ: «нада».—Ну, а если надо,—закричалъ я,—такъ чтожъ у тебя кнута нѣтъ?—Онъ посмотрѣлъ на меня изъ подъ своей дурацкой шляпы, а шляпа-то съ добрый жерновъ будетъ, да и повернулся ко мнѣ спиною.

— Ты его не понялъ, Никаноръ. По-испански «нада» значитъ ничего.

— Какъ ничего? Такъ чтожъ онъ кулаками что-ль лошадей погонять будетъ?

— Нѣтъ, онъ станетъ въ нихъ бросать камешками.

— Вотъ что! Такъ этакъ-то у нихъ лошадей понукаютъ? То-то онъ все по двору камешки и набираетъ. Эка диковинка, подумаешь! А воля ваша, сударь, хоть это и по-гишпански, только, право, хуже нашего. То-ли дѣло нашъ ременный кнутикъ—помахивай себѣ да и только!

Я расплатился съ хозяиномъ гостиницы и сажусь въ коляску. Черезъ нѣсколько часовъ я буду у подошвы Пириней. Я не хочу заѣзжать въ Мадридъ; поѣду на Бургосъ, на Саламанку; потомъ черезъ Эстрамадуру въ Севилью; тамъ я отдохну дня два или три. Я такъ много читалъ объ этой столицѣ Андалузіи, о ея дивномъ соборѣ, о красивыхъ садахъ ея, разбросанныхъ по берегамъ великолѣпнаго Гвадалквивира. Посмотримъ, справедлива ли испанская народная пословица:

Quien non ha visto Sevilla,
Non ha visto maravilla.

то есть: «кто не видѣлъ Севильи, тотъ не видѣлъ чуда».

Вента близъ Гренады [1]).

До Гренады осталось шесть *легъ* (тридцать верстъ). Я не говорилъ еще ни разу объ испанскихъ постоялыхъ дворахъ; тѣ, которые выстроены на большихъ дорогахъ, называются *вентамы;* деревенскіе трактиры зо-

[1]) Я предувѣдомилъ уже читателей, что большая часть моихъ путевыхъ записокъ потеряна. Вотъ почему я не говорю ни слова объ ученой Саламанкѣ и знаменитой Севильѣ, которая, несмотря на свои узкія и кривыя улицы, вполнѣ оправдываетъ народную испанскую пословицу. Мои записки начинаются снова спустя пять недѣль послѣ отъѣзда моего изъ Баіонны.

вутъ *посадами*, а городскія гостиницы *фондами*, и въ этихъ фондахъ не найдете вы большого покоя; но, по крайней мѣрѣ, вамъ отведутъ особую комнату и подадутъ кушанье, приправленное не вонючимъ лампаднымъ, а довольно сноснымъ оливковымъ масломъ. Я думалъ прежде, что нѣтъ ничего безпокойнѣе и не пріятнѣе жидовской корчмы; но, кажется, постоялые дворы въ Испаніи еще хуже. Вента, въ которой я сегодня ночую, одна изъ лучшихъ въ Андалузіи. Въ ней даже нашелся отдѣльный чуланчикъ, гдѣ я теперь пишу при свѣтѣ лампады. Въ этой темной конурѣ прорублено небольшое окно, сквозь которое я могу видѣть въ полной красотѣ всю внутренность испанской венты. Представьте себѣ обширную комнату, или, лучше сказать, сарай, у котораго не потолокъ, а кровля поддерживается четыреугольными каменными столбами; нѣсколько узенькихъ оконъ какъ будто нехотя пропускаютъ свѣтъ во внутренность этого сарая; вдоль стѣнъ привязаны къ яслямъ мулы и лошади извозчиковъ, которыхъ шумная ватага ѣстъ и прохлаждается за двумя столами. Прямо противъ входа, на широкомъ очагѣ трещитъ и вспыхиваетъ тощій огонекъ, обхватывая густымъ дымомъ вязанку сырой соломы, перемѣшанной съ хворостомъ. Около очага стоятъ глиняные кувшины почти въ ростъ человѣческій; въ нихъ налита колодезная вода для муловъ и лошадей. Подлѣ одного изъ столовъ сидитъ на деревянномъ чурбанѣ слѣпой старикъ; онъ бренчитъ на разстроенной *вигуели*. Мой Никаноръ слушаетъ старика съ большимъ вниманіемъ, вѣроятно, потому, что инструментъ его весьма походитъ на нашу русскую балалайку. За другимъ столомъ ужасно шумятъ и ругаются съ хозяиномъ постоялаго двора два пьяные погонщика изъ Аррагоніи; они кричатъ, что ихъ ужинъ не стоитъ и одного мараведиса [1]); клянутся святымъ Фабриціемъ, что хо-

---

[1]) Мараведисъ почти то-же, что наша денежка.

зяинъ постоялаго двора *амбустеро*, то-есть плутъ; что во всей Андалузіи нѣтъ ни одного трактирщика *стараго христіанина;* что въ Аррагоніи послѣдній *хитано* (цыганъ) честнѣе любого гранадскаго *гидалго* (дворянина). Хозяинъ вступается за честь своей родины, кричитъ какъ безумный, машетъ поварскимъ ножемъ и называетъ аррагонцевъ жидами; другіе извозчики берутъ сторону своихъ товарищей; къ хозяину присоединяется толстая служанка: она покрываетъ своимъ визгливымъ крикомъ возгласы пьяныхъ извозчиковъ. Эта запачканная и растрепанная баба такъ уродлива и безобразна, что, глядя на нее, я невольно вспоминаю знаменитую *Мариторну*. Вы вѣрно ее знаете, любезные читатели, потому что безъ всякаго сомнѣнія читали диковинныя приключенія рыцаря *Донъ Кихота* Ламанчскаго, съ которымъ мы, русскіе, познакомились тогда еще, когда его звали Донъ Кишотомъ. Все, что происходитъ передо мною, какъ живо напоминаетъ мнѣ нѣкоторыя главы изъ этого безсмертнаго романа, что я безпрестанно поглядываю на дверь; мнѣ все кажется, что она чейчасъ растворится, и войдетъ длинный рыцарь *Плачевнаго образа* вмѣстѣ съ своимъ приземистымъ оруженосцемъ. Вотъ, въ самомъ дѣлѣ, кто-то отворяетъ дворь и, съ надворья, высовыется голова, но только покрытая не мѣднымъ тазомъ, а шерстянымъ капишономъ. Это монахъ капуцинскаго ордена. При появленіи его, шумъ прерывается; онъ входитъ въ венту и, сложивъ руки крестъ-на-крестъ, говоритъ: «Ave Maria purissima!». Всѣ присутствующіе встаютъ и отвѣчаютъ въ одинъ голосъ: «Sine peccado concediba!». Брань утихаетъ; Мариторна хлопочетъ около очага, чтобъ накормить скорѣе капуцина; хозяинъ затыкаетъ за поясъ свой поваренный ножъ и перестаетъ перебраниваться съ пьяными аррагонцами. Мало-по-малу все приходитъ въ порядокъ; извозчики ложатся спать, кто на полу, кто на скамьѣ; аррагонцы, выпивъ еще по кружкѣ вина, располагаются преспокойно подъ столомъ; хозяинъ уступаетъ свою собственную постель

монаху, и черезъ нѣсколько минутъ въ этой шумной вентѣ, исключая меня, все спитъ мертвымъ сномъ.

Гренада.

Какъ живописно положеніе Гренады! Я не могъ налюбоваться имъ, когда мы спустились съ восточнаго ската *Сіерра-Невады* (снѣжной горы) въ долину, по которой текутъ Дарро и Хениль. Эти двѣ рѣчки огибаютъ подошву *Сіерра де-Санта Елена* (такъ называютъ испанцы одну изъ отраслей Сіерра-Невады), которая вдается мысомъ въ Гренадскую долину. Начиная отъ самой ея подошвы до того мѣста, гдѣ Хениль и Дарро сливаютъ свои воды, по обоимъ берегамъ этой послѣдней рѣки возвышается амфитеатромъ великолѣпная Гренада, этотъ драгоцѣнный перлъ древняго мавританскаго царства въ Испаніи. Близъ самой оконечности горнаго мыса, на полугорѣ, подымаются башни волшебной Альямбры; еще выше красуются и зеленѣютъ тѣнистые сады Хенералифа. Еслибъ мавры не оставили, кромѣ этихъ двухъ зданій, никакихъ другихъ слѣдовъ своего владычества въ Испаніи, то и тогда бы мы имѣли высокое понятіе объ изящномъ вкусѣ, просвѣщеніи и могуществѣ ихъ царей. Когда подумаешь, сколько народовъ исчезло совершенно съ лица земли, и какъ измѣнились тѣ, которые еще хотя по имени существуютъ! Прошу отгадать въ кочующихъ по африканскимъ берегамъ Средиземнаго моря дикихъ, необразованныхъ бедуинахъ этихъ поэтическихъ мавровъ съ ихъ просвѣщеніемъ, роскошью и рыцарскими нравами; или не угодно ли вамъ открыть какое-нибудь сходство у нынѣшняго грека, который торгуетъ финиками, съ какимъ-нибудь ученикомъ Сократа или собесѣдникомъ Перикла и Алкивіада.

Я занимаю нѣсколько комнатъ въ лучшей гренадской фондѣ; она у самыхъ воротъ, которыми выѣзжаютъ

на площадь *Виварамбла*. Содержатель этой гостиницы, Франциско Гонзалецъ, умный и весьма услужливый эстрамадурецъ; онъ взялся быть моимъ путеводителемъ во все время пребыванія моего въ Гренадѣ, которое, впрочемъ, будетъ непродолжительно: я проживу здѣсь не болѣе недѣли. Въ Севильѣ нашъ русскій консулъ далъ мнѣ рекомендательное письмо къ одной изъ первыхъ здѣшнихъ *донасъ*, графинѣ Біанкѣ Аладерра. Я отослалъ его вчера съ трактирнымъ слугою и сегодня приглашенъ къ этой графинѣ на рефреско [1]).

Я сижу за письменнымъ столомъ противъ открытаго окна; передо мною вся площадь. Наши понятія о городскихъ домахъ не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ, что теперь у меня передъ глазами. Представьте себѣ высокіе не кирпичные, а каменные дома, у которыхъ черепичныя кровли опускаются навѣсомъ; у многихъ домовъ онѣ такъ далеко выдаются впередъ; что ихъ поддерживаютъ желѣзныя, а иногда простыя деревянныя подпорки. Я не умѣю вамъ сказать, какой архитектуры эти дома; во всякомъ случаѣ, въ нихъ вовсе не замѣтна *симметрія*, такъ строго наблюдаемая въ нашихъ городскихъ зданіяхъ. Подлѣ большого окна маленькое; въ одномъ и томъ же этажѣ одинъ балконъ выше другого; рядомъ съ обыкновеннымъ входомъ, готическая, украшенная рѣзьбою дверь. Вотъ домъ, у котораго одна часть нижняго этажа обложена въ ростъ человѣческій расписными изразцами, а другая даже не выкрашена; подлѣ него зданіе, которое напоминаетъ итальянскую виллу съ плоскою кровлею; но къ нему пристроены какія-то башеньки и странные мезонины въ мавританскомъ вкусѣ; нѣсколько подалѣе пяти-этажный, похожій на башню домъ; у него, вмѣсто балкона, прилѣплена къ стѣнѣ каменная избушка съ тремя окнами и черепичной кровлей. Подъ этимъ высячимъ домикомъ, между шоколадной фабрикой и лавкой съ съѣстными припасами, часовня, которой вся внутрен-

---

[1]) Званый вечеръ.

ность украшена цвѣтами. Почти подъ каждымъ окномъ балконъ. У насъ наружныя занавѣски, которыя мы называемъ *маркизами*, очень красивы; а здѣсь, напротивъ, онѣ безобразятъ лицевую сторону дома. Если эта занавѣска опущена, то мотается просто какъ скатерть или простыня, которую просушиваютъ на солнышкѣ; если же она подобрана, то вы подумаете, что это небрежно скатанный кусокъ холста, который, неизвѣстно для чего, прихватили ремнями къ стѣнѣ и повѣсили надъ окномъ. Вся эта пестрота и, если можно такъ выразиться, архитектурная разноголосица, имѣетъ, однакожъ, свою прелесть. Классическая стройность нашихъ петербургскихъ зданій такъ однообразна! При первомъ взглядѣ, ихъ изящная архитектура поражаетъ насъ удивленіемъ; но мы скоро привыкаемъ къ этимъ величественнымъ портикамъ, безпорожнымъ фронтонамъ, симметрическимъ противуположностямъ и широкимъ, прямымъ улицамъ. Мы желали бы иногда зайти въ узенькій переулокъ, который извивается какъ дорожка въ англійскомъ саду; желали бы встрѣтить рядомъ съ греческимъ храмомъ какой-нибудь архитектурный капризъ. Наше любопытство и вниманіе поддерживается разнообразіемъ; а все одно да одно, какъ бы оно ни было прекрасно, сначала приглядится, а тамъ надоѣстъ...

Вотъ уже около часу, какъ я не могу оторваться отъ окна. Какая жизнь на этой площади! У дверей каждаго дома сидятъ отдѣльными группами мужчины и женщины. Въ одномъ мѣстѣ поютъ, въ другомъ раздаются тихіе аккорды благозвучной испанской гитары. Здѣсь площадный музыкантъ забавляетъ толпу своимъ искусствомъ: онъ бьетъ правой рукой въ барабанъ, а лѣвою играетъ на какой-то дудкѣ. Вонъ тамъ вдали, за большой толпою народа, кажется, пляшутъ... да! такъ точно! до меня долетаютъ рѣзкіе звуки андалузскихъ кастаньетовъ. Вся площадь кипитъ народомъ. Какая пестрота! Вотъ алжирскій мавръ въ щеголеватой одеждѣ мамелюка; онъ разговариваетъ съ тунис-

скимъ бедуиномъ, закутаннымъ въ свой бѣлый плащъ; тутъ босой кармелитскій монахъ толкуетъ съ чернобородымъ *хитано*, у котораго на ногахъ что-то похожее на древнія котурны. Подъ моимъ окномъ сидитъ длинный, худущавый и пpегордый испанецъ съ огромными усами, въ изломанной шляпѣ съ высокой тульею; изношенная капа, то есть епанча, въ которую онъ закутанъ, вся въ дырахъ и заплатахъ: это нищій. Вотъ онъ останавливаетъ одного полупьянаго крестьянина. Не угодно ли вамъ послушать, какъ онъ проситъ у него милостыню? «Сеноръ гидалго,—то есть господинъ дворянинъ,—извините! у меня нѣтъ мелкихъ денегъ». Крестьянинъ даетъ ему мираведисъ, нищій приподымаетъ свою шляпу и говоритъ реважно! «Сеноръ кабалеро! я вашъ должникъ». Подлѣ этого церемоннаго нищаго два пастуха съ Сіерра-Морены, въ овчинныхъ *чупахъ*, напоминающихъ черкесскія бурки, говоря межъ собою, величаютъ другъ друга кавалерами. Недалеко отъ нихъ монахъ доминиканскаго ордена продаетъ чотки старой дуэньѣ [1]). Вотъ идетъ стройная какъ пальма и, кажется, молоденькая *донасъ*; ея дѣтскія ножки обуты въ черные атласные башмаки; она завернулась въ свою баскинью [2]); на головѣ ея развѣвается, закинутая назадъ, бѣлая *мантилья* [3]). Вотъ она проходитъ мимо моего окна. Я не ошибся: она и молода и прекрасна. Черные, огненные глаза ея устремлены съ любовью на молодого человѣка въ зеленомъ фракѣ и трехугольной шляпѣ; одной рукой онъ поправляетъ накинутый на лѣвое плечо щеголеватый *табарро* [4]), въ другой держитъ опахало своей дамы; она называетъ его вполголоса: «mi amigo»! Теперь понимаю: этотъ молодой человѣкъ ея кортехо [5]). Позади ихъ, шагахъ въ десяти, идетъ мужчина, закутанный въ чер-

---

1) Старуха, нянюшка.
2) *Баскинья*—широкое верхнее платье.
3) Мантилья—головной уборъ, родъ покрывала.
4) Табарро—короткій плащъ.
5) Кортехо тоже самое, что чичизбей въ Италіи.

ную капу; шляпа его надвинута на глаза, одна рука прижата къ груди. Если не ошибаюсь, онъ держится ею за рукоятку своего кинжала... Такъ точно! Это не мужъ хорошенькой донасъ, а ревнивый соперникъ, который ожидаетъ удобнаго случая, чтобы отправить на тотъ свѣтъ счастливаго кортехо. Я говорю *счастливаго*, потому что этотъ кажется мнѣ такимъ, а по большей части участь этихъ *офиціальныхъ* обожателей вовсе незавидна. Кортехо прекрасной, и даже непрекрасной женщины отправляетъ должность безсмѣннаго ординарца, и находится при ней для однѣхъ посылокъ. Онъ можетъ только вздыхать, жаловаться на свою судьбу и любить жестокую точно такъ же, какъ любилъ Донъ-Кихотъ свою дульцинею, то есть самымъ рыцарскимъ и безкорыстнымъ образомъ. Но вотъ толпа, посреди которой слышенъ былъ звукъ кастаньетъ, разступилась; танцовщикъ и танцовщица выходятъ на середину площади. Не знаю что они танцовали, веселое *фанданго* или разгульное *болеро*, но ужъ вѣрно не плавную *сардану* и не тяжелую *капону*: они такъ устали! такъ раскраснѣлись! Вотъ они подходятъ ближе къ моему окну... А! да эта парочка одѣта въ щегольское національное платье; это молодецъ вѣрно одинъ изъ первыхъ андалузскихъ *махо* [1]); да и подруга его настоящая *маха*. У мужчины на головѣ длинная шелковая *резедилья* (сѣтка); онъ одѣтъ въ свѣтлосинюю бархатную куртку, обшитую золотой бахрамою, съ богатыми парчевыми наплечниками; подъ нею жилетъ песочнаго цвѣта, выложенный золотыми шнурками; онъ подпоясанъ пунцовымъ кушакомъ; на лѣвомъ плечѣ мастерски удрапирована темнозеленая капа. На головѣ у дѣвушки ярко вызолоченный гребень съ коронкою; изъ-подъ него опускается бѣлая кисейная мантилья; голубой корсетъ не стягиваетъ, а только обрисовываетъ ея прелестный станъ; на рукавахъ ея оплечья или береты изъ золотой матеріи; коротенькая розовая юбочка,

---

[1]) Махо и маха, простонародные щеголь и щеголиха.

обшитая въ нѣсколько рядовъ черной шелковой бахрамою, бѣлые чулки съ цвѣтными стрѣлками, желтые башмаки, и въ рукѣ не опахало, а чотки. Вотъ день начинаетъ вечерять; число гуляющихъ примѣтно умножается; площадь становится шумнѣе; пронзительные крики разнощиковъ покрываютъ глухой говоръ толпы; въ двадцати различныхъ мѣстахъ раздаются осиплые голоса старухъ; онѣ кричатъ: «Аква фреска! аква фрескита! (свѣжая вода). Вотъ послышался вдали звонъ колокольчика. Вдругъ, какъ по мановенію волшебнаго жезла, по всей площади разливается мертвая тишина; изъ переулка показалось нѣсколько священниковъ въ полномъ облаченіи: они несутъ святые дары къ умирающему. Когда процессія вышла на площадь, тысячи головъ склонились долу, многіе падаютъ на колѣни и повергаются во прахъ передъ несомымъ въ торжествѣ святымъ потиромъ. Я не могу описать впечатлѣнія, которое производитъ на душу это внезапное молчаніе, изрѣдка прерываемое вздохами и тихой молитвою многолюдной толпы, за минуту до того шумной и веселой; невольно преклоняются колѣни и сладостное умиленіе проникаетъ въ сердце. Боже мой! какого высокаго наслажденія лишенъ тотъ, кто не вѣруетъ; никогда въ этой земной жизни душа его, подавленная страстями, побѣжденная тѣломъ, не воспрянетъ отъ своего мертваго сна; никогда не почувствуетъ онъ того, что чувствуетъ грѣшникъ христіанинъ, когда раскаяніе, а вмѣстѣ съ нимъ и любовь коснутся безсмертной души его, когда онъ въ восторгѣ неизъяснимой радости воскликнетъ: «Живъ Богъ, жива душа моя!»

Я ѣздилъ сейчасъ въ наемной каретѣ (caleseros) къ графинѣ Біанкѣ Аладерра; но, къ сожалѣнію, мнѣ не удалось посмотрѣть, что такое испанское *рефреско*. Графиня получила извѣстіе, что одинъ изъ дальнихъ ея родственниковъ скончался. Хотя она вовсе не была огорчена этой смертію, но должна была отмѣнить свой

бальный вечеръ. Вѣроятно я, какъ иностранецъ, какъ *сеноръ русіано*, не попаль въ число тѣхъ гостей, которымъ велѣно было отказывать. У дверей дома встрѣтилъ меня дворецкій ея сіятельства, одѣтый съ головы до ногъ въ черное. Я прошелъ вслѣдъ за нимъ узкимъ корридоромъ, въ концѣ котораго двое слугъ, въ богатыхъ ливреяхъ, растворили широкую дверь, и я увидѣлъ передъ собою четырехъ-сторонній дворъ, вымощенный каменными плитами; посреди его, въ мраморномъ бассейнѣ билъ фонтанъ. Три стороны этого двора, который испанцы называютъ patio, составлялись изъ внутреннихъ стѣнъ дома, прорѣзанныхъ двухъ-этажными аркадами; четвертая, обращенная ко входу, имѣла во второмъ этажѣ одно только большое окно съ балкономъ. Подъ нижними арками были стеклянныя двери; онѣ служили въ одно время и входомъ и освѣщеніемъ для отдѣльныхъ комнатъ, изъ которыхъ составлялся весь первый этажъ дома. Въ ненастную погоду и полуденнѣй жаръ, этотъ дворъ, служащій обыкновенно пріемной залою для хозяина, накрывается холстиннымъ потолкомъ и тогда онъ очень походитъ на огромную палатку. Вдоль стѣнъ этой полувоздушной гостиной разбросаны были клумбы цвѣтовъ и благовонныхъ кустарниковъ. Хозяйка дома и нѣсколько другихъ дамъ сидѣли противъ самаго входа, на низкомъ диванѣ, или, лучше сказать, на простой скамьѣ, обитой шерстяной матеріею; съ правой стороны въ широкихъ креслахъ покоилась какая-то духовная особа. Я тотчасъ догадался, что это долженъ быть гренадскій епископъ, потому что его безпрестанно величали: *Усія илюстриссима*. По лѣвой сторонѣ стояло нѣсколько порожнихъ стульевъ и сидѣлъ важный испанскій грандъ, первой или второй степени, право не знаю. Я отгадалъ его званіе, потому что графиня Аладерра и старая *дукеса* (герцогяня), которая сидѣла съ ней рядомъ, говорили ему *ты*, и онъ отвѣчалъ имъ тѣмъ-же [1]). Хозяйка

[1]) Испанскіе гранды и вообще всѣ знатные говорятъ другъ другу: *ты*.

сдѣлала нѣсколько шаговъ мнѣ навстрѣчу и проговорила съ ласковой улыбкою: «Senor caballero, me alegro di ver que su merced estra bueno!» то есть: «Господинъ кавалеръ! я радуюсь, что вижу васъ въ добромъ здоровьѣ!» Я отвѣчалъ ей на это: «Viva su exellenza mille anos!—Да живетъ ваше превосходительство тысячу лѣтъ!»—Потомъ графиня сѣла на прежнее мѣсто, а я занялъ одинъ изъ порожнихъ стульевъ. Послѣ нѣсколькихъ вопросовъ, сдѣланныхъ хозяйкою о томъ, нравится ли мнѣ Гренада, и долго ли я въ ней пробуду, старая дукеса спросила меня, какую исповѣдуютъ вѣру въ Россіи? Разумѣется, я отвѣчалъ, что мы христіане. Усія илюстриссима, то есть епископъ, улыбнулся, а испанскій грандъ повторилъ сквозь зубы: «Христіане! то есть лютеране?»

— Извините, экселенція! мы греческаго исповѣданія.

— Да это все одно и то-же! Во всякомъ случаѣ, сеноръ кабалеро, я васъ поздравляю, что вы не французъ. Русскій чему-нибудь да вѣритъ, а французъ!.. Этотъ пагано, магометано, деможіо!..

— Ah! Maria santissima! — вскричала хозяйка, — какъ можно такъ ругать французовъ? Они католики.

— Да, конечно,—прервалъ съ улыбкою епископъ,— и Вольтеръ былъ католикъ.

— Вольтеръ!—воскликнулъ экселенція;—этотъ богоотступникъ, для котораго не было ничего святого? Онъ католикъ?.. Vulgame Dios!

— Скажите, сеноръ русіано,—продолжала хозяйка, обращаясь ко мнѣ,—ваша свита скоро сюда будетъ?

— Моя свита, графиня?.. У меня нѣтъ никакой свиты. Со мною одинъ слуга.

— Возможно ли? Такой богатый и знатный гидальго, какъ вы?.. Но, можетъ быть, вы любите путешествовать инкогнито?..

— Ай, ай!—подумалъ я,—видно, нашъ консулъ не поскупился надѣлить меня въ своемъ рекомендательномъ

письмѣ и знатностью и богатствомъ!—Старая *дукеса* принялась разспрашивать меня о Россіи, и когда я сказалъ ей, что у насъ теперь, то есть въ январѣ мѣсяцѣ, всѣ рѣки покрыты толстымъ льдомъ, а на улицу нельзя выйти безъ шубы, то она всплеснула руками и закричала: «О, buenna santa Barbara!.. Да чтожъ это за земля такая?» Чтобъ разсѣять непріятное впечатлѣніе, произведенное моимъ разсказомъ, я сталъ ей говорить о пербургскихъ зимнихъ забавахъ, театрахъ, великолѣпныхъ балахъ, концертахъ; а когда дѣло дошло до санной ѣзды и нашихъ зимнихъ катаній, то я сдѣлался настоящимъ восточнымъ поэтомъ. Я разсказывалъ ей, какъ у насъ зимою лунныя ночи свѣтлѣе лѣтняго дня; какъ всѣ деревья, вмѣсто увядшихъ, запыленныхъ листьевъ, осыпаны лебяжьимъ пухомъ, поля и горы покрыты не пожелтѣлой травою, а усѣяны толчеными алмазами, изумрудами и мелкимъ жемчугомъ; какъ наши барыни, закутанныя въ собольи шубы, летаютъ по гладкой, какъ мраморъ, дорогѣ, въ раззолоченныхъ саняхъ, и какъ всѣ онѣ кажутся прекрасными, когда ихъ лилейныя щеки горятъ и пылаютъ отъ нашего русскаго мороза. Всѣ слушали меня съ большимъ вниманіемъ, а особливо одна разрумяненная донасъ, помоложе другихъ, которую хозяйка называла Серафимою. Она не скрывала своего восторга и безпрестанно прерывала мой разсказъ восклицаніями: «О, santa Maria! Какъ хороша русская зима! Famoso! Dilicioso!». Я давно уже замѣтилъ, что эта донна Серафима очень ласково на меня посматриваетъ... Она не дурна собою: у нея большіе, прекрасные глаза, но они уже слишкомъ напоминаютъ *пламенный югъ*. Какъ она на меня смотрѣла!.. Съ какимъ простодушіемъ эти черные блестящіе глаза высказывали мнѣ, что мои свѣтлорусые волосы и сѣверная моя физіономія ей очень нравятся. Въ первый еще разъ, разумѣется, съ тѣхъ поръ, какъ вышелъ изъ дѣтства, я не могъ выдержать взгляда женщины, вовсе для меня неинтересной, и покраснѣлъ какъ осьмилѣтній ребе-

нокъ. Я пробылъ у графини Аладерра часа полтора и, выпивъ чашку шоколада, отправился домой.

Сегодня я смотрѣлъ здѣшнюю каѳедральную церковь; вѣроятно, она показалась бы мнѣ великолѣпною, еслибъ я не видѣлъ Севильскій соборный храмъ, который можетъ по справедливости назваться чудомъ готической архитектуры, и, конечно, не имѣетъ себѣ равнаго, потому что соборная церковь въ Кельнѣ не достроена; она одна могла бы, по своему колоссальному объему, стать рядомъ съ этимъ необъятнымъ зданіемъ, посвященнымъ истинному Богу. Изъ собора я отправился гулять въ *Paseo*—такъ называется гренадская *Аламеда*, или публичное гулянье. Оно расположено по правому берегу Хениля. Представьте себѣ длинную, усыпанную пескомъ площадь шаговъ въ пятьдесятъ шириною; по обѣимъ сторонамъ ея тянутся густыя аллеи изъ вязовъ и пахучихъ акацій, опущенныя сплошными кустами розановъ, жасминовъ и другихъ благовонныхъ растеній. На одномъ концѣ этой площади вы видите великолѣпный водометъ, за которымъ начинаются гористыя мѣста, покрытыя густымъ лѣсомъ. На противоположной сторонѣ гулянья возвышаются уступами городскія зданія, виноградники, и окруженный со всѣхъ сторонъ рощами обширный монастырь, закрывающій собою Альямбру и часть Хинералифа; а надъ всѣмъ этимъ изгибистая и зубчатая вершина подоблачной *Сіерры Невады*. Гуляющихъ было очень много. Въ нашихъ, и вообще во всѣхъ европейскихъ публичныхъ мѣстахъ, мужчины составляютъ темную и однообразную часть гуляющей толпы; вся пестрота, всѣ яркіе цвѣта принадлежатъ женщинамъ; ихъ разноцвѣтныя шляпки, шали, косынки и платья рѣзко отдѣляются отъ мужскихъ черныхъ шляпъ и платьевъ, обыкновенно самыхъ темныхъ цвѣтовъ. Въ Испаніи, напротивъ, женщины, по большей части, одѣты въ черномъ, и почти всѣ въ своихъ баскиньяхъ

одинаковаго покроя; въ то время, какъ вы встрѣчаете на каждомъ шагу монаховъ въ сѣрыхъ и бѣлыхъ рясках, офицеровъ въ щеголеватыхъ разноцвѣтныхъ мундирахъ, молодыхъ людей, одѣтыхъ по послѣдней парижской модѣ и патріотовъ въ національной, блестящей золотомъ одеждѣ.

Возращаясь домой, я услышалъ, что изъ второго этажа одного дома, мимо котораго я проходилъ, прошептали вполголоса: «Сеноръ кабалеро!» Я поднялъ голову: на балконѣ стояла женщина въ покрывалѣ; она сдѣлала мнѣ знакъ рукою, бросила что-то къ моимъ ногамъ и скрылась. Признаюсь, я очень удивился, когда поднялъ брошенную вещь, и увидѣлъ, что это четки. Странный подарокъ!—Ужъ не приняла ли меня эта донасъ за какого-нибудь другого?—подумалъ я, и хотѣлъ было войти въ домъ, чтобъ узнать отъ нея самой, нѣтъ ли тутъ какой-нибудь ошибки; но мнѣ пришло въ голову, что я могу встрѣтиться съ ревнивымъ мужемъ или строгимъ отцомъ, и я, постоявъ нѣсколько минутъ на улицѣ, рѣшился, наконецъ, итти домой.

Вчера я заѣзжалъ опять къ графинѣ Аладерра. Она разспрашивала меня о будущихъ моихъ путешествіяхъ и, казалось, очень обрадовалась, когда я сказалъ, что, можетъ быть, останусь навсегда жить въ Андалузіи. Не знаю, къ чему завела она рѣчь о своей пріятельницѣ, доннѣ Серафимѣ; только цѣлый часъ читала мнѣ похвальное слово этой зрѣлой дѣвицѣ и всему ея родству. Просидѣвъ часа два у графини, я отправился домой, гдѣ хозяинъ фонды, Франциско Гонзалецъ, дожидался меня, чтобъ итти смотрѣть вмѣстѣ со мною Альямбру и Хенералифъ. Пообѣдавъ на скорую руку, мы отправились пѣшкомъ и прямо съ площади стали подыматься въ гору по узкой улицѣ, называемой Zacatin, знаменитой во время мавровъ своими богатыми лавками, въ которыхъ продавались драго-

цѣнные каменья, восточный жемчугъ и золотыя вещи. Менѣе чѣмъ въ полчаса мы дошли до *воротъ суда*, главнаго входа въ отдѣльную часть города, окруженную до половины разрушенными стѣнами. Пройдя нѣсколько сотъ шаговъ, мы вышли другими воротами на большую площадь и увидѣли передъ собой высокую стѣну, посреди которой возвышалась необъятной величины четырехсторонняя башня, съ небольшими и очень низкими воротами: это была Альямбра. Признаюсь, я ожидалъ совсѣмъ другого. Мой товарищъ поглядѣлъ на меня съ улыбкою и сказалъ: — Не торопитесъ судить о нашей красавицѣ. Альямбра стыдливая восточная дѣвушка: эта стѣна служитъ ей покрываломъ; но загляните только за него, и вы увидите, что она, несмотря на свою древность, прекрасна, какъ безсмертная гурія Магометова рая.

Онъ сказалъ правду. Пройдя первый дворъ, вымощенный бѣлыми мраморными плитами, мы вошли воротами, также изъ бѣлаго мрамора, на другой дворъ, называемый Patio de la Alberca. Всю его средину занимаетъ огромный бассейнъ; въ прозрачной водѣ его, какъ въ опрокинутомъ зеркалѣ, отражаются куртины пахучихъ кустарниковъ и цвѣтовъ, два красивыхъ водомета, узорчатыя стѣны зданія и легкія, воздушныя аркады внутренняго портика. Подлѣ одного изъ фонтановъ, на разостланномъ коврѣ, сидѣло нѣсколько дѣвушекъ; онѣ слушали молодого человѣка, который игралъ на гитарѣ какую-то заунывную пѣсеньку. Все это вмѣстѣ было такъ живописно, такъ прекрасно! и все это было только преддверіемъ чудесъ восточнаго зодчества, поразившихъ меня удивленіемъ, когда мы пошли далѣе. Есть предметы, которыхъ описаніе недоступно не только для прозаиста, но даже для самаго вдохновеннаго поэта. Къ числу ихъ принадлежитъ изящная, но въ то-же время капризная архитектура древнихъ мавровъ. Какъ могу я передать впечатлѣніе, произведенное на меня залою Абенсераговъ, судебной палатою или знаменитымъ дворомъ

Львовъ. Что поймете вы изъ моихъ словъ, если я стану вамъ разсказывать, что видѣлъ безчисленное множество двойныхъ колоннъ изъ бѣлаго мрамора, которыя такъ стройны и такъ легки, что, кажется, вовсе не поддерживаютъ своды, а какъ будто бы висятъ на воздухѣ; какъ опишу я вамъ эти готическія зубчатыя арки, обложенныя мраморною бахромою; эту яркую пестроту, эти безконечно разнообразные узоры, которыми покрыты всѣ стѣны, и это,—извините смѣлость выраженія, — это каменное кружево, которое изгибается сводомъ или виситъ фестонами надъ вашей головою? Всѣ мои слова будутъ для васъ одними звуками, не выражающими никакой мысли, и безъ помощи живописи не дадутъ вамъ ни малѣйшаго понятія объ этой диковинной Альямбрѣ, въ которой все прекрасно, и ничто не походитъ на то, что мы привыкли называть прекраснымъ.

Изъ Альямбры мы отправились въ Хенералифъ. Этотъ *потѣшный* дворецъ древнихъ царей мавританскихъ почти то-же самое, что Альямбра, только въ гораздо меньшемъ размѣрѣ. Онъ славится своими садами, которые расположены позади него уступами до самой вершины горы. Видъ съ верхней терассы на обширную Гренадскую долину прекрасенъ, но собственно сады показались мнѣ весьма обыкновенными. Эти крытыя аллеи изъ рѣдко посаженныхъ кипарисовъ, эти узенькія прямыя канавки, симметрически расположенные фонтаны и обдѣланныя камнемъ террасы, все напоминаетъ наши регулярные сады, которые такъ несносны своимъ однообразіемъ и математическою правильностію. Возвращаясь назадъ, я разстался съ моимъ хозяиномъ у самыхъ Гренадскихъ воротъ; онъ зашелъ къ какому-то знакомому, а я отправился домой. Я шелъ, задумавшись, по улицѣ, пробираясь сторонкою подлѣ домовъ; вдругъ мнѣ послышалось, что кто-то кашляетъ; я взглянулъ кверху... А! это тотъ самый домъ, изъ котораго вчера мнѣ бросили чотки, и, кажется, на балконѣ стоитъ та-же самая донасъ, кото-

рой угодно было сдѣлать мнѣ этотъ чудный подарокъ. Такъ точно! Она дѣлаетъ мнѣ какіе-то знаки руками; къ сожалѣнію, я вовсе не знаю этого нѣмого языка, которымъ въ Испаніи любовники разговариваютъ межъ собою и понимаютъ другъ друга какъ нельзя лучше. Впрочемъ, вѣжливость не бѣда: на всякій случай, я снимаю шляпу и кланяюсь. Сеньорита бросаетъ что-то къ моимъ ногамъ. Не опять ли чотки?.. Нѣтъ! букетъ цвѣтовъ. Въ то время, какъ я нагибался, чтобъ поднять этотъ второй подарокъ, она исчезла съ балкона. Посмотримъ, нѣтъ ли чего-нибудь въ этомъ букетѣ?— Ну! такъ и есть: записка! Я съ трудомъ разобралъ нѣсколько словъ, написанныхъ весьма дурнымъ почеркомъ. Вотъ содержаніе этой странной записки:

«Сеноръ кабалеро! Отдайте мнѣ золотое колечко, которое вы носите на правой рукѣ. Если вы согласны сдѣлать мнѣ этотъ подарокъ, то ступайте завтра поутру въ Кармелитскій монастырь; у дверей церкви будетъ васъ дожидаться женщина въ темнозеленой баскиньѣ; она подойдетъ къ вамъ и скажетъ: «Viva usted mil anos!»—Вы можете смѣло отдать ей ваше кольцо».

Еслибъ я не былъ въ Андалузіи, то подумалъ бы, что-какая-нибудь проказница хочетъ надо мною позабавиться; но я такъ много читалъ объ испанскихъ любовныхъ приключеніяхъ, которыя вовсе не походятъ на наши, что рѣшился посмотрѣть, чѣмъ все это кончится. Мнѣ совсѣмъ не трудно было разстаться съ этимъ колечкомъ; его подарила мнѣ одна изъ моихъ правнучатныхъ тетушекъ, которая лѣтъ пять тому назадъ заняла у меня на три дня двѣ тысячи рублей, и съ тѣхъ поръ платитъ мнѣ проценты своей родственной любовью. На другой день, то есть сегодня я написалъ записку, въ которой увѣдомлялъ мою незнакомку, что посылаю къ ней кольцо, и въ то-же время прощаюсь съ нею, потому что черезъ два дня уѣзжаю изъ города, въ которомъ она живетъ; но что я никогда не разстанусь съ ея чотками, которыя будутъ

мнѣ напоминать, какъ привѣтливы и любезны гренадскія красавицы. Завернувъ въ эту записку мое кольцо, я отправился часу въ десятомъ въ Кармелитскій монастырь. На церковной паперти встрѣтила меня старушка въ темнозеленомъ верхнемъ платьѣ и черной мантильѣ, которая, къ несчастію, была закинута назадъ и вовсе не закрывала самаго безобразнаго и отвратительнаго лица испанской дуэньи, которыя вообще не очень красивы собою. Она пробормотала мнѣ на ухо: «Viva usted mil anos!» взяла записку и бросилась отъ меня опрометью, какъ будто бы боялась, чтобъ я не передумалъ и не отнялъ у нея назадъ моего подарка.— Чтожъ это значитъ?.. Ужъ не показалось ли моей незнакомкѣ... Ахъ! въ самомъ дѣлѣ!.. Несчастная донасъ! какой будетъ для тебя непріятный сюрпризъ!.. Въ моемъ кольцѣ вставленъ довольно большой сибирскій *тяжеловѣсъ*: вѣрно, ты приняла его за дорогой солитеръ?.. Бѣдняжечка!.. Думала ли ты, моя почтенная тетушка, что изъ-за твоего тридцати-рублеваго колечка будетъ такъ хлопотать какая-нибудь черноглазая донасъ, у которой отецъ, быть можетъ, благороднѣе самого короля [1]..

Изъ монастыря я отправился полюбоваться еще разъ Альямброю и, возвращаясь назадъ, прошелъ мимо дома, въ которомъ жила моя незнакомая красавица. Видно, она цѣлый день не сходитъ съ балкона! Лишь только я показался на концѣ улицы, она сняла тотчасъ перчатку съ правой руки, и на ея пальцѣ заблисталъ мой сибирскій тяжеловѣсъ. Въ ту самую минуту, какъ я взялся за шляпу, чтобъ ей поклониться, она приподняла свое покрывало.—Ба, ба, ба!.. да это пріятельница графини Аладерра, это донна Серафима!.. Такъ вотъ почему мнѣ такъ ее расхваливали и такъ много говорили о ея благородномъ родствѣ! Вотъ что! Я вижу, тутъ дѣло идетъ о женитьбѣ. Слуга покорный! Я отвѣсилъ ей пренизкій поклонъ и скорымъ ша-

---

[1]). Многіе изъ испанскихъ дворянъ совершенно увѣрены въ этомъ.

гомъ прошелъ мимо дома. Нѣтъ, почтенная донасъ! У васъ хорошенькіе глазки, не спорю! Вы дочь дона Педра де Кухельеро и Гарція де Ласо и Конде де Монтиго; и прочая, и прочая; вы племянница его преосвященства, епископа Гренадскаго, внучатная сестрица Севильскаго корехидора: все это прекрасно, и вы себѣ можете на здоровье владѣть моимъ колечкомъ; но ужъ обручальными кольцами мы, вѣрно, съ вами не помѣняемся!

Что это значитъ? Понять не могу! Я сижу въ тюрьмѣ; за что? Вѣрно, меня взяли по какой-нибудь ошибкѣ? Сбиры, которые остановили меня сегодня на улицѣ и привели сюда, не знаютъ ничего, они получили только приказаніе отъ Алькадъ-маіора схватить меня, и, надобно сказать правду, исполнили это довольно вѣжливо. Я не могу также пожаловаться на мою комнату; если-бъ окна были безъ желѣзныхъ рѣшетокъ, то я, право, не догадался бы, что сижу въ тюрьмѣ. Но, вотъ кажется, кто-то идетъ; авось узнаю, за что отвели казенную квартиру. . . . . Ну! признаюсь, этого ужъ я никакъ не ожидалъ! Вотъ подлинно вѣкъ живи, вѣкъ учись! У меня былъ сейчасъ викарій здѣшняго епископа.

— Сеноръ кабалеро!—сказалъ онъ, садясь подлѣ меня на стулѣ,—позвольте васъ спросить: вы не женаты?

— Нѣтъ, сеноръ викаріо!

— Я былъ въ этомъ увѣренъ. Истинный гидалго, какой бы онъ націи ни былъ, всегда честенъ и благороденъ.

— Покорнѣйше васъ благодарю! Но я, право, не понимаю, почему я честенъ и благороденъ, потому только, что не женатъ?

— Вы сейчасъ это узнаете: я присланъ къ вамъ отъ донны Серафимы де-Кухельеро, законной вашей супруги.

Я остолбенѣлъ отъ удивленія.

— Да!—повторилъ викарій,—отъ вашей законной супруги, ожидающей съ нетерпѣніемъ, чтобъ церковь освятила этотъ бракъ, который обѣщаетъ вамъ такъ много счастія въ будущемъ.

— Помилуйте!—вскричалъ я,—да за кого вы меня принимаете?

— Вы русскій путешественникъ, съ которымъ Усія иллюстриссима, нашъ гренадскій архипастырь, имѣлъ удовольствіе познакомиться у родственницы своей графини Аладерра.

— Такъ почему же вы называете дону Серафиму моей женою?

— Потому что вы обручены.

— Помилуйте, что вы?.. какъ обрученъ?

— Вы искали ея руки.

— Никогда!

— Позвольте! Вы ли писали эту записку?

— Да! это моя записка.

— Говорила ли вамъ графиня Аладерро, что дона Серефима дѣвица?

— Говорила; и я отъ всей души жалѣлъ, что она до сихъ поръ не нашла себѣ мужа.

— И вѣроятно для этого подарили ей кольцо? Подумайте хорошенкко: кольцо! священный залогъ супружества!

— Да я подарилъ бы его и вамъ, еслибъ вы стали меня объ этомъ просить.

— Дона Серафима въ отчаяніи, что должна была прибѣгнуть къ правосудію и потребовать, чтобъ васъ задержали въ Гренадѣ; но вы хотѣли уѣхать, покинуть навсегда эту благородную дѣвицу, такъ жестоко вами обольщенную!

— Обольщенную! Да помилуйте! кто ее обольщалъ? Я и въ лицо-то ее хорошенько не знаю.

— Вы писали къ ней письмо, подарили ей кольцо; а по нашимъ духовнымъ и гражданскимъ законамъ это все то же, если-бъ вы обѣщали на ней жениться.

— Что вы, сенорь викоріо! Да если-бъ я женился на всѣхъ тѣхъ, которымъ дарилъ колечки и писалъ письма, то мнѣ пришлось бы сдѣлаться магометаниномъ.

— Ah san Fabrizio! Прилично ли христіанину говорить такія рѣчи? Перестаньте, сенорь кабалеро, перестаньте! а отвѣчайте мнѣ лучше рѣшительно, согласны ли вы освятить таинствомъ брака вашъ союзъ съ доной Серафимою де-Кухельеро?

— Да какой у меня союзъ съ вашей доной Серафимой де-Кухельеро?—вскричалъ я съ досадою;—я ее не знаю, да и знать не хочу.

— Не сердитесь!—продолжалъ спокойно викарій;—я дамъ вамъ нѣсколько времени на размышленіе.

— Помилуйте! да о чемъ мнѣ думать?

— Такъ отвѣчайте на мой вопросъ: согласны ли вы жениться на донѣ Серафимѣ или нѣтъ?

— Нѣтъ!

— Слѣдовательно, — сказалъ викарій, вставая,— духовная власть должна васъ передать въ руки власти гражданской. Прощайте сенорь русіано! Viva usted con Dios!

Я снова остался одинъ. Черезъ нѣсколько минутъ двери опять отворились, и вошелъ Никаноръ Федотычъ, за которымъ мнѣ позволили послать въ мою гостиницу.

— Что это, сударь?—вскричалъ онъ;—за что это васъ въ тюрьму засадили?

— За то, что я не хочу жениться.

— Какъ такъ?

— Да вотъ какъ видишь.

— Ахъ, батюшки! Да развѣ вы за кого-нибудь сватались?

— Нѣтъ! Я подарилъ одной барышнѣ золотое колечко, или, лучше сказать, она у меня выпросила.

— Такъ чтожъ?

— А то, что по здѣшнимъ обычаямъ я долженъ теперь на ней жениться.

— Женится? за то, что вы подарили ей колечко?

Что за диковинка такая? Вотъ въ какую землю заѣхали!. И вы женитесь?

— Ни за что на свѣтѣ.

— Ну, а если васъ изъ тюрьмы-то безъ этого не выпустятъ?

— Нельзя же когда-нибудь не выпустить.

— А кто ихъ знаетъ! Вѣдь вы на чужой сторонѣ, вступиться за васъ некому. Э, сударь! знаете ли что? Вы человѣкъ заѣзжій, справляться негдѣ. Скажите, что вы женаты, такъ и всѣ концы въ воду.

— Я лгать не хочу.

— И, Владиміръ Сергѣевичъ! Что съ ними совѣститься, помилуйте! Кабы въ нихъ самихъ была какая ни есть совѣсть, такъ, чай-бы, подумали: «Онъ, дескать, человѣкъ чужеземный, небывалый, гдѣ ему знать всѣ наши повѣрья; вѣдь этакъ всякій проѣзжій дастъ маху, и его тотчасъ и въ тюрьму?» То-то и есть, сударь! вы больно совѣстливы. Вотъ я не въ васъ: въ нашемъ трактирѣ у дворника есть дочка—воструха!.. да какая проворная! такъ у нея въ рукахъ все и горитъ! Вотъ ужъ подлинно на обухѣ рожь молотитъ! И собой недурна; черненькая немного; да за то дѣвка ладная, аккуратная! Она, сударь, меня учитъ на гитарѣ, да какими-то щелкушками постукивать; и я также подарилъ ей вчера томпаковое колечко: дѣвка-то больно на него зарилась; а попытайся-ка она сунуться за меня замужъ, такъ я сейчасъ скажу: — Нѣтъ, голубушка! отваливай!.. У меня въ Москвѣ жена, да семеро дѣтей, малъ-мала-меньше! Вѣдь я не кто другой, съ меня взятки-то гладки! Хочешь любишь, хочешь нѣтъ, а ужъ на двухъ женахъ не женюсь.

— И тебѣ не совѣстно такъ безстыдно лгать?

— А имъ, сударь, не совѣстно хватать обманомъ въ мужья, какъ у насъ подчасъ хватаютъ въ рекруты? Что въ самомъ дѣлѣ? взяла колечко, такъ мало? давай еще и мужа въ придачу! Нѣтъ, жирно будетъ!

Я насилу могъ успокоить Никанора Федотьгча, который такъ разгнѣвался на всѣхъ испанокъ, что,

перестилая мою постель, продолжалъ ворчать про себя: — Видишь какія!.. Да и что онѣ такъ о себѣ думаютъ? Ужъ добро бы онѣ были какъ наши русскія красавицы: бѣлы, румяны, кровь съ молокомъ; а то вѣдь, правду-то сказать, и взглянуть не на что—цыганки проклятыя! Посмотришь, у иной рожа-то не бѣлѣй сапожнаго голенища, а туда-жъ манерится!.. Глаза, дескать, у нихъ хороши. Что глаза! глаза сами по себѣ! На однихъ глазахъ далеко не уѣдешь!

— Ну, вотъ прошу загадывать! думалъ ли я сегодня ночевать въ тюрьмѣ?.. Посмотримъ, что будетъ завтра.

Сегодня поутру меня водили къ гренадскому коррехидору; онъ принялъ меня со всею важностію испанскаго гранда и строгаго судьи, то есть не снимая шляпы и не сдѣлавъ мнѣ ни малѣйшаго привѣтствія. Со стороны можно было бы подумать, что дѣло идетъ о какомъ-нибудь уголовномъ преступленіи, и что я, по крайней мѣрѣ, смерто-убійца.

— Сеноръ кабалеро!—сказалъ онъ, нахмуривъ свои черныя брови,—вы признались нашему великому викарію, что писали къ доннѣ Серафимѣ де-Кухельеро и подарили ей золотое кольцо?

— Я и не думалъ никогда въ этомъ запираться.

— Такъ для чего же вы хотѣли уѣхать изъ Гренады?

— Потому что не желаю оставаться здѣсь долѣе.

— Но вы могли бы это сдѣлать и послѣ вашей свадьбы съ донной Серафимою.

— Да я вовсе не намѣренъ на ней жениться.

— Мы это увидимъ! Быть можетъ, сеноръ русіано, въ вашемъ отечествѣ доброе имя благородной дѣвицы считаютъ за ничто; но вы теперь не въ Россіи, а въ Испаніи.

— И это очень замѣтно, экселенція! Въ Россіи ни одна благородная дѣвица не стала бы выпрашивать

колечко у незнакомаго мужчины, а и того менѣе требовать, чтобъ онъ на ней женился, потому что былъ вѣжливъ и не хотѣлъ огорчить ее отказомъ.

— Вы призваны сюда,—прервалъ коррехидоръ,— не для того, чтобъ осуждать поступки другихъ, но чтобъ исполнить то, чего требуетъ отъ васъ справедливость и наши законы.

Тутъ неумолимый судья повторилъ мнѣ все то, что я уже слышалъ отъ викарія.

— Я долженъ вамъ сказать,—прибавилъ коррехидоръ, — что до тѣхъ поръ, пока вы не согласитесь итти къ вѣнцу съ донной Серафимою, вы будете сидѣть въ тюрьмѣ.

— Помилуйте, экселенція! — вскричалъ я,—заслуживаетъ ли мой совершенно неумышленный проступокъ вѣчнаго заключенія?

— Такъ вы не хотите жениться на доннѣ Серафимѣ?

— Нѣтъ!

— Мнѣ очень васъ жаль, сеноръ русіано; но я просто исполнитель закона и ничего не могу для васъ сдѣлать; теперь ваша свобода зависитъ отъ васъ самихъ. Viva usted mil anos.

Коррехидоръ кивнулъ головою, и меня повели назадъ въ тюрьму. Я очень обрадовался, когда тюремщикъ сказалъ мнѣ, что въ моей комнатѣ дожидается хозяинъ фонды Франциско Гонзалецъ.

— Я только сегодня поутру узналъ, что съ вами случилось,—сказалъ онъ, когда мы остались одни.— Эхъ, сеноръ кабалеро! въ какую вы попали непріятную исторію!

— Растолкуйте мнѣ пожалуйста, — прервалъ я,— что это у васъ за обычай такой? Гдѣ видано хватать на улицѣ людей и заставлять ихъ насильно вѣнчаться съ дѣвицами, которыхъ они почти въ глаза не знаютъ?

— Этого рода женитьбы, — отвѣчалъ Франциско Гонзалецъ,—называется у насъ: «Sacar per el vicario». Всякая дѣвица, не моложе двѣнадцати лѣтъ, имѣетъ

право требовать, чтобъ холостой мужчина, которому болѣе четырнадцати, на ней женился, если она получила отъ него кольцо и записку, хотя бы въ этой запискѣ не было и рѣчи о любви. Просьба дѣвицы поступаетъ обыкновенно къ великому викарію, и по требованію его, молодого человѣка сажаютъ въ тюрьму, въ которой онъ сидитъ до тѣхъ поръ, пока не женится на просительницѣ, или она сама откажется отъ своего требованія [1]). Вашъ случай совершенно новый, вы иностранецъ; вѣроятно большая часть здѣшняго общества возьметъ вашу сторону, и донна Серафима де-Кухельеро, стыда ради, должна будетъ отказаться отъ своей просьбы.

— Да если она рѣшится на это не прежде двухъ или трехъ мѣсяцевъ?

— Вотъ уже за это я вамъ не ручаюсь. Во всякомъ случаѣ я совѣтую вамъ написать въ Севилью къ русскому консулу; онъ вѣрно за васъ похлопочетъ и, можетъ быть, недѣли черезъ двѣ вы будете свободны. Да скажите мнѣ, что вамъ вздумалось ухаживать за донной Серафимою? Развѣ вы не знаете, что у насъ приволокнуться за дѣвицей бѣда! Вотъ дѣло другое замужняя женщина: тутъ вамъ опасаться нечего; развѣ только какой-нибудь безпокойный мужъ застрѣлитъ васъ изъ-за угла; но это бываетъ чрезвычайно рѣдко; или сама донасъ, въ припадкѣ ревности, отравитъ васъ ядомъ, что также случается изъ году въ годъ. Правда, прежній ея любовникъ можетъ васъ пырнуть ножемъ, да на это смотрѣть нечего.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Разумѣется! Тѣмъ болѣе, что съ нѣкотораго времени и это начинаетъ выходить изъ обычая. Но, извините, сеноръ кабалеро! мнѣ должно васъ оставить: мой двоюродный братъ отправляется въ Севилью, и я еще съ нимъ не прощался... Да, кстати!.. Чего же лучше? Напишите письмо къ вашему консулу, я отдамъ его

[1]) Этотъ страшный законъ не существуетъ уже въ Испаніи.

брату. Мой Діего малый проворный и, конечно, вѣрнѣй всякой почты доставитъ ваше письмо по адресу.

Я написалъ письмо и отдалъ его доброму Гонзалецу, который, уходя, далъ слово навѣщать меня каждый день.

. . . .

Слава Богу! Мнѣ возвратили, наконецъ, свободу. Цѣлыхъ три недѣли просидѣлъ я въ тюрьмѣ. Ну, донна Серафима! дорого я заплатилъ за ваши чотки и букетъ увядшихъ цвѣтовъ, который вы кинули мнѣ въ лицо съ вашего балкона! Разумѣется, я не поѣду съ прощальнымъ визитомъ къ графинѣ Аладерра. Не трудно догадаться, что она была за-одно съ этой мамзель Кухельеро и что, можетъ быть, по просьбѣ ея сіятельства я просидѣлъ лишнюю недѣлю подъ карауломъ. Мой добрый Гонзалецъ очень обрадовался, когда я возвратился опять въ его гостиницу.

— Я сейчасъ пошлю, — сказалъ онъ, — за однимъ знакомымъ аріеро; у него всегда есть готовые муллы, и вы сегодня же можете отправиться въ дорогу.

— Сегодня, Зачѣмъ? Я хочу еще прожить здѣсь нѣсколько дней, а то, пожалуй, станутъ говорить, что меня выслали изъ города.

— Да пускай себѣ говорятъ что угодно, только уѣзжайте скорѣй отсюда. Донна Серафима сдѣлалась теперь сказкою и посмѣшищемъ всей Гренады.

— Кто-жъ въ этомъ виноватъ?..

— Разумѣется не вы: она сама напросилась на этотъ срамъ; да вѣдь отомстить-то ей некому, кромѣ васъ.

— Чтожъ она можетъ мнѣ сдѣлать? Я ужъ къ ней писать не стану и другого колечка не подарю.

— Не объ этомъ рѣчь: у донны Серафимы есть братъ.

— Такъ чтожъ!

— Какъ что? Помилуйте! онъ человѣкъ пребѣшеный.

— Да это, любезный Гонзалецъ, еще новая для меня причина не спѣшить моимъ отъѣздомъ.

— Эхъ, сеноръ кабалеро! я не сомнѣваюсь въ вашей храбрости: вы благородный гидалго, и, конечно, не побоитесь стать лицомъ къ лицу противъ вашего непріятеля; да этотъ братецъ донны Серафимы сущій негодяй; онъ не пойдетъ съ вами драться какъ честный и храбрый испанецъ, а какъ разбойникъ подкрадется къ вамъ сзади и убьетъ втихомолку.

— Ну, это не такъ легко: вѣдь человѣка нельзя же убить какъ муху! Днемъ этого сдѣлать нельзя, а ночью я выходить не стану.

— Все такъ, кабалеро! Но, право, лучше будетъ, если вы уѣдете сегодня. Вамъ нельзя жить въ одномъ городѣ съ донной Серафимою.

Хозяинъ фонды такъ убѣдительно просилъ меня послушаться его совѣта, что я согласился, наконецъ, уѣхать изъ Гренады и велѣлъ Никанору укладываться, а самъ иду сейчасъ полюбоваться въ послѣдній разъ Альямброю и, можетъ быть, навсегда проститься съ нею.

. . . .

Ну!.. близко я былъ отъ смерти!.. Правду говорилъ хозяинъ фонды: мнѣ, точно, надобно скорѣй уѣхать изъ Гренады. Кто бы могъ подумать,—среди бѣлаго дня!.. Да у насъ въ Муромскомъ лѣсу безопаснѣе ночью, чѣмъ здѣсь днемъ посреди города.

Я былъ въ Альямбрѣ. Около двухъ часовъ ходилъ по великолѣпнымъ ея заламъ и любовался ея диковинными дворами; вотъ, наконецъ, я расположился отдохнуть подлѣ фонтана Львовъ. Не прошло пяти минутъ, какъ подсѣлъ ко мнѣ и заговорилъ со мною какой-то господинъ, закутанный въ черную капу. Съ перваго взгляда физіономія этого незнакомца мнѣ очень не понравилась, и, признаюсь, вечеромъ я не хотѣлъ бы съ нимъ встрѣтиться въ глухомъ переулкѣ; но это было днемъ. По всей Альямбрѣ разсѣяны были многолюдныя толпы посѣтителей, такъ могъ ли я чего-ни-

будь опасаться? Его вѣжливость и занимательный разговоръ скоро истребили во мнѣ это первое впечатлѣніе. Онъ разсказывалъ мнѣ чрезвычайно любопытныя подробности о разныхъ отдѣленіяхъ Альямбры; о садѣ Абенсераговъ, гдѣ въ лунныя ночи сбираются тѣни убитыхъ воиновъ и раздаются жалобные вопли

— А были ли вы,—спросилъ онъ меня,—на балконѣ такъ называемой «Пѣвческой залы», недалеко отъ бѣлой башни?

— Нѣтъ! Я тамъ никогда не былъ,—отвѣчалъ я.

— Такъ пойдемте же! Я васъ провожу. Вы не можете себѣ представить, какой очаровательный видъ съ этого балкона.

Я принялъ съ благодарностію его предложеніе. Вотъ мы пришли въ одну залу, довольно, обширную, но которая, впрочемъ, не имѣла въ себѣ ничего замѣчательнаго. Она освѣщалась тремя окнами; къ среднему былъ придѣланъ крытый балконъ,—и подлинно видъ съ этого балкона былъ очаровateленъ! Направо весь Хенералифъ съ своими зеленѣющими уступами, а налѣво и прямо противъ меня красивая часть Гренады, называемая *Альбазиномъ*. Узкій, но глубокій оврагъ отдѣляетъ Альямбру отъ этой части города. Въ двадцати шагахъ отъ меня, по ту сторону оврага, котораго крутые скаты и дно поросли густымъ кустарникомъ, гуляло множество народа. Мнѣ казалось, что всѣ эти гуляющіе были такъ близко подлѣ меня, что я могъ каждому изъ нихъ подать руку. Я обернулся, чтобъ спросить о чемъ-то моего услужливаго незнакомца, но его уже не было со мною. Вдругъ изъ глубины оврага раздался выстрѣлъ, и пуля сорвала съ головы моей шляпу. Казалось, это не произвело никакого впечатлѣнія на гуляющихъ: человѣка два-три остановились, покачали головами и пошли далѣе; одна старушка, которая сидѣла подъ балкономъ,—воскликнула: «Ah! Maria Santissima!» Потомъ перекрестилась и начала снова перебирать свои чотки, а я, разумѣется, отправился какъ можно скорѣй домой. Дѣлать нечего! Завтра чѣмъ свѣтъ уѣз-

жаю изъ Гренады. Ну, донна Серафима! вы видно съ вашимъ братцемъ не въ первый разъ пускаетесь на такія шутки! Какъ все было хорошо придумано! Меня привели и поставили какъ мишень подъ самую пулю. Нѣтъ! слуга покорный. Тутъ храбростію ничего не возьмешь. Скорѣй въ Алмерію. Не знаю почему, а я увѣренъ, что тамъ только найду опять потерянное спокойствіе и буду совершенно счастливъ.

Здѣсь оканчиваются мои путевыя записки. Вы знаете теперь, любезные читатели, что я живу въ Алмеріи, но вамъ не мѣшаетъ также знать, что разсказъ, который вы будете читать, начинается не съ первыхъ дней пріѣзда моего въ этотъ благословенный уголокъ Испаніи. Сначала я провелъ въ немъ цѣлый годъ въ совершенномъ уединеніи; нанялъ домъ за городомъ, ни съ кѣмъ не знакомился, однимъ словомъ, жилъ настоящимъ отшельникомъ; потомъ дни стали мнѣ казаться отмѣнно длинными, ночи также, а что всего хуже, ко мнѣ въ душу запала какая-то неизъяснимая тоска, о которой я до тѣхъ поръ не имѣлъ никакого понятія; наконецъ, эта грусть до того усилилась, что я рѣшился перемѣнить мой образъ жизни: началъ по-немногу знакомиться съ жителями Алмеріи и подружился съ ея коррехидоромъ, дономъ Эстебаномъ де-Миранда, человѣкомъ очень добрымъ, но такимъ равнодушнымъ и беззаботнымъ мужемъ, какихъ я въ жизнь мою не видывалъ. У него была молодая жена, а у этой жены прелестная наружность и, на бѣду, такое нѣжное сердце, такая южная воспламенительная голова... Но если вамъ угодно что-нибудь знать о ней поболѣе, то потрудитесь прочесть мой разсказъ и не гнѣвайтесь на меня, если я иногда позаболтаюсь. Вѣдь я ужъ имѣлъ честь вамъ докладывать, что всѣ старики болтливы, когда говорятъ о своей молодости, и что вашъ покорнѣйшій слуга давнымъ давно ужъ ходитъ въ фланелевой фуфайкѣ и носитъ плисовые сапоги.

IV.

Какъ часто драматическій писатель завидуетъ свободѣ романиста, который не знаетъ этихъ стѣснительныхъ правилъ, не подчиненъ никакимъ условіямъ, говоритъ что хочетъ и не долженъ обрѣзывать своего разсказа для того только, чтобъ втиснуть его какъ-нибудь въ опредѣленныя рамы, которыя мы называемъ дѣйствіями; но за то сколько у драматическаго писателя выгодъ и проимуществъ, не существующихъ для простого разсказчика; напримѣръ: ему нѣтъ никакой надобности говорить объ одеждѣ своихъ дѣйствующихъ лицъ: на это есть костюмеръ; по милости декоратора онъ вовсе не заботится описывать то мѣсто, на которомъ происходитъ дѣйствіе, а это чрезвычайно важное обстоятельство. Если-бъ вы знали, любезные читатели, какъ стало трудно описывать природу, разумѣется не сѣверную: о ней еще можно сказать много кой-чего новаго; но этотъ югъ!.. Избави Господи! Съ нѣкотораго времени онъ вовсе отъ рукъ отбился. Я вызываю всякаго отыскать хотя одно восклицаніе, одно піитическое выраженіе восторга, возможное на нашемъ языкѣ, которое не нашлось бы въ кавказскихъ очеркахъ Марлинскаго и въ безчисленномъ множествѣ повѣстей и стиховъ, въ которыхъ описывается *роскошная* природа этого *благословеннаго, пламеннаго* юга, да еще какого юга! Вотъ что говоритъ одинъ изъ лучшихъ современныхъ писателей о нашей степной, однообразной Малороссіи, гдѣ, конечно, бываетъ потеплѣе, чѣмъ въ матушкѣ Москвѣ православной, но гдѣ однако-жъ точно также и мерзнутъ зимою и зябнутъ подъ-часъ лѣтомъ. Послушайте его:

«Знаете-ли вы украинскую ночь? О, вы не знаете украинской ночи. Всмотритесь въ нее: съ средины неба глядитъ мѣсяцъ! Необъятный небесный сводъ раздался, раздвинулся еще необъятнѣе. Горитъ и дышетъ онъ. Земля вся въ серебряномъ свѣтѣ; и чудный воздухъ, и прохладнодушенъ и полонъ нѣги, и движетъ

океанъ благоуханій. Божественная ночь! очаровательная ночь!»

Это ночь, а вотъ вамъ и день:

«Какъ упоителенъ, какъ роскошенъ лѣтній день въ Малороссіи! Какъ томительно жарки тѣ часы, когда полдень блещетъ въ тишинѣ и зноѣ, и голубой неизмѣримый океанъ, куполомъ нагнувшійся надъ землею, кажется заснулъ, весь потонувши въ нѣгѣ, обнимая и сжимая прекрасную въ воздушныхъ объятіяхъ своихъ».

Ну, милостивые государи, не угодно-ли попытаться послѣ этого піитическаго описанія блѣдно-голубыхъ небесъ нашей Харьковской, или Полтавской губерніи сказать что-нибудь новое о прозрачно-синихъ небесахъ южной Испаніи. Нѣтъ! ужъ лучше не стану ихъ описывать; неравно повторишь чужія слова и, чего добраго, вы еще подумаете, что я васъ перенесъ, вмѣсто Андалузіи, подъ счастливыя небеса *упоительной* и *роскошной* Малороссіи. Я разскажу вамъ просто, гдѣ я, что меня окружаетъ, и опишу мѣсто дѣйствія точно такъ же, какъ оно описывается въ драматическихъ сочиненіяхъ въ началѣ каждаго акта, то есть безъ всякихъ піитическихъ прикрасъ и восторговъ.

Представьте себѣ во-первыхъ: открытое море, потомъ небольшой заливъ, обставленный съ трехъ сторонъ каменными домами, посреди которыхъ подымается нѣсколько церквей готической архитектуры. Южная часть залива соединяется съ моремъ, въ сѣверную впадаетъ рѣчка Альмерія, по имени которой называется этотъ приморскій городокъ южной Испаніи. Теперь извольте обратить ваше вниманіе на западный берегъ залива: тутъ, посреди померанцевыхъ, оливковыхъ и миндальныхъ деревьевъ, бѣлѣется двухъ-этажный домъ съ плоскою кровлею; на лицевой сторонѣ обоихъ этажей этого дома по четыре окна; подъ каждымъ окномъ балконъ съ желѣзной рѣшеткою. Къ одному изъ переднихъ угловъ дома пристроена круглая башенка, съ остроконечною, конической формы, кровлею. Назначеніе этой воздушной будки отгадать не трудно: вокругъ

ея вьются голуби. У этого дома нѣтъ никакихъ принадлежностей, которыя у насъ въ Россіи называются службами; его лицевая сторона обращена къ морю, а три остальныя окружены цвѣтникомъ, гдѣ необычайной величины тюльпаны, элоандры, гіацинты, жонкили и нарцисы красуются и благоухаютъ подъ тѣнью зеленыхъ альгаборовъ и развѣсистыхъ чинаровъ. Этотъ цвѣтникъ обнесенъ, вмѣсто забора, плотно сросшимися кустами алоэ и колючихъ индѣйскихъ фигъ. У самыхъ дверей дома, на каменной скамьѣ, осѣненной густымъ каштановымъ деревомъ, сидитъ молодой человѣкъ лѣтъ тридцати. Съ перваго взгляда лицо его кажется смуглымъ, но оно только загорѣло; верхняя часть его лба, почти всегда закрытая отъ солнца широкими шляпными полями, обличаетъ своей рѣзкой бѣлизною уроженца отдаленнаго сѣвера. На немъ сюртукъ изъ легкой шерстяной матеріи; на шеѣ нѣтъ галстука; бѣлый жилетъ его разстегнутъ. Задумчиво смотритъ онъ по направленію дороги, ведущей къ Мотрилю. Тамъ, вдали, на высокомъ холмѣ, который опускается крутымъ скатомъ до самаго моря, разбросаны живописныя развалины мавританскаго замка. Если вы спросите меня, что обращаетъ на себя его вниманіе—эти развалины, или бѣлый парусъ, который чуть-чуть виднѣется за ними въ открытомъ морѣ, то вмѣсто отвѣта я прошу васъ читать далѣе. Шагахъ въ десяти отъ этого молодого человѣка, съ задумчивымъ, и даже грустнымъ лицомъ, сидитъ подъ тѣнью розмариноваго куста видный дѣтина въ синей курткѣ и широкихъ полосатыхъ шароварахъ. Онъ также безъ галстука, но на шеѣ у него накинутъ голубой шелковый платокъ, слабо повязанный; концы его падаютъ на суконный красный жилетъ, обсаженный въ четыре ряда свѣтлыми пуговицами. Этотъ молодецъ держитъ въ рукахъ гитару и небрежно наигрываетъ на ней, припѣвая вполголоса— вы вѣрно думаете какую-нибудь испанскую *Сегедилью* или *Кантилену?*.. Нѣтъ! онъ мурлычитъ про себя русскую пѣсенку: «Ахъ, на чтожъ было огородъ городить!»

Я думаю, читатели давно уже отгадали, что задумчивый молодой человѣкъ—я, и видный дѣтина въ синей курткѣ—мой вѣрный слуга Никаноръ Федотычъ, который рѣшился, наконецъ, промѣнять свою русскую балалайку на испанскую гитару.

— Никаноръ!

— Чего изволите?

— Поди-ка сюда на минуту.

Никаноръ положилъ гитару подлѣ куста и подошелъ ко мнѣ.

— Посмотри,—продолжалъ я,—у тебя глаза лучше моихъ: видишь ты вдали этотъ парусъ?

— Вижу, сударь.

— Вѣдь это кажется, не купеческій корабль?

— А кто его знаетъ.

— Чу!.. слышишь? Пушечный выстрѣлъ!..

— Слышу, Владиміръ Сергѣевичъ! Видно, просятъ лоцмана.

— Ты думаешь?

— А можетъ быть такъ, только потѣшаются. Вѣдь здѣсь, сударь, не Кронштадтъ: почитай всѣ корабли мимо плывутъ; кому охота заглянуть въ это захолустье! Ну, ужъ, батюшка Владиміръ Сергѣевичъ, выбрали городокъ!

— Да развѣ здѣшнее житье тебѣ не нравится?

— Какъ бы вамъ сказать, сударь? Житье не то чтобы плохое: по милости вашей, я сытъ, одѣтъ и деньжонки водятся; выучился кой-какъ болтать по здѣшнему, такъ чего бы кажется? А нѣтъ—скучно!

— Да о чемъ же ты скучаешь? Вѣдь ты сирота?

— Сирота, сударь.

— Родныхъ у тебя нѣтъ?

— Есть одна тетка, да я сроду ее не видалъ.

— Такъ не все ли тебѣ равно, жить здѣсь или въ Россіи?

— Оно такъ, сударь, да что это за сторона такая? Вотъ ужъ скоро два года, какъ мы здѣсь живемъ, все лѣто да лѣто! Господи Боже мой! да когда же зима

придетъ? «Вотъ», думаю, «выпадетъ родимый снѣжокъ, прохватитъ морозцемъ, позаколодитъ!.. Да, какъ бы не такъ! Объ Рождествѣ Петровки!.. Тьфу ты пропасть! что за окаянная земля такая!»

Я невольно усмѣхнулся.

— Конечно,—продолжалъ Никаноръ,—здѣсь не то, что у насъ: всякихъ земныхъ плодовъ довольно; апельсинами свиней кормятъ, а виноградъ дешевле нашей рѣпы; да что мнѣ отъ этого? Эка важность! Груши, дули, персики, винныя ягоды и всякіе другіе прочіе фрукты; да чортъ ли въ нихъ? Ну, поѣлъ разъ-другой, а тамъ и въ горло не пойдетъ! Нѣтъ, сударь! Дайте-ка мнѣ соленыхъ огурцовъ, да кислой капустки, такъ это дѣло другое! А коли прикините фунтика два каленыхъ орѣховъ, такъ я на все здѣшнее деликатство и взглянутъ не захочу!.. А вино-то, сударь, вино! бррр, дрянь такая!.. Хуже нашей крестьянской браги!

Я засмѣялся.

— Вотъ вы смѣетесь, Владиміръ Сергѣевичъ,—сказалъ Никаноръ, поглядѣвъ на меня пристально,—а вѣдь на сердцѣ-то у васъ не то.

— Почему ты это думаешь?

— Да такъ! помните ли, сударь, мѣсяца два тому назадъ, я такъ же, какъ сегодня, сижу себѣ подъ кустомъ, да наигрываю плясовую. Вотъ вы мнѣ и говорите: «Никаноръ, что ты этакъ разыгрался? Знаешь ли ты, какой нынче великій день? Вѣдь завтра Свѣтлое Воскресенье». Такъ у меня руки и опустились!.. Господи Боже мой! — подумалъ я,—теперь на святой Руси всѣ православные радуются: Христовъ день пришелъ, праздникамъ праздникъ!.. Кто пасху готовитъ, кто краситъ яичко... А мы съ бариномъ!.. Эхъ, грустно!.. Да такъ-то грустно, сударь, что живой бы въ могилу легъ!.. Вы пошли почивать, и я также хотѣлъ прикурнуть—не спится!—все жду: вотъ въ колоколъ ударятъ!.. вотъ начнется звонъ по всѣмъ церквамъ!.. Ужъ я вертѣлся, вертѣлся! И такъ, и этакъ—нѣтъ! Лишь только чуточку вздремну, вдругъ сердце такъ и екнетъ!..

Благовѣстъ—точно, благовѣстъ!.. Что будешь дѣлать! Вотъ я всталъ, вышелъ на дворъ; у васъ въ спальнѣ огонекъ; я глядь въ окно: вы Богу молитесь, а слезы-то, слезы въ три ручья!.. «Ну»! подумалъ я, «видно, и барину подчасъ тяжко приходитъ, только сказать онъ не хочетъ».

Никаноръ замолчалъ, а я... нѣтъ! я ужъ не смѣялся,

— Эхъ, сударь, сударь!—началъ опять Никаноръ,—какое житье на чужой сторонѣ? Вотъ, бывало, на Руси придешь къ заутренѣ объ Рождествѣ или въ Свѣтлый праздникъ, да подумаешь: «нѣтъ у тебя, сиротинки, ни отца, ни матери! Согрустнется; анъ, глядишь, тотъ подойдетъ: «Федотычъ! зайди, братъ, разговѣться!» другой шепнетъ: «Никанорушка! милости просимъ! закуси, чѣмъ Богъ послалъ!» Такъ знаете ли, сударь, на сердцѣ-то и полегче. А здѣсь!.. Вотъ ужъ здѣсь-то, Владиміръ Сергѣевичъ, мы съ вами подлинно круглые сироты. Живемъ, никто насъ не любитъ; умремъ, никто не помянетъ; кому какое дѣло? Что мы? Пришлецы!..

— Послушай, Никаноръ!—сказалъ я,—если ты въ самомъ дѣлѣ такъ привязанъ къ своей родинѣ, то я удерживать тебя не стану. Я дамъ тебѣ денегъ, садись на корабль и ступай съ Богомъ.

— Что вы, сударь, помилуйте! Чтобъ я васъ оставилъ однихъ на чужой сторонѣ?.. Да какъ это можно! И я по васъ съ тоски умру!.. Да воля ваша, и вы безъ меня пропадете!

— Конечно, мнѣ грустно будетъ съ тобою разстаться, Никаноръ; но вѣдь привыкнуть можно ко всему.

— Да къ этому-то, сударь, вы не привыкнете. Каковъ я ни есть, Владиміръ Сергѣевичъ, а все-таки вы со мной говорите по нашему; иногда рѣчь заведете про матушку святую Русь, про Москву бѣлокаменную—такъ отъ души-то у васъ немного и поотляжетъ; а какъ останетесь одни, да въ круглый годъ ни одного русскаго словечка не услышите... такъ, ой, ой, ой!

Нѣтъ, сударь, власть ваша, съ ума сойдете! Вотъ еслибъ вы сами, Владиміръ Сергѣевичъ, сѣли на корабликъ, да съ Богомъ во свояси!

— Въ Россію, туда, гдѣ живетъ она? Ни за что на свѣтѣ.

— Да о комъ вы изволите говорить? О Софьѣ Николаевнѣ что-ль?

— Молчи!

— Слушаю, сударь.

— Сеноръ кабалеро! — раздался въ близкомъ разстояніи звонкій голосъ и смуглое веселое личико выглянуло изъ-за куста.

— Да это никакъ воструха Пакита?—шепнулъ Никаноръ.—Такъ и есть! Козырь дѣвка! Вѣрно, къ вамъ за чѣмъ-нибудь отъ своей барыни.

— Здравствуй, Пакита, — сказалъ я. — Да что ты тамъ стоишь? Подойди поближе.

Дѣвушка вышла изъ-за куста и остановилась.

— Видишь, какъ прикинулась!—проговорилъ сквозь зубы Никаноръ.—Робка! не смѣетъ подойти! Эко зелье, подумаешь! Полно манериться-то! Пакитушка — *коро-зана міа!* Подходи небойсь, не съѣдимъ.

— Что тебѣ надобно, мой другъ?—спросилъ я.

— Сеноръ коррехидоръ, мой господинъ, — сказала Пакита, подойдя ко мнѣ,—прислалъ меня узнать, здоровы ли вы.

— Слава Богу!

— Вы три дня сряду у него не были!—продолжала дѣвушка, опустивъ книзу свои плутовскіе глаза.—Это его очень безпокоитъ.

— Я зайду къ нему сегодня.

— Что ты, Пакита, говоришь?—сказалъ Никаноръ.—Вѣдь твой господинъ сегодня по утру уѣхалъ изъ города?.. Ай!.. Полно! что ты щиплешься? Ну, да! я самъ видѣлъ, какъ онъ въ своемъ калесеро на шести лошакахъ тащился по большой дорогѣ.

— Неправда! ты врешь!—прервала Пакита, взглянувъ исподлобья на Никанора. — И какое тебѣ дѣло,

дома ли мой господинъ или нѣтъ? Донна Розалія, моя госпожа,—продолжала дѣвушка, обращаясь ко мнѣ,—очень желаетъ васъ видѣть, сеноръ кабалеро. Ну, еслибъ я была на ея мѣстѣ! — прибавила Пакита съ лукавой улыбкою. — Цѣлыхъ три дня!.. И вамъ не стыдно, фулано [1])? Вѣдь вы ея кортехо.

— Вотъ еще что выдумала! — подхватилъ Никаноръ.—А этотъ длинный-то съ черными усами... какъ бишь его? Вы знаете, сударь?.. Имя такое тарабарское.

— Донъ Педро де-Геррера,—сказалъ я.

— Такъ чтожъ?—прервала Пакита.—Прежде онъ былъ кортехо моей донасъ, а теперь вы, сеноръ русіано.

— А прежде дона Педро,—спросилъ я,—никого не было?

— Какъ никого? Что вы, фулано!—отвѣчала почти съ досадою дѣвушка. — Донна Розалія ужъ три года замужемъ, а сеноръ Геррера только прошлаго года пріѣхалъ къ намъ въ Алмерію. Да развѣ знатная донасъ, жена коррехидора и такая сенора гермоза [2]) можетъ быть безъ кортехо?

— А кто былъ у нея прежде дона Педро?

— Маркизъ Галвецъ.

— Куда же онъ дѣвался?

— Его донъ Педро вызвалъ на дуэль, а онъ разгнѣвался, да уѣхалъ въ Мадридъ.

— Видишь, какой сердитый! А что, очень твоя госпожа о немъ жалѣла?

— Нѣтъ! Вѣдь она его не любила, и дона Педро также, и самаго перваго своего кортехо также.

— И меня также?

Дѣвушка улыбнулась, сунула мнѣ въ руку записочку, ущипнула еще разъ Никанора и пустилась бѣгомъ къ городскимъ воротамъ.

---

[1]) Фулано почти то-же самое, что сеноръ, то-есть господинъ.

[2]) Прекрасная женщина.

— Постой, постой! Вотъ я тебя, бѣсенокъ,—закричалъ Никаноръ, стараясь догнать Пакиту.

Письмо! Да это уже не шутка. Посмотримъ, чего хочетъ отъ меня прекрасная Розалія. Она жалуется на мое равнодушіе... приглашаетъ меня къ себѣ на сегодняшній вечеръ... А это что такое?.. Возможно ли? Изъясненіе въ любви! И въ какихъ пламенныхъ, безумныхъ выраженіяхъ!.. Вотъ уже четыре мѣсяца, какъ я разыгрываю роль самаго недогадливаго и безтолковаго человѣка: мнѣ предлагаютъ любовь, а я съ благодарностію принимаю *дружбу;* эти пламенные глаза жгутъ меня своими взглядами, а я вижу въ нихъ одно выраженіе тихой и спокойной пріязни; но теперь, послѣ этой записки, для меня нѣтъ уже никакой возможности быть недогадливымъ... Конечно, донна Розалія замужемъ, въ тюрьму меня не посадятъ, не потребуютъ, чтобъ я на ней женился; но я не хочу ее обманывать и въ то-же время отплатить такой гнусной неблагодарностію за ласку и привѣтъ ея мужа, дона Эстебана де-Миранда, который самъ съ дѣтской довѣренностію предлагалъ мнѣ занять вакантное мѣсто кортехо при законной его супругѣ!.. Вакантное! Да развѣ донъ Педро де-Геррера отказался отъ своихъ правъ? Я вовсе не боюсь этого святочнаго пугала, который думаетъ, что его огромные усы отмѣнно страшны; но не желалъ бы и съ нимъ ссориться. И на своей сторонѣ враговъ имѣть не весело, а на чужой—избави Господи! Нѣтъ, рѣшено! Я не пойду къ доннѣ Розоліи, по крайней мѣрѣ, во время отсутствія ея мужа.

Я думалъ все это, не замѣчая, что шагахъ въ десяти отъ меня стоитъ отставной кортехо донны Розаліи. Представьте себѣ тирана или разбойника изъ любой французской мелодрамы, то-есть худощаваго, почти трехъ-аршиннаго мужчину съ блѣднымъ лицомъ и сверкающими глазами; дайте этому театральному злодѣю неслыханной величины орлиный носъ, необычайнаго размѣра черные усы, закутайте его въ длинную епанчу, надѣньте ему на голову сѣрую шляпу съ широкими

полями, и вы будете имѣть передъ собою вѣрное изображеніе дона Педро де-Геррера, извѣстнаго во всей Андалузіи Valiente, то есть храбреца и дуэлиста.

— Сеноръ русіано!—проговорилъ онъ, едва шевеля своими безконечными усами.—Viva usted mil anos!

— А, сеноръ донъ Педро!—сказалъ я,—идя къ нему на встрѣчу.—Какъ я радъ, что имѣю удовольствіе васъ видѣть у себя! Угодно вамъ взойти въ домъ?

— Это не нужно; я хочу вамъ сказать только нѣсколько словъ, сеноръ русіано!—продолжалъ донъ Педро, закинувъ на плечо одинъ конецъ своей капы и выставивъ впередъ правую ногу.—Знаете ли вы, кто я?

— Какъ же! Вы донъ Педро де-Геррера Конте де-Херальда, Кабалеро...

— Я спрашиваю не объ этомъ. Знаете ли вы, какъ опасно быть моимъ соперникомъ?

— Нѣтъ, сеноръ кабалеро, не знаю.

— Знаете ли вы, что я кортехо донны Розаліи?

— Это дѣлаетъ честь вашему вкусу.

— Не о томъ рѣчь! Вы хотите занять это мѣсто, которое по всѣмъ правамъ принадлежитъ мнѣ.

— О, на этотъ счетъ вы можете быть спокойны! Я человѣкъ смирный и не люблю ссориться ни съ кѣмъ.

Вѣроятно эти кроткія слова показались моему сопернику явнымъ признакомъ робкой и трусливой души: онъ началъ крутить свои усы и выросъ, конечно, вершка на два.

— Позвольте же васъ спросить,—продолжалъ онъ, бросивъ на меня надменный взглядъ,—для чего вы такъ часто бываете въ домѣ нашего коррехидора?

— Для того, что мнѣ тамъ весело.

— Право? А еслибъ кто-нибудь сказалъ вамъ, что когда увидитъ васъ опять въ этомъ домѣ, то обрубитъ вамъ уши?

Я вспыхнулъ; но одинъ взглядъ на эту длинную фигуру съ безконечнымъ носомъ тотчасъ меня успокоилъ: сердиться и смѣяться въ одно и то-же время не можно.

— Ну, сеноръ русіано,—продолжалъ донъ Педро,— что сказали бы вы тогда?

— Я посовѣтовалъ бы этому рубакѣ,—отвѣчалъ я очень хладнокровно,—оставить въ покоѣ мои уши и поберечь свой носъ.

Донъ Педро пришелъ опять въ прежнюю мѣру.

— Можетъ быть, меня обманули, сеноръ кабалеро,—сказалъ, помолчавъ нѣсколько времени, мой соперникъ;—но я слышалъ, что донна Розалія, въ то время, какъ ея мужа нѣтъ въ городѣ, приглашаетъ васъ къ себѣ.

— Да, сеноръ Геррера.

— Al inferno!.. И вы, сеноръ русіано...

— Успокойтесь! Я къ ней не пойду.

Донъ Педро сдѣлался опять на полъ-вершка повыше.

— Благодарите Бога,—сказалъ онъ,—и Пресвятую Дѣву за эту счастливую мысль. Вы не должны къ ней итти.

— Почему вы это думаете?—спросилъ я самымъ кроткимъ голосомъ.

— Потому, Vulgame Dios! Потому, что я отъ васъ этого требую.

— Вы этого требуете,—повторилъ я, начиная терять все терпѣніе.

— Да! Mil demonio! Я запрещаю вамъ итти къ доннѣ Розаліи.

Русская кровь бурлива; при этихъ дерзкихъ словахъ она закипѣла въ моихъ жилахъ. Запрещаетъ! этотъ нарядный шутъ мнѣ запрещаетъ!.. Посмотримъ, какъ онъ мнѣ запретитъ!—Благодарю васъ, сеноръ кабалеро!—сказалъ я;—вы помѣшали мнѣ сдѣлать поступокъ грубый и неприличный для благовоспитаннаго человѣка.

— Что вы хотите сказать?

— А то, что, несмотря на честь и удовольствіе, которое вы сдѣлали мнѣ вашимъ посѣщеніемъ, я не смѣю васъ удерживать долѣе, потому что иду сейчасъ къ доннѣ Розаліи. Viva usted mil anos!

— Вы не пойдете къ доннѣ Розаліи!—сказалъ грознымъ голосомъ донъ Педро.

— Извините!.. Эй, Никаноръ! шляпу!

— Сеноръ русіано!—вскричалъ мой соперникъ.— Если вы дворянинъ, то должны со мною драться. У васъ есть шпага?

— Нѣтъ.

— Такъ я вамъ принесу двѣ: вы можете выбрать любую.

— Не безпокойтесь, донъ Педро, я съ вами на шпагахъ драться не стану.

— Не станете?..

— Да! Вы отличный боецъ, а я никогда не учился фехтовать; слѣдовательно, этотъ бой будетъ неравенъ.

Фу, какъ началъ расти донъ Педро!—Вы правы!— сказалъ онъ, взглянувъ на меня съ презрѣніемъ:—между храбрымъ человѣкомъ и трусомъ бой всегда неравенъ.

— Потише, сеноръ Геррера!—прервалъ я.—Потише! Я не отказываюсь съ вами драться.

— Право? Да на чемъ же? Можетъ быть у васъ въ Россіи дерутся на кулакахъ?

— Нѣтъ, сеноръ кабалеро, мы будемъ съ вами драться на пистолетахъ.

— На пистолетахъ!—повторилъ донъ Педро.—Какъ на пистолетахъ?

— Мы зарядимъ ихъ пулями, станемъ другъ противъ друга и будемъ стрѣляться.

Блѣдное лицо испанца позеленѣло, а усы стали шевелиться такимъ страннымъ образомъ, что я, несмотря на мою досаду, чуть-чуть не захохоталъ во все горло.

— Но я не умѣю драться на пистолетахъ,—проговорилъ наконецъ, донъ Педро;—а вы, можетъ быть, хорошій стрѣлокъ.

— Да, я стрѣляю недурно; но этому неравенству пособить легко; пистолетъ не шпага: мы будемъ съ вами стрѣляться на трехъ шагахъ.

— На трехъ шагахъ!

— Или на двухъ, если хотите. Одинъ пистолетъ

будетъ заряженъ, а другой нѣтъ, и вы сами выберете тотъ, который вамъ приглянется.

Донъ Педро сдѣлался вдругъ цѣлой четвертью ниже обыкновеннаго, вѣроятно оттого, что у него подкосились ноги.

— Вотъ этотъ поединокъ будетъ совершенно равный,—продолжалъ я,—не правда ли, сеноръ Геррера? Да знаете ли что? Благо ужъ мы согласились, такъ кончимте сейчасъ. Эй, Никаноръ! Подай мои пистолеты!

Донъ Педро вросъ въ землю, и всѣ волосы въ его огромныхъ усахъ стали дыбомъ.

— Угодно вамъ будетъ зарядить пистолетъ или позволите мнѣ?—сказалъ я.

— Я не хочу стрѣляться на пистолетахъ—не хочу!—закричалъ донъ Педро, отступивъ отъ меня на нѣсколько шаговъ.

— Да почему-жъ не хотите, сеноръ Геррера?

— Потому... потому что пистолетъ оружіе разбойника...

— Неправда, донъ Педро! Разбойникъ тотъ, кто убиваетъ своего соперника изъ-за угла или нападаетъ на него, будучи увѣренъ заранѣе, что онъ не можетъ защищаться. Впрочемъ, если вы не хотите...

— Да, сеноръ русіано! Клянусь святымъ Фабриціемъ, я не унижу себя для того, чтобъ драться на пистолетахъ.

— Какъ вамъ угодно. Извините, сеноръ кабалеро! Мнѣ пора итти къ доннѣ Розаліи.

— Veremos, veremos! Мы это увидимъ!—пробормоталъ донъ Петро.—Не забудьте, однакожъ,—прибавилъ онъ,—что я, какъ честный испанецъ и храбрый гидалго, предлагалъ вамъ дворянскій поединокъ, отъ котораго вы сами отказались.

— То есть,—прервалъ я,—вы предлагали мнѣ итти на вѣрную смерть. Не прогнѣвайтесь, донъ Педро! Я не люблю, чтобъ меня и въ карты обыгрывали навѣрную. Voya usted con Dios!

— A Dios, Dios,—прошепталъ сквозь зубы сеноръ

Геррера, бросивъ на меня взглядъ, въ которомъ кипѣла такая злоба, что я невольно содрогнулся.

Ну не досадно ли? Я рѣшился поступить какъ человѣкъ благоразумный, не хотѣлъ итти къ доннѣ Розаліи, и надобно же было этому паяцу, донъ Педро, придти ко мнѣ, вывести меня изъ терпѣнія своимъ паянствомъ и заставить противъ воли итти на свиданіе, отъ котораго я такъ великодушно отказывался. Впрочемъ, что за бѣда? Быть можетъ, это любовное свиданіе будетъ первымъ и послѣднимъ. Гордыя испанки не терпятъ никакого раздѣла. Когда я разскажу доннѣ Розаліи все то, можетъ быть ея любовь охладѣетъ; да! она перестанетъ любить меня, когда узнаетъ, что мое сердце и до сихъ поръ еще принадлежитъ той, которая поступила со мной такъ жестоко, такъ предательски!

Я отправился въ домъ коррехидора. У самыхъ городскихъ воротъ увидѣлъ я, что донъ Педро, котораго не трудно было узнать издалека по его огромному росту, стоитъ за угломъ, прижавшись къ стѣнѣ. Я притворился, что его не замѣчаю, и пошелъ по улицѣ, которая вела на городскую площадь, прямо къ дому коррехидора. День былъ праздничный, и жители всей Алмеріи толпились на площади. Чѣмъ ближе подходилъ я къ дому, тѣмъ сильнѣе чувствовалъ я всю опасность, которой подвергался. «Не лучше ли», думалъ я, «написать къ доннѣ Розаліи все то, что я хочу сказать ей при свиданіи? Она такъ обольстительно мила, такъ прекрасна! Ну, что значитъ нашъ премудрый разсудокъ и наша мужская логика передъ краснорѣчіемъ двухъ черныхъ глазъ, пылающихъ любовью? И почему я передумалъ? почему иду теперь къ доннѣ Розаліи? Потому, что мнѣ сказали: «ты не пойдешь къ ней!» О, самолюбіе, самолюбіе! подлинно, ты первый врагъ человѣка!»

Размышляя такимъ образомъ, я рѣшился, наконецъ, воротиться домой; но когда оглянулся назадъ и увидѣлъ шагахъ въ десяти отъ себя надъ толпою народа сѣрую шляпу, изъ-подъ которой высовывался длинный

носъ и торчали огромные усы, то это демонское самолюбіе завладѣло снова моей душою. «Каковъ же сеноръ донъ де-Геррера!» подумалъ я. «Онъ хочетъ видѣть собственными глазами, осмѣлюсь ли я, несмотря на его грозное присутствіе, взойти въ домъ, гдѣ ожидаетъ меня донна Розалія. Да если я этого не сдѣлаю, такъ онъ такъ расхвастается, что съ нимъ послѣ и не сладишь. Я чужестранецъ, меня оклеветать не трудно. Чего добраго, этотъ нахалъ увѣритъ всю Алмерію, что онъ запугалъ меня; что я трусъ, подлецъ!.. Ну, прошу покорно, какъ мнѣ послѣ этого воротиться назадъ?.. Нельзя! Не прогнѣвайтесь, сеноръ Геррера, я вовсе не хотѣлъ быть вашимъ соперникомъ, а если буду, такъ вы сами въ этомъ виноваты... Вѣдь есть же, подумаешь, такіе безталанные любовники, которые, какъ на смѣхъ, всегда дѣйствуютъ противъ самихъ себя!»

У дверей коррехидорова дома стояла Пакита; она шепнула мнѣ, что донна Розалія дожидается меня въ *патіо*. Я думаю, читатели не забыли, что такъ называютъ въ Испаніи внутренніе дворы домовъ, которые въ этомъ благословенномъ климатѣ замѣняютъ собой наши душныя гостиныя. Въ одномъ углу этого двора, на роскошномъ, почти утонувшемъ въ цвѣтахъ мавританскомъ диванѣ сидѣла подъ тѣнью благовонныхъ акацій донна Розалія. О, какъ она была прекрасна! Какъ это черное бархатное платье облегало ея гибкій станъ, какъ отдѣлялось оно отъ ея бѣлоснѣжныхъ плечъ, едва прикрытыхъ прозрачнымъ покрываломъ! Да! бѣлоснѣжныхъ; несмотря на свою южную физіономію, на свои черные, какъ смоль, глаза и волосы, донна Розалія не уступила бы въ этомъ никакой сѣверной красавицѣ. Увидѣвъ меня, она вскрикнула и закрыла руками лицо. «Что съ вами сдѣлалось?» спросилъ я, подойдя къ доннѣ Розаліи.

На этотъ вопросъ, конечно довольно странный для человѣка, который получилъ отъ нея любовное письмо, донна Розалія не отвѣчала ни слова. Я сѣлъ подлѣ нея.

— Сеноръ кабалеро!—прошептала она, не смѣя на меня взглянуть,—вы пришли смѣяться надо мною.

— Смѣяться надъ вами?.. И вы можете это думать!

— Но если вы прочли мое письмо, — продолжала Розалія,—и не пожалѣли о томъ, что оно писано мною, а не вами; если то, что я говорю въ немъ, непонятно для вашего сердца; если вы и теперь станете предлагать мнѣ вашу дружбу... о, сенорѣ русіано!.. возьмите лучше ножъ и зарѣжьте меня!..

— Успокойтесь, донна Розалія,—сказалъ я, взявъ ея руку,—я васъ люблю...

— Santa Barbara! — прервала съ живостію Розалія,—онъ меня любитъ!.. О, amigo de mi alma! о другъ души моей!.. Повтори, повтори это слово!

— Да, Розалія,—продолжалъ я, начиная понимать всю опасность моего положенія,—я люблю васъ столько, сколько можетъ любить человѣкъ, который давно уже не располагаетъ своимъ сердцемъ.

Лицо донны Розаліи покрылось смертной блѣдностію, глаза заблистали, и она сказала прерывающимся голосомъ:—Такъ вы, сенорѣ кабалеро, влюблены?

— Да, Розалія.

— Кто же эта женщина?.. О, скажите, скажите, кто она?

— Она такъ же, какъ и вы, принадлежитъ другому.

— Она замужемъ!.. Но гдѣ вы видитесь съ нею?.. Гдѣ она живетъ?..

— О, далеко отсюда! Тамъ, гдѣ я родился, гдѣ думалъ умереть и куда никогда не возвращусь для того только, чтобъ не дышать однимъ воздухомъ, не жить съ нею подъ одними небесами.

— Ея здѣсь нѣтъ?.. Вы никогда не встрѣтитесь другъ съ другомъ?—вскричала Розалія, и яркій румянецъ вспыхнулъ снова на ея щекахъ.—Ахъ, какъ вы меня испугали,—продолжала она, приложивъ мою руку къ своему сердцу. — Посмотрите, какъ оно бьется!.. Оно готово было застыть навсегда, а теперь живетъ

опять, чтобъ вѣчно принадлежать тебѣ—о, mi amado! mi carazon, mi querido!.. О, мой возлюбленный, мое сердце, мой милый!

Эти нѣжныя слова, этотъ очаровательный голосъ потрясли всю мою душу!.. Глупецъ донъ Педро! И нужно тебѣ было храбриться передо мною!. Я съ ужасомъ видѣлъ, что мой разсудокъ, мои благія намѣренія, мои честныя правила, все начинало покоряться этому чувству, которое переливалось изъ пламенныхъ глазъ Розаліи въ бѣдное мое сердце, и, какъ вы думаете, что возвратило мнѣ всю мою твердость? Нѣтъ! этого никто не отгадаетъ! Такого рода странныя сближенія бываютъ только въ одной Испаніи, гдѣ самыя священныя дѣйствія сливаются иногда съ земными и даже преступными помыслами; гдѣ при звукѣ вечерняго колокола молодой человѣкъ перестаетъ шептать о любви своей, читаетъ молитву, и, кончивъ ее, начинаетъ снова изъясняться въ любви. Въ ту самую минуту, когда я готовился обмануть донну Розалію, то есть признаться въ любви, въ которой сердце мое вовсе не участвовало, я взглянулъ нечаянно на золотой медальонъ, который висѣлъ у нея на шеѣ. Ну, придетъ ли кому въ голову, что это былъ... портретъ дона Эстебана де-Миранда! Назначить любовное свиданіе и надѣть портретъ своего мужа!.. Нѣтъ, ужъ это слишкомъ по-испански!.. И какой портретъ! какъ двѣ капли воды сходный съ подлинникомъ? Вотъ этотъ добрый, честный Эстебанъ де-Мирандо, вотъ его благородныя черты, его простодушная, исполненная привѣта улыбка! Обмануть этого гостепріимнаго человѣка, который обласкалъ меня какъ родного; посѣять раздоръ въ его семействѣ—о, это было бы низко, подло!.. Одинъ взглядъ на его портретъ обдалъ холодомъ мое воображеніе, пробудилъ въ душѣ моей заснувшую совѣсть; я очнулся.

— Выслушайте меня, донна Розалія, — сказалъ я спокойнымъ голосомъ. — Во всю жизнь мою я любилъ одну только женщину, но эта любовь была безпре-

дѣльна; она сдѣлалась моей жизнью. Перестать любить Софью или умереть, было для меня одно и то-же. Эта женщина насмѣялась надо мною, заставила меня возненавидѣть отечество. Я покинулъ его, но унесъ въ моемъ сердце образъ той, которая, какъ убійца, зарѣзала мою молодость, сгубила всѣ мои земныя радости и сдѣлала меня на всю жизнь изгнанникомъ и безпріютнымъ сиротою. Но это еще ничего: она отняла у меня даже надежду быть когда-нибудь счастливымъ съ другою. Я вырвался изъ моего постыднаго плѣна, я убѣжалъ; но ношу еще цѣпи, въ которыя былъ закованъ и, что всего хуже, чувствую, какъ позорно для мужчины таскать эти кандалы, но я не могу и не хочу ихъ сбросить: я люблю мое безнадежное рабство!

— Софья!.. — повторила Розалія едва слышнымъ голосомъ. — О! я никогда не забуду этого ужаснаго имени!

— Теперь скажите, донна Розалія, — продолжалъ я,—захотите ли вы принадлежать человѣку, который въ то самое время, когда вы станете говорить ему о любви вашей, будетъ думать о другой женщинѣ? Я не хочу васъ обманывать, если я, увлеченный порывомъ минутной страсти, скажу вамъ: «Розалія, я люблю одну тебя!» не вѣрьте мнѣ; если даже вы прочтете въ въ глазахъ моихъ, не вѣрьте моимъ глазамъ; въ эту минуту они будутъ одушевлены однимъ воспоминаніемъ!

— О, перестаньте, перестаньте!—прервала Розалія такимъ раздирающимъ голосомъ, что сердце мое облилось кровію. Она опустила голову, и слезы ручьями потекли по ея блѣднымъ щекамъ. Зачѣмъ говорить о томъ, что происходило тогда въ душѣ моей? Эта минутная борьба была ужасна, но я устоялъ и рѣшился итти до конца.

— Подумайте хорошенько, донна Розалія,—сказалъ я, посматривая безпрестанно на портретъ ея мужа,— что будетъ съ вами, если я, обманутый моимъ собственнымъ воображеніемъ, перенесясь въ прошедшее,

быть можетъ, стану покрывать пламенными поцѣлуями ваши руки и говорить: «о, милый другъ! о, моя Софья!»

— Нѣтъ, это ужаснѣе самой смерти! — вскричала Розалія, всплеснувъ руками.—Сеноръ русіано!—продолжала она, устремивъ на меня свои черные пылающіе глаза,—человѣкъ ли вы?

— И самый слабый, донна Розалія,—прервалъ я.— Теперь вы все знаете: я былъ обманутъ, осмѣянъ и не имѣю довольно твердости, чтобъ забыть ту, которая достойна всего моего презрѣнія.

— Такъ вы ее не уважаете?—спросила съ живостью Розалія.

— Нѣтъ!

— И никогда не воротитесь въ Россію?

— Никогда!

— Останетесь жить вѣчно въ Испаніи!

— Быть можетъ.

Розалія задумалась; вдругъ глаза ея оживились.— Вы ее забудете! — вскричала она.—Да, amigo de mi alma, ты забудешь эту неблагодарную! Позволь мнѣ только любить тебя! Я ничего отъ тебя не требую, я все буду сносить... Говоря со мною, ты можешь воображать, что говоришь съ этой Софьею; я даже позволю — да! я позволяю тебѣ называть меня этимъ ненавистнымъ именемъ!.. О, быть не можетъ, чтобъ ты не тронулся моей любовью! Да развѣ, русскій, у тебя нѣтъ сердца? Развѣ оно охладѣло на вѣкъ отъ ядовитаго дыханья этой измѣнницы? О, повѣрь, мой милый другъ, повѣрь! оно снова начнетъ биться на груди моей... Не правда ли, mi amado, mi carazon,— не правда ли, душа моя, ты забудешь эту Софью?

— Никогда!—сказалъ я, вставая.—Она была демономъ, который отравилъ все счастье моей жизни, а теперь можетъ быть моимъ ангеломъ-хранителемъ. Розалія! я не говорилъ вамъ еще о другомъ: вашъ мужъ, донъ Эстебанъ де-Миранда—мой другъ!

Розалія вскочила, въ одно мгновенье слезы высохли

на глазахъ ея; они засверкали гнѣвомъ и неизъяснимымъ презрѣніемъ.—Кабалеро,—проговорила она дрожащимъ голосомъ, — я ошиблась! Я думала, что вы дворянинъ. Послѣ того, что вы сказали, я могу только презирать васъ: ненависти моей вы не стоите! Благородная испанка предлагаетъ вамъ любовь свою, вы ее отвергаете—въ ту самую минуту, когда она забываетъ для васъ всѣ свои обязанности, вы напоминаете ей о мужѣ... Нѣтъ, нѣтъ! вы не гидалго, не дворянинъ!.. Оставьте меня! Adios senor Russiano!

Я молча поклонился и вышелъ вонъ. У дверей дома встрѣтилъ меня трехъ-аршинный донъ Педро.—Кабалеро!—сказалъ онъ такимъ театрально-гробовымъ голосомъ, что я невольно улыбнулся, — вы очень долго сидѣли у донны Розаліи.

— Столько, сколько мнѣ хотѣлось,—отвѣчалъ я.

— И, кажется, у нея, кромѣ васъ, никого не было?

— Да! мы были одни.

— И вы признаетесь въ этомъ? И вы смѣете говорить мнѣ это въ глаза?

— Я всегда отвѣчаю, когда меня спрашиваютъ.

— Сенорь русіано! я не желаю ничего оставлять на моей совѣсти, и потому слушайте: я грандъ второй степени, донъ Педро де Геррера Конте де Херальда и кавалеръ святого Іакова,—еще разъ предлагаю вамъ дворянскій поединокъ на шпагахъ.

— А я, донъ Владиміръ сенорь де Завольскій, дворянинъ и капитанъ гвардіи императора русскаго, вторично отвѣчаю вамъ, сенорь Геррера, что не дерусь съ вами иначе, какъ на пистолетахъ. Viva usted muchos anos.

— Demonio! — пробормоталъ мнѣ вдогонку донъ Педро, заскрипѣвъ зубами.

Итакъ, жертва принесена! Я исполнилъ долгъ честнаго человѣка; но мнѣ нельзя будетъ остаться въ Алмеріи. Что скажу я доброму Эстебану де Миранда, когда онъ спроситъ, почему я покинулъ его домъ?.. Да! я долженъ уѣхать отсюда... уѣхать!.. Но куда?

Если эта дивная природа, если этотъ благовонный воздухъ, это южное море, эти роскошныя небеса не могутъ разсѣять тоски моей; когда здѣсь, въ этомъ земномъ раю, сердце мое изныло грустію, то гдѣ найду я миръ и спокойствіе, которыхъ жаждетъ душа моя? Гдѣ?.. Въ могилѣ—или, можетъ быть... Нѣтъ, нѣтъ! тамъ, гдѣ живетъ *она*, тамъ, гдѣ я могу о ней слышать, могу встрѣтиться съ нею, тамъ жизнь будетъ для меня небеснымъ наказаніемъ, безпрерывной, адской пыткою!.. Уѣду въ другую часть свѣта... Корабль, который вошелъ сегодня въ здѣшнюю гавань, можетъ быть, идетъ въ Атлантическій океанъ; а если нѣтъ, такъ онъ довезетъ меня до какого-нибудь портоваго города, изъ котораго мнѣ можно будетъ отправиться прямо въ Америку.

Я провелъ всю ночь безъ сна. Никогда еще не было мнѣ такъ грустно; казалось, мое сердце предчувствовало какую-то бѣду. Лишь только солнце взошло, я всталъ, одѣлся и вышелъ на крыльцо, чтобъ подышать свѣжимъ утреннимъ воздухомъ.

— Раненько вы сегодня встали, сударь,—сказалъ Никаноръ, который всталъ еще ранѣе меня и поливалъ цвѣты въ моемъ присадникѣ.—Да ужъ здоровы ли вы?

— А что?

— Да такъ! Лицо у васъ что-то не хорошо. Ба, ба, ба!.. Посмотрите-ка, сударь, не мы одни встаемъ чѣмъ свѣтъ... Здравствуй, Пакитушка! милости просимъ!

— Да сохранитъ васъ Пречистая Дѣва отъ всякаго зла, сеноръ кабалеро!—сказалъ Пакита, поклонясь мнѣ и кивнувъ головою Никанору.

— Что ты такъ рано поднялась, каразона мія!—сказалъ Никаноръ, поставивъ на-земь свою лейку.

— Да, какъ же не рано! Ты, я думаю, выспался, а я со вчерашняго дня не раздѣвалась.

— Что такъ?—спросилъ я.

— А все вы, сеноръ кабалеро, — продолжала Пакита.—Моя донасъ не почивала всю ночь. Да что вы такое съ ней вчера говорили?

— Ничего, мой другъ.

— Какъ ничего! Да она со всѣмъ помѣшалась. Сначала, какъ вы ушли, все говорила, что не хочетъ васъ знать, что вы бездушный человѣкъ, варваръ, медвѣдь и Богъ знаетъ что! А тамъ ей сдѣлалось дурно; а какъ очнулась, такъ сказала мнѣ: Ахъ, Пакита, какъ я рада! Я ужъ его не люблю, я терпѣть его не могу! Теперь я такъ счастлива, такъ спокойна! Да вдругъ и начала рыдать. Ужъ она плакала, плакала!.. Ахъ, Господи! откуда слезы брались! Потомъ сдѣлалась какъ будто повеселѣе, да и спрашиваетъ меня: «отчего донъ Геррера не зайдетъ ее провѣдать?» Начала хвалить его: «Вотъ ужъ подлинно благородный испанецъ! Вотъ истинный гидалго! Какъ онъ любитъ, какъ съ нимъ весело, какой онъ молодецъ!» А какъ сеноръ Геррера пришелъ, такъ она не велѣла его къ себѣ пускать. Да этакъ-то всю ночь: то давай ей донъ Педро, то его не надо, то плачетъ, то радуется; только радость-то ея вовсе на радость не походитъ; а какъ начнетъ плакать, то ужъ плачетъ не шутя. Знаете ли, сеноръ кабалеро? Зайдите вы къ ней хоть на минутку. Если она велитъ вамъ отказать; такъ я ее не послушаюсь.

— Какъ же это можно, Пакита! Вѣдь она на тебя разсердится.

— Такъ чтожъ, фулано! Посердится, да перестанетъ, а, можетъ быть, и вовсе сердиться не будетъ,— прибавила Пакита съ лукавою улыбкою.

— Сегодня я никакъ не могу у нея быть.

— Ахъ, что вы? Приходите сегодня. Она, право, не разсердится.

— Хорошо, хорошо! Прощай, мой другъ!

— Я буду васъ дожидаться у дверей; всѣмъ стану говорить, что моя донасъ нездорова и никого не принимаетъ; а если придетъ донъ Педро, то скажу ему, что его не велѣно и къ дому близко подпускать. Adios, сеноръ кабалеро! А ты, негодный русіано!—промолвила Пакита, погрозивъ пальцемъ Никанору, — приди только вмѣстѣ съ твоимъ господиномъ, приди!.. Дѣ-

душка Пакомо мнѣ все пересказалъ. Что ты вчера говорилъ съ Фанетою?.. А Баутистѣ кто сережки подарилъ?.. Хорошо, хорошо! Приходи только!

— Что ты, Пакита, перекрестись!—закричалъ Никаноръ. — Стану я дарить сережки, — вотъ еще! Это ей Хорде подарилъ... Да послушай!..

— Нечего слушать! Теперь я знаю, ты негодяй, обманщикъ, амбустеро!.. Прощай!

— Экая разбойница! — прошепталъ Никаноръ. — Вотъ этакъ-то всякій разъ распозоритъ, да и поминай какъ звали!

— Я пойду гулять, Никаноръ,—сказалъ я,—а ты побудь дома; и если придетъ ко мнѣ донъ Педро...

— Вотъ этотъ, сударь, долговязый-то баринъ, что все ухаживаетъ за здѣшней губернаторшей?..

— Ну, да!

— Эхъ, сударь! вчера я не успѣлъ вамъ сказать. Вы никакъ съ нимъ поссорились? Смотрите, баринъ, берегитесь! У него что-то дурное на умѣ.

— Да что онъ можетъ мнѣ сдѣлать?

— Какъ что, сударь? Вѣдь здѣсь не то, что у насъ: брякни только деньгами, тотчасъ явятся удальцы, для которыхъ зарѣзать человѣка плевое дѣло.

— Да неужели ты думаешь, что донъ Педро рѣшится...

— Нанять этихъ мастеровъ, которые васъ мигомъ на тотъ свѣтъ отправятъ? Да, станетъ онъ церемониться! Вотъ изволите видѣть: вчера вы очень рано легли почивать, а мнѣ что-то не спалось, я пошелъ въ трактиръ, что подлѣ самыхъ городскихъ воротъ. Гляжу—за столомъ сидитъ человѣкъ пять, все ребята дюжіе, въ росхмѣль, попѣваютъ пѣсенки. Ну это еще не бѣда, да рожи-то у нихъ больно нехороши. Вотъ я сѣлъ въ темный уголокъ, спросилъ себѣ кружку вина, да и помалчиваю. Пока я тянулъ изъ кружки, эти гуляки порядкомъ нарѣзались, да и начали другъ передъ другомъ похваляться. Ну, нечего сказать! у меня, сударь, волосы стали дыбомъ! Видно они съ

пьяну-то не замѣтили посторонняго человѣка. Одинъ хвастался, что ограбилъ проѣзжаго купца, другой, что задушилъ свою любовницу; третій разсказывалъ, что въ какомъ-то городѣ ревнивый мужъ нанялъ его зарѣзать жену, а любовникъ подкупилъ убить мужа, и что онъ честно заработалъ свои деньги: мужа убилъ поутру, а жену уходилъ вечеромъ. Пуще всѣхъ похвалялся одинъ широкоплечій дѣтина, котораго всѣ звали Филиппомъ; этотъ разбойникъ говорилъ, что онъ на своемъ вѣку душъ тридцать потерялъ. Ну, сударь, меня такой взялъ страхъ, что я не допилъ вина, да скорѣй бочкомъ вдоль стѣнки шмыгъ за дверь! Фу ты, Господи!.. И теперь, какъ вспомню, такъ морозъ по кожѣ подираетъ! Не отошелъ я шаговъ двадцати отъ трактира, вдругъ слышу—ахти бѣда!—никакъ за мной бѣгутъ!.. Въ рукахъ у меня ничего нѣтъ, оборониться нечѣмъ; вотъ я бросился въ сторону и прилегъ за кустъ. Прошло этакъ минутки двѣ, слышу — кто-то проходитъ мимо самаго куста... Глядь! Ну, такъ и есть — разбойникъ Филиппъ, а къ нему на встрѣчу какой-то высокій мужичина. Въ лицо разсмотрѣть не могъ, а власть ваша, это точно тотъ баринъ, съ которымъ вы вчера поутру поссорились. Вотъ они сошлись, потолковали межъ собой, пошептались, да и пошли въ разныя стороны: разбойникъ назадъ въ трактиръ, тотъ прямехонько въ городъ. Ну, сударь, теперь изволите видѣть?.. Вѣдь дѣло-то больно плоховато.

— Я этого не вижу: ты могъ ошибиться; а если и въ самомъ дѣлѣ противъ меня есть заговоръ, такъ чтожъ мнѣ прикажешь дѣлать? Запереться и сидѣть дома!

— Нѣтъ, Владиміръ Сергѣевичъ! На вашемъ мѣстѣ я переѣхалъ бы жить въ городъ, да пересталъ бы ходить каждое утро вонъ къ этому пустырю, какъ вы его называете, сударь, замокъ что-ль? И что тамъ хорошаго? Старыя башни, погреба, да кучи камня, мусору, всякой дряни; а ужъ мѣсто-то какое опасное! Чай, никто, кромѣ васъ, туда не заглядывалъ; надъ

самымъ моремъ, кругомъ лѣсъ; зарѣжутъ тебя, да кинутъ въ воду, такъ вовсѣ безъ вѣсти пропадешь.

— Ахъ, какой ты трусъ, Никаноръ!

— Да воля ваша, сударь, тутъ храбриться нечего. Гдѣ надобно, такъ мы за себя постоимъ; а должно оберегаться: береженаго и Богъ бережетъ. Вы же всегда ходите съ пустыми руками, а ужъ я вамъ докладывалъ: здѣсь не то, что у насъ: здѣсь ухо держи востро.

— Ну, хорошо, хорошо! Подай мои карманные пистолеты! Они заряжены?

— Заряжены, сударь... Постойте! Я только на полку подсыплю.

Я положилъ пистолеты въ карманъ моего сюртука и отправился. Отъ дома, въ которомъ я жилъ, до развалинъ мавританскаго замка было около двухъ верстъ. Едва замѣтная тропинка, то опускаясь до самаго моря, то перегибаясь черезъ песчаные холмы, которыми весь берегъ былъ усыпанъ, вела къ полуразрушенной круглой башнѣ и развалинамъ длинной стѣны. Эта стѣна опоясывала нѣкогда подошву довольно высокаго утеса. Со стороны моря онъ казался совершенно неприступнымъ. При первомъ взглядѣ на его изрытое основаніе, вокругъ котораго, отъ сильнаго морского прибоя, день и ночь кипѣли волны, можно было подумать, что онъ каждую минуту готовъ рухнуться въ море? Издали этотъ утесъ походилъ на какого-то угрюмаго великана, который съ поникнутой главою, казалось, стоялъ задумчиво на морскомъ берегу и прислушивался, какъ у ногъ его крутились съ воплемъ и стонами безсильныя волны. Съ открытаго моря живописный видъ этой прибрежной скалы былъ еще прекраснѣе: съ правой ея стороны начиналась цѣпь песчаныхъ холмовъ, съ лѣвой чернѣлась густая дубовая роща, а прямо на ея выдавшейся впередъ вершинѣ, какъ орлиное гнѣздо, висѣлъ надъ самымъ моремъ опустѣлый замокъ съ своими тяжелыми башнями, зубчатыми стѣнами и воздушными бойницами.

[illegible]маете, любезные читатели, что я хо-

дилъ каждое утро любоваться этимъ прелестнымъ видомъ, то вы очень ошибаетесь. Вмѣсто того, чтобъ итти по тропинкѣ, которая вбѣгала въ самую вершину утеса, я обошелъ его кругомъ и очутился въ дубовой рощѣ, единственной цѣли ежедневныхъ моихъ прогулокъ.—Да чтожъ такое дубовая роща?—скажете вы.—Что за диковинка? и гдѣ же? въ Андалузіи, гдѣ растутъ цѣлые лѣса померанцевыхъ деревьевъ! Да! точно, цѣлые лѣса! Но я предпочиталъ имъ эту простую дубовую рощу. Можетъ быть, вы захотите знать, почему она была мнѣ такъ мила? Какъ бы вамъ сказать?.. Во-первыхъ, я думаю, по той же самой причинѣ, по которой Никаноръ Федотычъ смотрѣлъ съ отвращеніемъ на апельсины, гранаты, виноградъ и тосковалъ о томъ, что не можетъ поѣсть соленыхъ огурцовъ и кислой капусты; а во-вторыхъ потому, что эта дубовая роща, какъ двѣ капли воды, походитъ на ту, въ которой я такъ часто гулялъ съ Софьей Николаевной. Чтожъ это такое?.. Чтобъ забыть ее навсегда, я покинулъ мое отечество, умираю съ тоски на чужой сторонѣ и не ѣду назадъ въ Россію для того только, что тамъ живетъ она; а между тѣмъ люблю это рощу, потому что въ ней все напоминаетъ мнѣ объ измѣнницѣ... Чтожъ дѣлать, любезные читатели! Тутъ нѣтъ ни на волосъ здраваго смысла, не спорю; однакожъ, это правда. Да это еще не все: я выпросилъ позволенія у коррехидора и построилъ въ рощѣ китайскую бесѣдку, точь-въ-точь такую, какъ та, подлѣ которой Софья Николаевна назначила свиданіе Красноярскому, и при мнѣ, въ моихъ глазахъ, бросилась къ нему на шею!.. Ну, вотъ прошу послѣ этого разгадать сердце человѣческое! Я каждое утро гулялъ въ этой рощѣ, отдыхалъ въ этой бесѣдкѣ, плакалъ, тосковалъ, молился Богу о милой родинѣ, о друзьяхъ и даже о той, которая изгнала меня изъ моего отечества.

На этотъ разъ прогулка моя была грустнѣе обыкновеннаго; я пришелъ проститься съ этой рощею. «Быть можетъ», думалъ я, садясь на скамью подлѣ бесѣдки,

«быть можетъ, завтра взойду я на корабль, который умчитъ меня за тридевять земель, въ другую часть свѣта; быть можетъ, я навсегда разстанусь съ Европою и забуду даже, что на ея сѣверѣ есть могучее царство, которое я называлъ нѣкогда моимъ отечествомъ... Забуду!.. Да развѣ это возможно? Да развѣ кровь, которая течетъ въ моихъ жилахъ—не русская кровь?.. О, нѣтъ, нѣтъ! Никогда не перестану я любить тебя, мое отечество! Мысль о твоемъ могуществѣ и величіи будетъ всегда наполнять радостію мою душу. Гдѣ-бы я ни былъ, хотя на краю свѣта, но пока живъ, я стану за одно, и горевать, и радоваться вмѣстѣ съ тобою; твоя честь—моя честь, твоя слава—моя слава. Гдѣ-бъ я ни былъ, вездѣ злодѣй и хулитель моей родины найдетъ во мнѣ врага, вездѣ протяну я братскую руку тому, кто скажетъ доброе слово о святой Руси. Да, да! при ея священномъ имени, въ минуту смерти воспрянетъ и взыграетъ новой жизнію душа моя! О, милая моя родина! На поляхъ твоихъ, обширныхъ какъ цѣлые царства, не растутъ померанцевыя деревья, небеса твои часто покрываются тучами; но ты гостепріимна, спокойна и счастлива; ты не гордишься своимъ земнымъ просвѣщеніемъ, но ты любишь Бога и Помазанниковъ Его, Православныхъ Царей Русскихъ. Тебя упрекаютъ, что ты отстала отъ дряхлѣющаго запада—тѣмъ лучше: онъ отживаетъ свой вѣкъ, а ты начинаешь только чувствовать всю твою силу, юная царица сѣвера, благочестивая, самобытная Русь!.. И я одинъ изъ сыновъ твоихъ, добровольный изгнанникъ, живу на чужбинѣ и могу только издалека смотрѣть на тебя, родимая, любоваться, какъ ты растешь не по днямъ, а по часамъ; какъ двуглавый орелъ твой собираетъ подъ свои мощныя крылья единокровныя племена и народы, отторгнутые отъ тебя въ годину бѣдствій... Нѣтъ! я не разстанусь навсегда съ тобою, моя родина! Когда время и отсутствіе излѣчутъ меня отъ этой постыдной страсти, когда мнѣ можно будетъ встрѣтиться съ Софьей Николаевной и равнодушно спро-

сить ее о здоровьѣ мужа, тогда я возвращусь опять въ мое отечество... Но когда это будетъ?.. Развѣ тогда, когда сердце мое перестанетъ биться!.. Зачѣмъ себя обманывать. Я не хочу забыть *ее*—не хочу!.. И если жизнь не совсѣмъ еще мнѣ опротивѣла, если я не молю Бога о смерти, такъ это потому только, что могу думать объ этой измѣнницѣ, могу представлять себѣ ея плѣнительную улыбку, въ которой я видѣлъ мой рай земной, вспоминать ея очаровательный голосъ, который и теперь еще раздается въ ушахъ моихъ! Да! и теперь еще я слышу этотъ голосъ... я вижу передъ собою эту Клязьму, этотъ зеленый лугъ, эту березовую рощу... Нѣтъ!.. видно мнѣ суждено умереть на чужой сторонѣ!.. Никогда еще душа моя не была преисполнена такою скорбію; все прошедшее оживилось въ моей памяти; въ ней воскресли даже первые года моей жизни. Вотъ тихій пріютъ моего дѣтства — это село на высокомъ берегу Оки; вотъ луговая сторона, на которую я, бывало, гляжу и не нагляжусь весною, когда полноводная рѣка заливаетъ своими волнами поемные луга, лѣса и степи; вотъ эта смиренная сельская церковь, въ которой добрая мать моя учила меня молиться Господу; вотъ ея древній иконостасъ съ чудотворнымъ образомъ Божій Матери; вотъ домъ нашъ и обширный дворъ, на которомъ я такъ часто игралъ въ горѣлки; а вотъ крутая тропинка, по которой мы сходили на берегъ Оки, гдѣ ожидала насъ большая лодка съ зеленымъ наметомъ. Какъ теперь гляжу, бывало, покойный мой батюшка сядетъ самъ править рулемъ; мы выѣдемъ на середину рѣки и хоръ лихихъ пѣсельниковъ грянетъ любимую его пѣсню: «Какъ по матушкѣ по Вольгѣ»... Все это прошло и никогда не воротится!.. Неужели я не услышу болѣе этотъ милый родной языкъ, эти родные напѣвы то грустные, то удалые; не увижу этотъ умный, добрый и веселый русскій народъ?.. Ахъ, Софья, Софья! для чего ты меня обманула?.. Я и такъ былъ сиротою, такъ зачѣмъ же ты отняла у меня послѣднюю отраду сироты—на-

дежду умереть на своей родимой сторонѣ и лечь костьми подлѣ отца своего и матери!

Мнѣ часъ-отъ-часу становилось грустнѣе и эта грусть готова была превратиться въ отчаяніе; душа моя разрывалась, но я не могъ плакать. Вдругъ отдаленные звуки пролетѣли мимо ушей моихъ, я вздрогнулъ; въ этихъ звукахъ было что-то знакомое; отъ нихъ какъ будто бы повѣяло на меня какой-то родной прохладою. Я сталъ прислушиваться. Такъ точно! Вдали поютъ цѣлымъ хоромъ... Но въ этомъ напѣвѣ нѣтъ ничего испанскаго; это не андалузская пѣсня... Нѣтъ!— Я вскочилъ и пошелъ въ ту сторону, гдѣ раздавались голоса... Они начинаютъ приближаться... Боже мой!.. Нѣтъ, я ошибаюсь—это невозможно!.. Но отчего же сердце мое такъ сильно бьется? Отчего оно рвется изъ груди?.. Вотъ пахнулъ вѣтерокъ съ моря... Пѣнье становится слышнѣе... Это не сонъ, не мечта!.. Вотъ тотъ знакомый напѣвъ, съ которымъ я свыкся еще въ ребячествѣ... Это цѣлый хоръ пѣсельниковъ... И они... Боже мой, Боже мой!.. они поютъ: «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ»!.. Русскіе, русскіе!.. Здѣсь, подлѣ меня!

Очнувшись отъ перваго восторга, я побѣжалъ какъ сумасшедшій прямо туда, гдѣ слышно было пѣніе. Когда я вышелъ изъ рощи, хоръ замолкъ. Передо мной разстилалось открытое море, песчаный берегъ, усѣянный мелкими кустами; налѣво, до самаго утеса и далѣе вдоль берега, никого не было видно, кругомъ все тихо... На морѣ ни одной лодки... Чтожъ это значитъ?.. Я, кажется, здоровъ: у меня нѣтъ ни бреду, ни горячки!.. А! вотъ что! Направо поросшій густымъ лѣсомъ клочекъ земли вдается остроконечнымъ мысомъ въ море и, вѣроятно, закрываетъ собою тѣхъ, которые пѣли... Въ ту самую минуту, какъ я готовился увѣриться въ моей догадкѣ, позади меня раздался тихій шелестъ; шагахъ въ десяти изъ-за куста выглянуло отвратительное лицо, сверкнули звѣрскіе глаза и рослый дѣтина, съ ножемъ въ рукахъ, бросился на меня какъ голодный тигръ. Я отскочилъ въ сторону,

вынулъ одинъ изъ моихъ пистолетовъ и прицѣлился въ разбойника; онъ остановился. «Если ты сдѣлаешь еще одинъ шагъ»,—сказалъ я,—«то раздроблю тебѣ черепъ». Нечаянное появленіе пистолета, казалось, разстроило всѣ умственныя способности этого негодяя: вмѣсто того, чтобъ броситься отъ меня бѣжать, онъ приросъ къ землѣ, разинулъ ротъ и выпучилъ на меня глаза. Я сдѣлалъ шагъ впередъ и онъ также попятился назадъ, но такъ неловко, на безобразномъ лицѣ его выражался такой подлый испугъ, онъ глядѣлъ съ такимъ глупымъ ужасомъ и почтеніемъ на дуло моего пистолета, что во всякое другое время я рѣшился бы, для одной забавы, гнать передъ собой этого мерзавца и заставить его пятиться задомъ до самыхъ городскихъ воротъ. Но мнѣ было вовсе не до того: шагахъ въ тридцати отъ этого перваго разбойника показался изъ рощи другой, также съ ножомъ въ рукѣ. Не помню, кто сказалъ, что всѣ люди, безъ исключенія, боятся смерти, съ тою только разницею, что человѣкъ не совсѣмъ боязливый робѣетъ передъ наступленіемъ опасности, трусъ во время оной, а храбрый тогда, когда опасность совсѣмъ уже миновала. Не знаю, храбрый ли я человѣкъ, но только рѣшительно принадлежу къ этому третьему разряду. Во всю жизнь мою я сохранялъ въ минуту опасности совершенное хладнокровіе; страхъ приходилъ послѣ. Когда я увидѣлъ, что мнѣ должно защищаться отъ двухъ убійцъ, то въ ту же секунду рѣшился сдѣлать бой равнымъ. Съ одного скачка я очутился подлѣ перваго разбойника, прицѣлился ему прямо въ лобъ и спустилъ курокъ моего пистолета; онъ осѣкся, и я въ то-же самое мгновеніе отъ сильнаго удара противъ сердца упалъ на землю. Ударъ былъ нанесенъ ножемъ; но, къ счастію, его лезвіе попало мнѣ подъ плечо и только слегка оцарапало грудь. Разбойникъ съ размаха упалъ на меня; я успѣлъ схватить его за ту руку, въ которой былъ ножъ; но свободной рукой онъ сжалъ мнѣ горло и придавилъ колѣномъ грудь. Несмотря на всѣ усилія, я не могъ изъ

подъ него освободиться. Межъ тѣмъ товарищъ его былъ уже въ пяти шагахъ; смерть моя была неизбѣжна. Не могу описать, что чувствовалъ я въ эту ужасную минуту: это былъ не страхъ, а какое-то одервенѣніе, совершенно чуждое всякой мысли, что-то похожее на то, что французы называютъ: le cauchemar, то есть тяжкій сонъ, за который наши крестьяне такъ несправедливо бранятъ бѣднаго *домового*. Я не вовсе былъ безъ чувствъ, но все представлялось мнѣ въ какомъ-то превратномъ видѣ: мнѣ казалось, какъ будто бы сквозь сонъ, что небо надо мной кроваваго цвѣта, что на мнѣ лежитъ свинцовая гора, что въ груди у меня нѣтъ сердца, что я уже умеръ; вдругъ надъ моей головой сверкнулъ широкій ножъ, въ то же время раздался выстрѣлъ и я совершенно обезпамятѣлъ. Когда я пришелъ въ себя, то долго не могъ понять, гдѣ я и что со мною дѣлается. Вокругъ меня говорили по-русски; Никаноръ перевязывалъ мою легкую рану; въ двухъ шагахъ лежалъ съ прострѣленною головою второй разбойникъ; вокругъ его толпились матросы и стоялъ какой-то флотскій офицеръ; онъ держалъ въ рукѣ пистолетъ, который еще дымился.

— Ну, слава Богу! очнулся!—вскричалъ Никаноръ.

Я приподнялся, и при помощи моего слуги, сталъ на ноги.

— Что это за люди?—сказалъ я.

— Наши, сударь, наши! все русскіе.

— Русскіе? Но гдѣ же я? и отчего ты здѣсь, Никаноръ?

— А вотъ изволите видѣть, сударь: какъ вы пошли гулять, я подумалъ про себя: баринъ взялъ съ собой пистолеты, да вѣдь какая-нибудь шельма подкрадется сзади, да пырнетъ ножомъ, такъ тутъ пистолеты не помогутъ. Дай пойду за нимъ, назеркомъ! Вотъ и пошелъ! и вплоть до самой рощи не терялъ васъ изъ виду; да какъ услышалъ, что за этимъ лѣскомъ поютъ русскую пѣсню, такъ—виноватъ, батюшка Владиміръ Сергѣевичъ!—все забылъ: бросился какъ шальной на

взморье... Такъ и есть—наши!.. Вѣдь это съ того корабля, сударь, что вы изволили вчера видѣть. Какъ его благородіе узналъ, что я русскій и что мой баринъ здѣсь, въ рощѣ, такъ и пошелъ сейчасъ со мною, чтобъ съ вами познакомиться. Лишь только мы вышли изъ лѣса, глядь поглядь—что такое?.. Ахъ, Господи! васъ рѣжутъ!.. Я обмеръ, а офицеръ выхватилъ изъ кармана пистолетъ, да какъ шарахнетъ въ одного разбойника; тотъ и копыльями кверху. А другой, вскочилъ, да тягу. Ну, сударь, если-бъ не его милость, не быть бы вамъ въ живыхъ.

Офицеръ подошелъ ко мнѣ. «Какъ вы себя чувствуете?» сказалъ онъ. Я хотѣлъ что-то отвѣчать, но языкъ мой онѣмѣлъ: передо мной стоялъ Красноярскій.

— Впрочемъ, вы можете быть спокойны,—прибавилъ офицеръ,—ваша рана вовсе неопасна.

Боже мой! И такъ мнѣ суждено въ другой разъ благодарить за жизнь человѣка, который сгубилъ все мое счастіе!.. Но, можетъ быть, это одно только сходство...

— Если не ошибаюсь,—спросилъ я робкимъ голосомъ,—вы Александръ Михайловичъ Красноярскій?

— Да, точно!—отвѣчалъ офицеръ.—Но почему вы это знаете? Мнѣ кажется, я въ первый разъ имѣю удовольствіе васъ видѣть.

— Вы забыли мое лицо, но я никогда не забуду вашего.

Офицеръ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ.

— Скажите,—продолжалъ я,—вы ужъ давно изъ Россіи?

— Шестой мѣсяцъ; теперь я на возвратномъ пути.

— Я думаю, эта мысль должна васъ очень радовать; можетъ быть, вы давно не получали никакого извѣстія, не знаете ничего... о вашихъ домашнихъ?

— Я получилъ въ Неаполѣ послѣднее письмо отъ моей жены.

Отъ его жены!!!.. Глупецъ! и вѣдь нужно разспрашивать.

— Мѣсяца черезъ три, — продолжалъ Краснорскій, — я надѣюсь быть въ Кронштадтѣ, и вѣроятно это будетъ послѣдняя моя кампанія. Семейному человѣку служить трудно, а особливо во флотѣ.

— Да, это правда, — прошепталъ я. — А давно ли вы были въ Неаполѣ.

— Недѣли двѣ тому назадъ.

— Слѣдовательно, извѣстія о вашемъ семействѣ довольно новы?

— Жена пишетъ ко мнѣ отъ перваго числа прошедшаго мѣсяца.

— Ну что, — промолвилъ я, заикаясь, — здорова ли Софья Николаевна?

— Сестра моя?

Еслибъ земля заколебалась подо мной и небеса на меня обрушились, то и тогда-бы я не обезумѣлъ такъ, какъ отъ этихъ двухъ словъ. — Какъ, сестра? Чья сестра? — вскричалъ я, вѣроятно очень страннымъ голосомъ, потому что Красноярскій вздрогнулъ и отступилъ отъ меня на цѣлый шагъ.

— Чья сестра? — повторилъ онъ. — Моя. Вѣдь вы говорите о Софьѣ Николаевнѣ Ладогиной?

Едва прошло нѣсколько минутъ, какъ я былъ подъ ножомъ разбойника; я не успѣлъ еще порядкомъ очнуться, и вдругъ вижу передъ собой Красноярскаго; слышу, что Софья ему сестра: все это такъ сильно потрясло мой разсудокъ, что я совершенно одурѣлъ. Я все видѣлъ и ничего не различалъ; все слышалъ и ничего не могъ понять: слова сдѣлались для меня простыми звуками, въ которыхъ не было никакого смысла. Да! въ эту минуту я былъ на одинъ волосъ отъ сумасшествія. «Сестра, сестра!..» шепталъ я, смотря пристально на Красноярскаго. — Да что такое сестра?.. Я не понимаю васъ!.. Сестра! Вѣдь это значитъ, что вы ея мужъ?.. Вѣдь вы съ нею видѣлись ночью подлѣ китайской бесѣдки?..

— Подлѣ китайской бесѣдки! — вскричалъ Красноярскій. — Такъ это вы?.. Боже мой, Боже мой!.. Сколько

напраснаго горя!.. Вѣдь вы Владиміръ Сергѣевичъ Завольскій?

— Завольскій?..—Да! я Завольскій...

— Ахъ, Владиміръ Сергѣевичъ! какихъ бѣдъ надѣлала ваша поспѣшность!.. Бѣдная сестра моя чуть не умерла съ горя, когда она получила письмо ваше..

— Письмо?.. Постойте!.. Да! я точно къ ней писалъ: я уступалъ ее вамъ.

— Мнѣ! Да развѣ вы не слышите? Она сестра моя. Поймите хорошенько—родная сестра.

— Родная сестра?.. Да вѣдь вы...

— Ну да! Я Александръ Михайловичъ Красноярскій, а она Софья Николаевна Ладогина: мы братъ и сестра отъ разныхъ отцовъ.

— Отъ разныхъ отцовъ? Такъ вы не родня.

— Да войдите въ себя, Владиміръ Сергѣевичъ! Софья не замужемъ; она васъ любитъ, она ждетъ васъ! Слышите-ли: она васъ любитъ!

Вдругъ въ головѣ моей какъ будто-бы прояснилось; я понялъ.—Возможно-ли!—вскричалъ я, бросившись на шею къ Красноярскому;—Софья меня любитъ! Она не замужемъ! Вы братъ ея!

— Ну, да!—сказалъ Красноярскій, обнимая меня.— Я былъ влюбленъ въ пріятельницу сестры моей, Любовь Дмитріевну Хопрову, и теперь на ней женатъ. Въ письмѣ, которое вы нашли въ ридикюлѣ моей сестры, я говорилъ ей о Любинькѣ, которую тетка хотѣла выдать замужъ за какого-то богатаго старика. Въ эту несчастную ночь, когда вы увидѣли меня вмѣстѣ съ Софьей у китайской бесѣдки, я прискакалъ изъ Петербурга для того только, чтобъ увезти Любовь и обвѣнчаться съ нею. Можетъ быть вамъ покажется страннымъ, что вы до сихъ поръ ничего обо мнѣ не слышали и не знали даже, что у Софьи есть родной братъ! Вотъ отчего это сдѣлалось. Дядя сестры моей, Кузьма Петровичъ, и жена его были въ явной враждѣ съ моимъ покойнымъ отцомъ; я наслѣдовалъ ихъ немилость, которая простиралась до того, что во всемъ

ихъ домѣ не смѣли произнести моего имени, и даже Софья, не желая огорчать своихъ стариковъ и заводить съ ними безполезные споры, никогда обо мнѣ не говорила. Ну! теперь все-ли для васъ ясно?

— О, да, да! Она меня любитъ! Она ждетъ меня!

— И не перестала бы ждать до самой смерти! Ну что, Владиміръ Сергѣевичъ, теперь въ Россію?

— Сегодня же—сію минуту!

— И радъ-бы радостію, да нельзя. Вотъ денька черезъ два нальемся водою, да и съ Богомъ!

— Нѣтъ, Нѣтъ! Я не останусь ни минуты на чужой сторонѣ! Я переѣду къ вамъ на корабль; тамъ мнѣ будетъ казаться, что я уже въ Россіи; тамъ всѣ станутъ говорить со мной по-русски. О, Бога ради! возьмите меня къ себѣ!

— Съ большимъ удовольствіемъ; весь мой фрегатъ къ вашимъ услугамъ.

— Никаноръ! — закричалъ я, — ступай на квартиру, расплатись съ хозяиномъ, забери всѣ наши пожитки и пріѣзжай на фрегатъ: мы послѣзавтра ѣдемъ въ Россію.

— Ну, слава Тебѣ, Господи!—сказалъ Никаноръ, который слушалъ со вниманіемъ весь разговоръ мой съ Красноярскимъ.—Слава Богу,—повторилъ онъ, перекрестясь. — Толи дѣло родимая сторона!... Жаль только Пакиточки—знатная дѣвка! Да провались и она! Что, въ самомъ дѣлѣ, иль у насъ нѣтъ красавицъ?... Вы женитесь на Софьѣ Николаевнѣ, а у ней была Дуняша, такая полная, круглолицая, бровь дугою... Ахъ, батюшки, подумаешь! вотъ, отчего вы ускакали тогда изъ подмосковной; вы подозрили Софью Николаевну, да и давай Богъ ноги за тридевять земель въ тридесятое государство! Эхъ, господа, господа! Вотъ то-то и есть, сударь, не заглянувъ въ святцы, да и бухъ въ колоколъ! Нѣтъ, по нашему не такъ: подозрилъ, такъ тутъ же на свѣжую воду. — Что такъ? Для чего? И почему? Давай все на чистоту? Анъ глядишь и вышли пустяки. Ну, конечно, можетъ статься-

сгоряча и поколотишь; да вѣдь это все не то — помилуйте!

— Полно врать, Никаноръ!—закричалъ я.—Ступай проворнѣй!

— Иду сударь, иду! А что, ребята,—сказалъ онъ вполголоса, идя мимо матросовъ,—водится у васъ на кораблѣ-то наше родное, сирѣчь хлѣбное?

— Какъ не быть,—отвѣчалъ одинъ изъ матросовъ.

— Ой-ли и пѣнное есть?

— Найдется.

— Право? Ну, отведу же я себѣ душеньку! Не извольте безпокоиться, сударь!—прибавилъ Никаноръ, уходя,—нынче же все перевеземъ!

— Что, Владимiръ Сергѣевичъ,—сказалъ Красноярскiй,—вы сейчасъ хотите ѣхать на фрегатъ?

— Сiю минуту.

— Такъ отправляйтесь на моемъ катерѣ; а мнѣ должно повидаться съ здѣшнимъ начальникомъ по моимъ дѣламъ, а потомъ надобно изъяснить ему, какъ я убилъ этого разбойника. Эй! Гавриловъ! ты отвезешь барина на фрегатъ, а тамъ прiѣзжай въ пристань, гдѣ вчера были. До свиданiя, Владимiръ Сергѣевичъ!

Красноярскiй отправился въ городъ, а я сѣлъ на катеръ. Гребцы размѣстились, вода закипѣла подъ ихъ веслами, и я простился навсегда съ берегомъ Испанiи. — Спойте что-нибудь, ребята! — сказалъ я матросамъ. Одинъ изъ нихъ вынулъ изъ-за пазухи рожокъ, приладилъ, сдѣлалъ колѣнцо, залился и удалая волжская пѣсня: «Не шуми, мати зеленая дубравушка!» быть можетъ, въ первый разъ загремѣла и прокатилась по волнамъ Африканскаго моря. Вплоть до самаго фрегата не умолкали пѣсни веселыхъ гребцовъ, а я слушалъ ихъ и плакалъ какъ дитя.

Красноярскiй не обманулъ меня: ровно черезъ три дня...

— Что тамъ еще? кто тутъ?—закричалъ я, положивъ съ досадою перо, которое только что хотѣлъ обмакнуть въ чернильницу.

Двери моего кабинета тихонько растворились: сначала показался багровый носъ, за нимъ явились полныя, румяныя щеки, а тамъ засіяла огромная лысина и мой старый слуга, мой вѣрный *личарда* сталъ передо мной, какъ листъ передъ травой.

— А, это ты, Никаноръ? Зачѣмъ пришелъ.

— Софья Николаевна совсѣмъ готова, — отвѣчалъ Никаноръ Федотычъ.—Она изволитъ васъ дожидаться въ гостинной.

— Зачѣмъ?

— Да развѣ, сударь, забыли? Вѣдь вы сегодня изволите кушать за Москвой-рѣкой у Александра Михайловича Красноярскаго.

— Ахъ, да! Вѣдь сегодня рожденье его жены, хорошо, хорошо, сейчасъ!

— Ну, вотъ, прошу писать! Ты за перо, а тутъ барыня дожидается. Я далъ себѣ честное слово кончитъ сегодня поутру мой разсказъ; а вѣдь вы знаете, что я человѣкъ упрямый, и если разъ заберу себѣ что-нибудь въ голову, такъ ужъ непремѣнно поставлю на своемъ. Я хотѣлъ было разсказать вамъ, какъ мы доѣхали до Россіи, какъ я свидѣлся съ Софьей Николавной, какъ тетушка ея при первомъ свиданіи заговорила меня до обморока, какъ Максимъ Петровичъ развернулся и задалъ великолѣпный свадебный пиръ, какъ знакомый нашъ капельмейстеръ Мордоченко посвятилъ мнѣ, сочиненный по случаю моей свадьбы, польскій, въ которомъ пѣли.

«Веселись и радуйся, Владиміръ,
Ты красуйся, Софья имъ!»

какъ мой Никаноръ Федотычъ Подшибаевъ сочетался законнымъ бракомъ съ Авдотьей Никитишной Снѣтковой, какъ мнѣ удалось помирить Красноярскаго съ Кукушкиными, и какъ тетка жены его, Агриппина Карповна

Морганцова, не успѣла лишить наслѣдства свою племянницу, потому что въ тотъ самый день, какъ она хотѣла подписать духовную, поваръ приготовилъ къ обѣду такіе скверные левашники, что она чуть ими не подавилась. Къ несчастію, этотъ поваръ былъ наемный, и она имѣла только право согнать его со двора. Это до того разогорчило бѣдную вдовицу, что вся кровь бросилась ей въ голову и она въ тотъ-же самый вечеръ умерла ударомъ. Я хотѣлъ также разсказать вамъ... Да мало-ли о чемъ мнѣ еще нужно было поговорить съ вами, любезные читатели, и если-бъ не этотъ званный обѣдъ... Но вотъ, кажется, опять бѣгутъ за мною!.. Такъ и есть!

«Въ каретѣ барыня и гнѣваться изволитъ!»

прокричалъ торопливо Никаноръ, отворивъ настежъ двери. Ай, ай, худо! Федотычъ заговорилъ ужъ стихами. Ну, дѣлать нечего: прощайте, любезные читатели! Не знаю, удастся-ли мнѣ опять съ вами побѣсѣдовать; но, на всякій случай, я прошу васъ не поминать меня лихомъ, если моя стариковская болтовня хоть изрѣдка казалась вамъ забавною, такъ скажите обо мнѣ при случаѣ ласковое слово: я изъ этого только и бьюсь. Вѣдь сочинитель ни дать, ни взять, какъ русскій солдатъ, котораго ласковымъ словомъ напоишь, накормишь и спать положишь.

КОНЕЦЪ.

ВЕЧЕРЪ НА ХОПРѢ *)

---

*) Отрывокъ изъ манускрипта подъ названіемъ: Мое отдохновеніе, или современные разсказы и были прошедшихъ двухъ столѣтій».

ВСТУПЛЕНІЕ.

Дѣдушка моего пріятеля Заруцкаго, Иванъ Алексѣевичъ Асановъ,—дай Богъ ему царство небесное,—былъ старикъ предобрый. Никогда не забуду я нѣсколькихъ дней, проведенныхъ мною, подъ конецъ осени, помнится, въ 1806 г., въ его Саратовской деревушкѣ, на Хопрѣ. Какъ теперь гляжу на десятка два крестьянскихъ избъ, разбросанныхъ по высокому берегу рѣки; на его огромныя кирпичныя палаты, построенныя на диво всему Сердобскому уѣзду, въ два этажа, со сводами и съ такими же толстыми стѣнами, что отъ нихъ, какъ мячикъ, отскочило бы сорока-восьми фунтовое ядро.

Я не былъ еще знакомъ съ Иваномъ Алексѣевичемъ, когда пріѣхалъ по дѣламъ въ Сердобскъ. Имѣя рекомендательное письмо къ городничему, я остановился у него въ домѣ, и тутъ-то въ первый разъ услышалъ о богатомъ помѣщикѣ, отставномъ секундъ-маіорѣ Асановѣ. Не проходило дня, чтобъ въ Сердобскомъ высшемъ обществѣ не толковали о его странностяхъ и причудахъ. Городничій, уѣздный судья, стряпчій, словомъ, всѣ власти и первостатейные сановники города Сердобска относились объ немъ съ весьма дурной стороны: одни говорили, что онъ нелюдимъ и гордецъ, другіе называли его полоумнымъ; были даже добрые люди, которые увѣряли, что будто бы онъ никогда не ходитъ

къ обѣднѣ и что въ его домѣ нѣтъ ни одного образа. Правда, капитанъ-исправникъ всегда возставалъ противъ этой клеветы; но такъ какъ онъ одинъ изо всего Сердобска водилъ хлѣбъ-соль съ Иваномъ Алексѣевичемъ, то никто и не давалъ вѣры его словамъ.—«Воля твоя, Дмитрій Ивановичъ»,—говаривалъ ему часто городничій, — «воля твоя, а это что-нибудь не даромъ: кто не хочетъ жить съ людьми, у того совѣсть не чиста. Добро-бъ онъ былъ человѣкъ скупой—такъ нѣтъ! Посмотри, какъ соритъ деньгами! Когда прошлаго года былъ пожаръ въ слободѣ и открыли подписку на погорѣвшихъ мѣщанъ, такъ онъ одинъ далъ больше, чѣмъ все наше дворянское сословіе. Ну, разсудите милостиво, господа, что онъ для экономіи что-ль живетъ въ этой Хоперской деревнѣ, въ которой, чай, нѣтъ господской запашки и двадцати десятинъ во всѣхъ поляхъ? Человѣкъ онъ богатый: за нимъ въ одной Пензенской губерніи слишкомъ тысяча душъ. Вотъ хоть его за-Сурская волость: есть къ чему руки приложить; десятинъ по пятнадцати на душу — а угодьевъ-то сколько: поемные луга по Сурѣ, строевой лѣсъ, мельница о восьми поставахъ—подлинно золотое дно! Не хотѣлось жить въ деревнѣ, Пенза подъ бокомъ.—Конечно,—прибавлялъ обыкновенно городничій, поправляя съ важностію свой галстухъ,—у насъ и въ Сердобскѣ общество дворянъ прекрасное; но вѣдь Пенза губернскій городъ, да еще какой!.. Одна Петровская ярмарка чего стоитъ! Публика отличная, просвѣщенная, благородныя собранія, театръ, вокзалы, англійскій клубъ;—говорятъ однакоже, что онъ рушился,—балы;— словомъ, чего хочешь, того просишь. А что всего-то лучше, губернаторъ съ вице-губернаторомъ живутъ всегда въ ладу, сплетней никакихъ нѣтъ, барыни межъ собой никогда не ссорятся, и куда не сунься, вездѣ такъ и рѣжутъ по-французски. Что и говорить—Пенза городокъ Москвы уголокъ»!

Хотя сіи блестящія похвалы губернскому городу Пензѣ казались мнѣ всегда нѣсколько преувеличенными,

но, несмотря на это, я раздѣлялъ сначала безусловно мнѣніе городничаго. Въ самомъ дѣлѣ, что за охота богатому человѣку жить затворникомъ въ бѣдной деревушкѣ, верстахъ въ тридцати отъ уѣзднаго города, и по крайней мѣрѣ въ двадцати отъ самаго ближайшаго сосѣда, и жить въ какомъ-то заколдованномъ домѣ,— такъ прозвала каменныя палаты Ивана Алексѣевича сестра городничаго, дѣвица зрѣлыхъ лѣтъ, съ лицомъ нѣсколько уже поблекшимъ, но съ юной душою и сердцемъ отмѣнно романтическимъ: одна она выписывала изъ Москвы всѣ романы знаменитой Радклифъ, и первая извѣстила Сердобскихъ жителей о существованіи госпожи Жанлисъ.—Вы не можете себѣ представить,—говорила она мнѣ однажды,—какой ужасъ наводитъ на всѣхъ этотъ старый домъ, которому не достаетъ только башенъ и подъемнаго моста, чтобъ походить совершенно на Удольфскій за́мокъ, или Грасфильское аббатство. Если-бъ вы знали, сколько разсказываютъ о немъ чудныхъ и страшныхъ повѣстей. Говорятъ, что лѣтъ сто тому назадъ, прежній помѣщикъ держалъ въ немъ разбойничью пристань; что глубокіе погреба подъ этимъ домомъ завалены человѣческими костями; что по ночамъ происходятъ въ немъ необычайныя явленія: слышенъ громкій стонъ, и хотя капитанъ-исправникъ увѣряетъ, что будто бы это воетъ вѣтеръ по узкимъ корридорамъ и переходамъ, которыхъ понадѣлано въ домѣ великое множество, но онъ говоритъ это потому, что живетъ въ ладу съ Асановымъ. Покойная моя мамушка разсказывала мнѣ преужасную исторію объ этомъ домѣ; странно только, что я почти совсѣмъ ее забыла, а, кажется, это не такъ давно; правда, я была тогда еще совершеннымъ ребенкомъ, и какъ помню, такъ перепугалась, что не могла заснуть всю ночь. Въ этомъ разсказѣ есть разбойники, мертвецы и какой-то ночной поѣздъ; мамушка божилась мнѣ, что это не сказка, а быль, и что во всемъ здѣшнемъ уѣздѣ нѣтъ ни одного старика, который не зналъ бы эту повѣсть со всѣми ея подробно-

стями. Говорятъ также, что будто бы отъ времени до времени то-же самое, что случилось нѣкогда ночью въ этомъ нечистомъ и заколдованномъ домѣ, повторяется и теперь, а особливо съ тѣхъ поръ, какъ нынѣшній помѣщикъ переѣхалъ въ него жить.

— А развѣ до Ивана Алексѣевича Асанова никто въ немъ не жилъ?—спросилъ я сорокалѣтнюю сестрицу городничаго, которая такъ еще недавно была ребенкомъ.

— Да, никто. Лѣтъ двадцать сряду всѣ двери и окна наглухо въ немъ были заколочены.

— Ну, жаль, что Иванъ Алексѣевичъ незнакомъ со мною,—думалъ я, очень часто слушая всѣ эти разсказы и толки.—Стыдно признаться, а грѣхъ утаить, я всегда былъ смертельный охотникъ до страшныхъ исторій, и не только вѣрю, но даже не сомнѣваюсь въ существованіи колдуновъ, привидѣній и мертвецовъ, которые покидаютъ свои могилы, такъ же какъ и огненныхъ змѣевъ, которые летаютъ къ деревенскимъ вдовушкамъ, и разсыпаясь надъ кровлями избъ, являются къ нимъ въ видѣ покойниковъ, о коихъ онѣ тоскуютъ. Я скорѣе посумнюсь, что Кіевъ былъ столицею великаго князя Владиміра, чѣмъ повѣрю, что въ немъ никогда не живали вѣдьмы, и признаюсь, піитическій Днѣпръ потерялъ бы для меня большую часть своей прелести, еслибъ я не вѣрилъ, что русалки и до сихъ поръ выходятъ изъ лѣсовъ своихъ поплескаться и поиграть, при свѣтѣ луны, въ его чистыхъ струяхъ; что онѣ, какъ разсказываетъ одинъ изъ нашихъ поэтовъ:

То въ восторгѣ юной радости
Будятъ пѣснями брега;
Иль съ безпечнымъ смѣхомъ младости
Ловятъ мѣсяца рога
На пучинѣ серебристые.
Или плескомъ быстрыхъ рукъ
Брызжутъ радуги огнистыя,
Рѣзвятся въ волнахъ—и вдругъ
Утопаютъ, погружаются
Въ свой невидимый чертогъ...

Не могу описать, какое неизъяснимое наслажденіе чувствую я всякій разъ, когда слушаю повѣсть, отъ которой волосы на головѣ моей становятся дыбомъ, сердце замираетъ и морозъ подираетъ по кожѣ. Пусть себѣ господа ученые, эти холодные розыскатели истины, эти Ѳомы невѣрные, которые сомнѣваются даже въ томъ, что лѣшіе обходятъ прохожихъ и что можно однимъ словомъ изурочить человѣка, смѣются надъ моимъ легковѣріемъ; — я не промѣняю на ихъ сухіе математическіе выводы, на ихъ замороженный здравый смыслъ, мои дѣтскія, но игривыя и теплыя мечты. Одно только меня всегда огорчало: несмотря на русскую пословицу, что на охотника звѣрь бѣжитъ, во всю жизнь мою не удавалось мнѣ видѣть ничего чудеснаго, и даже всѣ колдуны, съ которыми я встрѣчался, какъ будто на смѣхъ, были самые обыкновенные обманщики и плуты. Я навѣрное знаю, что многіе, смотря въ два зеркала, поставленныя одно противъ другого, видятъ и Богъ вѣсть что; а я смотрѣлъ однажды до тѣхъ поръ, пока мнѣ сдѣлалось дурно и въ глазахъ позеленѣло, а не видѣлъ ничего, кромѣ безконечной перспективы и какого-то туманнаго пятна, которое, какъ открылось послѣ, было ничто иное, какъ простое черное пятно на зеркалѣ. Ужъ, я ли, кажется, не старался все испытать! Года два тому назадъ, ходилъ въ Ивановъ день ночью въ лѣсъ подкараулить, какъ цвѣтетъ папортникъ; но когда время стало подвигаться къ полуночи, на меня напалъ такой страхъ, что я пустился бѣжать безъ оглядки, и хотя слышалъ позади себя необычайный шумъ и свистъ, но не могу сказать навѣрное, нечистая ли сила это проказила, или просто гудѣлъ вѣтеръ по лѣсу. Въ другой разъ, когда я жилъ еще въ степной моей деревнѣ, я рѣшился итти въ полночь на кладбище. Авось, — думалъ я, — хоть одинъ мертвецъ вылѣзетъ изъ своей могилы прогуляться по церковному погосту — и въ самомъ дѣлѣ, когда я подошелъ къ кладбищу, то увидѣлъ между могилъ что-то похожее на мертвеца въ бѣломъ саванѣ.

Ахъ, какъ забилось мое сердце отъ страха и удовольствія! Какимъ пріятнымъ холодомъ обдало меня съ головы до ногъ, какъ подкосились подо мною колѣни! И теперь вспомнить не могу безъ восторга объ этой ужасной и восхитительной минутѣ. Крестясь и творя молитву, я пустился бѣжать домой, бросился на мою постель, и всю ночь то бредилъ какъ въ горячкѣ, то дрожалъ какъ въ лихорадкѣ.—И такъ,—думалъ я, задыхаясь отъ радости,—этотъ безвѣстный міръ существуетъ въ самомъ дѣлѣ; мертвецы бродятъ по ночамъ около могилъ; души усопшихъ посѣщаютъ землю, и все то, что господа педанты называютъ суевѣріемъ, обманомъ, бѣлой горячкою—есть истина. И чтожъ, любезные читатели, какъ вы думаете, чѣмъ все это кончилось? На другой день я сталъ разсказывать о семъ приключеніи бурмистру моему Федоту; этотъ негодяй засмѣялся и сказалъ мнѣ: «вы напрасно изволили перепугаться, сударь; вѣдь это шатался по кладбищу староста Тихонъ; онъ боленъ горячкою и прошлую ночь выбѣжалъ изъ избы въ то время, какъ всѣ спали».—Какъ!—вскричалъ я,—такъ это былъ не мертвецъ?—«И, батюшка баринъ»,—отвѣчалъ Федотъ, скривя свою безобразную харю,—«какіе нынче мертвецы! Вѣдь въ старину народъ былъ глупъ: всему вѣрили, а теперь и малаго ребенка не испугаешь этими бабьими сказками».—Бабьими сказками!!. Вся кровь моя взволновалась, я затопалъ ногами, закричалъ—и еслибъ этотъ вольнодумецъ Федотъ не ушелъ изъ моего кабинета, то непремѣнно вцѣпился бы ему въ бороду. Да и какъ было не взбѣситься? подумаешь: Господи Боже мой! Добро бы въ Петербургѣ или въ Москвѣ, а то и въ деревняхъ ужъ стали умничать!

Послѣ всего сказаннаго мною, читатель можетъ себѣ представить, желалъ ли я познакомиться съ Иваномъ Алексѣевичемъ Асановымъ; но никто, даже самъ капитанъ-исправникъ, не брался привезти меня къ нему въ деревню, и я начиналъ терять ужъ всю надежду, какъ вдругъ однимъ утромъ, проходя базарную площадь,

увидѣлъ, что кто-то ѣдетъ въ дорожной коляскѣ; глядь поближе—старинный мой пріятель и сослуживецъ, Заруцкій. Мы вскрикнули оба въ одинъ голосъ, экипажъ остановился, Заруцкій изъ него выскочилъ, и пошли разспросы:—«откуда Богъ несетъ?»

— Въ деревню, къ дядѣ. А ты какъ здѣсь?

— По дѣламъ.

— Поѣдемъ вмѣстѣ со мною. Я познакомлю тебя съ дядюшкою: онъ старикъ предобрый.

— Нѣтъ, милый, не могу; мнѣ надобно много еще хлопотать по моему дѣлу.

— Поѣдемъ, братецъ, вѣдь это близехонько: верстахъ въ двадцати отсюда, на Хопрѣ...

— Верстахъ въ двадцати!.. На Хопрѣ?.. А какъ зовутъ твоего дядю?

— Иваномъ Алексѣевичемъ...

— Асановымъ?

— Да.

— О! если такъ... ѣдемъ, мой другъ!

— Ты знакомъ съ нимъ?

— Нѣтъ, но я такъ много о немъ наслышался... Подожди! я сейчасъ заверну домой, возьму съ собой узелокъ, прибѣгу назадъ, и катаемъ!

Какъ сказано, такъ и сдѣлано—черезъ четверть часа я сидѣлъ ужъ подлѣ Заруцкаго въ вѣнской его коляскѣ, которая, покачиваясь на гибкихъ ресорахъ, понеслась, какъ изъ лука стрѣла, по кочкамъ и колеямъ проселочной дороги. Сначала ретивые кони рвались одинъ передъ другимъ; но, пробѣжавъ верстъ двадцать, стали призадумываться, и наконецъ, поднявшись съ трудомъ на крутую гору, пошли смиреннымъ шагомъ. Вокругъ насъ виды были довольно пріятные: съ лѣвой стороны разстилались золотистыя поля, на которыхъ кой-гдѣ разбросаны были запоздалыя копны сжатаго хлѣба; съ правой тянулся густой лѣсъ, и отъ времени до времени вдали, сквозь широкія просѣки, свѣтлѣлись голубоватыя воды живописнаго Хопра. Пока усталые кони, идя шагомъ, отдыхали. Заруцкій разсказывалъ мнѣ про

настоящее свое житье-бытье; про сельскія хлопоты, хозяйство и, наконецъ, про пламенную любовь свою къ какой-то деревенской сосѣдкѣ, молодой вдовушкѣ, «которая»,—говорилъ мой пріятель, вздыхая и закуривая четвертую трубку,—«поклялась уморить меня съ тоски, и до тѣхъ поръ не давать рѣшительнаго отвѣта, пока она не износитъ полдюжины черныхъ платьевъ изъ какой-то фланели, видно казенной, потому что они другой годъ не могутъ износиться, и вѣрно въ огнѣ не горятъ и на водѣ не тонутъ.—Чтобъ поразмыкать мое горе,—продолжалъ Заруцкій,—я вздумалъ съѣздить недѣльки на двѣ погостить у моего дяди, и очень радъ, что встрѣтился съ тобою.

— Да радъ-ли будетъ этому твой дядя?—прервалъ я.—Мнѣ весьма пріятно съ нимъ познакомиться, но, говорятъ, онъ такой нелюдимъ...

— Да, онъ не охотно заводитъ новыя знакомства, а особливо съ нашими уѣздными дворянами. Они такіе чопорные, считаются визитами, а онъ человѣкъ старый, любитъ покой, и больно тяжелъ на подъемъ. Ты—дѣло другое, ты человѣкъ заѣзжій, а сверхъ того старинный пріятель и сослуживецъ его племянника, котораго онъ любитъ какъ сына родного; да правда и я его очень люблю.

— Скажи пожалуйста, что ему за радость жить въ этой глуши?

— У него есть на то свои причины.

— А напримѣръ?

— Это цѣлый романъ, мой другъ. Прежде всего надобно тебѣ сказать, что, во время оно, дядя мой, Иванъ Алексѣевичъ Асановъ, былъ человѣкъ бѣдный; онъ не могъ даже и мечтать о наслѣдствѣ, которое досталось ему послѣ; и въ самомъ дѣлѣ, могъ-ли онъ думать, что четверо двоюродныхъ его братьевъ, два племянника и три племянницы умрутъ въ одну недѣлю отъ чумы; которая въ 1771 году пожаловала въ Москву. Деревня, въ которой живетъ теперь Иванъ Алексѣевичъ, принадлежала нѣкогда помѣщику Глин-

скому, скупому, злому и, если вѣрить изустнымъ преданіямъ, настоящему разбойнику. У этого Глинскаго была дочь прекрасная лицомъ, еще прекраснѣе душою. Не знаю, гдѣ и когда мой дядя съ нею встрѣтился, какъ познакомился съ ея отцомъ, только дѣло въ томъ, что онъ влюбился по уши въ Софью Павловну—такъ звали дочь Глинскаго—а на бѣду и она его полюбила. Однажды на отъѣзжемъ полѣ, рыская вмѣстѣ съ отцомъ своей любезной за зайцами, дядя мой рѣшился открыть ему свою душу. Глинскій взбѣленился, осыпалъ его ругательствами, назвалъ нищимъ, и объявилъ, что если онъ когда-нибудь близко подъѣдетъ къ его деревнѣ, то онъ выпуститъ на него цѣлую стаю гончихъ и затравитъ, какъ краснаго звѣря. Дядя мой уѣхалъ въ армію, дрался такъ, что Суворовъ прозвалъ его чудо-богатыремъ, и проколотый на вылетъ штыкомъ въ сраженіи съ Огинскимъ при Сталовичахъ, на диво всей арміи, остался живъ, выздоровѣлъ, узналъ, что ему упало съ неба богатое наслѣдство, поскакалъ въ Сердобскъ, но было уже поздно. Софья Павловна, зачахнувъ съ горя, давно покоилась на деревенскомъ кладбищѣ, а отецъ ея, спустя два мѣсяца послѣ ея смерти, сломилъ себѣ шею, травя волка. Дядя мой вышелъ въ отставку, поклялся никогда не жениться; добился наконецъ, что ему продали эту деревню, и поселся въ домѣ, гдѣ нѣкогда жила его любезная. «Господь не допустилъ меня быть мужемъ Софьи Павловны,—Его святая воля! Но если мнѣ не суждено было жить съ нею на землѣ, такъ по крайней мѣрѣ въ землѣ-то я буду лежать вмѣстѣ съ нею». Такъ говорилъ всегда мой дядя, и вотъ ужъ скоро десять лѣтъ, какъ онъ живетъ безвыѣздно въ этой деревнѣ.

— О! да твой дядя человѣкъ преинтересный!—сказалъ я.—Знаешь-ли, мой другъ, что если-бъ онъ былъ помоложе, то я бы не совѣтовалъ тебѣ разсказывать всѣмъ эту исторію... въ ней столько романическаго, что долго-ли до бѣды: какъ разъ найдется новая Софья Павловна, и если ты единственный его наслѣдникъ...

— Да, мой другъ! Но дай Богъ, чтобъ я во всю жизнь мою не вступалъ въ это наслѣдство! И одинъ разъ похоронить отца родного тяжело, а дважды навѣку остаться сиротою, не приведи Господи! Но вотъ, кажется... такъ точно! версты три, не больше осталось. Видишь-ли тамъ вдали дубовую рощу?.. За нею тотчасъ господская усадьба; а вонъ выглядываетъ изъ-за вершинъ деревьевъ золоченый крестъ: это каменная церковь, построенная моимъ дядей надъ могилою Софьи Павловны.

— Ахъ, Боже мой! — прервалъ я, поглядѣвъ съ ужасомъ впередъ. — Неужели мы спустимся въ эту пропасть?

— Постой!—закричалъ мой пріятель.—Въ самомъ дѣлѣ, лучше мы выйдемъ.

Коляска остановилась, и пока ямщикъ съ слугою Заруцкаго тормозили заднія колеса, мы отправились потихоньку впередъ. Поросшій частымъ кустарникомъ оврагъ, черезъ который шла дорога, дѣйствительно походилъ на какую-то пропасть или ущеліе, на днѣ котораго журчалъ мутный потокъ. Чѣмъ ниже мы сходили, тѣмъ выше и утесистѣе становились его песчаные скаты; изрытыя глубокими водопромоинами дорога, идя сначала прямо, вдругъ круто поворачивала налѣво и, огибая небольшой бугоръ, опускалась къ мосту, перекинутому черезъ протокъ. Когда я взглянулъ назадъ, то мнѣ показалось, что коляска, которая полегоньку стала съѣзжать внизъ, висѣла надъ нашими головами.

— Знаешь-ли, мой другъ!—сказалъ Заруцкій, указывая на бугоръ,—что этотъ холмъ, хотя и не насыпной, а можетъ назваться курганомъ: онъ весь составленъ изъ могилъ.

И подлинно, большая часть его была покрыта возвышеніями, и кой-гдѣ видны еще были полусгнившіе деревянные кресты.

— Неужели это деревенское кладбище твоего дяди?—спросилъ я.

— Нѣтъ, мой другъ! здѣсь похоронены убитые разбойниками.

— Разбойниками?—повторилъ я, невольно поглядѣвъ вокругъ себя.

— Не пугайся, — продолжалъ мой пріятель, — это было уже давно. Въ наше время и слуху нѣтъ о разбойникахъ, точно такъ же какъ о вѣдьмахъ, колдунахъ, мертвецахъ, домовыхъ, и всей это адской сволочи, отъ которой въ старину нашимъ предкамъ житья не было.

— Ну, это еще Богъ знаетъ! — сказалъ я сквозь зубы.—На разбойниковъ есть земская полиція...

— А на колдуновъ и мертвецовъ,—возразилъ мой пріятель, — есть управа, которую зовутъ просвѣщеніемъ.

— Охъ ужъ мнѣ это просвѣщеніе! — прервалъ я почти съ досадою; — но дѣло не о томъ: какъ могли здѣсь придерживаться разбойники? Развѣ тутъ была когда-нибудь большая дорога? Вѣдь по проселочнымъ грабить некого.

— Большая дорога отсюда въ двухъ верстахъ. И вотъ что разсказываютъ старики объ этомъ оврагѣ: дѣдушка бывшаго помѣщика деревни, въ которую мы ѣдемъ, держалъ у себя въ дому разбойничью пристань. Это бы еще ничего: было время, что разбои, а особливо въ нашихъ пограничныхъ губерніяхъ, назывались удальствомъ и молодечествомъ; но вотъ что было худо въ дѣдушкѣ покойнаго Глинскаго: говорятъ, что онъ былъ въ дружбѣ съ самимъ сатаною, и, какъ знаменитый польскій панъ Твардовскій, закабалилъ ему навѣки вѣковъ свою душу. Разумѣется, ему не было никакой нужды въ деньгахъ: чортъ помогалъ ему находить клады, и даже иногда шутки-ради превращалъ для него кружки изъ рѣпы и моркови въ серебряные рублевики и золотые ефимки; но онъ любилъ, для забавы, какъ на охоту, ѣздить на грабежъ. Спуску никому не было: дворянъ и богатыхъ купцовъ онъ залучалъ насильно къ себѣ въ гости, поилъ, кормилъ по

цѣлымъ суткамъ; а тамъ Богъ вѣсть что съ ними было; только говорятъ, что кто изъ этихъ невольныхъ гостей проѣзжалъ въ одну околицу, тотъ ужъ никогда не выѣзжалъ въ другую. Съ простыми людьми не церемонились: ихъ рѣзали на большой дорогѣ и бросали въ этотъ оврагъ. Впослѣдствіи добрые люди, собравъ ихъ кости, похоронили на этомъ бугрѣ. А такъ какъ прошелъ слухъ, будто-бы каждый годъ ночью, на родительскую субботу, всѣ эти покойники встаютъ изъ могилъ и справляютъ сами по себѣ поминки, то это мѣсто, которое слыло прежде *Волчьимъ Оврагомъ*, прозвано теперь *Чертовымъ Беремищемъ*. Все это я разсказалъ тебѣ кой-какъ, а надобно послушать моего дядюшку: вотъ ужъ если онъ примется разсказывать эти народныя сказки и преданія, такъ есть чего послушать.

— Сказки! — повторилъ я съ нетерпѣніемъ. — Почему-же сказки? Охъ, вы умницы! Слушай васъ, такъ ничему вѣрить не станешь.

— Да неужели ты въ самомъ дѣлѣ вѣришь этимъ бреднямъ?

— Эхъ, братецъ! Да что мы знаемъ? Мы не видимъ далѣе своего носа, цѣлый вѣкъ играемъ въ жмурки, а говоримъ утвердительно: «это вздоръ! это быть не можетъ! это противно здравому смыслу!» А что такое нашъ здравый смыслъ? Сбивчивыя соображенія, темныя догадки, какой-то слабый свѣтъ, который иногда блеснетъ въ потемкахъ какъ будто-бы нарочно для того, чтобъ послѣ намъ еще сдѣлалось темнѣе. Не трудно говорить: «я не вѣрю этому!» — а прошу мнѣ доказать, почему и я не долженъ вѣрить тому, что кажется тебѣ невѣроятнымъ? Нѣтъ, Заруцкій, я еще не знаю, кто болѣе ошибается, тотъ-ли, кто вѣритъ всему безъ разбора, или тотъ, для котораго все то вздоръ, чего нельзя изъяснить одними физическими законами природы.

— Знаешь-ли, мой другъ, — прервалъ Заруцкій, — что ты непремѣнно понравишься моему дядѣ. Онъ,

такъ же какъ ты, готовъ разсердиться, если его станутъ увѣрять, что души умершихъ не являются никогда живымъ, и разскажетъ тебѣ сейчасъ двадцать случаевъ, доказывающихъ противное. Но вотъ ужъ коляска наша въѣхала на гору. Не знаю какъ ты, а я очень усталъ. Сядемъ!

Когда мы проѣхали дубовую рощу, то каменныя палаты Ивана Алексѣевича Асанова открылись намъ во всемъ своемъ угрюмомъ величіи. Они стояли посреди большого двора, заросшаго крапивою. Главный ихъ фасадъ, въ тридцать узкихъ оконъ, съ широкими простѣнками, тянулся поперекъ всего двора; парадный подъѣздъ съ тяжелымъ навѣсомъ, на четырехъ деревянныхъ столбахъ, былъ пристроенъ кърединѣ дома, позади котораго большой плодовый садъ спускался по отлогому скату до самаго Хопра; противъ самыхъ воротъ, на широкомъ лугу, стояла высокая каланча съ выкинутымъ флагомъ и огромными часами.

— Ого!—сказалъ Заруцкій, когда мы подъ громкій лай полдюжины датскихъ и легавыхъ собакъ въѣхали на дворъ, — да у дядюшки, видно, гости; дормезъ, бричка и, кажется—такъ точно! щегольская телѣжка Сердобскаго исправника. Тѣмъ лучше — намъ будетъ весело.

Двое дюжихъ лакеевъ не роскошно, но опрятно одѣтыхъ, приняли насъ изъ коляски. Мы вошли въ обширныя сѣни. Налѣво однѣ двери вели въ переднюю. направо, другими, вѣроятно, входили нѣкогда въ дѣвичью; но онѣ были заколочены и закладены кирпичами. (Прошу моихъ читателей замѣтить это обстоятельство). Пройдя бильярдную, столовую и двѣ гостиныя комнаты, изъ коихъ одна была оклеена китайскими обоями, мы встрѣтили въ дверяхъ росписанной боскетомъ диванной хозяина дома. — Здравствуй, Алексѣй, здравствуй, мой другъ! — закричалъ онъ, обнимая нѣсколько разъ сряду своего племянника.—Спасибо, что навѣстилъ старика, а я такъ-было по тебѣ встосковался, что хоть нарочнаго отправлять.

— Рекомендую вамъ, дядюшка,—сказалъ Зарудкій, подводя меня къ Ивану Алексѣевичу, — искренняго пріятеля. Мы съ нимъ давно уже не видались, хотя были нѣкогда неразлучными товарищами и въ Москвѣ въ пансіонѣ, и въ Петербургѣ въ казармахъ, и въ танцовальномъ классѣ Меранвиля, и въ походномъ балаганѣ подъ непріятелемъ, словомъ—вездѣ. Я давно съ нимъ не видался и, повстрѣчавъ его въ Сердобскѣ, рѣшился захватить съ собою и привезти къ вамъ.

— Милости просимъ!—сказалъ Иванъ Алексѣевичъ, протянувъ ласково ко мнѣ свою руку.—Кто съ моимъ Алексѣемъ побратался на ратномъ полѣ, тотъ всегда будетъ у меня дорогимъ гостемъ. Милости просимъ!

— Не помню, что я отвѣчалъ хозяину, а, кажется, ничего. Я такъ былъ пораженъ его почтенною наружностію, что позабылъ совершенно всѣ употребляемыя въ сихъ случаяхъ условныя фразы и вѣжливыя увѣренія, въ которыхъ почти всегда ни на волосъ нѣтъ правды. Представьте себѣ человѣка высокаго роста, лѣтъ шестидесяти пяти, въ форменномъ военномъ сюртукѣ временъ Екатерины II; вообразите румяное лицо и черные съ просѣдью волосы, высокій, покрытый морщинами лобъ и ясные, исполненные веселости и радушія глаза; величественную осанку лихого полкового командира, котораго самъ Суворовъ прозвалъ чудо-богатыремъ, и кроткую простодушную улыбку, не сходящую съ привѣтливыхъ устъ, осѣненныхъ парою густыхъ усовъ, о которыхъ, вѣроятно, въ старину не разъ толковали межъ собой миловидныя полячки. Въ жизнь мою я не видывалъ старика съ такой привлекательной наружностію и, признаюсь, ни мало бы не удивился, еслибъ какая-нибудь красавица призадумалась, когда-бъ ей дали на выборъ: или быть его женою, или назвать его своимъ отцомъ.

— Не угодно ли ко мнѣ въ кабинетъ? — сказалъ онъ,—ты найдешь тамъ старыхъ знакомыхъ, Алексѣй. Да прошу покорно не отставать, — продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ, — а не то какъ разъ заплутаетесь.

У меня въ саду нѣтъ лабиринта; но за то въ домѣ, какъ въ траншеяхъ, такіе зигзаги и апроши, что и толку не доберешься.

— Въ самомъ дѣлѣ, мы выходили изъ комнаты въ комнату, прошли двумя темными корридорами, то подымались нѣсколько ступеней кверху, то спускались внизъ, и, наконецъ, пройдя мимо желѣзныхъ дверей кладовой, помѣщенной въ круглой башнѣ, — которая, какъ говорится, ни къ селу, ни къ городу, была прилѣплена къ лѣвому углу дома,—вошли еще въ одинъ корридоръ, въ концѣ котораго слышны были голоса разговаривающихъ.—Тутъ была въ старину дѣвичья,— сказалъ Иванъ Алексѣевичъ, подходя къ полурастворенньмъ дверямъ:—но такъ какъ я человѣкъ холостой, то и разсудилъ закласть въ ней однѣ двери и сдѣлать изъ нея мой кабинетъ: зимою эта комната всѣхъ теплѣе и суше. Милости просимъ!

Судя по величинѣ и первобытному значенію покоя, въ который мы вошли, не трудно было отгадать, что у прежняго помѣщика была большая дворня, и что, вѣроятно, въ ней женскихъ душъ было болѣе мужскихъ. Четыре окна, обращенныя на задній дворъ, занимали одну изъ стѣнъ ея; на остальныхъ были нарисованы сцены изъ жизни Суворова. Правду сказать; живопись была не отличная, и, взглянувъ на нее, я невольно вспомнилъ *маляра Ефрема*, о которомъ безсмертный пѣвецъ Ермака сказалъ когда-то, что онъ имѣлъ чудесный даръ, и что кисть его:

«. . . . всегда надъ смертными играла:
Архипа Сидоромъ, Кузьму Лукой писала».

На одной стѣнѣ Суворовъ представленъ былъ въ лѣсу спящимъ на соломѣ, посреди казачьихъ биваковъ; у него вовсе не было шеи, но за то такія длинныя ноги, что если бы онъ проснулся и всталъ, то, конечно, могъ бы облокотиться на вершину толстаго дуба, подъ тѣнью котораго покоился. На противоположной стѣнѣ тотъ же самый Суворовъ представленъ

былъ въ минуту сдачи Краковскаго замка. Онъ стоялъ, вытянувшись какъ струнка и оборотясь лицомъ къ толпѣ поляковъ съ преогромными усами. Нѣсколько французскихъ офицеровъ, поджарыхъ и тщедушныхъ, изображены были съ поникнутыми главами, а передъ всей толпою, комендантъ замка, щеголеватый Шуазье, распудренный и выгнутый зеломъ, отдавалъ побѣдителю свою шпагу, съ такимъ же точно сентиментальнымъ видомъ, съ какимъ театральный пастушокъ, ставъ въ четвертую позицію, подаетъ букетъ розановъ своей размалеванной пастушкѣ. На третьей стѣнѣ изображено было взятіе Измаила; разумѣется, всѣ убитые были турки, а поле сраженія усыпано чалмами, между которыми не валялось ни одной гренадерской шапки. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ была задѣлана дверь, ведущая въ сѣни, стоялъ шкапъ съ библіотекою хозяина. Въ простѣнкахъ межъ окнами висѣли турецкія пистолеты, ятаганы, польскія сабли и прочіе домашніе трофеи военныхъ подвиговъ Ивана Алексѣевича Асанова. Въ одномъ углу стоялъ пукъ черешневыхъ чубуковъ съ глиняными раззолоченными трубками и янтарными мундштуками; въ другомъ, по обѣимъ сторонамъ широкаго камина, висѣло нѣсколько охотничьихъ одинакихъ и двухствольныхъ ружей, ягташей, пороховыхъ рожковъ и патронницъ, а кругомъ всѣхъ стѣнъ устроены были спокойные диваны, обитые шерстяной турецкой матеріею.

— Когда мы вошли въ кабинетъ, четверо гостей, въ числѣ которыхъ былъ и Сердобскій исправникъ, трудились, въ потѣ лица и наблюдая торжественное молчаніе, вокругъ стола, на которомъ поставленъ былъ сытный завтракъ. Послѣ первыхъ привѣтствій и дружескихъ восклицаній, Заруцкій сталъ знакомить меня съ гостями своего дяди. Первый, къ которому онъ меня подвелъ, Антонъ Өедоровичъ Кольчугинъ, показался мнѣ съ перваго взгляда старикомъ лѣтъ семидесяти; но когда я поразглядѣлъ его хорошенько, то увѣрился, что, несмотря на впалыя его щеки, выдав-

шійся впередъ подбородокъ и сѣдые какъ снѣгъ усы, онъ моложе хозяина. Прагскій золотой крестъ въ петлицѣ ясно доказывалъ, что онъ былъ нѣкогда, если не сослуживцемъ, то по крайней мѣрѣ современникомъ Ивана Алексѣевича. Второй, Прохоръ Кондратьичъ Черемухинъ, человѣкъ лѣтъ сорока пяти, толстый, рябой, съ широкими свѣтлорусыми бакенбардами, съ маленькими блестящими глазами и съ такой смѣющейся и веселой физіономіею, что, глядя на него, и плакса Гераклитъ (если только онъ существовалъ въ самомъ дѣлѣ, а не былъ выдуманъ для антитезы и риѳмы къ Демокриту) едва-ли бы удержался отъ смѣха. Съ третьимъ гостемъ, исправникомъ Сердобскимъ, я былъ уже знакомъ; но его не знаютъ мои читатели, а посему я не излишнимъ полагаю сказать и о немъ нѣсколько словъ. Онъ былъ малый образованный, служилъ штабсъ-ротмистромъ въ одномъ армейскомъ гусарскомъ полку, вышелъ за ранами въ отставку и, выбранный дворянами, изъ отличнаго эскадроннаго командира сдѣлался, какъ говорится, лихимъ капитанъ-исправникомъ. Всѣ помѣщики его любили, казенные крестьяне молились за него Богу, а воры, плуты и пьяницы боялись какъ огня. Говорятъ (я повторяю то, что слышалъ), что будто-бы онъ не бралъ даромъ и клока сѣна и не съѣдалъ курицы у мужика, не заплатя за нее по справочной цѣнѣ; что засѣдатели его не таскали за бороду для своей забавы выборныхъ, и даже канцелярскіе служители нижне-земскаго суда пили на слѣдствіяхъ вино только тогда, когда имъ подносили его добровольно.

Познакомивъ моихъ читателей съ обществомъ, въ которомъ я провелъ нѣсколько дней самымъ пріятнымъ образомъ, я долженъ сказать, что въ первый день моего пріѣзда въ деревню Ивана Алексѣевича погода начала портиться; къ вечеру небеса нахмурились и полился не лѣтній, крупный и спорный дождь, но мелкій и дробный; онъ вскорѣ превратился въ безконечную осеннюю изморозь, отъ которой и васъ, любезные чи-

татели, подчасъ брала тоска, а особливо если она захватывала васъ среди полей, когда желтый листъ валится съ деревьевъ, а порывистый вѣтеръ гудитъ по лѣсу и завываетъ, какъ зловѣщій филинъ, въ трубахъ вашего деревенскаго дома. Дѣлать было нечего; нельзя было ни ходить съ ружьемъ на охоту, ни кататься въ лодкѣ по Хопру; конечно, можно было ѣздить по *черностопу* за зайцами; но для этого надобно было страстно любить псовую охоту, а изо всего нашего общества одинъ Заруцкій ѣзжалъ иногда съ борзыми, но и тотъ любилъ охотиться или по первозимью въ хорошую порошу, или въ ясный осенній день, въ *узеру;* а ѣздить съ утра до вечера съ гончими, въ дождь и слякоть для того, чтобъ затравить какого-нибудь несчастнаго *бѣляка*, казалось ему вовсе не забавнымъ. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобъ мы были безъ всякаго занятія: днемъ мы пили чай, завтракали, обѣдали, играли на бильярдѣ и читали журналы. Иванъ Алексѣевичъ выписывалъ не только «Петербургскія Вѣдомости», но почти всѣ періодическія изданія, которыя въ то время выходили въ обѣихъ столицахъ. Разумѣется, мы охотнѣе всего читали «Московскій Вѣстникъ», прославленный первымъ своимъ издателемъ, но отъ нечего дѣлать перелистывали и «Московскаго Курьера», зѣвали надъ «Петербургскимъ Любителемъ Словесности», трогались чувствительнымъ слогомъ «Московскаго Зрителя» и удивлялись разнообразію «Собесѣдника», который только что появился въ свѣтъ, съ затѣйливымъ названіемъ: «Повѣствователя мыслей, въ вечернее время упражняющихся въ своемъ кабинетѣ писателей, разсказывающаго повѣсти, анекдоты, стихотворенія, а *временемъ и критику*». — Часу въ седьмомъ послѣ обѣда мы обыкновенно сбирались всѣ въ кабинетъ къ хозяину, садились кругомъ пылающаго камина и вплоть до самаго ужина проводили время, разговаривая межъ собою. Такъ какъ Иванъ Алексѣевичъ почти всегда управлялъ общимъ разговоромъ, то предметомъ онаго были по большей части разсказы о необыкновенныхъ

случаяхъ въ жизни, о привидѣніяхъ, дьявольскомъ навожденіи; словомъ, обо всемъ томъ, что не могло быть истолковано естественнымъ образомъ. Вниманіе, съ которымъ слушали всѣ эти разсказы, ясно доказывало, что никто не сомнѣвался въ ихъ истинѣ. Одинъ только Заруцкій улыбался иногда вовсе не впопадъ; но никто не замѣчалъ этого, и даже весельчакъ Черемухинъ, хотя потихоньку съ нимъ перемигивался и шепталъ ему что-то на ухо, вслухъ божился, что вѣритъ безъ разбору всѣмъ страшнымъ исторіямъ, потому, дескать, что его самого однажды давилъ цѣлую ночь домовой.

Разсказы и повѣсти, которые я слышалъ въ послѣдній вечеръ, проведенный мною у Ивана Алексѣевича, показались мнѣ столь любопытными, что я съ величайшей точностію записалъ ихъ въ моемъ дорожномъ журналѣ. Боясь прослыть суевѣромъ, невѣждою и человѣкомъ *отсталымъ*, я до сихъ поръ не смѣлъ напечатать моихъ записокъ; но когда увидѣлъ, что съ нѣкотораго времени исторіи о колдунахъ и похожденія мертвецовъ сдѣлались любимымъ чтеніемъ нашей публики, то рѣшился, наконецъ, выдать ихъ въ свѣтъ. Не смѣю обѣщать моимъ читателямъ, что они прочтутъ ихъ съ удовольствіемъ, или хотя безъ скуки; но твердо и непоколебимо стою за истину моихъ разсказовъ. — Да, почтенные читатели! рѣшительно повторяю: что есть *Русскія Исторіи*, которыя несравненно болѣе походятъ на сказки, чѣмъ эти были и преданія, основанныя на вѣрныхъ и неподлежащихъ никакому сомнѣнію *фактахъ*.

Вѣтеръ бушевалъ по лѣсу, — мелкій дождь, какъ сквозь частое сито, лился на размокшую землю. Еще на деревянной каланчѣ не пробило и шести часовъ, а на дворѣ ужъ было такъ темно, что хоть глазъ выколи. Мы всѣ собрались въ кабинетъ. Хозяинъ, Кольчугинъ, исправникъ и я сидѣли вокругъ пылающаго камелька, а Заруцкій и Черемухинъ расположились преспокойно на широкомъ диванѣ и, куря молча свои

трубки, наслаждались въ полномъ смыслѣ симъ моральнымъ и физическимъ бездѣйствіемъ, которое итальянцы называютъ: Far niente.

— Ну, погодка!—сказалъ, наконецъ, Кольчугинъ, прислушиваясь къ вою вѣтра.—Хоть кого тоска возьметъ.

— И, полно, братецъ!—прервалъ Иванъ Алексѣевичъ.—Да это-то и весело. Что можетъ быть пріятнѣе, какъ сидѣть въ ненастный осенній вечеръ съ хорошими пріятелями противъ комелька, курить спокойно свою трубку и, поглядывая на плотно затворенныя окна, думать: «вой себѣ, вѣтеръ: лейся, дождь! бушуй, непогода! а мнѣ и горюшки мало!»—Что и говорить! уменъ тотъ былъ, кто первый вздумалъ строить дома.

— И дѣлать въ нихъ камины,—прибавилъ исправникъ, подвигаясь къ комельку.

— Не равенъ домъ, господа,—сказалъ Кольчугинъ, вытряхивая свою пѣнковую трубку, — и не въ такую погоду не усидишь въ иномъ домѣ. Я самъ однажды въ сильную грозу и проливной дождикъ рѣшился лучше провести ночь подъ открытомъ небомъ, чѣмъ въ комнатѣ, въ которой было такъ же тепло и просторно, какъ въ этомъ покоѣ.

— А что?—спросилъ исправникъ,—видно, хозяева были тебѣ не очень рады?

— Ну, нѣтъ! Одинъ хозяинъ обошелся со мною довольно ласково, да отъ другого-то мнѣ туго пришлось; хоть и онъ также хотѣлъ меня угощать, только угощенье-то его было мнѣ вовсе не по-сердцу.

— Вотъ что! — сказалъ Иванъ Алексѣевичъ; — да это, видно, братъ, цѣлая исторія.

— Да, любезный, такая исторія, — продолжалъ Кольчугинъ, набивая снова свою трубку,—что у меня и теперь, лишь только вспомню объ этомъ, такъ волось дыбомъ и становится.

— Что вы это говорите!—вскричалъ Заруцкій,— Антонъ Ѳедоровичъ! Помилуйте! Вы человѣкъ воен-

ный, служили съ Суворовымъ, а признаетесь, что чего-то струсили.

— Да, батюшка, не прогнѣвайтесь! Посмотрѣли бы мы вашей удали. Нѣтъ, Алексѣй Михайловичъ, вѣдь это не что другое; поставь меня хоть теперь противъ непріятельской батареи, видитъ Богъ, не струшу!—а вотъ какъ гдѣ замѣшается нечистая сила, такъ ужъ тутъ, воля ваша, и вы, батюшка, немного нахрабритесь; сатана не пушка, на него не полѣзешь.

— Ого!—сказалъ Черемухинъ, перемигнувшись съ Заруцкимъ,—такъ въ вашей исторіи и черти водятся?

— Смѣйтесь, батюшка, смѣйтесь! — продолжалъ Кольчугинъ. — Я знаю, вы человѣкъ начитанный, ничему не вѣрите. .

— Кто? Я?—прервалъ Черемухинъ.—Что вы, батюшка Антонъ Ѳедоровичъ, перекреститесь!

— Добро, добро! прикидывайтесь!—Вотъ мы такъ люди не ученые; чему вѣрили отцы наши и дѣды, тому и мы вѣримъ.

— Да какъ же, братецъ, — сказалъ хозяинъ,—ты мнѣ никогда объ этомъ не разсказывалъ?

— А такъ, къ слову не пришлось. Пожалуй, теперь разскажу. Дай-ка, батюшка Иванъ Алексѣевичъ, огоньку!.. Спасибо, любезный!

Всѣ придвинулись поближе къ разсказчику, и даже Заруцкій съ Черемухинымъ встали съ дивана и усѣлись подлѣ на стульяхъ. Антонъ Ѳедоровичъ Кольчугинъ раскурилъ трубку, затянулся, выпустилъ изъ-подъ своихъ сѣдыхъ усовъ цѣлую тучу табачнаго дыму и началъ:

ПАНЪ ТВАРДОВСКІЙ.

Это было въ 1772 году, вскорѣ по взятіи Краковскаго замка, который, сказать мимоходомъ, вовсе не такъ здѣсь намалеванъ,—промолвилъ разсказчикъ, указывая на одну изъ стѣнъ кабинета.—Ну, да дѣло не о томъ. Хотя Суворовъ не былъ еще тогда ни графомъ, ни княземъ, но объ немъ ужъ начинали шибко

поговаривать во всей арміи. Онъ стоялъ съ своимъ небольшимъ корпусомъ лагеремъ близъ Кракова, наблюдая издали за Тиницемъ и Ландскрономъ. Астраханскій гренадерскій полкъ, въ которомъ я имѣлъ честь служить полковымъ адъютантомъ, принадлежалъ къ этому обсерваціонному корпусу. Нашъ полковой командиръ былъ человѣкъ добрый, отлично храбрый и настоящій русскій хлѣбосолъ. Почти всѣ штабъ и оберъ-офецеры каждый день у него обѣдали, и кому надобны были деньги, тотъ шелъ къ нему прямо, какъ въ Опекунскій Совѣтъ. Но вотъ что было худо: нашъ полковой командиръ былъ женатъ, и это бы еще не бѣда, да жена-то у него была такая нравная, что и Боже упаси!

— Такъ чтожъ?—прервалъ Заруцкій;—тѣмъ хуже для мужа; а офицерамъ-то какое до этого дѣло?

— Какое дѣло!—повторилъ Кольчугинъ.—Эхъ, сударь! время на время не приходитъ. Нынче послѣ полкового начальника первый въ полку человѣкъ старшій баталіонный командиръ; а у насъ бывало, коли полковникъ женатъ, такъ второй человѣкъ въ полку полковница; а если она бойка, да хоть мало-мальски маракуетъ въ военномъ дѣлѣ, такъ и всѣмъ полкомъ заправляетъ. То-то и есть, батюшка! нынче вѣкъ, а то былъ другой. Я ужъ вамъ докладывалъ, что нашъ полковникъ былъ человѣкъ храбрый, не боялся ни пуль, ни ядеръ, а передъ женою своей трусилъ. Она была женщина дородная, видная, бѣлолицая, румяная... а удаль-то какая... голосина какой!.. ахъ, ты Господи Боже мой!.. что и говорить: городъ барыня! Не знаю, потому-ли, что она любила своего мужа, или потому, что была очень ревнива, только никогда отъ него не отставала: мы въ походъ—и она въ походъ. Въ то время, какъ нашъ полкъ стоялъ лагеремъ, она жила въ Краковѣ, и хоть могла часто видѣться съ своимъ мужемъ, но рѣшилась наконецъ совсѣмъ къ нему переѣхать. Нашему полковому командиру это не вовсе было [illegible] вѣдь дѣлать-то нечего—хоть не радъ,

да будь готовъ. Палатку перегородили, надѣлали въ ней клѣтушекъ, а изъ самаго-то большаго отдѣленія, гдѣ бывало мы всѣ бражничали съ нашимъ командиромъ, сдѣлали спальню и поставили широкую кроватъ съ розовымъ атласнымъ пологомъ. Я думаю, господа, вы всѣ знаете, что Суворовъ не очень жаловалъ барынь, а особливо когда онѣ жили въ лагерѣ и мѣшались не въ свои дѣла; да онъ былъ еще тогда только что генералъ-маіоромъ, связей никакихъ не имѣлъ; а наша полковница происходила отъ знатной фамиліи и родные ея были въ большомъ ходу при дворѣ. Другой бы на его мѣстѣ похмурился, похмурился, да на томъ бы и съѣхалъ; а нашъ батюшка, Александръ Васильевичъ, и не хмурился, а выжилъ полковницу изъ лагеря. И теперь безъ смѣха вспомнить не могу. Экій проказникъ, подумаешь! Уменъ былъ, дай Богъ ему царство небесное! Когда мы вышли въ лагерь, онъ отдалъ приказъ по всему корпусу, что если пустятъ одну сигнальную ракету, то войскамъ готовиться къ походу; по второй—строиться передъ лагеремъ; по третьей снимать палатки; а по четвертой—выступать. Онъ не любилъ, чтобъ солдаты у него дремали, и потому частехонько дѣлалъ фальшивыя тревоги то днемъ, то ночью. Бывало пустятъ ракету, тамъ другую; Суворовъ объѣдетъ весь лагерь, поговоритъ съ полковниками, пошутитъ съ офицерами, побалагуритъ съ солдатами, да тѣмъ дѣло и кончится. Вотъ этакъ съ недѣлю погода стояла все ясная; вдругъ однажды, послѣ знойнаго дня, ночью, часу въ одиннадцатомъ, заволокло все небо тучами, хлынулъ проливной дождь, застучалъ громъ и пошла такая потѣха, что мы свѣта Божьяго не взвидѣли. Я на ту пору былъ за приказаніями у полковника. Жена его боялась грома, и чтобъ не такъ была видна ей молнія, забралась на постель и задернулась пологомъ, однакожъ не спала. Лишь только я вышелъ изъ палатки, чтобъ итти домой—глядь!.. эге! сигнальная ракета. Я назадъ, докладываю полковнику.—Какъ?—закричала барыня, которая сквозь хол-

стинную перегородку вслушалась въ мои слова;—да что вашъ полоумный генералъ вовсе что-ль рехнулся? Въ такую бурю тревожить весь лагерь!—Успокойся, Варенька!—сказалъ полковникъ:—вѣдь это фальшивая тревога; можетъ статься и второго сигнала не будетъ. А межъ тѣмъ вели сѣдлать мою лошадь,—прибавилъ онъ шепотомъ, обращаясь ко мнѣ.—Кто его знаетъ! Да чтобъ люди были готовы.—Я побѣжалъ исполнить его приказанія и вотъ гляжу, минутъ черезъ десять зашипѣла вторая ракета; люди въ полной аммуниціи высыпали изъ палатокъ и начали строиться, прошло еще минутъ пять. Чу! третья! Вотъ - те разъ... Суворовъ шутить любилъ, да только не службою, да и народъ-то былъ у насъ такой наметанный, что и сказать нельзя! Закипѣло все по лагерю, въ полмига веревки прочь, колья вонъ и по всѣмъ линіямъ ни одной палатки не осталось. Взвилась четвертая ракета, авангардъ выступилъ, за нимъ тронулся весь корпусъ и мы потянулись по дорогѣ къ Ландскрону. Ну, господа! не всякому удастся видѣть такую диковинку. Пока бѣгали въ обозъ, пока заложили коляску, прошло съ полчаса, и во все это время... вспомнить не могу!.. то-то было смѣху-то!.. Представьте себѣ, ночью въ чистомъ полѣ, подъ открытымъ небомъ— двуспальная кровать съ розовымъ атласнымъ пологомъ. А дождь-то, дождь—такъ ливмя и льетъ!—Ну! присмирѣла наша строгая командирша! Господи Боже мой!.. Растрепало ее, сердечную, дождемъ, намокла она, матушка наша, словно грецкая губка! Куда вся удаль дѣвалась! Вотъ отвезли ее кой-какъ назадъ въ Краковъ, а корпусъ, отойдя версты двѣ, остановился опять лагеремъ; и я въ жизнь мою никогда не видывалъ, чтобъ кто-нибудь бѣсился такъ, какъ взбѣленилась полковница, когда на другой день проказникъ Суворовъ прислалъ къ ней своего адъютанта узнать о здоровьи.

— Ай да батюшка Александръ Васильевичъ!—вскричалъ съ громкимъ хохотомъ хозяинъ,—что и говорить, молодецъ!

— Да, это очень забавно,—сказалъ Черемухинъ,— только позвольте, Антонъ Ѳедоровичъ, рѣчь, кажется, была о сатанѣ...

— А жена-то полковника?—прервалъ Заруцкій.

— Да это другое дѣло; я говорю о нечистой силѣ.

— Постойте, батюшка,—продолжалъ Кольчугинъ,— дойдетъ и до этого дѣло. Дня черезъ два, какъ полковница совсѣмъ ужъ обсохла, пошли у нея новыя затѣи. Жить опять въ лагерѣ она боялась, а въ Краковѣ остаться не хотѣла. Толковали, толковали, и рѣшили на томъ, чтобъ сыскать для нея какой-нибудь загородный панскій домъ или мызу поближе къ лагерю. Вѣстимо дѣло, кому хлопотать, какъ не адъютанту; вотъ я и отправился съ утра осматривать всѣ дачи по дорогѣ къ Ландскрону и Тиницѣ. Выбрать было не легко: наша причудливая командирша хотѣла и большой домъ, и обширный садъ, и чтобъ никого не было живущихъ, и то и се. Цѣлый день я проѣздилъ по дачамъ; измучилъ своего куцаго коня, да и горскій жеребецъ подъ казакомъ, который ѣздилъ за мною, на-силу ужъ ноги волочилъ. Мы на одной мызѣ позавтракали, на другой пообѣдали, и когда стали пробираться назадъ въ лагерь, то ужъ день клонился къ вечеру; пока еще заря не вовсе потухла, мы проѣхали верстъ пять. На дворѣ становилось все темнѣе и темнѣе, вдали сверкала молнія, а надъ нами такъ затучило, что, когда мы поѣхали лѣсомъ, такъ въ двухъ шагахъ ничего не было видно. Сначала мы кое-какъ потащились впередъ, но вдругъ дорога по лѣсу какъ будто-бъ сдвинулась, начало насъ похлестывать сучьями, и лошади, наѣзжая на колоды и пеньки, то и дѣло что спотыкались.— Охъ, плохо, ваше благородіе!—пробормоталъ мой казакъ;—никакъ мы заплутались.

— Видно что такъ, Ермиловъ,—сказалъ я,—приподымая на поводу моего куцаго, который въ третій уже разъ падалъ на оба колѣна.

— Вотъ и дождикъ накрапываетъ,—продолжалъ казакъ:—кабы Богъ помогъ намъ до грозы наткнуться

на какое-нибудь жилье... Постойте-ка, ваше благоро діе! кажись, вонъ тамъ направо лаетъ собака.

Въ самомъ дѣлѣ, недалеко отъ насъ послышался громкій лай; мы поѣхали прямо на него и черезъ нѣсколько минутъ выбрались на широкую, обсаженную березами дорогу, въ концѣ которой что-то бѣлѣлось и мелькалъ огонекъ.

— Кажись, это панская мыза,—прошепталъ Ермиловъ;—ну, слава Тебѣ, Господи! нашли пріютъ.

— Постойка-ка, братъ,—сказалъ я,—чтобъ намъ не заплатить дорого за ночлегъ: вѣдь мы не у себя, не на святой Руси. Чай, польскіе-то паны не больно насъ жалуютъ; хорошо у нихъ останавливаться съ командой или днемъ на большой дорогѣ; а ночью и въ такомъ захолустьи... долго-ли до грѣха! Уходятъ насъ, да и концы въ воду.

— А что? чего добраго, ваше благородіе!—прервалъ казакъ, почесывая въ головѣ;—вѣдь насъ только двое... Да куда-же намъ дѣваться?

— Погоди, Ермиловъ,—сказалъ я,—надобно подняться на штуки. Я скажу хозяевамъ, что присланъ квартиръеромъ занять эту мызу для полковой квартиры, и что завтра чѣмъ-свѣтъ придетъ сюда первая рота нашего полка.

— И впрямь, ваше благородіе!—подхватилъ казакъ:—пугнемте-ка ихъ постоемъ, такъ дѣло будетъ лучше. Коли они станутъ думать, что мы нарочно къ нимъ пріѣхали, и что завтра нагрянетъ къ нимъ цѣлая рота гренадеръ, такъ ужъ вѣрно никто не посмѣетъ и волосомъ насъ обидѣть.

Разговаривая такимъ образомъ, мы подъѣхали къ высокому забору, позади котораго, среди широкаго двора, стоялъ каменный домъ въ два этажа, съ круглыми башнями по угламъ. Въ одномъ углу свѣтился огонекъ; ни одной души не было видно ни на дворѣ, ни въ домѣ; все было тихо, какъ въ глубокую полночь, и только лаяла одна цѣпная собака. Ворота были не заперты; мы подъѣхали къ дому; я слѣзъ съ коня,

вошелъ въ сѣни... никого. Прямо передо мной лѣстница вверхъ. Я началъ по ней взбираться; сабля моя такъ стучала по каменнымъ ступенькамъ, что, казалось, можно-бы было за версту меня слышать. Взойдя на лѣстницу, я пріостановился—все тихо. Кой чортъ!—подумалъ я:—неужели въ этомъ домѣ нѣтъ никого, кромѣ цѣпной собаки? Проведя рукою по стѣнѣ, я ощупалъ дверь, толкнулъ, она растворилась; вхожу—опять никого. Холодно, сыро, вѣтеръ воетъ, въ окнахъ нѣтъ рамъ. Вотъ что! Эта часть дома не достроена; но гдѣже свѣтился огонекъ? Кажется, лѣвѣе. Я вышелъ опять къ лѣстницѣ, прошелъ вдоль стѣны—еще двери; отворилъ. Ну! попалъ, наконецъ, на жилые покои! Въ небольшой комнаткѣ, слабо освѣщенной сальнымъ огаркомъ, двое слугъ играли въ карты, а третій спалъ на скамьѣ. Въ ту самую минуту, какъ я вошетъ въ этотъ покой, мнѣ послышался вдали довольно внятный говоръ, какъ будто-бы отъ многихъ людей, съ жаромъ между собой разговаривающихъ. Но лишь только одинъ изъ игравшихъ въ карты слугъ, увидя меня, ушелъ во внутреннія комнаты, то вдругъ все утихло.—Какъ зовутъ эту мызу?—спросилъ я у слуги, который остался въ передней.

— Эту мызу?—сказалъ—онъ, глядя на меня такъ нахально, что я невольно смутился и не вдругъ повторилъ мой вопросъ.

— Ее зовутъ Бьялый Фолваркъ,—отвѣчалъ, наконецъ, слуга, продолжая смотрѣть мнѣ прямо въ глаза.

— А какъ зовутъ хозяина?.. Да отвѣчай-же, животное, когда тебя спрашиваютъ!—продолжалъ я, возвысивъ голосъ и подойдя къ нему поближе.

Слуга попятился назадъ, и, взглянувъ на своего спящаго товарища, пробормоталъ:—Моего пана зовутъ—Янъ Дубицкій... Гей, Казиміръ!

— Ну, такъ и есть!—сказалъ я,—на силу-же мы отыскали вашу мызу. Веди меня къ хозяину.

— Почекай панъ! Гей, Казиміръ!

Третій слуга, который спалъ на скамьѣ, вскочилъ

и, увидя передъ собой русскаго офицера, закричалъ: «цо то есть?.. Москаль!»

— Сойди-ка, братъ, внизъ,—сказалъ я,—стараясь казаться спокойнымъ,—тамъ стоитъ казакъ...

— Казакъ?—вскричалъ полусонный лакей:—одинъ казакъ?

— Покамѣстъ одинъ, а скоро будетъ много. Возьми у него лошадей, отведи ихъ въ конюшню, а ему вели взойти сюда.

Слуга не торопился исполнить мое приказаніе; онъ поглядывалъ, какъ шальной, то на меня, то на своего товарища, а не трогался съ мѣста.

— Ну, чтожъ ты глаза-то выпучилъ, дурень?— закричалъ я повелительнымъ голосомъ: — иль не слышишь? Пошелъ! да смотри, чтобъ лошади были сыты!

Слуга, пробормотавъ себѣ что-то подъ-носъ, вышелъ вонъ, и въ то-же время лакей, который ходилъ обо мнѣ докладывать, растворивъ дверь, пригласилъ меня въ гостиную. Пройдя небольшую столовую, я вошелъ въ комнату, довольно опрятно убранную и освѣщенную двумя восковыми свѣчами. Въ одномъ углу приставлено было къ стѣнѣ нѣсколько сабель и съ полдюжины *конфедератокъ* валялось по стульямъ и окнамъ комнаты. Хозяинъ, человѣкъ лѣтъ пятидесяти, съ предлинными усами, съ подбритой головой, въ синемъ контушѣ и желтыхъ сапожкахъ, принялъ меня со всею важностію польскаго магната. Развалясь небрежно на канапе, онъ едва кивнулъ мнѣ головою и показалъ молча на табуретку, которая стояла отъ него шагахъ въ пяти.—Ахъ, чортъ возьми! вся кровь во мнѣ закипѣла; я позабылъ, что положеніе мое было вовсе незавидное; въ эту минуту я думалъ только о томъ, что имѣю честь носить русскій мундиръ и служить въ Астраханскомъ гренадерскомъ полку капитаномъ. Не отвѣчая на его обидный поклонъ, я оттолкнулъ ногою табуретку, усѣлся подлѣ него на канапе, и, вытащивъ изъ кармана кисетъ съ табакомъ, принялся, не говоря ни слова, набивать мою трубку. Казалось, это нецере-

ціонное обращеніе смутило нѣсколько хозяина; помолчавъ нѣсколько времени, онъ спросилъ довольно вѣжливо, откуда я ѣду.

— Изъ лагеря,—отвѣчалъ—я, продолжая набивать мою трубку.

— И вѣрно панъ... панъ поручикъ...

— Капитанъ,—прервалъ я,—кинувъ гордый взглядъ на хозяина.

— Препрошу!.. вѣрно панъ капитанъ заплутался въ этомъ лѣсу?

— Нѣтъ! я прямо сюда ѣхалъ.

— Сюда?—повторилъ хозяинъ съ примѣтнымъ безпокойствомъ.

— Да,—продолжалъ я, раскуривая спокойно мою трубку;—вѣдь эту мызу зовутъ Бьялый Фолваркъ?

— Такъ.

— А васъ паномъ Дубицкимъ?

— Такъ есть.

— Я присланъ сюда квартирьеромъ; у васъ назначена полковая квартира Астраханскаго гренадерскаго полка.

— Полковая квартира!—вскричалъ панъ, спрыгнувъ съ канапе.

— Да; завтра чѣмъ-свѣтъ, а можетъ быть и сегодня ночью, придетъ сюда первая рота нашего полка. Да садитесь, панъ Дубицкій... прошу покорно!

Тутъ взглянулъ я на моего хозяина: вытянувшись въ струнку, онъ стоялъ передо мной, какъ листъ передъ травой, и на лицѣ его происходили такія эволюціи, что я чуть было не лопнулъ со смѣху; огромные усы шевелились, глаза прыгали изъ стороны въ сторону, а хохолъ на головѣ стоялъ почти дыбомъ.

— Да взмилуйся, панъ капитанъ, — завопилъ онъ, наконецъ,—куда дѣвать мнѣ цѣлую роту?

— Найдемъ для всѣхъ мѣсто.

— Но разсудите сами...

— Эхъ, панъ Дубицкій!—прервалъ я, развязывая шарфъ и снимая мою саблю, — военные люди не раз-

суждаютъ; дѣлай то, что приказано, вотъ и все тутъ.

— Іезусъ-Марія!—продолжалъ хозяинъ;—помѣстить цѣлую роту!.. Да якимъ же способомъ?.. Я самъ съ больной моей женой живу только въ трехъ комнатахъ.

— Полно, такъ ли?—сказалъ я,—домъ-то, кажется, у васъ великъ.

— Якъ пана Бога кохамъ! ну мало ли мызъ и лучше и просторнѣе моей? и кому въ голову пришло...

— А вотъ,—прервалъ я,—панъ Дубицкій, какъ мы выпьемъ съ вами по рюмкѣ венгерскаго, такъ я скажу, кому пришло въ голову занять вашу мызу.

— За-разъ, панъ, за-разъ!—Эй, хлопецъ!

— Не безпокойтесь!—сказалъ я, подходя къ столу, на которомъ стояли двѣ бутылки вина и нѣсколько порожнихъ и налитыхъ рюмокъ, — съ насъ будетъ и этого. До васъ—пана!

Хозяинъ примѣтнымъ образомъ смѣшался, и когда вошелъ слуга, то онъ, пошептавъ ему что-то на ухо, сказалъ, обращаясь ко мнѣ:—Въ самомъ дѣлѣ, а я было совсѣмъ забылъ, что пробовалъ сейчасъ съ моимъ экономомъ это вино, которое вчера купилъ въ Краковѣ. Ну, что вы о немъ скажете?

— Славное вино! Настоящее венгерское! Ну, панъ Дубицкій,—продолжалъ я, выпивъ еще рюмку,—теперь я вамъ скажу, кому пришло въ голову занять вашу мызу. Полковая квартира простоитъ у васъ день, много два; но наша полковница останется у васъ жить, и надолго-ли,—этого сказать вамъ не могу. Ей въ Краковѣ такъ много наговорили хорошаго объ этой мызѣ, что она хочетъ непремѣнно у васъ погостить.

— Барзо дзинкую за гоноръ!—сказалъ хозяинъ;— но я желалъ бы знать, кто расхвалилъ вашей полковницѣ Бьялый Фолваркъ? Ужъ вѣрно злодѣи мои: панъ Маршалокъ, панъ Замборскій, панъ Клановичъ... Нѣхъ ихъ вшисцы, дьябли везмо!

— А чтожъ? мнѣ кажется, они говорили правду.

— Да будь же ласковъ! взмилуйся, панъ капитанъ!—

вскричалъ отчаяннымъ голосомъ хозяинъ.—Гдѣ будетъ жить ваша полковница? Во всемъ верхнемъ этажѣ отдѣланы только три комнаты, въ которыхъ я самъ коекакъ помѣщаюсь. Конечнно, внизу покоевъ довольно, но я не знаю, можно ли будетъ и вамъ въ нихъ ночевать.

— А почему же нѣтъ?

— Эхъ, мось пане добродзѣю! То карабоска есть; дали Букъ, такъ! Я и самъ, лишь только женѣ моей будетъ получше, переѣду въ Краковъ, и ужъ вѣрно этотъ домъ никогда не будетъ достроенъ.

— Но отчего же?—спросилъ я съ невольнымъ любопытствомъ.

— О, панъ капитанъ! вы человѣкъ военный, такъ, можетъ статься, мнѣ не повѣрите.

— Да что такое?

— Слыхали ли вы когда-нибудь о панѣ Твардовскомъ?

— О панѣ Твардовскомъ?—повторилъ я,—и только что хотѣлъ-было сказать, что нѣтъ, какъ вспомнилъ, что читалъ однажды русскую сказку о храбромъ витязѣ, Алешѣ Поповичѣ, гдѣ, между прочимъ, говорится и о польскомъ колдунѣ панѣ Твардовскомъ, съ которымъ русскій богатырь провозился цѣлую ночь. «А, знаю, знаю!»—сказалъ я.—«Этого пана Твердовскаго, или Твардовскаго, утащили черти?

— Не только утащили,—прервалъ хозяинъ,—а даже протащили сквозь каменную стѣну, на которой, какъ разсказываютъ старики, долго еще послѣ этого видны были кровавыя пятна.

— Собакѣ собачья и смерть,—сказалъ я;—да чтожъ общаго между вашимъ домомъ и этимъ проклятымъ колдуномъ?

— А вотъ что, мось пане добродзѣю, мой домъ построенъ на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда стоялъ замокъ Твардовскаго.

— Неужели,—вскричалъ я,—поглядѣвъ невольно вокругъ себя.

— Дали Букъ, такъ!—продолжалъ хозяинъ;—а что всего хуже, такъ это то, что весь нижній этажъ моего дома построенъ изъ развалинъ стараго замка.

— Вотъ что!—прошепталъ я сквозь зубы;—да вѣдь впрочемъ,—прибавилъ я,—это было уже давно?

— Конечно давно, панъ-капитанъ, да отъ этого мнѣ не легче. Каждую пятницу, около полуночи, въ нижнемъ этажѣ моего дома подымается такая возня, что стѣны трясутся...

— Каждую пятницу?

— Да. Говорятъ, что въ этотъ самый день черти продернули пана Твардовскаго сквозь стѣну и утащили къ себѣ въ преисподнюю. Эта стукотня продолжается иногда цѣлую ночь. Всѣ окна освѣтятся, начнется ужасный вой, потомъ сдѣлается опять темно, а тамъ снова разольется по всему нижнему этажу такой свѣтъ, что можно снаружи видѣть все, что дѣлается внутри.

— А чтожъ тамъ дѣлается?—спросилъ я,—стараясь казаться равнодушнымъ.

— Однажды только, — отвѣчалъ хозяинъ, — мой прежній экономъ рѣшился заглянуть туда съ надворья, да видно увидѣлъ такія страсти, что у него языкъ отнялся; а когда онъ сталъ опять говорить, такъ ничего нельзя было понять изъ его словъ.

— Отчего же?

— Оттого, что онъ былъ въ жестокой горячкѣ.

— Ну, а когда выздоровѣлъ?

— Да онъ не выздоровѣлъ, а на третій день умеръ.

— Вотъ что!—повторилъ я опять сквозь зубы,—и что-то похожее на лихорадочную дрожь пробѣжало по моимъ членамъ. — Но вѣдь вы говорите,—промолвилъ я, промолчавъ нѣсколько времени,—что это бываетъ только по пятницамъ.

— Такъ, мось пане добродзѣю! Да вѣдь сегодня пятница!

— Въ самомъ дѣлѣ!.. и у васъ въ верхнемъ этажѣ нѣтъ ни одной свободной комнаты?

— Дали Букъ, нѣтъ! кромѣ спальни моей жены,

этой гостиной, гдѣ живутъ ея резидентки, и столовой, гдѣ сплю я, нѣтъ ни одного жилого покоя. Но если,— прибавилъ съ насмѣшливой улыбкой полякъ,—панъ капитанъ боится...

— Если я боюсь?.. боюсь!.. И это говоритъ польскій панъ русскому офицеру!.. Ухъ, ботюшки! такъ меня варомъ и обдало! Мнѣ, капитану Астраханскаго гренадерскаго полка испугаться колдуна, и добро-бы еще русскаго!.. Ахъ, чортъ возьми! Да еслибъ самъ сатана въ польскомъ контушѣ явился предо мною, такъ я и тогда бы скорѣе умеръ, чѣмъ на вершокъ отъ него попятился.—Извините, панъ Дубицкій;—сказалъ я, вставая,—я не боюсь ни пана Твардовскаго, ни пана чорта, ни живыхъ, ни мертвыхъ, и ночую сегодня въ вашемъ нижнемъ этажѣ.

— Какъ угодно! По крайней мѣрѣ, я васъ предупредилъ,—и если что-нибудь случится...

— Не безпокойтесь! И у меня и у моего казака есть по парѣ пистолетовъ и по саблѣ; такъ живыхъ мертвецовъ мы не боимся, а съ нечистой силой справиться не трудно. Не погнѣвайтесь! вѣдь мы не по-латыни читаемъ наши молитвы. Прикажите мнѣ показать мою комнату.

— Заразъ, панъ! Да не угодно-ли вамъ чего покушать?

— Благодарю! я не ужинаю, а, если позволите, возьму съ собою эту бутылку венгерскаго и разопью ее за упокой души вашего Твардовскаго; только не совѣтую ему мѣшать мнѣ спать: мы, русскіе, незваныхъ гостей не любимъ.

Хозяинъ проводилъ меня до передней, въ которой, къ удивленію моему, я нашелъ казака въ большомъ ладу съ людьми Дубицкаго: онъ потягивалъ съ ними предружески горѣлку и, судя по двумъ полуштофамъ, изъ которыхъ одинъ ужъ былъ пустъ, а въ другомъ осталось вино только на донышкѣ, не трудно было догадаться, что они порядкомъ угостили Ермилова; я еще болѣе увѣрился въ этомъ, когда онъ, вскочивъ со

скамьи, началъ хвататься за стѣну, чтобъ не повалиться мнѣ въ ноги.—Ну, плохой-же будетъ у меня товарищъ!—подумалъ я;—но дѣлать было нечего. Одинъ слуга пошелъ впередъ со свѣчей, а двое повели съ лѣстницы казака, который, несмотря на мое присутствіе, безпрестанно лобызался съ своими провожатыми, благодаря ихъ за дружбу и угощеніе.

Когда мы спустились съ лѣстницы, слуга, который шелъ впереди, отперъ огромнымъ ключемъ толстыя двери, и мы вошли въ большую комнату со сводами. Я нехотя замѣтилъ, что провожатые мои робко посматривали во всѣ стороны, и съ примѣтнымъ безпокойствомъ прислушивались къ шелесту собственныхъ шаговъ своихъ; онъ раздавался подъ сводами обширныхъ комнатъ, сырыхъ и мрачныхъ, какъ церковные подземные склепы; не доставало только однихъ гробовъ, чтобъ довершить это сходство. Мы вошли, наконецъ, въ одну угольную комнату, которая болѣе другихъ походила на жилой покой. Множество фамильныхъ портретовъ по стѣнамъ, дюжины двѣ стульевъ, обитыхъ черной кожею, канапе, кровать съ шелковымъ пологомъ, большіе стѣнные часы и дубовый столъ, на который слуга поставилъ свѣчу, а я бутылку венгерскаго, составляли все убранство моей опочивальни. Слуги, пожелавъ мнѣ спокойной ночи, вышли вонъ.— Не стыдно-ли тебѣ, Ермиловъ! — сказалъ я казаку, который, прислонясь къ стѣнѣ, старался какъ можно бодрѣе стоять передо мною.—Ну, выпилъ-бы стаканъ-другой; а то посмотри, какъ натянулся!

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе!—пробормоталъ казакъ;—прикажете, по одной дощечкѣ пройду.

— Молчи, скотина!

— Слушаю, ваше благородіе!

— Гдѣ мои пистолеты?

— Въ чушкахъ, ваше благородіе.

— И ты оставилъ ихъ тамъ, на конюшнѣ?

— Ничего, ваше благородіе! Народъ здѣсь честный; все будетъ цѣло.

— Подай мнѣ свои!

Казакъ вынулъ изъ-за пояса свои пистолеты, и, подавая мнѣ, сказалъ:—Да извольте осторожнѣе: они заряжены пулями. Знатные пистолеты! Ужъ здѣшніе люди ими любовались, любовались!..

— Хороши! пошелъ, ложись вонъ на это канапе! Да постарайся выспаться проворнѣе, пьяница!

Казакъ, пробираясь вдоль стѣны, дотащился до канапе, прилегъ, и въ ту-же минуту захрапѣлъ; а я взялъ свѣчу и прежде всего осмотрѣлъ двери моей комнаты: онѣ запирались снаружи, а внутри не было ни крючка, ни задвижки. Это обстоятельство мнѣ очень не понравилось, но дѣлать было нечего. Притворивъ какъ можно плотнѣе двери, я взглянулъ мимоходомъ на почернѣвшіе отъ времени портреты, которыми увѣшаны были всѣ стѣны. Во всю жизнь мою я не видывалъ такого подбора звѣрскихъ и отвратительныхъ лицъ. Бритыя головы съ хохлами, отвислые подбородки, нахмуренныя брови, усы какъ у сибирскихъ котовъ,—ну, словомъ, что портретъ, то рожа, и одна другой отвретительнѣе.—Ай да красавцы!—подумалъ я:—ну, если домовые, которые изволятъ здѣсь пошаливать, не красивѣе ихъ, такъ признаюсь!.. Болѣе всѣхъ поразилъ меня портретъ какого-то святочнаго пугала, съ золотой цѣпью на шеѣ, въ черномъ балахонѣ и въ высокой четырехсторонней шапкѣ. Его сухое и блѣдное лицо, зачесанные книзу усы и выглядывающіе изъ-подъ навислыхъ бровей косые глаза были такъ безобразны, что я въ жизнь мою ничего гаже не видывалъ. Внизу на золоченой рамѣ было написано имя пана Твардовскаго. «Такъ вотъ онъ!» — вскричалъ я невольно;—«ну, хорошъ, голубчикъ! и онъ-же приходитъ съ того свѣта живыхъ людей пугать! Ахъ ты, чортова чучела!» — промолвилъ я, плюнулъ на портретъ; — «да небойсь, меня не испугаешь, еретикъ проклятый!» — Не знаю почему, но я не чувствовалъ въ себѣ никакой робости; мнѣ казалось, что въ Польшѣ и черти должны бояться русскаго офицера. А притомъ

разсказъ моего хозяина хотя и произвелъ на меня нѣкоторое впечатлѣніе, но я зналъ, что поляки любятъ при случаѣ отпустить красное словцо и сдѣлать изъ мухи слона.—Впрочемъ,—подумалъ я, принимаясь за бутылку венгерскаго,—если и въ самомъ дѣлѣ нечистая сила проказитъ въ этомъ домѣ, такъ чтожъ? Пошумятъ, пошумятъ, да тѣмъ дѣло и кончится. Хорошо демону шутить съ еретикомъ, а вѣдь я православный!—Разсуждая такимъ образомъ, я скинулъ верхнее платье, положилъ подлѣ себя саблю и пистолеты, сотворилъ молитву, перекрестился и, хлебнувъ еще токайскаго, улегся на постель. Свѣтъ отъ воскового огарка, который я не погасилъ, падалъ прямо на противоположную стѣну, и хотя слабо, но вполнѣ освѣщалъ нѣсколько портретовъ. Несмотря на то, что я вовсе не трусилъ, ожиданіе чего-то необыкновеннаго не давало мнѣ сомкнуть глазъ. По временамъ мнѣ казалось, что всѣ эти портреты какъ будто бы одушевлялись; что одинъ моргалъ глазами, у другого шевелился усъ, третій кивалъ мнѣ головою; и хотя я понималъ, что это происходило оттого, что у меня начинало уже рябить въ глазахъ, а, несмотря на это, заснуть не могъ. На дворѣ бушевала погода, вылъ вѣтеръ, дождь лилъ какъ изъ ведра; но подлѣ меня и по комнотамъ все было тихо и спокойно. — Ужъ не подшутилъ-ли надо мною хозяинъ,—подумалъ я.—Чего добраго! эти поляки любятъ позабавиться надъ нашимъ братомъ, русскимъ офицеромъ. Вѣстимо дѣло! когда сила не беретъ, такъ хоть чѣмъ-нибудь душу отвести. Чай, теперь думаетъ: «какъ не поспитъ всю ночь проклятый москаль, такъ мое венгерское-то выйдетъ ему сокомъ!»—Анъ нѣтъ: брешешь, мось пане добродзѣю—засну! Я опустилъ закинутый пологъ и принялся думать о старинѣ, о матушкѣ Москвѣ бѣлокаменной, о Прѣсненскихъ прудахъ, о красномъ домикѣ съ зелеными ставнями, о моей Авдотьѣ Михайловнѣ, съ которою я былъ тогда помолвенъ, о томъ, о семъ—и вотъ мало-по-малу меня стало затуманивать, одолѣла дремота и я заснулъ.

Въ то самое время, какъ мнѣ снилось, что я прогуливаюсь съ моей невѣстою по Дѣвичьему полю, какъ будто бы толкнули меня подъ бокъ — я проснулся. Ба, ба, ба! что такое? Кажется, въ сосѣднемъ покоѣ свѣтло? Отдернулъ пологъ, гляжу—точно!.. Не размышляя долго, я вскочилъ съ постели, взялъ въ руку пистолетъ и, подойдя на цыпочкахъ къ дверямъ, порастворилъ одну половинку. Ну, это еще не очень страшно: посреди комнаты стоитъ большой столъ, на столѣ огромное блюдо, накрытое чѣмъ-то бѣлымъ, а кругомъ тридцать стульевъ.—Посмотримъ,—подумалъ я, — кто это здѣсь собрался ужинать? — Не прошло пяти минутъ, какъ вдругъ вдали, какъ будто-бы за версту, послышалось какое-то заунывное пѣніе. Вотъ ближе, ближе — эге! да это никакъ поютъ за упокой: напѣвъ точно погребальный, только словъ не слышно.— Чу! все замолкло и вотъ опять, да ужъ близехонько, какъ заревутъ!.. Господи Боже мой! кто въ лѣсъ, кто по дрова! и вопятъ какъ надъ могилою, и насвистываютъ плясовыя пѣсни—а содомъ-то какой!—шумъ, гамъ!.. Вдругъ двери въ комнату, въ которой стоялъ накрытый столъ, какъ будто бы отъ сильнаго вихря распахнулись настежъ и полѣзли въ нихъ... да все-то въ саванахъ и въ бѣлыхъ колпакахъ съ наличниками, ну ни дать, ни взять какъ висѣльники! Они входили попарно, а позади всѣхъ четверо такихъ же пугалъ несли на носилкахъ мертвеца; и лишь только эти послѣдніе перешагнули черезъ порогъ, какъ вдругъ всѣ опять завыли, а мертвецъ приподнялся и сбросилъ съ себя бѣлую пелену, который былъ покрытъ. Глядь!—точь-въ-точь какъ этотъ портретъ въ черномъ платьѣ: въ такой же четырехсторонней шапкѣ, на шеѣ золотая цѣпь, лицо блѣдное, усы по двѣ четверти. Ахти!— такъ и есть!.. это колдунъ—панъ Твардовскій!.. Ну, господа, что грѣхъ таить!—дрогнуло во мнѣ ретивое! Межъ тѣмъ вся эта сволочь размѣстилась по комнатѣ: одни стали рядышкомъ вдоль стѣны, другіе усѣлись за столомъ, самъ мертвецъ расположился на первомъ

мѣстѣ: только противъ него одинъ стулъ остался порожній;—и вотъ, гляжу, колдунъ манитъ меня пальцемъ. — Что дѣлать? — подумалъ я; — итти—худо; не итти—стыдно; не равно еще эти польскіе черти подумаютъ, что я ихъ трушу; такъ и быть! смѣлымъ Богъ владѣетъ—пойду!

Не выпуская изъ руки пистолета, я подошелъ къ стулу; колдунъ указалъ мнѣ молча на порожній стулъ. «Вотъ что! Такъ, видно, я былъ въ счету! — Добро добро! посмотримъ, что будетъ». Я сѣлъ. Хотя отъ времени до времени меня подиралъ морозъ по кожѣ, но я все еще не терялъ духа; къ тому жъ всѣ эти святочныя пугала сидѣли и стояли очень смирно; можно было услышать, какъ муха пролетитъ; и даже самъ колдунъ, выпучивъ свои оловянные глаза, сидѣлъ такъ чинно и неподвижно, какъ набитая чучела. Прошло минутъ десять: все тихо; черти молчатъ, колдунъ таращитъ глаза, а я посматриваю на всю честную компанію и жду, чѣмъ дѣло кончится. Вотъ стѣнные часы въ моей спальнѣ зашипѣли; съ трескомъ завертѣлись колеса и колокольчикъ зазвенѣлъ: разъ, два, три... Чу! полночь. Еще двѣнадцатый звонокъ не отгудѣлъ, какъ вдругъ колдунъ зашевелилъ усами и кивнулъ головой; одинъ изъ его собесѣдниковъ всталъ, протянулъ длинную костяную руку, скорчилъ свои крючковатые пальцы и, ухвативъ за самую середину бѣлую ширинку, которою покрыто было блюдо, поднялъ ее кверху... Ухъ, батюшки! — и теперь не могу безъ страха вспомнить, Гляжу: на блюдѣ лежитъ человѣческая голова—да еще какая!.. Ахъ ты, Господи Боже мой!.. Раздутыя щеки, носъ въ два мои кулака, ротъ до ушей, глаза по ложкѣ... ну!!! екнуло во мнѣ сердечко. Эко блюдо изготовили! «Ѣшь!»—заревѣлъ охриплымъ голосомъ колдунъ; «ѣшь!»—повторила хоромъ вся нечистая сила. Ой, ой, ой! плохо дѣло! Хочу встать, ноги подгибаются; хочу творить молитву, языкъ не шевелится. А черти и колдунъ вотъ такъ и палятъ меня глазами! Наконецъ, я кое-какъ промол-

вилъ: «чуръ меня, чуръ! Да воскреснетъ Богъ!».. и чтожъ! голова зашевелилась и начала дразнить меня языкомъ и защелкали зубами. Ахти, и молитва не беретъ!—худо!—Не помню самъ, какъ мнѣ пришло въ голову, отъ страху что-ль, только я поднялъ руку съ пистолетомъ, почти уперъ въ эту чертову башку, взвелъ курокъ... бацъ!.. Не тутъ-то было!.. Всѣ черти захохотали, а голова раскрыла огромную пасть, и, словно изъ бочки, какъ грянетъ басомъ польскую мазурку. Ну!.. руки у меня опустились, въ глазахъ запестрѣло, все вокругъ пошло ходуномъ, въ ушахъ поднялся звонъ, столъ запрыгалъ, черти завертѣлись какъ волки, и я упалъ безъ памяти на полъ.

Не знаю, долго ли я пролежалъ безъ чувствъ, но какъ очнулся, такъ еще было темно. На дворѣ ревѣла гроза, но въ комнатахъ опять все затихло. Стола нѣтъ, свѣчей также, только въ спальнѣ чуть-туть теплился догорающій огарокъ. Не скоро я образумился; да ужъ за то лишь только вспомнилъ, что со мною было, то откуда прыть взялась: мигомъ одѣлся, растолкалъ Ермилова, потащилъ его за собою въ конюшню, разбудилъ панскихъ конюховъ и черезъ полчаса ѣхалъ ужъ опять по лѣсу. Къ свѣту мы добрались до лагеря, и, явясь къ моему полковнику, я такъ его перепугалъ, что онъ тотъ же часъ послалъ за полковымъ лѣкаремъ; на мнѣ лица не было! Мартынъ Адамычъ, пощупавъ мой пульсъ, объявилъ, что у меня жестокая горячка, прописалъ лѣкарство; я его не принялъ, проспалъ цѣлыя сутки, и черезъ два дня отправился опять искать дачи для нашей полковницы.

— И съ тѣхъ поръ вы никогда не встрѣчались съ паномъ Дубицкимъ?—спросилъ Заруцкій.

— Нѣтъ, Алексѣй Михайлычъ, а слышалъ только, что у него на дачѣ, передъ самымъ концомъ кампаніи, захватили цѣлую компанію конфедератовъ, и что послѣ небольшой драки этихъ господъ съ однимъ изъ нашихъ летучихъ отрядовъ, казаки, взявъ хозяина и

многихъ изъ его товарищей въ плѣнъ, сожгли и разорили до основанія Бьялый Фолваркъ.

— Такъ вы думаете, Антонъ Ѳедоровичъ, — прервалъ съ улыбкою Черемухинъ,—ужъ вѣрно въ числѣ этихъ плѣнныхъ конфедератовъ было нѣсколько бѣсовъ, а можетъ быть и самъ колдунъ Твардовскій попался въ руки къ казакамъ?

— Вотъ ужъ этого, батюшка, не знаю!—отвѣчалъ хладнокровно Кольчугинъ, набивая свою трубку.

— То есть, Прохоръ Кондратьичъ, — сказалъ хозяинъ,—ты хочешь намекнуть, что эту ночную комедію сыграли съ нашимъ пріятелемъ панъ Дубицкій и его гости для того, чтобы отдѣлаться отъ постоя, — не правда ли?

— Что вы, что вы!—вскричалъ Черемухинъ;—да это мнѣ и въ голову не приходило. Ужъ я вамъ докладывалъ, что я всему на свѣтѣ вѣрю. Еслибъ это проказили поляки, такъ голова бы не запѣла басомъ, когда въ нее выстрѣлилъ Антонъ Ѳедоровичъ изъ пистолета. Правда, у пьянаго казака не трудно было разрядить пистолеты; но вѣдь одна догадка не доказательство, и по-моему всего вѣрнѣе, что тутъ замѣшалась нечистая сила.

— Ты забавляешься, любезный,—прервалъ Заруцкій;—а я такъ скажу вамъ, почтенный Антонъ Ѳедоровичъ, безъ всякихъ обиняковъ, что васъ одурачили поляки: имъ нужно было какъ-нибудь избавиться отъ постоя. А чтобъ одѣться въ маскарадныя платья, просунуть голову сквозь прорѣзаннаго стола и блюда, и разрядить пистолеты пьянаго казака, такъ—воля ваша—на это не много надобно хитрости. Знаете ли что? Я, на вашемъ мѣстѣ, самъ бы порядкомъ надъ ними позабавился. Вамъ стоило только притвориться, что вы хотите отвѣдать блюда, которымъ васъ потчуютъ, и еслибъ вы одной рукой схватили за носъ эту жареную голову, а въ другую взяли бы столовый ножъ, такъ, я васъ увѣряю, она не запѣла бы басомъ мазурку, а развѣ протанцовала бы ее на своемъ блюдѣ. Эхъ, Антонъ

Ѳедоровичъ! такъ ли еще обманываютъ честныхъ людей, когда это надобно. Вотъ и со мной былъ однажды случай, который хоть кого бы свелъ съ ума...

— Съ тобою? — прервалъ съ любопытствомъ хозяинъ.—Когда это?

— Лѣтъ семь тому назадъ, когда я носилъ еще гусарскій мундиръ, и былъ съ моимъ полкомъ въ Италіи.

— Съ Суворовымъ?

— Да, дядюшка. Если хотите, я разскажу вамъ объ этомъ. Слушайте!

БѢЛОЕ ПРИВЕДѢНІЕ.

Въ сраженіи при Нови, гдѣ русскія и австрійскія войска, подъ начальствомъ Суворова, разбили на голову французовъ, я находился съ моимъ эскадрономъ при отрядѣ, которымъ командовалъ любимецъ Суворова, генералъ Милорадовичъ. Въ ту самую минуту, какъ онъ повелъ впередъ свою колонну, чтобъ атаковать центръ непріятельской арміи, убило подо мною ядромъ лошадь, и я получилъ такую сильную контузію, что нѣсколько часовъ сряду пролежалъ безъ памяти. Послѣ сраженія меня отправили сначала въ небольшой городокъ Акви, а потомъ перевезли въ Туринъ, гдѣ я пролежалъ болѣе двухъ недѣль въ постели. Я довольно хорошо говорю по-итальянки, и могъ изрѣдка бесѣдовать съ моимъ хозяиномъ; но, несмотря на это, умиралъ отъ скуки и тоски. Когда мнѣ сдѣлалось легче, и я сталъ прохаживаться по моей комнатѣ, то мнѣ посовѣтовали лѣчиться за городомъ. Это было въ концѣ августа мѣсяца, жары стояли несносныя, и я самъ чувствовалъ, что свѣжій деревенскій воздухъ необходимъ для возстановленія моего здоровья. Австрійскій комендантъ отвелъ мнѣ прекрасную квартиру верстахъ въ десяти отъ города, на дачѣ сеньора Леонардо Фразелани, богатаго туринскаго купца. Я послалъ туда передовымъ моего денщика съ квартирнымъ билетомъ, а самъ на другой день ранехонько по-утру отправился

въ наемной каретѣ и, остановясь на минуту полюбоваться великолѣпной площадью Св. Карла, выѣхалъ, черезъ предмѣстье Борго-ди-По, за городъ.

Я никогда не бывалъ въ южной Италіи; но если въ ней климатъ и природа лучше, чѣмъ въ Піемонтѣ, такъ ужъ, подлинно, можно ее назвать земнымъ раемъ и цвѣтникомъ всей Европы. Трудно и живописцу дать намъ ясное понясіе объ этой яркой зелени полей, усыпанныхъ благовонными цвѣтами, объ этихъ темносинихъ и въ то-же время прозрачныхъ небесахъ Италіи, такъ мнѣ нечего и говорить съ вами объ этомъ. Вы, дядюшка, бывали на Кавказѣ и въ Крыму; слѣдовательно, лучше другого поймете, съ какимъ восторгомъ смотрѣлъ я на это безоблачное южное небо и цвѣтущія окресности города, усѣянныя рощами шелковичныхъ деревьевъ. Мы, дѣти сѣвера, воспитанныя среди обширныхъ полей и дремучихъ лѣсовъ нашей родины, привыкли съ ребячества любить раздолье и просторъ; такъ вы можете себѣ представить, какъ я обрадовался, когда выѣхалъ за городъ и могъ свободно дышать этимъ животворнымъ деревенскимъ воздухомъ, напитаннымъ ароматами цвѣтовъ. Я не успѣлъ отъѣхать двухъ верстъ отъ заставы, какъ почувствовалъ въ себѣ такую перемѣну, что готовъ былъ хоть сейчасъ на коня, саблю вонъ и въ атаку. Мнѣ было такъ легко, такъ весело... О! безъ всякаго сомнѣнія, противоположности необходимы для нашего земного счастія! Еслибы я не просидѣлъ нѣсколько недѣлъ въ тѣсной комнатѣ, въ которой, какъ въ аптекѣ, все пропахло лѣкарствомъ; еслибъ мрачный и узкій переулокъ, въ который никогда не заглядывало солнышко, не былъ единственнымъ видомъ, коимъ я любовался изъ моихъ оконъ, то врядъ-ли бы въ жизни моей нашлось нѣсколько часовъ сряду совершеннаго, не отравленнаго ничѣмъ благополучія. Миновавъ потѣшный дворецъ, называемый *Королевскимъ Виноградникомъ*, я выпрыгнулъ изъ кареты и пошелъ пѣшкомъ. Мой жадный взоръ обѣгалъ свободно и унизанные загородными домами

холмистые берега рѣки По, и обширную равнину, которая оканчивалась къ сѣверу высокими Піемонтскими горами. Вблизи, съ правой стороны, на Капуцинской горѣ возвышалась готическая церковь монастыря; позади, еще выше, сквозь темную зелень оливковыхъ деревьевъ, бѣлѣлись зубчатыя стѣны Камальдульской пустыни; а прямо передо мною, вдали, прорѣзывая утренній туманъ, плавалъ какъ на облакахъ огромный куполъ *Сюпериги*—сей знаменитой соперницы колоссальнаго Петра и Павла въ Римѣ. Съ каждымъ шагомъ впередъ горизонтъ расширялся, и я, очарованный живописными видами, которые слѣдовали безпрерывно одинъ за другимъ, не замѣтилъ, какъ прошелъ верстъ пять передъ моей каретою: она тащилась за мною шагомъ по большой дорогѣ. «Э, гей! синьоръ офиціале, синьоръ офиціале!»—закричалъ мой кучеръ.—«Маледетто! — синьоръ офиціале!» — Я обернулся: карета стояла у самаго въѣзда въ тѣнистую аллею изъ пирамидальныхъ тополей; шагахъ въ двухстахъ отъ большой дороги, она примыкала къ густой каштановой рощѣ. Я воротился и, продолжая итти пѣшкомъ впереди моей кареты, въ нѣсколько минутъ достигъ до рощи и потомъ прямой просѣкою вышелъ опять на открытое мѣсто, котораго сельскій и спокойный видъ такъ мнѣ понравился, что я остановился на минутку имъ полюбоваться. Представьте себѣ широкую долину, посреди которой змѣилась излучистая рѣчка, огибая въ своемъ теченіи нѣсколько высокихъ холмовъ, поросшихъ сплошнымъ кустарникомъ; она вливалась въ свѣтлое озеро съ покатыми берегами, которые, безъ всякаго преувеличенія, можно было назвать персидскими коврами: такъ они были испещрены безчисленнымъ множествомъ самыхъ яркихъ и разнообразныхъ цвѣтовъ! Прямо противъ каштановой рощи, изъ которой я вышелъ, на самомъ берегу озера, проглядывалъ, сквозь померанцевыхъ деревьевъ и густыхъ кустовъ благовонной акаціи, одно-этажный домъ съ плоскою кровлею и красивымъ портикомъ; гибкія виноградныя

лозы обвивались около колоннъ, которыя поддерживали мраморный фронтонъ, и на всѣхъ окнахъ стояли фарфоровыя вазы съ цвѣтами. Позади дома, во всю ширину двора, тянулся длинный флигель съ широкими итальянскими окнами. Лицевой его фасадъ былъ обращенъ на дворъ, а противополжная сторона выходила въ садъ, который окружалъ съ трехъ сторонъ и домъ и всѣ принадлежащія къ нему строенія. Отъ самой каштановой рощи начинался обширный лугъ, по которому извивалась рѣчка, впадающая въ озеро. Пять-шесть крестьянскихъ избъ, разбросанныхъ въ живописномъ безпорядкѣ, красивая мельница на ручьѣ, нѣсколько коровъ и рѣзвыхъ козъ, разсыпанныхъ по лугу, и миловидная дѣвушка, которая, зачерпнувъ воды, несла ее на ту пору въ глиняномъ кувшинѣ на своей головѣ, оживляли эту сельскую, исполненную прелести, картину.—Да это настоящая идиллія въ лицахъ! — вскричалъ я, невольно посмотрѣвъ вокругъ себя. — Жаль только, что недостаетъ пастуха и пастушки. Ага! Да вотъ и они! — продолжалъ я, увидѣвъ подъ однимъ кустомъ молодого человѣка, который сидѣлъ на травѣ рядомъ съ дѣвушкою лѣтъ шестнадцати. Они оба были одѣты просто, по-деревенскому, но отмѣнно щеголевато; и если бы соломенная шляпка, въ которой была дѣвушка, попалась въ Москву на Кузнецкій мостъ, такъ увѣряю васъ, она не долго бы залежалась въ модномъ магазинѣ. Молодой человѣкъ былъ недуренъ собою, а его подруга... о, такое миловидное, выразительное лицо, такіе черные, пламенные глаза можно только встрѣтить въ одной Италіи!—Позвольте спросить,—сказалъ я, подойдя къ этимъ нѣжнымъ голубкамъ, которые о чемъ-то вполголоса ворковали межъ собою,—это дача синьора Фразелини? — Дѣвушка вскрикнула, ударилась бѣжать, и прежде чѣмъ я успѣлъ окончить мой вопросъ, ея и слѣдъ простылъ: Молодой человѣкъ также смутился, но отвѣчалъ очень вѣжливо! — Точно такъ, синьоръ официіале! это помѣстье принадлежитъ Леонарду Фра-

зелени; если угодно, я васъ провожу до дому.—Я пошелъ вслѣдъ за нимъ по берегу рѣчки, а карета поѣхала по дорогѣ, которая шла прямо черезъ лугъ на широкую плотину, устроенную повыше мельницы. Когда мы перешли черезъ ручей по красивому китайскому мостику, я спросилъ молодого человѣка, не сынъ ли онъ помѣщика? — Извините, синьоръ офиціале! — отвѣчалъ онъ:—я Корнеліо Аничети, родной его племянникъ.

— А красавица, съ которой вы сидѣли подъ кустомъ, вѣрно, сестра ваша?

Смуглыя щеки Корнеліо вспыхнули.

— Нѣтъ!—сказалъ онъ отрывисто,—это камеріора моей тетки.

— Неужели? Она такъ хорошо одѣта, что я подумалъ... А какъ зовутъ эту прекрасную служаночку?

— Челестиною.

— Она очень мила.

Корнеліо посмотрѣлъ на меня пристально и признаюсь, для моего самолюбія пріятно было замѣтить, что этотъ инспекторскій смотръ не очень его успокоилъ.—Да!—сказалъ онъ, наконецъ,—это правда, Челестина мила, но она очень дика, и сверхъ того, извините, синьоръ офиціале, терпѣть не можетъ иностранцевъ. Но вотъ и дядюшка идетъ къ намъ навстрѣчу,—прибавилъ онъ, указывая на человѣка пожилыхъ лѣтъ съ пріятной и почтенной наружностью.

Хозяинъ принялъ и обласкалъ меня, какъ родного, а жена его, синьора Аурелія, долго не могла опомниться отъ удивленія при видѣ варвара-русскаго, который отпустилъ ей съ полдюжины комплиментовъ на самомъ чистомъ тосканскомъ нарѣчіи. Въ продолженіе всего дня, я не видѣлъ никого, кромѣ моихъ хозяевъ, ихъ племянника, проворнаго слуги Убальдо и безобразной старухи, которую называли Петронеллою. Подъ вечеръ, когда мы всѣ сидѣли въ одной комнатѣ, которой окна были обращены на дворъ, появилась, нако-

нецъ, Челестина. Она усѣлась смирнехонько въ одномъ углу, на низенькой скамейкѣ, и такъ занялась какимъ-то рукодѣльемъ, что я не могъ даже полюбоваться ея черными глазами—она ни разу не подняла ихъ кверху. Разговаривая со мною, синьора Аурелія сказала, между прочимъ, что она не знаетъ, понравится-ли мнѣ приготовленная для меня комната. — Вамъ надобенъ покой,—говорила она,—а ваша горница рядомъ съ нашей спальнею: мы встаемъ очень рано и можемъ васъ потревожить. — О, что касается до меня, — отвѣчалъ я,—обо мнѣ не хлопочите! Я боюсь только, чтобъ мнѣ васъ не обезпокоить. Да нѣтъ-ли въ этомъ флигелѣ лишней комнаты?—продолжалъ я, указывая на длинное строеніе съ итальянскими окнами.

— Въ немъ всѣ комнаты свободны,—сказалъ хозяинъ:—да онъ и выстроенъ для моихъ гостей; но съ нѣкотораго времени...—Тутъ синьоръ Фразелини остановился и, взглянувъ значительно на жену свою, замолчалъ.

— Съ нѣкотораго времени?—прервалъ я.—А что такое?..

— Въ немъ никто не живетъ.

— А для чего?

— Да какъ-бы вамъ сказать? Вѣдь вы, господа военные, ничему не вѣрите. Въ этомъ флигелѣ поселились нечистые духи.

Я засмѣялся.

— Смѣйтесь, синьоръ офиціале, смѣйтесь! а это точно такъ же правда, какъ то, что я имѣю честь говорить съ вами объ этомъ. Мѣсяца два тому назадъ замѣтили, что во флигелѣ бываетъ по ночамъ какой-то странный шумъ и раздаются жалобные стоны; но это-бы еще ничего: почти каждую ночь, часу въ двѣнадцатомъ, иногда ранѣе, иногда позднѣе, по всему флигелю ходитъ высокое бѣлое привидѣніе съ фонаремъ въ рукахъ. Я самъ нѣсколько разъ видѣлъ—вотъ изъ этой комнаты, какъ оно прогуливается взадъ и впередъ мимо всѣхъ оконъ.

— И вамъ ни разу не приходило въ голову,—прервалъ я, — что это проказитъ какой-нибудь шалунъ?

— Какъ не приходить; но тутъ есть одно обстоятельство, которое разрушаетъ всѣ мои догадки. Надобно вамъ сказать, что комнаты въ этомъ флигелѣ расположены точно такъ же, какъ кельи въ монастырѣ. Во всю его длину устроенъ длинный корридоръ, изъ котораго десятью дверьми входятъ въ столько-же особыхъ комнатъ, отдѣленныхъ одна отъ другой капитальными стѣнами, и чтобъ перейти изъ одной комнаты въ другую, необходимо надобно выдти прежде въ корридоръ. Вы завтра можете во всемъ этомъ увѣриться сами. Теперь прошу васъ растолковать мнѣ, какимъ образомъ обыкновенный человѣкъ, а не духъ или привидѣніе, будетъ расхаживать во всю длину флигеля, мимо оконъ, не останавливаясь ни на минуту, идя ровнымъ шагомъ; словомъ, прогуливаясь свободно взадъ и впередъ, какъ по одной длинной галлереѣ, въ которой нѣтъ никакихъ перегородокъ? Тутъ, кажется, долго разсуждать нечего: или между комнатъ есть прямое сообщеніе, или никакія преграды для него не существуютъ, и онъ проходитъ сквозь капитальную стѣну точно такъ, какъ мы въ растворенныя двери. Никакихъ сообщеній и дверей между комнатъ нѣтъ; въ этомъ, повторяю еще разъ, вы сами можете завтра увѣриться: слѣдовательно, этотъ ночной посѣтитель не проказникъ, не шалунъ, а просто или нечистый духъ, или неотпѣтый мертвецъ, или, что всего вѣрнѣе, какая-нибудь христіанская душа, которая страдаетъ въ чистилищѣ и нуждается въ нашихъ молитвахъ. Здѣсь всѣ увѣрены, что это душа бѣднаго Паоло, бывшаго моего садовника, который прошлую зиму удавился въ этомъ флигелѣ. Сначала насъ очень это тревожило; но теперь мы уже привыкли; впрочемъ, до сихъ поръ, кромѣ племянника, никто не вызывался переночевать въ этомъ флигелѣ. Правда, и ему это даромъ не прошло: привидѣніе точно такъ же, какъ и всегда, прогулива-

лось по комнатамъ, а онъ до того напугался, что всю ночь пролежалъ безъ памяти.

Въ продолженіе сего разсказа, я замѣтилъ двѣ вещи: во-первыхъ то, что племянникъ хозяина вспыхнулъ, когда рѣчь дошла до него, а во-вторыхъ, что хотя синьоръ Фразелини и синьора Аурелія твердо были увѣрены, что въ ихъ флигелѣ поселились жители не нашего міра, но что, несмотря на это, въ одной съ нами комнатѣ, кромѣ меня, были еще люди, которые не очень этому вѣрили. Я сидѣлъ противъ большого зеркала; въ немъ отражалось все, что было у меня за спиною, то есть и вся противоположная стѣна и двери, подлѣ которыхъ стоялъ слуга Убальдо, и уголокъ, въ которомъ сидѣла красавица Челестина. Раза два я подмѣтилъ, что ихъ взгляды встрѣчались межъ собою, и что слѣдствіемъ этой встрѣчи была всегда какая-то значительная улыбка, которую разгадать было вовсе не трудно. Ну!—подумалъ я,—побьюсь объ закладъ, что эта плутовка Челестина знаетъ лучше своихъ господъ, какъ мертвецы проходятъ сквозь капитальныя стѣны. Поговоривъ еще нѣсколько времени объ этомъ странномъ случаѣ, я простился съ моими хозяевами и отправился въ мою комнату. Отъ перемѣны мѣста, или отъ чего другого, только мнѣ вовсе не спалось. Изъ комнаты моей можно было видѣть весь флигель. Вотъ этакъ немного за полночь, одно окно во флигелѣ освѣтилось; я вскочилъ съ постели и точно видѣлъ своими глазами, что какое-то привидѣніе, въ бѣломъ саванѣ, съ фонаремъ въ рукахъ, прошло раза три вдоль всего флигеля мимо самыхъ оконъ и не останавливаясь ни на одну минуту. Что это былъ обманъ, я не сомнѣвался; что причины этого обмана были самыя земныя, и въ этомъ я былъ также увѣренъ; но какъ это происходило и въ чемъ состоялъ сей оптическій обманъ,—вотъ ужъ этого я не могъ никакъ постигнуть. Я думалъ, думалъ, и если привидѣніе не напугало меня, то все-таки по милости его я не могъ заснуть во всю ночь. Не видя никакой пользы вертѣться съ боку на

бокъ, я съ первымъ свѣтомъ всталъ съ постели, одѣлся и пошелъ гулять по саду. Утренняя заря начинала только заниматься; всѣ спали въ домѣ, кромѣ вашего покорнаго слуги и какой-то ранней пташечки, которая пропорхнула мимо меня въ ту самую минуту, какъ я сталъ подходить къ садовой сторонѣ флигеля.—Ага!—подумалъ я,—вотъ что! Если-бъ въ этихъ комнатахъ не поселились нечистые духи, такъ жили бы люди—понимаю! Ну, господинъ Корнеліо, порядкомъ же вы морочите вашего дядюшку!

Весь этотъ день провелъ я попрежнему съ моими дорогими хозяевами: думалъ о моей утренней встрѣчѣ, о бѣломъ привидѣніи, и, наконецъ, какъ будто бы попалъ на истинный путь. Мнѣ оставалось увѣриться, справедливы ли мои догадки; и въ то же время, не дѣлая вреда никому, избавить, если можно, моего гостепріимнаго хозяина отъ этихъ ночныхъ посѣщеній. Послѣ ужина я заперся въ свою комнату, и часу въ двѣнадцатомъ ночи, обернувшись съ головы до ногъ въ бѣлую простыню, прокрался потихоньку въ садъ и подошелъ къ флигелю. Представленіе уже началось: хотя я зашелъ не съ той стороны, но отгадалъ это потому, что двери были отперты, и что на дворѣ полусонный сторожъ началъ громкимъ голосомъ творить молитву. Я потихоньку взобрался на лѣстницу и спрятался въ темномъ углу въ корридорѣ. Черезъ минуту всѣ догадки мои оправдались.—Постойте-же господа артисты!—сказалъ я про себя;—васъ надобно такъ пугнуть, чтобъ вамъ и въ голову не пришло играть въ другой разъ эту комедію. Въ корридорѣ стоялъ деревянный стулъ; я взмостился на него, опустилъ вплоть до полу мою простыню и заохалъ такимъ нечеловѣческимъ образомъ, что почти самъ испугался. Вдругъ изъ двухъ комнатъ выскочили два бѣлыя привидѣнія... О, ужасъ! Точно такое же третье привидѣніе, только гораздо огромнѣе стоитъ передъ ними неподвижно, испуская тяжкіе, могильные стоны. «Кто ты?»—раздался трепещущій и весьма знакомый мнѣ голосъ.—«Молитесь за меня!»—

проговорилъ я протяжно;—«я самоубійца, я грѣшникъ Паоло!»—Батюшки мои! какъ бросились отъ меня эти два несчастныя привидѣнія! Они кубаремъ скатились съ лѣстницы, растеряли свои бѣлыя мантіи, и я вовсе не удивился, когда хозяинъ сказалъ мнѣ на другой день, что слуга его Убальдо и племянникъ Корнеліо занемогли оба ночью и лежатъ въ постели. Я перешелъ во флигель, прожилъ въ немъ преспокойно два мѣсяца, и увѣряю васъ, дидюшка, что во все это время бѣлое привидѣніе ни разу не приходило ко мнѣ въ гости.

— Ну, братъ, молодецъ же ты!—сказалъ Иванъ Алексѣевичъ.—Только воля твоя, я все порядкомъ въ толкъ не возьму... Ты говоришь, что ихъ было двое... такъ чтожъ?..

— А вотъ что, дядюшка. Они оба были одѣты одинакимъ образомъ и оба съ потайными фонарями. Когда одинъ изъ нихъ, начавъ итти вдоль первой комнаты, доходилъ до стѣны, которая отдѣляла его отъ второго покоя, то въ ту же минуту пряталъ огонь и, ударивъ кулакомъ въ стѣну, выбѣгалъ въ корридоръ; потомъ, войдя въ третью комнату, прижимался къ стѣнѣ. Второе привидѣніе, услышавъ сигналъ, открывало свой фонарь и начинало итти мимо оконъ до самой стѣны третьяго покоя, изъ котораго продолжало эту прогулку опять первое привидѣніе, и такъ далѣе, до конца флигеля. Все это было у нихъ такъ улажено, что всякій подумалъ бы, что мимо оконъ проходитъ одна и та же фигура, и со двора рѣшительно невозможно было замѣтить этого обмана.

— Ну, хитро придумано!.. Что и говорить, на свѣтѣ много обману! Конечно, какъ иногда не посомниться, не поразмыслить — у каждаго свой царь въ головѣ, но не вѣрить ничему и во всемъ сомнѣваться...

— Видитъ Богъ, грѣшно!—прервалъ Кольчугинъ, раскрывъ снова свои молчаливыя уста. — Покойный мой батюшка, дай Богъ ему царство небесное, вздумалъ также однажды поумничать, да такъ-то невпо-

падъ, что послѣ далъ зарокъ ни въ чемъ не сомнѣваться и всему на свѣтѣ вѣрить.

— А что такое съ нимъ сдѣлалось? — спросилъ хозяинъ.

— Да такъ, батюшка; былъ случай такой! Онъ не одинъ разъ мнѣ самъ изволилъ объ этомъ разсказывать.

— А ты, любезный, разскажи намъ.

— Разсказать не фигура, только дѣло-то такое курьезное, что, того и гляди, это господа на зубки меня подымутъ, — промолвилъ Кольчугинъ, указывая на Заруцкаго и Черемухина;—да пожалуй чего добраго, и покойнику батюшкѣ достанется.

— И, сударь!—прервалъ я, подвигаясь къ Кольчугину,—какое вамъ до нихъ дѣло! Разсказывайте.

— Да, да! — подхватилъ хозяинъ, — что тебѣ на нихъ смотрѣть!—Разсказывай!

— Ну, если вамъ угодно, такъ слушайте.

Нежданные гости.

Отецъ мой былъ человѣкъ стараго вѣка, — началъ такъ Антонъ Ѳедоровичъ Кольчугинъ;—хотя, благодаря во-первыхъ Бога, а во-вторыхъ родителей, достатокъ у него былъ дворянскій, и онъ могъ бы жить не хуже своихъ сосѣдей, то есть выстроить хоромы саженяхъ на пятнадцати, завести псовую охоту, роговую музыку, оранжереи и всякія другія барскія затѣи; но онъ во всю жизнь свою ни разу и не подумалъ объ этомъ, жилъ себѣ въ маленькомъ домикѣ, держалъ не больше десяти слугъ, охотился иногда съ ястребами, и подъ веселый часъ такъ-то, бывало, тѣшится, слушая Ваньку гуслиста, который, — не тѣмъ будь помянутъ,—попивалъ, а лихо, разбойникъ, игралъ на гусляхъ; бывало, какъ хватитъ — «Заря утренняя взошла» или «На бережку у ставка», такъ заслушаешься! Но если батюшка мой не щеголялъ ни домомъ, ни услугою, то за то крѣпко держался пословицы: «не красна изба углами,

а красна пирогами». — И встарину, чай, такіе хлѣбосолы бывали въ диковинку! Домъ покойнаго батюшки выстроенъ былъ на самой большой дорогѣ; вотъ если кто-нибудь днемъ или вечеромъ остановится кормить на селѣ, то и бѣгутъ ему сказать; и коли проѣзжіе, хоть мало-мальски не совсѣмъ простые люди, дворяне, купцы или даже мѣщане, такъ милости просимъ на барскій дворъ; закобенились—такъ околицу на запоръ, и хоть себѣ голосомъ вой, а ни на одномъ дворѣ ни клока сѣна, ни зерна овса не продадутъ. Что и говорить: любилъ пображничать покойникъ! Бывало, какъ залучитъ себѣ гостей, такъ пойдетъ такая попойка: что лишь только держись: море разливанное: чего хочешь, того спросишь. Всякихъ чужеземныхъ напитковъ, сортовъ до десяти, въ подвалѣ не переводилось, а ужъ объ наливкахъ и говорить нечего!

Однажды зимою, ровно черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ кончины моей матушки, сидѣлъ онъ одинъ-одинехонекъ въ своемъ любимомъ покоѣ съ лежанкою. Меня съ нимъ не было; я ужъ третій годъ былъ на службѣ царской и дрался въ то время со шведами. Дѣло шло къ ночи; на дворѣ была мятелица, холодъ страшный, и часу въ десятомъ такъ заколодило, что отъ мороза всѣ стѣны въ домѣ трещали. Въ такую погоду гостей не дождаться. Что дѣлать? Покойный батюшка, чтобъ провести время до ужина, — а онъ никогда не изволилъ ужинать прежде одиннадцатаго часу, принялся за Четьи-Минею. Развернулъ на удачу, и попалъ на житіе преподобнаго Исаакія, затворника печерскаго. Когда онъ дошелъ до того мѣста, гдѣ сказано, что бѣсы, явившись къ святому угоднику подъ видомъ ангеловъ, обманули его и, восклицая: нашъ еси, Исаакій, заставили его насильно плясать вмѣстѣ съ собою, то покойный батюшка почувствовалъ въ душѣ своей сомнѣніе, соблазнился и, закрывъ книгу; началъ умствовать и разсуждать съ самимъ собою. Но чѣмъ болѣе онъ думалъ, тѣмъ болѣе казалось ему не вѣроподобнымъ таковое попущеніе Божіе. Вотъ въ

самое-то его раздумье нашла на него дремота, глаза стали слипаться, голова отяжелѣла, и онъ мнѣ сказывалъ, что не помнитъ самъ, какъ прилегъ на канапе и заснулъ крѣпкимъ сномъ. Вдругъ въ ушахъ у него что-то зазвенѣло, онъ очнулся: слышитъ—бьютъ часы въ его спальнѣ ровно десять часовъ. Лишь только онъ было приподнялся, чтобъ велѣть подавать себѣ ужинать, какъ вошелъ въ комнату любимый его слуга Андрей, и поставилъ на столъ двѣ зажженныя свѣчи.— Что ты, братецъ? — спросилъ батюшка. — Пришелъ, сударь, доложить вамъ,—отвѣчалъ слуга,—что на селѣ остановились приказный изъ города да казаки, которые ѣдутъ съ Дону. — Ну такъ чтожъ? — прервалъ батюшка.—Бѣги скорѣй на село, проси ихъ ко мнѣ, да не слушай никакихъ отговорокъ. — Я ужъ ихъ звалъ, сударь, и они сейчасъ будутъ,—пробормоталъ сквозь зубы Андрей. — Такъ скажи, чтобъ прибавили что-нибудь къ ужину, — продолжалъ батюшка, — и вели принесть изъ подвала штофъ запеканки, двѣ бутылки вишневки, двѣ рябиновки и полдюжины винограднаго. Ступай!

Слуга отправился. Минутъ черезъ пять вошли въ комнату три казака и одинъ пожилой человѣкъ въ долгополомъ сюртукѣ. — Милости просимъ, дорогіе гости! — сказалъ батюшка, идя къ нимъ на встрѣчу. Зная, что набожные казаки всегда помолятся прежде святымъ иконамъ, а потомъ ужъ кланяются хозяину, онъ промолвилъ, указывая на образъ Спасителя, который трудно было разсмотрѣть въ темномъ углу:— Вотъ здѣсь!—но, къ удивленію его, казаки не только не перекрестились, но даже и не поглядѣли на образъ. Приказный сдѣлалъ то же самое.—Не фигура,—подумалъ батюшка, — что это крапивное сѣмя не знаетъ Бога, но вѣдь казаки—народъ благочестивый!.. Видно, они съ дороги-то вовсе ошалѣли! Межъ тѣмъ нежданные гости раскланялись съ хозяиномъ; казаки очень вѣжливо поблагодарили его за гостепріимство, а приказный, сгибаясь передъ нимъ въ кольцо, отпустилъ

такую рацею, что покойный батюшка, хотя былъ человѣкъ рѣчистый и за словомъ въ карманъ не ходилъ, а вовсе сталъ втупикъ, и, вмѣсто отвѣта на его кудрявое привѣтствіе, закричалъ: Гей, малый, запеканки!

Вошелъ опять Андрей, поставилъ на столъ тарелку закуски, штофъ водки и дѣдовскія серебряныя чары по доброму стакану. — Ну-ка, любезные! — сказалъ батюшка, наливая ихъ вровень съ краями, — поотогрѣйте свои душеньки; чай, вы порядкомъ надроглись. Прошу покорно! — Гости чинъ-чиномъ поклонились хозяину, выпили по чаркѣ и, не дожидаясь вторичнаго приглашенія, хватили по другой, хлебнули по третьей,—глядь-поглядь, анъ въ штофѣ хоть прогуливайся—ни капельки! — Ай-да питухи! — подумалъ батюшка.—Ну!!! нечего сказать, молодцы! Да и рожи-то у нихъ какія! — Въ самомъ дѣлѣ, нельзя было назвать этихъ нечаянныхъ гостей красавцами. У одного казака голова была больше туловища; у другого толстое брюхо почти волочилось по землѣ; у третьяго глаза были зеленые, а носъ крючкомъ, какъ у филина, и у всѣхъ волосы рыжіе, а щеки какъ раскаленные кирпичи, когда ихъ обжигаютъ на заводѣ. Но всѣхъ курьезнѣе показался ему приказный въ долгополомъ сюртукѣ: такой исковерканной и срамной рожи онъ сродясь не видывалъ! Его лысая и круглая, какъ бильярдный шаръ, голова втиснута была промежду двухъ узкихъ плечъ, изъ которыхъ одно было выше другого; широкій подбородокъ, какъ набитый пухомъ ошейникъ, обхватывалъ нижнюю часть его лица: давно не бритая борода торчала щетиною вокругъ синеватыхъ губъ, которыя чуть-чуть не сходились на затылкѣ; толстый вздернутый кверху носъ былъ такъ красенъ, что въ потемкахъ можно было принять его за головню; а маленькіе, прищуренные глаза вертѣлись и сверкали, какъ глаза дикой кошки, когда она подкрадывается ночью къ какому-нибудь звѣрьку или къ сонной пташечкѣ. Онъ безпрестанно ухмылялся; — но эта улыбка, — говаривалъ не разъ покойный мой ба-

тюшка,—ни дать, ни взять, походила на то, какъ собака оскаливаетъ зубы, когда увидитъ чужого или захочетъ у другой собаки отнять кость.

Вотъ какъ гости, опорожнивъ штофъ запеканки, остались безъ дѣла, то батюшка, желая занять ихъ чѣмъ-нибудь до ужина, началъ съ ними разговаривать.—Ну, что, пріятели,—спросилъ онъ казаковъ,—что у васъ на Дону подѣлывается.

— Да ничего!—отвѣчалъ казакъ съ толстымъ брюхомъ:—все попрежнему: пьемъ, гуляемъ, веселимся, пѣсенки попѣваемъ...

— Попѣвайте, любезные,—продолжалъ батюшка;—попѣвайте, только Бога не забывайте!

Казаки захохотали, а приказный оскалилъ зубы, какъ голодный волкъ, и сказалъ: Что объ этомъ говорить, сударь! Вѣдь это круговая порука: мы Его не помнимъ, такъ пускай и Онъ насъ забудетъ; было бы винцо да денежки, а все остальное трынь трава!

Батюшка нахмурился; онъ любилъ пожить, попить, пображничать; но былъ человѣкъ благочестивый и Бога помнилъ. Помолчавъ нѣсколько времени, батюшка спросилъ подъячаго, изъ какого онъ суда.

— Изъ уголовной палаты, сударь, — отвѣчалъ съ низкимъ поклономъ приказный.

— Ну что подѣлываетъ вашъ предсѣдатель?—продолжалъ батюшка.

А надобно вамъ сказать, господа, что этотъ предсѣдатель уголовной палаты былъ сущій разбойникъ.

— Что подѣлываетъ? — повторилъ приказный; — да то же, что и прежде, сударь: служитъ вѣрой и правдою...

— Да, да, вѣрой и правдою!—подхватили въ одинъ голосъ всѣ казаки.

— А развѣ вы его знаете?—спросилъ батюшка.

— Какъ же! — отвѣчалъ казакъ съ совинымъ носомъ: — мы всѣ его пріятели, и ждемъ не дождемся радости, когда его высокородіе къ намъ въ гости пожалуетъ.

— Да развѣ онъ хотѣлъ у васъ побывать?

— И не хочетъ, да будетъ,—прервалъ казакъ съ большой головою.—Пе такъ-ли товарищи?

Всѣ гости опять засмѣялись, а подъячій, прищуривъ свои кошачьи глаза, прибавилъ съ лукавой усмѣшкою: — Конечно, пріѣхать-то пріѣдетъ, а нечего сказать, тяжелъ на подъемъ! Мѣсяцъ тому назадъ совсѣмъ было ужъ въ повозку садился, да раздумалъ.

— Какъ такъ?—вскричалъ батюшка: — да мѣсяцъ тому назадъ онъ при смерти былъ боленъ

— Вотъ то-то и естъ, сударь! По этому-то самому резонту онъ было совсѣмъ и собрался въ дорогу.

— А, понимаю!—прервалъ батюшка:—вѣрно доктора совѣтовали ему ѣхать туда, гдѣ потеплѣе?

— Разумѣется!—подхватили съ громкимъ хохотомъ казаки: — вѣдь у насъ за тепломъ дѣло не станетъ: грѣйся, сколько хочешь.

Этотъ беспрестанный и беспутный хохотъ гостей, ихъ отвратительныя хари, а пуще всего двусмысленныя рѣчи, въ которыхъ было что-то нечистое и лукавое, весьма не понравились батюшкѣ, но дѣлать было нечего: зазвалъ гостей, такъ угощай! Желая какъ можно скорѣе отвязаться отъ такихъ собесѣдниковъ, онъ закричалъ, чтобъ подавали ужинать. Не прошло получаса, какъ столъ уже былъ накрытъ, кушанье поставлено и бутылки съ наливкою и виноградныхъ виномъ внесены въ комнату, а все хлопоталъ и суетился одинъ Андрей. Нѣсколько разъ батюшка хотѣлъ спросить его, куда подѣвались другіе люди; но всякій разъ какъ нарочно кто-нибудь изъ гостей развлекалъ его своими разговорами, которые часъ-отъ-часу становились забавнѣе. Казаки разсказывали ему про свое удальство и молодечество, а приказный про плутни своихъ товарищей и казусныя дѣла уголовной палаты. Мало-по-малу они успѣли такъ занять батюшку, что онъ, садясь съ ними за столъ, позабылъ даже помолиться Богу. За ужиномъ батюшка ничего не кушалъ;

но, не желая отставать отъ гостей, онъ выпилъ четыре бутылки вина и двѣ бутылки наливки—это не диковинка; покойный мой батюшка пить былъ здоровъ, и отъ полудюжины бутылокъ не свалился-бы со стула! Да только вотъ что было чудно: казалось, гости пили вдвое противъ него, а изъ приготовленныхъ шести бутылокъ вина и четырехъ наливки только шесть стояло пустыхъ на столѣ, то есть именно то самое число бутылокъ, которое выпилъ одинъ покойникъ батюшка; онъ видѣлъ, что гости наливали себѣ полные стаканы, а бутылка всегда доходила до него почти непочатая. Кажется, было чему подивиться; и онъ, точно, этому удивлялся—только на другой день, а за ужиномъ все это казалось ему весьма обыкновеннымъ. Я ужъ вамъ докладывалъ, что мой батюшка здоровъ былъ пить; по четыре бутылки сантуринскаго и почти штофъ крѣпкой наливки хоть кого подрумянятъ. Вотъ къ концу ужина онъ такъ распотѣшился, что даже безобразныя лица гостей стали казаться ему миловидными, и онъ раза два принимался обнимать приказнаго и перецѣловалъ всѣхъ казаковъ. Часъ-отъ-часу рѣчи ихъ становились безпутнѣе и наглѣе: они разсказывали про разныя любовныя похожденія, подшучивали надъ духовными людьми, и даже—страшно вымолвить!—забывъ, что они сидятъ за столомъ, какъ сущіе еретики и богоотступники принялись попѣвать срамныя пѣсни и приплясывать, сидя на своихъ стульяхъ. Во всякое другое время батюшка не потерпѣлъ бы такого безчинства въ своемъ домѣ; а тутъ, словно обмороченный, началъ самъ имъ подлаживать, затянулъ: *удалая голова, не ходи мимо сада*, и вошелъ въ такой задоръ, что хоть сейчасъ въ присядку. Межъ тѣмъ казаки, наскучивъ орать во все горло, принялись дѣлать разныя штуки: одинъ заговорилъ брюхомъ, другой проглотилъ большое блюдо съ хлѣбеннымъ, а третій ухватилъ себя за носъ, сорвалъ голову съ плечъ и началъ ею играть какъ мячикомъ. Чтожъ вы думаете, батюшка испугался? Нѣтъ! все это казалось ему очень забавнымъ,

и онъ такъ и валялся со смѣху. — Эге! — вскричалъ подъячій, — да вонъ тамъ на послѣднемъ окнѣ стоитъ никакъ запасная бутылочка съ наливкою: нельзя-ли ее прикомандировать сюда? Да не вставай, хозяинъ; я и такъ ее достану, — промолвилъ онъ, вытягивая руку черезъ всю комнату.

— Ого! какая у тебя ручища-то, пріятель! — закричалъ съ громкимъ хохотомъ батюшка:—аршинъ въ пять! Недаромъ же говорятъ, что у приказныхъ руки длинны...

— Да за то память коротка,—прервалъ одинъ изъ казаковъ.

— Вотъ увидите!—продолжалъ подъячій, поставивъ бутылку посреди стола. — Небойсь вы забыли, чье надо пить здоровье, а я такъ помню: начнемъ съ младшихъ! Ну-ка, братцы, хватимъ по чаркѣ за всѣхъ приказныхъ пройдохъ, за канцелярскихъ молодцовъ, за удалыхъ подъячихъ съ приписью, чтобъ имъ весь вѣкъ чернила пить, а бумагой закусывать; чтобъ они почаще умирали, да порѣже каялись!

— Что ты, что ты?—проговорилъ батюшка, задыхаясь со смѣху; — да этакъ у насъ всѣ суды опустѣютъ.

— И, хозяинъ, о чемъ хлопочешь! — продолжалъ приказный, наливая стаканы;—было бы только болото, а черти заведутся. Ну-ка, за мной—ура!

— Выпили? — закричалъ казакъ съ крючковатымъ носомъ; — такъ хлебнемъ же теперь по одной за здоровье нащего старшаго. Кто станетъ съ нами пить, тотъ нашъ, а кто нашъ, тотъ его.

— А какъ зовутъ вашаго старшину?—спросилъ батюшка, принимаясь за стаканъ.

— Что тебѣ до его имени! — сказалъ казакъ съ большой головою. — Говори только за нами: да здравствуетъ тотъ, кто изъ рабовъ хотѣлъ сдѣлаться господиномъ, и хотъ сидѣлъ высоко, а упалъ глубоко, да не тужитъ.

— Но кто же онъ такой?

— Кто нашъ отецъ и командиръ? — продолжалъ казакъ. — Мало ли что о немъ толкуютъ! Говорятъ, что онъ любитъ мракъ и называетъ его свѣтомъ, такъ чтожъ? Для умнаго человѣка и потемки свѣтъ. Разсказываютъ также, будто бы онъ жалуетъ Содомъ, Гоморъ и всякую безпорядицу для того, дескать, чтобъ въ мутной водѣ рыбу ловить; да это все бабьи сплетни. Нашъ господинъ — баринъ предобрый; ему служить легко: садись за столъ не крестясь, ложись спать не помолясь; пей, веселись, забавляйся, да не вѣрь тому, что печатаютъ подъ титлами—вотъ и вся служба. Ну что? вѣдь не житье, а масленица,—не правда ли?

Какъ ни былъ хмѣленъ батюшка, однакожъ призадумался. — Я что-то въ толкъ не беру, — сказалъ онъ.

— А вотъ какъ выпьешь, такъ поймешь, — прервалъ подъячій.—Ну, братцы, разомъ! Да здравствуетъ нашъ отецъ и командиръ!

Всѣ гости, кромѣ батюшки, осушили свои стаканы.

— Ба, ба, ба, хозяинъ! — закричалъ подъячій; — да чтожъ ты не пьешь?

— Нѣтъ, любезный,—отвѣчалъ батюшка,—я и такъ ужъ пилъ довольно. Не хочу!

— Да что съ тобой сдѣлалось?—спросилъ толстый казакъ; — о чемъ ты задумался? Эй; товарищи! надо развеселить хозяина. Не поплясать ли намъ?

— А что, въ самомъ дѣлѣ: — подхватилъ приказный:—мы посидѣли довольно,—не худо промяться, а то вѣдь этакъ пожалуй и ноги затекутъ.

— Плясать, такъ плясать!—закричали всѣ гости.

— Такъ постойте-же, любезные!—сказалъ батюшка, вставая,—я велю позвать моего гуслиста.

— Зачѣмъ? — прервалъ подъячій, — у насъ и своя музыка найдется. Гей, вы—начинай!

Вдругъ за печкою поднялась ужасная возня, запищали гудки, рожки и всякіе другіе инструменты; загремѣли бубны и тарелки; потомъ послышались человѣческіе голоса; цѣлый хоръ пѣсельниковъ засвисталъ,

загаркалъ, да какъ хватитъ плясовую — и пошла потѣха.

— Ну-ка, хозяинъ,—проговорилъ казакъ съ красноватымъ носомъ, уставивъ на батюшку свои зеленые глаза,—посмотримъ твоей удали!

— Нѣтъ! — сказалъ батюшка, начиная понимать, какъ будто бы сквозь сонъ, что дѣло становится не ладно. — Забавляйтесь себѣ сколько угодно, а я плясать не стану.

— Не станешь? — заревѣлъ толстый казакъ. — А вотъ увидимъ! Всѣ гости вскочили съ своихъ мѣстъ.

Покойнаго батюшку начала бить лихорадка,—да и было отчего: вмѣсто четырехъ, хотя и не красивыхъ, но обыкновенныхъ людей, стояли вокругъ него четыре пугала такого огромнаго роста, что когда они вытягивались, то отъ ихъ головъ трещалъ потолокъ въ комнатѣ. Лица ихъ не перемѣнились, но только сдѣлались еще безобразнѣе.

— Не станешь!—повторилъ ухмыляясь насмѣшливо подъячій. — Полно ломаться-то, пріятель! — И почище тебя съ нами плясывали, да еще посторонніе; а вѣдь ты нашъ.

— Какъ вашъ?—сказалъ батюшка.

— А чей же? Ты человѣкъ грамотный, такъ вѣрно читалъ, что двумъ господамъ служить не можно; а вѣдь ты служишь нашему.

— Да о какомъ ты говоришь господинѣ?—спросилъ батюшка, дрожа какъ осиновый листъ.

— О какомъ?—прервалъ большеголовый казакъ;— вѣстимо, о томъ, о которомъ я тебѣ говорилъ за ужиномъ. Ну вотъ тотъ, котораго слуги ложатся спать не молясь, садятся за столъ не перекрестясь, пьютъ, веселятся, да не вѣрятъ тому, что печатаютъ подъ титлами.

— Да чтожъ онъ мнѣ за господинъ?—промолвилъ батюшка, все еще не понимая порядкомъ, о чемъ идетъ дѣло.

— Эге, пріятель! — подхватилъ подъячій, —да ты

никакъ сталъ отнѣкиваться и чинить запирательство? Нѣтъ, любезнѣйшій, отъ насъ не отвертишься! Коли ты исполняешь волю нашего господина, такъ какъ же ты ему не слуга? А вспомни-ка хорошенько: молился ли ты сегодня, когда прилегъ соснуть? Перекрестился ли, садясь ужинать? Не пилъ ли ты, не веселился ли съ нами вдоволь? А часа полтора тому назадъ, когда ты прочелъ вонъ въ этой книгѣ слово: «нашъ еси, Исаакій, да восплящетъ съ нами!» Что? развѣ ты этому повѣрилъ?

Вся кровь застыла въ жилахъ у батюшки. Вдругъ какъ будто бы сняли съ глазъ его повязку, хмѣль соскочилъ и все сдѣлалось для него яснымъ.—Господи Боже мой!..—проговорилъ онъ, стараясь оградить себя крестнымъ знаменіемъ, да не тутъ-то было! Рука не подымалась, пальцы не складывались, но зато ужъ ноги такъ и пошли писать! Сначала онъ одинъ отхваталъ голубца съ вывертами и вычурами такими, что и сказать нельзя; а тамъ гости подцѣпили его, да и ну надъ нимъ потѣшаться. Покойникъ, разсказывая мнѣ объ этомъ, всегда дивился, какъ у него душа въ тѣлѣ осталась. Онъ помнилъ только одно, какъ комната наполнилась огнемъ и дымомъ, какъ его перебрасывали изъ рукъ въ руки, играли имъ въ свайку, спускали какъ волчекъ, какъ онъ кувыркался по воздуху, бился о потолокъ, вертѣлся юлою на маковкѣ, и какъ, наконецъ, протанцовавъ на головѣ казачка, онъ совсѣмъ обезпамятѣлъ.

Когда батюшка очнулся, то увидѣлъ, что лежитъ на канапе, и что вокругъ его стоятъ и суетятся его слуги. — Ну что? — прошепталъ онъ торопливо и поглядывая вокругъ себя какъ полоумный,—ушли ли они?

— Кто, сударь?—спросилъ одинъ изъ лакеевъ.

— Кто!—повторилъ батюшка съ невольнымъ содраганіемъ,—кто!.. Ну, вотъ эти казаки и приказный...

— Какіе, сударь, казаки и приказный?—прервалъ буфетчикъ Ѳома.—Да сегодня никакихъ гостей не было, и вы не изволили ужинать. Ужъ я дожидался, дожи-

дался, и какъ вошелъ къ вамъ въ комнату, такъ увидѣлъ, что вы лежите на полу, всѣ въ поту, изорванные, растрепанные и такіе блѣдные, какъ будто бы,— не привасъ будь слово сказано,—коверкала васъ какая-нибудь черная немочь.

— Такъ у меня сегодня гостей не было?—сказалъ батюшка, приподымаясь съ трудомъ на ноги.

— Не было, сударь.

— Да неужели я видѣлъ все это во снѣ?.. Да нѣтъ! быть не можетъ!—продолжалъ батюшка, охая и подхватывая себя за бока;—а кости-то почему у меня всѣ такъ перемяты?.. А эти двѣ свѣчи?.. Кто ихъ на столъ поставилъ?

— Не знаю,—отвѣчалъ буфетчилъ;—видно вы сами изволили ихъ зажечь, да не помните съ просонья.

— Ты врешь!—закричалъ батюшка:—я помню, ихъ принесъ Андрей; онъ и на столъ накрывалъ и кушанье подавалъ.

Всѣ люди посмотрѣли другъ на друга съ примѣтнымъ ужасомъ. Ванька гуслистъ хотѣлъ было что-то сказать, но заикнулся и не выговорилъ ни слова.

— Ну чтожъ вы, дурачье, рты-то разинули?—продолжалъ батюшка.—Говорятъ вамъ, что у меня были гости, и что Андрей служилъ за столомъ.

— Помилуйте, сударь!—сказалъ буфетчикъ Ѳома,— иль вы изволили забыть, что Андрей около недѣли лежитъ больной въ горячкѣ.

— Такъ видно ему сдѣлалось лучше. Онъ ровно въ десять часовъ былъ здѣсь. Да что тутъ толковать! Позовите ко мнѣ Андрея! Гдѣ онъ?

— Вы изволите спрашивать, гдѣ Андрей?—проговорилъ, наконецъ, Ванька гуслистъ.

— Ну да! гдѣ онъ?

— Въ избѣ, сударь, лежитъ на столѣ.

— Что ты говоришь?—вскричалъ батюшка.—Андрей Степановъ?..

— Приказалъ вамъ долго жить,—прервалъ дворецкій, входя въ комнату.

— Онъ умеръ!..

— Да, сударь! Ровно въ десять часовъ.

Кольчугинъ замолчалъ.—Ну, подлинно диковинный случай!—сказалъ Алексѣй Ивановичъ Асановъ;—и если твой отецъ не любилъ краснаго словца прибавить...

— Терпѣть не могъ, батюшка! Онъ во всемъ уѣздѣ слылъ такимъ правдухою, что псовые охотники не смѣли при немъ о своихъ отъѣзжихъ поляхъ и борзыхъ собакахъ и словечка вымолвить.

— Да чтожъ тутъ страннаго?—прервалъ пріятель мой Заруцкій:—вашъ батюшка заспался, не помнилъ, что зажегъ двѣ свѣчи и видѣлъ просто во снѣ то, что за нѣсколько минутъ читалъ наяву.

— Такъ, сударь, такъ!—продолжалъ Кольчугинъ.— Да только вотъ что: спустя нѣсколько времени узнали, что дѣйствительно въ эту самую ночь три казака съ Дону и приказный изъ города проѣзжали черезъ село, только нигдѣ не останавливались; и въ томъ же году, когда стали повѣрять бутылки въ погребѣ, такъ четырехъ бутылокъ виноградняго вина и двухъ бутылокъ наливки нигдѣ не оказалось.

— Да, это довольно странное стеченіе обстоятельствъ,—сказалъ исправникъ.

— И всѣ этому дивились, батюшка! — промолвилъ Кольчугинъ.

— То есть проѣзду казаковъ и подъячаго, — прервалъ Заруцкій; — а что въ погребѣ не нашлось нѣсколькихъ бутылокъ, такъ это доказываетъ только одно, что ключникъ покойнаго вашего батюшки любилъ отвѣдать барскаго винца и наливки, и при семъ удобномъ случаѣ свалилъ всю бѣду на безотвѣтнаго чорта.

— Вотъ о чемъ хлопочетъ!—сказалъ Черемухинъ, взглянувъ исподлобья на моего пріятеля,—ты настоящій Ѳома невѣрный! Да что тутъ удивительнаго? Такіе ли бываютъ случаи въ жизни? Ну, еслибъ я разсказалъ вамъ то, что слышалъ самъ своими ушами отъ одного изъ моихъ знакомыхъ...

— Который узналъ объ этомъ, — подхватилъ съ улыбкою исправникъ,—отъ своего пріятеля, а этому пріятелю разсказывала кума, а кума слышала отъ своего дѣдушки, а дѣдушка...

— Нѣтъ, сударь, извините! — прервалъ Черемухинъ: — тотъ, кто мнѣ это разсказывалъ, не только былъ очевидцемъ, но даже дѣйствующимъ лицомъ въ семъ необычайномъ приключеніи.

— Необычайномъ! — повторилъ съ любопытствомъ хозяинъ.

— Да, Алексѣй Ивановичъ! подлинно, чудный случай! Да и такой-то чудный, что мнѣ совѣстно вамъ разсказывать, тѣмъ болѣе, что я не могу никакъ сомнѣваться въ истинѣ сего происшествія.

— Ахъ, батюшки!—вскричалъ исправникъ,—да это становится весьма интереснымъ. Сдѣлай милость, Прохоръ Кондратьичъ, не томи; разсказывай скорѣе!

— Проказитъ онъ, господа!—сказалъ хозяинъ, покачивая головою.

— Такъ я же вамъ докажу, что нѣтъ,—прервалъ Черемухинъ.—Прошу послушать. Да слушай и ты,—продолжалъ онъ, подмигнувъ Заруцкому: — ты все подводишь подъ общіе законы природы; посмотримъ, какъ ты изъяснишь мнѣ естественнымъ образомъ то, что случилось съ моимъ пріятелемъ!

Концертъ бѣсовъ.

Если кто-нибудь изъ васъ, господа, живалъ постоянно въ Москвѣ,—началъ такъ разсказывать Черемухинъ, положа въ сторонѣ свою трубку, — то вѣрно замѣтилъ, что періодическія нашествія нашей братьи, провинціаловъ, на матушку Москву бѣлокаменную начинаются по-большей части передъ Рождествомъ. Почти въ одно время съ появленіемъ мерзлыхъ гусей и индюшекъ въ Охотномъ ряду, потянутся черезъ всѣ заставы безконечные караваны кибитокъ, возковъ и всякихъ другихъ зимнихъ повозокъ, нагруженныхъ семей-

ствами деревенскихъ помѣщиковъ, которые спѣшатъ повеселиться въ столицѣ, жениховъ посмотрѣть, дочерей показать, и прожить въ нѣсколько недѣль все то, что они накопили въ теченіе цѣлаго года. Но въ 1796 году, этотъ приливъ временныхъ жителей Москвы начался съ первымъ снѣгомъ и, по увѣренію старожиловъ, давно уже наша древняя столица не была такъ полна, или, лучше сказать, биткомъ набита пріѣзжими изъ провинцій. Старшины благороднаго собранія пожимали плечами, когда на ихъ балахъ не насчитывали болѣе двухъ тысячъ посѣтителей и громогласно упрекали въ этомъ италіанца Медокса, который безпрестанно давалъ маскарады въ залахъ и ротондѣ Петровскаго театра. Дѣйствительно, публичные маскарады, въ которыхъ не танцовали, а душились и давили другъ друга, были въ эту зиму любимой забавою всей московской публики. Въ числѣ самыхъ неизмѣнныхъ посѣтителей сихъ маскарадовъ былъ одинъ молодой человѣкъ также пріѣзжій, но только не изъ провинціи. Иванъ Николаевичъ Зоринъ, — такъ звали этого молодого человѣка, — только что возвратился изъ чужихъ краевъ. Онъ долго жилъ въ Италіи, любилъ страстно музыку, и всегда говорилъ объ италіанской оперѣ съ восторгомъ, который превращался почти въ безуміе, когда рѣчь доходила до оперной примадоны Неаполитанскаго театра. Онъ называлъ ее въ разговорахъ Лауретою, но не хотѣлъ открыть никому изъ своихъ знакомыхъ имя, подъ которымъ она была извѣстна въ музыкальномъ мірѣ. По всему было замѣтно, что не одна страсть къ искусству была причиною сего энтузіазма, и хотя Зоринъ никому не повѣрялъ своей сердечной тайны, но всѣ его пріятели, а въ томъ числѣ и я, отгадывали, почему онъ казался всегда печальнымъ, скучнымъ и оживалъ тогда только, когда начинали съ нимъ говорить объ италіанской оперѣ. Его вѣчную задумчивость, тоску и какое-то мрачное уныніе, которое въ Англіи назвали-бы сплиномъ, мы называли просто хандрою, и всякій разъ смѣялись надъ его докто-

ромъ, когда онъ, разсуждая о душевной болѣзни нашего пріятеля, покачивалъ сомнительно головою.— Полноте, Ѳома Ѳомичъ!—говорили мы ему,—что вамъ за охота набивать его желудокъ пилюлями? Пропишите-ка ему бутылки по двѣ шампанскаго въ день, да пріемовъ пять или шесть въ недѣлю баловъ, театровъ и маскарадовъ, такъ это будетъ лучше вашихъ разводящихъ и возбуждающихъ лѣкарствъ. Какъ ни упирался Ѳома Ѳомичъ, а подъ конецъ рѣшился послушаться нашего совѣта, и предписалъ Зорину ѣздить по всѣмъ баламъ и не пропускать ни одного маскарада. Въ самомъ дѣлѣ, принимая участіе во всѣхъ городскихъ веселостяхъ; нашъ больной сталъ и самъ какъ будто-бы спокойнѣй и веселѣе. Случалось однако-же, что онъ не бывалъ въ театрѣ и отказывался отъ званаго вечера; но зато постоянно каждый маскарадъ являлся первый и уѣзжалъ послѣдній.

Я служилъ еще тогда въ гвардіи. Срокъ моего отпуска оканчивался на первой недѣлѣ великаго поста, и чтобы не попасть въ бѣду, я долженъ былъ непремѣнно въ чистый понедѣльникъ отправиться обратно въ Петербургъ. Желая воспользоваться послѣдними днями моего отпуска и повеселится до сыта, я провелъ всю масляницу самымъ безпутнымъ образомъ! Днемъ — блины, катанья, званые обѣды; вечеромъ — театры, а ночью до самаго утра балы и домашніе маскарады не дали мнѣ во всю недѣлю ни разу образумиться. Я былъ безпрестанно въ какомъ-то чаду, и со вершенно потерялъ изъ виду пріятеля моего Зорина. Въ воскресенье, то есть въ послѣдній день масляницы, я пріѣхалъ ранѣе обыкновеннаго въ публичный маскарадъ. Народу была бездна; каждыя двери приходилось брать приступомъ, и я насилу въ четверть часа могъ добраться до ротонды. Музыка, шумные разговоры, пискотня масокъ, которыя, несмотря на то, что задыхались отъ жара, не переставали любезничать и болтать вздоръ; ослѣпительный свѣтъ отъ хрустальныхъ люстръ, пестрота нарядовъ, и этотъ невнятный, но

оглушающій гулъ многолюдной толпы, составленной изъ людей, которые хотятъ, во что-бъ ни стало, веселиться, все это сначала такъ меня отуманило, что я нѣсколько минутъ не слышалъ и не видѣлъ ничего. Желая перевести духъ, я сталъ искать мѣстечка, гдѣбы могъ присѣсть и немного пооглядѣться. Пробираясь вдоль стѣны, вдругъ услышалъ я, что кто-то называетъ меня по имени; обернулся, гляжу — высокій мужчина, въ красномъ домино и маскѣ, манитъ меня къ себѣ рукою. Въ ту самую минуту, какъ я къ нему подошелъ, сосѣдъ его всталъ съ своего мѣста.

— Садись подлѣ меня,—сказалъ онъ.—На-силу-то мы съ тобою повстрѣчались! Да чтожъ ты на меня смотришь?—продолжалъ замаскированный; — неужели ты не узналъ меня по голосу?

— Да!—подумалъ я,—въ этомъ голосѣ есть что-то знакомое; но онъ такъ дикъ, такъ страненъ...

— Ну, если ты меня не узнаешь, такъ смотри!— сказалъ человѣкъ въ красномъ домино, приподымая свою маску.

Я невольно отскочилъ назадъ,—сердце мое замерло отъ ужаса... Боже мой! такъ точно, это Зоринъ! это его черты!.. О, конечно!.. это онъ, точно онъ!.. когда будетъ лежать на столѣ, когда станутъ отпѣвать его... Но теперь... Нѣтъ, нѣтъ!.. живой человѣкъ не можетъ имѣть такого лица!

— Что ты?—спросилъ онъ съ какою-то странною улыбкою. — Ужъ не находишь-ли ты, что я перемѣнился?

— О, чрезвычайно!

— Такъ зачѣмъ-же говорятъ, что печаль мѣняетъ человѣка... Неправда! не печаль, а развѣ радость.

— Радость?

— Да, мой другъ! О, если-бъ ты зналъ, какъ я счастливъ! Послушай!—продолжалъ мой пріятель вполголоса, и поглядывая съ робостью вокругъ себя,— только, Бога ради, чтобъ никто не зналъ объ этомъ! Она здѣсь!

— Она?.. Кто она?

— Лауретта.

— Неужели?

— Да, мой другъ, она здѣсь. О, какъ она меня любитъ! Она покинула свою милую родину, промѣняла свои вѣчно голубыя небеса на наше облачное угрюмое небо; тамъ, въ кругу родныхъ своихъ, пригрѣтая солнышкомъ благословенной Италіи, она цвѣла, какъ пышная роза; а здѣсь одна, посреди людей мертвыхъ и холодныхъ, какъ наши вѣчные снѣга, она если не завянетъ сама, то погубитъ навсегда свой даръ, переживетъ свою славу, и все это для меня!.. Она, привыкшая дышать пламеннымъ воздухомъ Италіи, не побоялась нашихъ трескучихъ морозовъ, нашихъ зимнихъ вьюгъ, забыла все, покинула все,—живая легла въ эту обширную, холодную могилу, которую мы называемъ нашимъ отечествомъ,—и все это для меня!.. И все это для того, чтобъ увидѣться опять со мною!

— Ужъ не слишкомъ-ли ты прославляешь этотъ подвигъ!—прервалъ я моего пріятеля.—У насъ не такъ тепло, какъ въ Италіи, но также бываетъ и весна и лѣто. Быть можетъ въ Неаполѣ веселѣе, чѣмъ здѣсь; однако-жъ, воля твоя, и Москва не походитъ на могилу; да и твоя Лауретта, не погнѣвайся, не первая италіанская пѣвица, которую мы здѣсь видимъ; и если она будетъ давать концертъ...

— Да! одинъ и послѣдній. Я согласился на это; пусть она обворожитъ всю Москву, поразогрѣетъ хотя на минуту ваши ледяныя души, а потомъ умретъ для всѣхъ, кромѣ меня.

— Такъ она хочетъ навсегда здѣсь остаться?

— Да, навсегда. Ну, видишь-ли, какъ она меня любитъ? Но за то и я... О! любовь моя не чувство, не страсть... нѣтъ, мой другъ, нѣтъ!.. Не знаю, постигнешь-ли ты мое блаженство? Поймешь-ли ты меня?.. Я принадлежу ей весь. Она просила меня — да! она хотѣла этого... — Тутъ Зоринъ наклонился и прошеп-

талъ мнѣ на ухо:—Я отдалъ ей мою душу,—теперь я весь ея... Понимаешь-ли, мой другъ?.. весь.

Мнѣ случалось много разъ самому отдавать на словахъ мою душу; да и кто изъ молодыхъ людей остановится сказать любезной женщинѣ, что его душа принадлежитъ ей, что она владѣетъ ею; это пошлая, истертая во всѣхъ любовныхъ изъясненіяхъ фраза не значитъ ничего. Но, несмотря на это, не могу вамъ изъяснить, съ какимъ чувствомъ ужаса и отвращенія я слушалъ исповѣдь моего пріятеля. Таинственный голосъ, которымъ онъ говорилъ, дикій огонь его сверкающихъ глазъ, этотъ неистовый, безумный восторгъ, эти слова радости и блѣдное, изсохшее лицо мертвеца!..—«Эхъ. братецъ!»—сказалъ я съ досадою,—«какъ можно говорить такой вздоръ? Душа принадлежитъ не намъ; ее отдавать никому не должно. Люби свою итальянскую пѣвицу, женись на ней, если хочешь, пусть владѣетъ твоимъ сердцемъ»...

— Сердцемъ!—повторилъ насмѣшливымъ голосомъ мой пріятель.— Да что такое сердце? Развѣ оно безсмертно какъ душа, развѣ оно не истлѣетъ когда-нибудь въ могилѣ? Прекрасный подарокъ: горсть пыли! Кто даритъ свое сердце, тотъ обѣщаетъ любить только до тѣхъ поръ, пока оно бьется, а оно можетъ застыть и сегодня, и завтра;—но кто отступается отъ души своей, тотъ отдаетъ не жизнь, не тысячу жизней, а всю свою безконечную вѣчность. Да, мой другъ! дарить такъ дарить! Теперь Лауреттѣ бояться нечего; душа не сердце—ее не закопаютъ въ могилу.

— Да сдѣлай милость,—прервалъ я,—покажи мнѣ эту волшебницу, эту Армиду, которая, какъ демонъ-соблазнитель, добирается до твоей души; повези меня къ ней.

— Я не знаю самъ, гдѣ она живетъ.

— Нѣтъ, шутишь?

— Да, мой другъ; я видаюсь съ ней только здѣсь. Она не хочетъ до времени никому показываться; но все это скоро кончится: послѣ ея концерта мы обвѣнчаемся и уѣдемъ жить въ деревню.

— А когда будетъ ея концертъ?

— На будущей недѣлѣ, въ пятницу.

— На будущей недѣлѣ?.. Быть не можетъ! Ты вѣрно позабылъ, что на первой недѣлѣ великаго поста не даютъ никакихъ концертовъ.

— Полно, такъ-ли? Кажется, Лауретта должна это знать; она даже говорила, что дастъ свой концертъ здѣсь, въ этой ротондѣ.

— Такъ она вѣрно сама ошибается. Видѣлъ ли ты ее сегодня?

— Нѣтъ еще. Она не пріѣзжаетъ никогда ранѣе двѣнадцати часовъ; но за то ровно въ полночь, какъ бы ни было тѣсно въ маскарадѣ и гдѣ-бъ я ни сидѣлъ, она всегда меня отыщетъ.

— Ровно въ полночь!—сказалъ я, взглянувъ на мои часы. — То есть черезъ двѣ минуты. Посмотримъ, такъ ли она аккуратна, какъ ты говоришь.

Если вамъ не случалось самимъ, господа, встрѣчать великій постъ въ маскарадѣ, то по крайней мѣрѣ вы слыхали, что, по принятому обычаю, ровно въ двѣнадцать часовъ затрубятъ на хорахъ, и музыка перестаетъ: это значитъ, что наступилъ великій постъ, и что всѣ публичныя удовольствія прекращаются. Въ ту минуту, какъ я смотрѣлъ на часы, которые, вѣроятно, поотстали, надъ самой моей головою раздался пронзительный звукъ трубъ, и такъ нечаянно, что я невольно вздрогнулъ и поднялъ глаза кверху.—«Тьфу пропасть! какъ они испугали меня»!—проговорилъ я, обращаясь къ моему пріятелю; но подлѣ меня стоялъ уже порожній стулъ. Я поглядѣлъ вокругъ себя: вдали, посреди толпы людей, мелькало красное домино; мнѣ казалось, что съ нимъ идетъ высокаго роста стройная женщина, въ черномъ венеціанѣ. Я вскочилъ, побѣжалъ вслѣдъ за ними; но въ то-же самое время поровнялись со мною три маски, около которыхъ такая была давка, что я никакъ не могъ пробраться, и потерялъ изъ виду красное домино моего пріятеля. Эти маски только что появились въ ротонду: одна изъ нихъ

была наряжена какимъ-то длиннымъ и тощимъ привидѣніемъ, въ большой бумажной шапкѣ, на которой было написано крупными словами: «сухояденіе». По обѣимъ сторонамъ ея шли другія двѣ маски, изъ которыхъ одна одѣта была грибомъ, а другая капустою. Длинное пугало поздравляло всѣхъ съ великимъ постомъ, прибавляя къ этому шуточки и поговорки, отъ которыхъ всѣ кругомъ такъ и помирали со смѣху. Одинъ я не смѣялся, а работалъ усердно и руками и ногами, чтобъ пробраться сквозь толпу. Наконецъ, мнѣ удалось вырваться на просторъ: я обшарилъ всю ротонду, обѣжалъ боковыя галлереи, но не встрѣтилъ нигдѣ ни краснаго домино, ни чернаго венеціана. На другой день по-утру я заѣзжалъ проститься съ Зоринымъ, не засталъ его дома, а вечеромъ скакалъ уже по большой Петербургской дорогѣ.

Прошло болѣе трехъ мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, какъ я оставилъ Москву. Занимаясь безпрерывно службою и процессомъ, который начался при моемъ дѣдушкѣ и, вѣроятно, кончится при моихъ внучатахъ, я совсѣмъ забылъ о послѣднемъ моемъ свиданіи и разговорѣ съ Зоринымъ. Однажды въ Англійскомъ клубѣ, пробѣгая, не помню какой-то иностранный журналъ, я попалъ нечаянно на статью, въ которой извѣщали, что примадонна Неаполитанскаго театра, Лауретта Бальдуси, къ прискорбію всѣхъ любителей музыки, умерла въ послѣднихъ числахъ февраля мѣсяца, въ собственной своей виллѣ, близъ Портичи.—Лауретта!—повторилъ я невольно.—Примадонна Неаполитанскаго театра!.. Ахъ, Боже мой! да это та самая итальянская пѣвица, въ которую влюбленъ до безумія бѣдняжка Зоринъ! Но какъ же она могла умереть въ послѣднихъ числахъ февраля близъ Неаполя, когда почти въ то-же самое время она была у насъ въ Москвѣ, въ маскарадѣ у Медокса?.. Что за вздоръ!.. Въ тотъ же самый вечеръ я написалъ къ одному изъ московскихъ пріятелей, чтобъ онъ увѣдомилъ меня, здоровъ ли Зоринъ, гдѣ онъ и не слышно-ли чего-нибудь о женитьбѣ его съ одной ино-

странкою. Въ отвѣтѣ на письмо мое увѣдомляли меня, что на первой недѣлѣ великаго поста, по-утру въ субботу, нашли Зорина безъ чувствъ на Петровской площади близъ театра; что онъ былъ при смерти боленъ, и что ужъ недѣли двѣ, какъ его отвезли лѣчиться въ Петербургъ. Я сталъ искать его вездѣ, обѣгалъ весь городъ, но всѣ старанія мои были напрасны. Наконецъ, совершенно неожиданнымъ образомъ, я увидѣлся съ нимъ въ одномъ домѣ, гдѣ никакъ не предполагалъ и вовсе не желалъ его найти. Онъ очень мнѣ обрадовался, и, не дожидаясь моей просьбы, разсказалъ свое чудное приключеніе, которое началось въ ротондѣ Петровскаго театра и кончилось тамъ же. Вотъ слово отъ слова весь этотъ разсказъ, такъ, какъ я слышалъ его отъ бѣднаго моего пріятеля.

«Ты вѣрно не забылъ»,—сказалъ онъ мнѣ,—«что я въ послѣдній разъ видѣлся съ тобою наканунѣ великаго поста, въ маскарадѣ Медокса. Въ ту самую минуту, какъ на хорахъ протрубили полночь, я замѣтилъ посреди толпы масокъ Лауретту, которая, проходя мимо, манила меня къ себѣ рукою. Ты былъ чѣмъ-то занятъ другимъ и, кажется, не замѣтилъ, какъ я вскочилъ со стула и побѣжалъ вслѣдъ за нею. «Ступай сейчасъ домой»,—сказала она мнѣ, когда я взялъ ее за руку;—«я требую также, чтобъ ты четыре дня сряду никуда не выѣзжалъ и не принималъ къ себѣ никого. Во все это время мы ни разу съ тобой не увидимся. Въ пятницу приходи сюда пѣшкомъ одинъ, часу въ двѣнадцатомъ ночи. Здѣсь въ ротондѣ будетъ репетиція концерта, который я даю въ субботу».—Но къ чему такъ поздно?—спросилъ я;—и пустятъ ли меня?—«Не безпокойся!» — отвѣчала Лауретта: — «для тебя двери будутъ отперты; я репетицію назначила въ полночь для того, чтобъ никто не зналъ объ этомъ, кромѣ нѣкоторыхъ артистовъ и любителей музыки, которыхъ я сама пригласила. Теперь отправляйся скорѣе, и если ты исполнишь все, что я отъ тебя требую, то я навѣки буду принадлежать тебѣ; если же ты меня

не послушаешься, а особливо когда пустишь къ себѣ пріятеля, съ которымъ сидѣлъ сейчасъ вмѣстѣ и которому разсказалъ то, о чемъ бы долженъ былъ молчать, то мы никогда не увидимся ни въ здѣшнемъ, ни въ другомъ мірѣ;—и хотя, мой милый другъ, всѣмъ мірамъ и счету нѣтъ,—промолвила она тихимъ голосомъ;—но мы ужъ ни въ одномъ изъ нихъ не встрѣтимся съ тобою.

Въ теченіе двухъ лѣтъ, проведенныхъ мною въ Неаполѣ, я успѣлъ привыкнуть къ странностямъ и необычайнымъ капризамъ Лауретты. Эта плѣнительная и чудная женщина, то тихая и покорная, какъ робкое дитя, то неукротимая и гордая, какъ падшій ангелъ, соединяла въ себѣ всевозможныя крайности. Иногда она готова была враждовать противъ самихъ небесъ, не вѣрила ничему, смѣялась надъ всѣмъ, и вдругъ безъ всякой причины становилась суевѣрною до высочайшей степени; видѣла вездѣ злыхъ духовъ, совѣтовалась съ ворожеями, и если не любила, то по крайней мѣрѣ боялась Бога. По временамъ она называла себя моей рабою, и была ею дѣйствительно; но когда эта минута смиренія проходила, то она превращалась въ такую властолюбивую женщину, что не выносила ни малѣйшаго противорѣчія; а посему, какъ ни странны казались мнѣ ея требованія, я не дозволилъ себѣ никакого замѣчанія, и безусловно обѣщался исполнить ея волю, тѣмъ болѣе, что она дала мнѣ слово, что это будетъ послѣднимъ и окончательнымъ испытаніемъ моей любви.

«Ты можешь себѣ представить»,—продолжалъ Зоринъ,—«съ какимъ нетерпѣніемъ дожидался я пятницы. Я приказалъ всѣмъ отказывать, и даже не принялъ тебя, когда ты по-утру пріѣхалъ со мною проститься. Днемъ ходилъ я взадъ и впередъ по моимъ комнатамъ, не могъ ни за что приняться, горѣлъ какъ на огнѣ, а ночью,—о, мой другъ! такихъ адскихъ ночей не проводятъ и преступники наканунѣ своей жизни! Такъ не мучили людей даже и тогда, когда пытка была обду-

маннымъ искусствомъ и наукою! Не знаю, какъ дожилъ я до пятницы; помню только, что въ послѣдній день моего испытанія мнѣ не только не шла ѣда на умъ, но я не могъ даже выпить чашку чаю. Голова моя пылала, кровь не текла, а кипѣла въ моихъ жилахъ. Помнится также, день былъ не праздничный; а мнѣ казалось, что въ Москвѣ съ утра до самой ночи не переставали звонить въ колокола. Передо мною лежали часы; когда стрѣлка стала подвигаться къ полуночи, нетерпѣніе мое превратилось въ какое-то бѣшенство; я задыхался, меня била злая лихорадка, и холодный потъ выступалъ на лицѣ моемъ. Въ половинѣ двѣнадцатаго часа я накинулъ на себя шинель и отправился. Всѣ улицы были пусты. Хотя моя квартира была версты двѣ отъ театра, но не прошло и четверти часа, какъ я пробѣжалъ всю Пречистенку, Моховую и вышелъ на площадь Охотнаго ряда. Въ двухстахъ шагахъ отъ меня подымалась колоссальная кровля Петровскаго театра. Ночь была безлунная, но за то звѣзды казались мнѣ и болѣе и свѣтлѣе обыкновеннаго; многія изъ нихъ падали прямо на кровлю театра и, разсыпаясь искрами, потухали. Я подошелъ къ главному подъѣзду. Однѣ двери были немного порастворены: подлѣ нихъ стоялъ съ фонаремъ какой-то дряхлый сторожъ; онъ махнулъ мнѣ рукою и пошелъ впередъ по темнымъ корридорамъ. Не знаю, оттого-ли, что я пришелъ уже въ назначенное мѣсто, или отчего другого, только я примѣтнымъ образомъ сталъ спокойнѣе, и помню даже, что, разсмотрѣвъ хорошенько моего проводника, замѣтилъ, что онъ подается впередъ, не переставляя ногъ, и что глаза его точно такъ же тусклы и неподвижны, какъ стеклянные глаза, которые вставляютъ въ лица восковыхъ фигуръ. Пройдя длинную галлерею, мы вошли, наконецъ, въ ротонду. Она была освѣщена, во всѣхъ люстрахъ и канделябрахъ горѣли свѣчи; но, несмотря на это, въ ней было темно; всѣ эти огоньки, какъ будто бы нарисованные, не разливали вокругъ себя никакого свѣта, и только поставлен-

ныя рядомъ четыре толстыя свѣчи въ высокихъ погребальныхъ подсвѣчникахъ бросали слабый свѣтъ на первые ряды креселъ и устроенное передъ ними возвышеніе. Этотъ деревянный помостъ былъ уставленъ пюпитрами; ноты, инструменты, свѣчи, однимъ словомъ, все было приготовлено для концерта, но музыкантовъ еще не было».

«Въ первыхъ рядахъ креселъ сидѣло человѣкъ тридцать или сорокъ, изъ которыхъ нѣкоторые были въ шитыхъ французскихъ кафтанахъ съ напудренными головами, а другіе въ простыхъ фракахъ и сюртукахъ. Я сѣлъ подлѣ одного изъ сихъ послѣднихъ. «Позвольте васъ спросить»,—сказалъ я моему сосѣду,—«вѣдь это все любители музыки и артисты, которыхъ пригласила сюда госпожа Бальдуси?»

— Точно такъ.

— Осмѣлюсь васъ спросить, кто этотъ молодой человѣкъ въ простомъ нѣмецкомъ кафтанѣ и съ такой выразительной физіономіею: вонъ тотъ, что сидитъ въ первомъ ряду, съ краю?

— Это Моцартъ.

— Моцартъ!—повторилъ я.—Какой Моцартъ?

— Какой? Вотъ странный вопросъ! Ну разумѣется сочинитель «Донъ-Жуана», «Волшебной Флейты»...

— Что вы, что вы!—прервалъ я;—да онъ года четыре какъ умеръ.

— Извините! онъ умеръ въ 1791 году въ сентябрѣ мѣсяцѣ, то есть пять лѣтъ тому назадъ. Рядомъ съ нимъ сидитъ Чимароза и Гендель, а позади Рамо и Глукъ.

— Рамо и Глукъ?..

— А вотъ налѣво отъ насъ стоитъ капельмейстеръ Арая, котораго опера «Беллерофонтъ» была дана въ Петербургѣ...

— Въ 1750 году, при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ?..

— Точно такъ! Съ нимъ разговариваетъ теперь Люлли.

— Капельмейстеръ Людовика XIV?

— Онъ самый. А вонъ, видите, въ темномъ уголку? Да вы не разсмотрите его отсюда: это сидитъ Жанъ-Жакъ Руссо. Онъ приглашенъ сюда не такъ какъ артистъ, но какъ знатокъ и любитель музыки. Конечно, его «Деревенскій Колдунъ» хорошенькая опера; но вы согласитесь сами...

— Да чтожъ это значитъ?—прервалъ я, взглянувъ пристально на моего сосѣда, и лишь только было хотѣлъ спросить его, какъ онъ смѣетъ такъ дерзко шутить надомною, какъ вдругъ увидѣлъ, что это давнишній мой знакомый, старикъ Волгинъ, страшный любитель музыки и большой весельчакъ.—Ба, ба, ба!—вскричалъ я,—такъ это вы изволили забавляться надо мною? Возможно ли! Вы ли это, Степанъ Алексѣевичъ?

— Да, это я!—отвѣчалъ онъ очень хладнокровно.

— Вы пріѣхали сюда также послушать репетицію завтрашняго концерта?

Сосѣдъ мой кивнулъ головою.

— Однакожъ, позвольте!—продолжалъ я, чувствуя, что волосы на головѣ моей становятся дыбомъ,—чтожъ это значитъ?.. Да вѣдь вы, кажется, лѣтъ шесть тому назадъ умерли?

— Извините!—отвѣчалъ мой сосѣдъ:—не шесть, а ровно семь.

— Да мнѣ помнится, я былъ у васъ и на похоронахъ.

— Статься можетъ. А вы когда изволили скончаться?

— Кто? Я?.. Помилуйте! да я живъ.

— Вы живы?.. Ну это странно, очень странно!—сказалъ покойникъ, пожимая плечами.

«Я хотѣлъ вскочить, хотѣлъ бѣжать вонъ; но мои ноги подкосились, и я, какъ приколоченный гвоздями, остался неподвижнымъ на прежнемъ мѣстѣ. Вдругъ по всей залѣ раздались громкія рукоплесканія и Лауретта въ маскѣ и черномъ венеціанѣ появилась на концертной сценѣ. Вслѣдъ за ней тянулся длинный рядъ музыкантовъ,—и какихъ, мой другъ!.. Господи Боже мой!—

что за фигуры! Журавлиныя шеи съ собачьими мордами; туловищи быковъ съ воробьиными ногами; пѣтухи съ козлиными ногами; козлы съ человѣческими руками,— однимъ словомъ, никакое безпутное воображеніе, никакая сумасшедшая фантазія не только не создастъ, но даже не представитъ себѣ по описанію такихъ гнусныхъ и безобразныхъ чудовищъ. Особенно же казались мнѣ отвратительными тѣ, у которыхъ были человѣческія лица, если можно такъ назвать хари, въ которыхъ всѣ черты были такъ исковерканы, что, кромѣ главныхъ признаковъ человѣческаго лица, все прочее ни на что не походило. Когда вся эта ватага уродовъ высыпала, вслѣдъ за Лауреттою, на возвышеніе и капельмейстеръ съ совиной головою въ бѣло-напудренномъ парикѣ сѣлъ на приготовленное для него мѣсто, то началось настраиванье инструментовъ; большая часть музыкантовъ была недовольна своими, но болѣе всѣхъ шумѣлъ контрбасистъ съ медвѣжьимъ рыломъ. — «Что это за лубочный сундукъ!»—ревѣлъ онъ, повертывая свой инструментъ во всѣ стороны—«Помилуйте, синьора Бальдуси! неужели я буду играть на этомъ гудкѣ?» — Лауретта молча указала на моего сосѣда; контрбасистъ соскочилъ съ кресла, взялъ бѣднаго Волгина за шею и втащилъ на помостъ; потомъ, поставивъ его головою внизъ, одной рукой обхватилъ обѣ его ноги, а другой началъ водить по немъ смычкомъ, и самые полные, густые звуки контрбаса загремѣли подъ сводомъ ротонды. Вотъ, наконецъ, сладили межъ собой всѣ инструменты; капельмейстеръ поднялъ кверху оглоданную бычачью кость, которая служила ему палочкою, махнулъ, и весь оркестръ грянулъ увертюру изъ «Волшебной Флейты». Надобно сказать правду, были мѣстами нескладныя и дикія выходки, а особливо кларнетистъ, который надувалъ свой инструментъ носомъ, часто фальшивилъ; но, несмотря на это, увертюра была сыграна не дурно. Послѣ довольно усиленнаго аплодисмента вышла впередъ Лауретта и, не снимая маски, запѣла совершенно незнакомую для меня

арію. Слова были престранны: умирающая богоотступница прощалась съ своимъ любовникомъ; она пѣла, что въ безпредѣльномъ пространствѣ и навсегда, съ каждой протекшей минутою станетъ увеличиваться разстояніе, ихъ раздѣляющее; какъ вѣчность будутъ безконечны ея страданія и ихъ души, какъ свѣтъ и тьма, никогда не сольются другъ съ другомъ. Все это выражено было въ превосходныхъ стихахъ; а музыка!.. О, мой другъ, гдѣ я найду словъ, чтобъ описать тебѣ ту неизъяснимую тоску, которая сжала мое бѣдное сердце, когда эти восхитительные и адскіе звуки заколебали воздухъ? Въ нихъ не было ничего земного; но и небеса также не отражались въ этомъ голосѣ, исполненномъ слезъ и рыданій. Я слышалъ и стоны осужденныхъ на вѣчныя мученія, и скрежетъ зубовъ и вопли безнадежнаго отчаянія, и эти тяжкіе вздохи, вырывающіеся изъ груди, истомленой страданіями. Когда посреди гремящаго кресчендо, составленнаго изъ самыхъ дикихъ и противоположныхъ звуковъ, Лауретта вдругъ остановилась, общее громогласное браво раздалось по залѣ, и нѣсколько голосовъ закричали:—«синьора Бальдуси, синьора Бальдуси, покажитесь намъ; снимите вашу маску!»—Лауретта повиновалась; маска упала къ ея ногамъ... и чтожъ я увидѣлъ?.. Милосердый Боже!.. Вмѣсто юнаго, цвѣтущаго лица моей Лауретты, изсохшую мертвую голову!!! Я онѣмѣлъ отъ удивленія и ужаса; но за то остальные зрители заговорили всѣ разомъ и подняли страшный шумъ. «Ахъ, какія прелести!»—кричали они съ восторгомъ:—«посмотрите, какой черепъ—точно изъ слоновой кости!.. А ротикъ, ротикъ! Чудо! до самыхъ ушей!.. Какое совершенство!.. Ахъ, какъ мило она оскалила на насъ свои зубы!.. Какія кругленькія ямочки вмѣсто глазъ!.. Ну, красавица!»

— Синьора Бальдуси!—сказалъ Моцартъ, вставая съ своего мѣста,—потѣшьте насъ: спойте намъ Biondina in gondoletta

— Да это новозможно, сеньоръ Моцарти!—прервалъ

капельмейстеръ:—каватину Bionbina in gondoletta синьора Бальдуси поетъ съ гитарою; а здѣсь нѣтъ этого инструмента.

— Вы ошибаетесь, maestro di capella! — прошептала Лауретта, указывая на меня. — Гитара передъ вами.

Капельмейстеръ бросилъ на меня быстрый взглядъ, разинулъ свой совиный клювъ, и захохоталъ такимъ злобнымъ образомъ, что кровь застыла въ моихъ жилахъ. «А что въ самомъ дѣлѣ!» — сказалъ онъ. — Подайте-ка мнѣ его сюда! Кажется... да, точно такъ!.. изъ него выйдетъ порядочная гитара».

Трое зрителей схватили меня и передали изъ рукъ въ руки капельмейстеру. Въ полминуты онъ оторвалъ у меня правую ногу, ободралъ ее со всѣхъ сторонъ, и оставя одну кость и сухія жилы, началъ ихъ натягивать какъ струны. Не могу описать тебѣ той нестерпимой боли, которую произвела во мнѣ эта предварительная операція; и хотя правая нога моя была уже оторвана, а, несмотря на это, въ ту минуту, какъ злодѣй капельмейстеръ сталъ ее настраивать, я чувствовалъ, что всѣ нервы въ моемъ тѣлѣ вытягивались и готовы были лопнуть. Но когда Лауретта взяла изъ рукъ его мою бѣдную ногу и костяные ея пальцы пробѣжали по натянутымъ жиламъ, я позабылъ всю боль: такъ прекрасенъ и благозвученъ былъ тонъ этой необычайной гитары. Послѣ небольшого ритурнеля, Лауретта запѣла вполголоса свою каватину. Я много разъ ее слышалъ, но никогда не производила она на меня такого чуднаго дѣйствія: мнѣ казалось, что я весь превратился въ слухъ, и что всего страннѣе, не только душа моя, но даже всѣ части моего тѣла наслаждались, отдѣльно одна отъ другой, этой обворожительною музыкою. Но болѣе всѣхъ блаженствовала остальная нога моя: восторгъ ея доходилъ до какого-то изступленія; каждый звукъ гитары производилъ въ ней столь неизъяснимо-пріятныя ощущенія, что она ни на одну секунду не могла остаться спокойною.

Впрочемъ, всѣ движенія ея соотвѣтствовали совершенно темпу музыки: она попеременно то съ важностію кивала носкомъ, то быстро припрыгивала, то медленно шевелилась. Вдругъ Лауретта взяла фальшивый аккордъ... Ахъ, мой другъ, вся прежняя боль была ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что я почувствовалъ. Мнѣ показалось, что черепъ мой разсѣкся на части, что изъ меня потянули разомъ всѣ жилы, что меня начали пилить по частямъ тупымъ ножемъ... Эта адская мука не могла долго продолжаться; я потерялъ всѣ чувства, и только помню, какъ сквозь сонъ, что въ ту самую минуту, какъ все начало темнѣть въ глазахъ моихъ, кто-то закричалъ! «выкиньте на улицу этотъ изломанный инструментъ»! — Вслѣдъ за симъ раздался хохотъ и громкія рукоплесканія. Я очнулся уже на другой день. Говорятъ, будто бы меня нашли на площади подлѣ театра; впрочемъ, ты, я думаю, давно уже знаешь остальное: въ Москвѣ цѣлый мѣсяцъ объ этомъ толковали. Теперь все для меня ясно. Лауретта являлась мнѣ послѣ своей смерти: она умерла въ Неаполѣ; а я, какъ видишь, мой другъ, я живъ еще,—промолвилъ съ глубокимъ вздохомъ мой бѣдный пріятель, оканчивая свой разсказъ.

— Какова исторія?—спросилъ хозяинъ, поглядѣвъ съ улыбкою вокругъ себя.—Ай да батюшка Александръ Иванычъ, исполать тебѣ! Мастеръ сказки разсказывать!

— Помилуйте, Иванъ Алексѣичъ, какія сказки? Это настоящая истина.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Увѣряю васъ, что пріятель мой вовсе не думалъ лгать, разсказывая мнѣ это странное приключеніе.

— Полно, братецъ! да это курамъ на смѣхъ! Воля твоя, какой чортъ не хитеръ, а вѣрно и ему не придетъ въ голову сдѣлать изъ одного человѣка контрбасъ, а изъ другого гитару.

— Если вы не вѣрите мнѣ, такъ я могу сослаться

сказку, а истинное происшествіе. Быть можетъ, вы мнѣ не повѣрите, но я клянусь вамъ честію, что это правда.

ДВѢ НЕВѢСТКИ.

Въ началѣ 1792 года, гусарскій полкъ, въ которомъ я служилъ корнетомъ, стоялъ въ Бѣлоруссіи, и мой эскадронъ занималъ квартиры въ мѣстечкѣ, принадлежащемъ двумъ братьямъ, Князьямъ Лю.......кимъ. Они жили вмѣстѣ съ своими женами въ ихъ наслѣдственномъ и великолѣпномъ замкѣ. Радушное ихъ обращеніе съ русскими офицерами, а болѣе всего веселый образъ жизни, напоминающій роскошное хлѣбосольство древнихъ магнатовъ Польши, вошли въ пословицу между нашими офицерами. «Хоть-бы князьямъ Лю.......кимъ задать такой праздникъ!»—говаривали мы всегда, когда хотѣли похвалить чье нибудь угощеніе.

Изо всѣхъ офицеровъ моего эскадрона, я болѣе другихъ былъ ими обласканъ, и въ теченіе двухъ или трехъ недѣль сдѣлался въ ихъ семьѣ совершенно домашнимъ человѣкомъ. Обѣ княгини были женщины отмѣнно любезныя и могли назваться красавицами. Еслибъ онѣ были родныя сестры, то и тогда бы нельзя было не подивиться ихъ необычайной дружбѣ; но двѣ невѣстки, двѣ хозяйки въ одномъ домѣ, которыя живутъ душа въ душу, такая диковинка, какой не всякому удастся на роду своемъ увидѣть. Нельзя было сказать, чтобъ ихъ нравы были совершенно сходны межъ собою; напротивъ, одна изъ нихъ, жена старшаго брата, которая называлась Жозефиною, была самого кроткаго характера, и даже нѣсколько холодна, а другая отмѣнно жива и вспыльчива; но, несмотря на это различіе, которое впрочемъ замѣтно было только въ отношеніи къ другимъ, никогда ни малѣйшая досада не нарушала ихъ семейственнаго согласія. Жозефина очень часто разговаривала со мною объ этой дружбѣ. «Вы не можете себѣ представить»,—сказала она мнѣ однажды, — «какое странное и даже непо-

нятное для насъ самихъ чувство мы питаемъ другъ къ другу. Говорятъ, что мы живемъ какъ родныя сестры, да это вовсе не то. У меня были три сестры, я любила ихъ, но совсѣмъ другимъ образомъ. Когда я въ первый разъ увидѣла Казиміру — такъ называли меньшую невѣстку, — то мнѣ показалось, что ея-то именно и не доставало для моего благополучія; что иногда въ грустныя минуты я тосковала о ней, и хотя рѣшительно увидѣла ее тогда въ первый разъ, но готова была побожиться, что и черты лица ея, и звукъ ея голоса, и даже нѣкоторыя, собственно ей принадлежащія, выраженія и привычки давно уже мнѣ знакомы; что мы, не знаю гдѣ и когда, но только непремѣнно и любили другъ друга и жили вмѣстѣ. Не правда ли, что это очень странно? А вѣдь еще страннѣе, что Казиміра, при первой встрѣчѣ со мною, почувствовала то же самое! Ну, вотъ послѣ этого не вѣрьте симпатіямъ! Сколько разъ случалось, я задумаю какую-нибудь новую забаву, хочу сдѣлать ей сюрпризъ, и чтожъ?.. Ей именно то же самое придетъ въ голову. Она затѣетъ потихоньку отъ меня какое-нибудь веселье, секретничаетъ, хлопочетъ — и вдругъ я начну съ нею совѣтываться, какимъ образомъ уладить точно такой-же праздникъ, какой она хотѣла дать мнѣ нечаянно. Мы никогда еще не разставались, и я думаю, что разлука будетъ для насъ большимъ несчастіемъ. Мало ли что случается? Одна изъ насъ можетъ умереть; намъ не удастся проститься другъ съ другомъ... О, вы не можете представить, какъ эта мысль насъ пугаетъ! Правда, мы на этотъ счетъ взяли нѣкоторыя предосторожности, — продолжала Жозефина, улыбаясь однакожъ вовсе не шутя: — мы связали себя клятвою».

— Клятвою?

— Да. Мы поклялись другъ другу, что если судьба приведетъ одну изъ насъ умереть прежде, и мы въ эту минуту не будемъ вмѣстѣ, то умершая должна непремѣнно, не покидая еще земли, явиться къ той, которая останется въ живыхъ.

— Но подумали ли вы, — сказалъ я также не шутя,—что исполненіе этой клятвы зависитъ не отъ васъ.

— О, какъ же! Мы на этотъ счетъ взяли свои предосторожности. Говорятъ, что всякая клятва, данная и неисполненная въ здѣшнемъ мірѣ, станетъ въ будущемъ тяготить нашу душу, то есть мѣшать ей наслаждаться вполнѣ блаженствомъ, если она его заслужитъ; и для того мы поклялись съ условіемъ.

— Съ условіемъ?

— Да, съ условіемъ. Наша клятва должна только имѣть силу въ предѣлахъ возможнаго. Nous avons juré jusqu'aux bornes de possible

Когда она выговорила эту французскую фразу, которую повторяю вамъ отъ слова до слова, то я не могъ удержаться отъ смѣха,—такъ показалось мнѣ забавнымъ это дѣтское простодушіе милой Жозефины.

— Ого, княгиня!—сказалъ я,—да вы знаете приказный порядокъ, и взяли всѣ законныя предосторожности; теперь, если одна изъ васъ выполнитъ свое обѣщаніе, такъ это будетъ даже не чудно, потому что свершится въ предѣлахъ возможнаго.

— Смѣйтесь, смѣйтесь!—прервала Жозефина;—а я увѣрена, что если одна изъ насъ кончитъ жизнь не на рукахъ у другой, то или мы умремъ въ одно время, то есть въ одинъ часъ, въ одну минуту; или непремѣнно повидаемся другъ съ другомъ передъ нашей земной разлукою.

Мужъ княгини Казиміры страдалъ уже нѣсколько лѣтъ отъ одной хронической болѣзни, которая, несмотря на стараніе лучшихъ медиковъ тамошняго края, очевидно усиливалась и могла превратиться въ неизлѣчимый недугъ. По общему совѣту докторовъ, ему оставалось испытать послѣднее средство, то есть ѣхать за границу и полѣчиться у иностранныхъ врачей, а въ особенности у знаменитаго доктора Франка, который въ то время былъ въ Парижѣ. Какъ ни тяжело было для княгини разстаться на долгое время, но необходи-

мость требовала этой жертвы. На прощаньи онѣ еще разъ повторили свою клятву и обѣщались, не пропуская ни одной почты, писать другъ другу обо всемъ.

Прошло мѣсяца два; вотъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ Казиміра увѣдомила свою невѣстку, что она отправляется съ больнымъ своимъ мужемъ въ Парижъ. Это извѣстіе очень обезпокоило Жозефину: французская революція становилась часъ отъ часу грознѣе, и хотя кровь не лилась еще рѣками, но все заставляло думать, что предсказанія и догадки европейскихъ журналистовъ, какъ крики зловѣщихъ птицъ, не предвѣщаютъ ничего добраго. Напрасно Казиміра успокоивала своего друга.—«Ты не должна за насъ бояться»,—писала она:—«мы, иностранцы, будемъ жить тихо, не станемъ мѣшаться въ политическія дѣла, такъ насъ и не замѣтятъ въ Парижѣ». Все это казалось Жозефинѣ недостаточной порукою за ихъ безопасность. Межъ тѣмъ время шло да шло. Робеспьеръ, Маратъ, Дантонъ и сотни другихъ тигровъ, представлявшихъ въ лицѣ своемъ *великую* націю, начинали понемногу пріучать вѣтренныхъ французовъ къ кровавымъ пиршествамъ, на которыхъ деспотизмъ палачей величали свободою; судомъ называли человѣческую бойню, а народомъ французскимъ—шайку разбойниковъ и убійцъ; и чтобъ равенство, это слово, не имѣющее никакого моральнаго смысла, сдѣлать хотя физически возможнымъ, предлагали, для уравненія всей націи, подрубливать головы тѣмъ, которые имѣли несчастіе родиться повыше другихъ. Но въ то же время, какъ истинные отцы отечества, извѣщали своихъ согражданъ, что они съ родительскимъ сердолюбіемъ пріискивали всѣ средства, какъ бы облегчить страданія умирающихъ на эшафотѣ, и посему, дабы рубить головы и скорѣе и опрятнѣе, изобрѣли *филантропическую* машину, которую называли гильотиною. Жозефина все это читала въ журналахъ, слѣдовательно не могла оставаться спокойною. Замѣчая тоску своей жены, князь Лю.....кій давалъ безпрестанно праздники, балы, концерты, однимъ сло-

вомъ, употреблялъ всѣ средства, чтобъ разсѣять ее горесть. На одномъ изъ этихъ баловъ, на который съѣхались къ нимъ человѣкъ двѣсти гостей, я замѣтилъ, что Жозефина была скучнѣе обыкновеннаго.

— Здоровы ли вы?—спросилъ я, садясь подлѣ нея въ танцовальной залѣ.

— А что? — шепнула княгиня, — развѣ я кажусь больною?

— А если вы здоровы, такъ позвольте вамъ сказать, что вы вовсе не походите на хозяйку, которая даетъ такой блестящій балъ. Взгляните, какъ все оживлено въ этой залѣ: три мазурки въ одно время!.. Даже старики поднялись, а вы не танцуете! Да будьте повеселѣе; вѣдь этакъ подумаютъ, что вы не рады вашимъ гостямъ.

— Такъ чтожъ? Пускай себѣ думаютъ что хотятъ, а мнѣ право не до танцевъ.

— Вы меня пугаете, княгиня! Ужъ не имѣете ли вы какого-нибудь непріятнаго извѣстія изъ Парижа или давно не получали оттуда писемъ?

— Напротивъ. Я получила сегодня письмо отъ Казиміры и весьма пріятное. Она пишетъ, что въ Парижѣ очень весело, что журналисты все увеличиваютъ, что, несмотря на угрозы республиканской партіи, король любимъ, и еслибъ захотѣлъ только унять этихъ крикуновъ, такъ все пошло бы по прежнему; но онъ слишкомъ добръ и не хочетъ прибѣгать къ силѣ; тѣмъ болѣе, что это волненіе умовъ не можетъ долго продолжаться: такое постоянство было бы не въ характерѣ французской націи. А сверхъ того, королева французская, которая очень милостива къ Казимірѣ и приглашаетъ ее на всѣ свои маленькіе вечера, открыла ей по секрету, что глава, или, лучше сказать, душа революціи, этотъ графъ Мирабо, перешелъ на сторону правительства. Чтожъ касается до прочихъ зачинщиковъ, то они не только ничтожны, но даже отвратительны и гадки въ глазахъ цѣлаго Парижа. Все это должно бы, кажется, меня успокоить, а, напротивъ,

я никогда еще не была такъ растревожена, какъ сегодня.

— Да чтожъ вы чувствуете?

— И сама не знаю. Вотъ тутъ на сердце у меня такъ тяжело!.. Мнѣ такъ грустно!.. Вы скажете, что это малодушіе, ребячество—быть можетъ! Да что же дѣлать, когда въ насъ есть что-то такое, что несравненно сильнѣе всякаго разсудка. Конечно, и я могу притвориться веселою; но это будетъ одно притворство.

— А вы его ненавидите, княгиня. Однакожъ такъ и быть, притворитесь! Я слыхалъ, что иногда актеры увлекаются своими ролями; почему знать, можетъ быть и вы забудете ваше горе; протанцуйте первую мазурку нехотя, а вторая будетъ забавлять. Пойдемте!

Княгиня молча подала мнѣ руку, и мы, составивъ четвертую мазурку, пустились танцовать наперерывъ съ другими. Въ самомъ дѣлѣ, Жозефина поразвеселилась, и къ концу бала на прекрасномъ лицѣ ея не оставалось даже и слѣдовъ прежняго безпокойства и горести.

Вотъ, послѣ ужина гости стали расходиться; ближайшіе сосѣди разъѣхались по своимъ деревнямъ, а тѣ, которые жили подалѣе, остались ночевать въ замкѣ; въ числѣ послѣднихъ было нѣсколько молодыхъ барынь. Хозяйка, уложивъ ихъ спать въ одной большой горницѣ, расположилась и сама ночевать вмѣстѣ съ ними. Я отправился также въ свою комнату, и вѣрно бы проспалъ крѣпкимъ сномъ до самаго обѣда, когда бы рано по-утру не разбудила меня какая-то необычайная тревога въ цѣломъ домѣ: вездѣ хлопали дверьми, и по всѣмъ корридорамъ поднялась такая бѣготня, что еслибъ хотя немного пахло дымомъ, такъ я подумалъ бы, что мы горимъ. Я вскочилъ съ постели, одѣлся на скорую руку и побѣжалъ узнать причину этой суматохи. Любимая панна Жозефины, черноглазая Юлія, на которую я давно уже засматривался, первая повстрѣчалась со мною въ корридорѣ и сказала

мнѣ мимоходомъ, что княгиня занемогла; что ей сдѣлалось ночью очень дурно; что она во снѣ или наяву, навѣрное не знаютъ, но только видѣла что-то страшное, и лежитъ теперь безъ памяти. Не прошло и двухъ часовъ, какъ всѣ остальные гости разъѣхались, и этакъ часу въ десятомъ, пришли мнѣ сказать, что княгиня проситъ меня къ себѣ.

Я нашелъ ее въ совершенной памяти; она сидѣла совсѣмъ одѣтая на канапе, и на вопросъ мой о внезапной ея болѣзни—отвѣчала, что чувствуетъ себя совершенно здоровою. Въ самомъ дѣлѣ, кромѣ необычайной блѣдности, на лицѣ ея не замѣтно было никакихъ признаковъ болѣзни; но съ перваго взгляда на ея мутные и распухшіе глаза не трудно было догадаться, что она очень много плакала.

— Садитесь вотъ здѣсь, подлѣ меня!—шепнула Жозефина тихимъ голосомъ.

— Что съ вами сдѣлалось, княгиня? — сказалъ я, садясь на канапе.

— Ничего. Я знала это напередъ. О! сердце мое предчувствовало; оно меня никогда не обманываетъ!

— Да что такое?

— Я ее видѣла.

— Видѣли?.. Кого?

— Ее. Она приходила со мною проститься.

— Да о комъ вы говорите?

— О моемъ другѣ.

— О вашей невѣсткѣ?

— Да.

— Что вы, княгиня, помилуйте! Это такъ — разстроенное воображеніе. Вы много танцовали, кровь ваша была въ волненіи, и какой-нибудь сонъ...

— Сонъ!—повторила Жозефина съ грустной улыбкою!—Сонъ! Нѣтъ, я не спала... Послушайте, я разскажу вамъ все.

Въ продолженіе сего чуднаго разсказа я безпрестанно смотрѣлъ на нее, надѣясь подглядѣть въ глазахъ ея признаки бреда или горячки; но, кромѣ тихой

и спокойной грусти, я не могъ замѣтить ничего на ея блѣдномъ и усталомъ лицѣ. То, что она мнѣ разсказала, было такъ странно и въ то же время носило на себѣ такой отпечатокъ истины, что всѣ слова ея врѣзались въ мою память; и я могу вамъ повторить ея разсказъ безъ всякой ошибки и перемѣны, точно такъ, какъ будто бы слышалъ его вчера:

Жозефина, уложивъ спать своихъ гостей, заснула сама крѣпкимъ сномъ часу во второмъ утра. Засыпая, она даже сверхъ обыкновенія ни разу не подумала о Казимірѣ. По ея догадкамъ, она спала уже болѣе часу, какъ вдругъ ей послышался тихій шелестъ, и на нее повѣяло какою-то пріятной весенней прохладою. Она проснулась. У самаго ея изголовья стояла женщина въ бѣломъ платьѣ съ остриженными волосами; на ней не было никакихъ украшеній, кромѣ краснаго ожерелья на шеѣ и чернаго пояса съ стальной пряжкою. Несмотря на то, что въ комнатѣ горѣла одна ночная лампада, Жозефина разсмотрѣла все это съ перваго взгляда. Лицо этой женщины было покрыто, или, лучше сказать, на него было наброшено короткое бѣлое покрывало; она стояла неподвижно и держала руки, сложивъ крестомъ на груди. Въ первую минуту испуга, Жозефина не могла выговорить ни слова, а потомъ, когда хотѣла позвать своихъ дѣвушекъ и разбудить гостей, бѣлая женщина подняла покрывало и сказала тихимъ голосомъ: «не пугайся, мой другъ; это я!»

— Боже мой!—вскричала Жозефина.—Это ты, Казиміра?.. Возможно ли? Когда же ты пріѣхала? Она приподнялась, чтобъ обнять свою невѣстку; но Казиміра отступила шагъ назадъ и прошептала едва слышнымъ голосомъ:

— Не прикасайся ко мнѣ, Жозефина! Еще не пришло время, когда тебѣ можно будетъ обнять меня и чувствовать, что ты меня обнимаешь. Я пришла проститься съ тобою.

— Проститься?

— Да! развѣ ты забыла нашу клятву?

Тутъ Жозефина вспомнила все, и какъ вы думаете: испугалась, или, по крайней мѣрѣ, пришла въ отчаяніе? Залилась слезами?.. Нѣтъ! она не чувствовала ни страху, ни горести; и то и другое овладѣло ея душою послѣ, но въ эту минуту она была совершенно спокойна.

— И такъ, мой другъ, ты умерла?—спросила она Казиміру.

— Да, умерла въ Парижѣ. Мнѣ отрубили голову.

— За что?

— За мою привязанность къ французской королевѣ.

— Злодѣи!..

— Не кляни, а благословляй ихъ, Жозефина! Они отперли двери моей темницы.

— Твоей темницы?.. Какой темницы?

Привидѣніе кротко улыбнулось и не отвѣчало ничего.

— Скажи мнѣ, мой другъ, — продолжала Жозефина,—страшно ли умирать?

— Да; точно такъ же, какъ страшно слѣпому отъ рожденія взглянуть въ первый разъ на свѣтлое солнце и ясныя небеса.

— Ахъ! послѣдняя минута должна быть ужасна!

— Да, мой другъ! послѣдняя минута ужасна; но за то первая!..

Неподвижные взоры привидѣнія одушевились.

— И что я прочла въ нихъ!—говорила Жозефина, рыдая.—О! какъ ничтожно это чувство, которое мы всѣ, минутные гости земли, называемъ нашей радостью и блаженствомъ!

— Но мы должны разстаться, — сказало привидѣніе.—Прощай, Жозефина! до свиданья... тамъ—въ нашей родинѣ!..

— Постой, мой другъ! — вскричала Жозефина. — Скажи, увѣрена ли ты, что мы опять увидимся?

— О, я не сомнѣваюсь въ этомъ! Я вижу твою душу:

она рвется изъ оковъ своихъ; она не любитъ своей неволи. Послушай...

Тутъ тень Казиміры наклонилась и прошептала нѣсколько словъ на ухо своему другу.

— Потомъ, — продолжала Жозефина, — глаза мои сомкнулись, мнѣ послышалось, что въ вышинѣ надо мною радуются какіе-то неизъяснимо-пріятные звуки, и я или заснула опять, или лишилась чувствъ, — не знаю сама; но только все исчезло.

— А что такое шепнула она вамъ на ухо?—спросилъ я съ любопытствомъ.

— Неспрашивайте меня объ этомъ,—прервала Жозефима.—Эти слова умрутъ—да!.. они должны умереть вмѣстѣ со мною.

Какъ я ни убѣждалъ ее открыть мнѣ эту тайну, все было напрасно. Я замѣтилъ только одно, что всякій разъ, когда говорилъ съ ней объ этомъ, она начинала плакать: но эти слезы не были слезами горести.

Черезъ три недѣли мы прочли въ парижскомъ журналѣ «*Другъ народа*», что, вскорѣ послѣ убійства графини Ламбаль, казнена была одна иностранка, и какъ, по обыкновенію французскихъ писателей, ни исковеркано было имя этой несчастной, но, къ сожалѣнію, намъ не друдно было отгадать въ немъ фамильное прозваніе князей Лю.....кихъ.

Исправникъ замолчалъ. Я слушалъ съ большимъ вниманіемъ его разсказъ, но это не помѣшало мнѣ замѣтить, что Заруцкій и Черемухинъ толковали о чемъ-то межъ собою вполголоса, это послѣдній поглядѣлъ на свои часы, и въ то самое время, какъ вниманіе наше было обращено на разсказчика, вышелъ потихоньку изъ кабинета.

— Ну, племянникъ, — промолвилъ, улыбаясь, хозяинъ,—что ты скажешь на это?

— Еслибъ Алексѣй Дмитричъ не былъ самъ очевиднымъ свидѣтелемъ этого происшествія,—отвѣчалъ

Заруцкій, — то я сказалъ бы вамъ, что это просто сказки.

— Ну, а теперь что скажешь?

— Теперь скажу, что это странное стеченіе обстоятельствъ не совсѣмъ обыкновенный случай — и больше ничего.

— Какъ ничего?

— Разумѣется. Сонъ, который видѣла Жозефина, есть ничто иное, какъ повтореніе того, о чемъ она безпрестанно думала наяву; и еслибъ Казиміра возвратилась благополучно изъ своего путешествія, то этотъ сонъ былъ бы забытъ точно такъ, какъ тысячи подобныхъ сновъ, которые не сбываются, и о которыхъ никто не говоритъ ни слова.

— Экій ты братецъ, какой! Да вѣдь ты слышалъ, что это сбылось.

— Да чтожъ удивительнаго, когда изъ милліона вздорныхъ сновъ какой-нибудь одинъ нечаянно сбудется! Напримѣръ, еслибъ жена морского офицера, который отправился кругомъ свѣта, стала бы очень тосковатъ о своемъ мужѣ, то, вѣроятно, часто бы видѣла во снѣ, что онъ утонулъ. И если въ самомъ дѣлѣ онъ погибнетъ на морѣ, такъ вы скажете, что ей было это предсказано воснѣ?

— Да что ты наладилъ, племянникъ, во снѣ, да во-снѣ! Вѣдь ты слышалъ, что она видѣла это наяву.

— То есть ей казалось, что она не спала. Но, такъ и бытъ, согласенъ! Она видѣла это не во снѣ; такъ чтожъ? Развѣ не случается видѣть наяву предметы, которые существуютъ только въ одномъ растроенномъ воображеніи нашемъ? Испытайте не поспать нѣсколько ночей сряду, и вы увидите наяву такія диковинки, какія не пригрезятся вамъ никогда и во снѣ. Поговорите объ этомъ съ курьерами; которые скачутъ день и ночь, не имѣя времени соснуть ни на минуту. Я самъ однажды видѣлъ на большой дорогѣ, обсаженной однѣми липками, цѣлыя улицы огромныхъ палатъ и дворцовъ; а, кажется, не спалъ, и даже, чтобъ не задремать и не

свалиться съ тележки, пѣлъ пѣсни и разговаривалъ безпрестанно съ ямщикомъ. Знаете ли, до какой степени можетъ иногда приготовленное къ чудесамъ воображеніе обманывать всѣ наши чувства? Вотъ, напримѣръ, теперь темная осенняя ночь, вѣтеръ воетъ, близко полуночи, и мы уже часа три сряду разсказываемъ другъ другу страшныя повѣсти. Я увѣренъ, что теперь каждый изъ насъ, не исключая меня, гораздо болѣе обыкновеннаго расположенъ къ испугу и несравненно легковѣрнѣе, чѣмъ во всякое другое время. Нечаянный стукъ, неожиданное появленіе какого-нибудь новаго гостя, скрипъ двери, порывъ вѣтра,— однимъ словомъ, все можетъ насъ потревожить и показаться намъ неестественнымъ; и еслибъ въ эту самую минуту, какъ я съ вами говорю, кто-нибудь, подмостясь съ надворья, заглянулъ къ намъ въ окно, то, безъ всякаго сомнѣнія, самое обыкновенное лицо показалось бы намъ нечеловѣческимъ.

— Вотъ еще вздумалъ чѣмъ пугать—прервалъ хозяинъ, посматривая робко вокругъ себя.

— Какой вздоръ! — сказалъ я, взглянувъ невольно на окна.

— Нѣтъ, не вздоръ!—продолжалъ Заруцкій.—Мы всѣ имѣемъ какую-то врожденную наклонность вѣрить чудесному; и хотя страхъ—чувство вовсе не пріятное, но мы любимъ это судорожное сжиманіе сердца, этотъ холодъ, которымъ обдаетъ насъ съ ногъ до головы, когда намъ кажется, что мы видимъ что-нибудь неестественное; и коль скоро мы дадимъ волю нашему воображенію, лишь только оно возьметъ верхъ надъ разсудкомъ, то мы готовы вѣрить всему, пугаться всего, и точно такъ же, какъ въ сильной горячкѣ, хотя и сохраняемъ физическія наши способности, а, несмотря на это, и видимъ и слышимъ, и даже чувствуемъ все на-выворотъ. Но вотъ, кажется, и полночь... чу!

На дворѣ стали бить часы.

— Какъ страшно завываетъ этотъ колоколъ,—про-

должалъ Заруцкій, считая вполголоса удары!—Пять... шесть... Не правда ли, что въ этомъ звукѣ есть что-то могильное, зловѣщее? — Восемь... девять... Какъ заунывно и протяжно раздается этотъ

«Глаголъ временъ—металла звонъ!..»

Одиннадцать... двѣнадцать!.. Боже мой!.. Смотрите, смотрите!.. Что это?

Я вскрикнулъ, Кольчугинъ уронилъ на полъ свою трубку, исправникъ и хозяинъ вскочили съ своихъ мѣстъ, и всѣ взоры, по направленію руки Заруцкаго, обратились на одно изъ оконъ кабинета.

— Кой чортъ!—вскричалъ хозяйнъ.—Да чтожъ онъ видитъ? Не знаю, вы, господа, а я не вижу ничего.

— И я также,—сказалъ Кольчугинъ, подымая свою трубку.

— Ахъ онъ проказникъ!—прервалъ исправникъ съ громкимъ хохотомъ.—Смотри пожалуй, какъ онъ всѣхъ насъ переполошилъ! Ого! да ты, братъ, славный актеръ, — продолжалъ исправникъ, обращаясь къ Заруцкому. — Полно, полно, любезный! не кобенься — никого не обманешь.

Я взглянулъ на моего пріятеля—нѣтъ, это не комедія! Его почти безумный и неподвижный взоръ былъ устремленъ на среднее окно кабинета; всѣ члены его дрожали, волосы стояли дыбомъ, а на помертвѣвшемъ лицѣ изображался неизъяснимый ужасъ.

— Что ты, что ты, мой другъ?—спросилъ я, подходя къ нему.—Что съ тобою сдѣлалось?

Заруцкій не отвѣчалъ ни слова.

— Не трогайте его! — сказалъ исправникъ. — Онъ теперь на сценѣ и такъ сроднился съ своею ролью, что не хочетъ съ нею разстаться.

Вдругъ послышались въ корридорѣ скорые шаги, дверь отворилась, и вошелъ Черемухинъ.

— Фу, братецъ, какъ ты меня напугалъ!—проговорилъ Заруцкій, садясь на канапе: — Насилу могу отдохнуть!

— Я тебя напугалъ?—повторилъ Черемухинъ.

— Да, ты.

— Чѣмъ, если смѣю спросить?

— Какъ чѣмъ? Я говорилъ тебѣ, когда часы на дворѣ будутъ бить полночь, чтобъ ты, при послѣднемъ ударѣ колокола, заглянулъ къ намъ въ окно; а никто не просилъ тебя закутаться въ какой-то бѣлый саванъ и надѣть на голову женскій чепецъ.

— Женскій чепецъ?.. Что ты, въ умѣ ли?

— Ну вотъ еще!.. Запирайся!

— Помилуй, братецъ! Да я и съ крыльца не сходилъ.

— Что ты говоришь?

— Ну да! Когда я вышелъ на крыльцо и увидѣлъ, что дождь льетъ какъ изъ ведра, такъ не погнѣвайся, — не заблагоразсудилъ промокнуть до костей, чтобъ для твоей забавы выкинуть проказу, за которую и маленькихъ дѣтей сѣкутъ.

— И ты не смотрѣлъ къ намъ въ окно?

— Нѣтъ.

— Послушай, Александръ! — вскричалъ Заруцкій, поблѣднѣвъ снова,—эта шутка никуда не годится.

— Какая шутка?.. Ахъ, батюшки! да что съ тобою сдѣлалось?

— Говори правду, я это требую.

— Тьфу пропасть! Да если ты мнѣ не вѣришь, такъ ступай въ переднюю и спроси у людей. Я тебѣ говорю, что я не только не заглядывалъ къ вамъ въ окно, но даже и съ крыльца не сходилъ. Слышишь, какой идетъ дождь?.. Еслибъ я былъ на дворѣ, то на мнѣ бы сухой нитки не осталось; а вотъ, посмотри!.. На, пощупай мое платье!.. Ну, что, былъ ли я подъ дождемъ?

Пріятель мой замолчалъ.

— Да развѣ ты въ самомъ дѣлѣ что-нибудь видѣлъ?—спросилъ я его вполголоса.

Онъ сжалъ крѣпко мою руку и прошепталъ прерывающимся голосомъ:

— Да, мой другъ!.. я видѣлъ... О, что я видѣлъ!..

— Да что такое?

Заруцкій, не отвѣчая на мой вопросъ и какъ будтобы говоря съ самимъ собою, сказалъ:

— Кажется, сегодня суббота... Да! точно, суббата...

— А если хочешь, такъ и воскресенье: двѣнадцать часовъ ужъ било. Да скажи мнѣ...

— Нѣтъ, мой другъ! Быть можетъ, это одинъ обманъ моихъ чувствъ... Мнѣ могло показаться!.. Но я видѣлъ это такъ ясно,—промолвилъ онъ, поглядѣвъ съ невольнымъ содроганіемъ на среднее окно кабинета,—вотъ тутъ!.. противъ меня!..

— О чемъ вы, господа, тамъ перешаптываетесь?

— Такъ, дядюшка, ничего!—сказалъ Заруцкій, стараясь улыбнуться.

— Опять какой-нибудь заговоръ, чтобъ перепугать насъ, — подхватилъ исправникъ. — Да не трудитесь, господа! Не знаю, какъ другіе, а я за себя отвѣчаю: два раза сряду не испугаете.

— Ну, не ручайся, любезный!—прервалъ хозяинъ.— Еслибъ ты зналъ исторію моего дома, и то, что нѣкогда случилось въ этой самой комнатѣ, гдѣ мы теперь бесѣдуемъ, то не сталъ бы такъ храбриться. Я давно уже здѣсь живу и, благодаря Бога, никакихъ страстей не видывалъ; а какъ вспомню про эту ужасную исторію, такъ, признаюсь, меня и въ Петровки морозъ по кожѣ подираетъ.

— А, кстати, Иванъ Алексѣичъ! — подхватилъ исправникъ, — разскажите-ка намъ это преданіе. Мнѣ давно уже хотѣлось узнать подробнѣе объ этомъ *ночномъ поѣздѣ*, о которомъ такъ много толкуютъ во всемъ нашемъ уѣздѣ.

— И вѣрно всякій по своему,—замѣтилъ хозяинъ.

— Да, каждый по своему; въ одномъ только всѣ согласны, что эта сказка имѣетъ какое-то истинное происшествіе.

— А почему вы называете это преданіе сказкою?— спросилъ я исправника.

— Потому, что оно съ начала до конца походитъ на сказку.

— А то, что ты намъ сейчасъ разсказывалъ—прервалъ съ улыбкою Черемухинъ, — чай, по твоему исторія?

— О, это другое дѣло! — сказалъ я. — Появленіе умершей, это сообщеніе міра невещественнаго съ міромъ земнымъ; это гармоническое сочувствіе душъ, доказывающее небесное наше начало; и способность проявленія въ видимыхъ формахъ существъ, не подчиненныхъ никакимъ физическимъ законамъ,—можетъ менѣе или болѣе оправдаться понятіемъ нашимъ объ организаціи... то есть о внутренней способности существа безтѣлеснаго, которое въ отношеніи своемъ къ внѣшнимъ предметамъ... то есть къ видимому или, лучше сказать, къ вещественному міру... Но, можетъ быть, вы меня не понимаете?

— Помилуйте! — вскричалъ преважно Черемухинъ,—какъ не понять: это ясно!

— Смѣйся, смѣйся! — прервалъ исправникъ. — О, человѣкъ совершенно земной! ты понимаешь и вѣришь только тому, что дважды два—четыре.

— А тебѣ бы хотѣлось, чтобъ дважды два было пять?

— Да что съ тобой говорить!—продолжалъ исправникъ.—Разскажите-ка намъ лучше, Иванъ Алексѣевичъ, эту страшную исторію, отъ которой, какъ вы сами говорите, и васъ иногда морозомъ по кожѣ подираетъ.

— Да ужъ не поздно-ли, господа? — сказалъ хозяинъ.

— Ахъ, сдѣлайте милость! — вскричалъ я: — мнѣ завтра поутру должно съ вами проститься; такъ я, можетъ быть, никогда ее не услышу.

— Ну, такъ и быть!—продолжалъ хозяинъ.—Только если вы станете зѣвать, такъ прошу припомнить, что теперь уже за-полночь, и что, благодаря Бога мы всѣ, кажется, безсонницей не страдаемъ. Ну, слушайте, господа!

НОЧНОЙ ПОѢЗДЪ.

Давнымъ-давно, то есть при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ... или нѣтъ! при батюшкѣ его, государѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, это Хоперское помѣстье принадлежало стольнику Варнавѣ Глинскому, пращуру отца покойной Софьи Павловны, по смерти которыхъ я купилъ его,—говорятъ дорого, а по мнѣ такъ задаромъ,—промолвилъ Иванъ Алексѣевичъ, взглянувъ на окно, изъ котораго днемъ видны были церковь и приходское кладбище.—Этотъ Глинскій,—продолжалъ онъ,—славился въ свое время не хлѣбосольствомъ и разумомъ, не удальствомъ и молодечествомъ, которыя въ крови у всякаго русскаго, но буйствомъ, развратомъ, грабежомъ и дневными разбоями; а что всего хуже, онъ былъ отъявленный чернокнижникъ и жилъ въ ладу съ самимъ сатаною. Десять лѣтъ сряду сидѣлъ онъ на Хопрѣ, какъ дикій звѣрь на перепутьи. Когда онъ выѣзжалъ съ своею челядью и холопями позабавиться охотою, или спускался внизъ по рѣкѣ на косной лодкѣ съ бѣлымъ парусомъ, то всѣ сосѣдніе мужички и бѣдные помѣщики дрожкой дрожали, и словно отъ татарскаго погрома прятались по лѣсамъ и угоняли скотъ верстъ за двадцать. Ну, что ты на меня такъ посматриваешь, Алексѣй Дмитричъ? Чай, думаешь про себя: вотъ какую околесную несетъ! А наша братья исправники-то на что?.. А земская полиція?..—Эхъ, любезный! Тогда было не то, что теперь; времена смутныя,—то поляки приступятъ къ Мосвѣ, то Лисовскій съ своими налетами начнетъ разгуливать по матушкѣ святой Руси; и ляхи, и татары, и ереси всякія, и бунты стрѣлецкіе... Да что говорить! Было времячко для разбойниковъ: погуляли, потѣшились и кто Бога не боялся, на того и суда не было. Такъ дивиться нечему, что этотъ богоотступникъ Глинскій дѣлалъ что хотѣлъ, грабилъ на большихъ дорогахъ, вѣшалъ и топилъ въ Хопрѣ земскихъ ярыжекъ, сбиралъ оброкъ съ своихъ сосѣдей и держалъ въ ежовыхъ рукавицахъ Сердоб-

скаго воеводу, который не смѣлъ и носу показать изъ города. На мѣсто старыхъ деревянныхъ хоромъ, онъ выстроилъ эти каменныя палаты, обнесъ ихъ толстымъ дубовымъ тыномъ, наставилъ бѣлыхъ избъ и клѣтей для своей дворни, — словомъ, сдѣлалъ изъ господской усадьбы такой красивый посадъ, что и самъ бы городъ Сердобскъ и ему въ пригородье не годился. Но за то большая половина его крестьянъ жила въ землянкахъ, приходская церковь совсѣмъ обвалилась, а колокольня въ сильный вѣтеръ, словно ветхая голубятня, скрипѣла и покачивалась изъ стороны въ сторону.

У этого Глинскаго была одна только дочь: бѣдняжка осталась еще въ ребячествѣ сиротою. Глинскій возненавидѣлъ свою жену за то, что она родила ему дочь, а не сына; осыпалъ ее безпрестанно ругательствами и, подъ пьяную руку, бивалъ чѣмъ ни попало. А такъ какъ онъ и въ страстную пятницу разрѣшалъ на вино и елей, то не проходило почти дня, чтобъ его женѣ не доставалось, и она горемычная, мѣсяцевъ черезъ шесть, послѣ первыхъ родовъ, зачахла и умерла отъ побоевъ своего мужа. Съ тѣхъ поръ прошло годовъ пятнадцать; бѣдная сиротинка росла да росла, и хоть ея житье было плохое и за ней почти никакого ухода не было, но она, какъ полевой цвѣтокъ, который бережетъ и лелѣетъ одинъ Богъ небесный, такъ выровнялась и похорошѣла, что даже батюшка ея, какой ни былъ звѣрь, а не могъ подчасъ на нее не полюбоваться.

Нѣсколько разъ пытались окружные дворяне и Сердобскій воевода поунять разбой Глинскаго; но онъ всякій разъ давалъ такой отпоръ, что надолго отбивалъ у нихъ охоту съ нимъ схватываться. Вотъ однажды удалось имъ собрать человѣкъ до пятисотъ стрѣльцовъ и вооруженныхъ холопей; они думали, что съ такой силою имъ не трудно будетъ не только захватить живьемъ Глинскаго и всю его шайку, но даже и каменныя его палаты разметать по кирпичику: анъ вышло совсѣмъ не то. Глинскій встрѣтилъ ихъ на боль-

шой дорогѣ съ своими молодцами, которыхъ и полсотни не было, а земскому войску показалось, что на него идетъ несмѣтная рать. Холопи дрогнули и пустились на утекъ; стрѣльцы сначала подержались, да какъ увидѣли, что отъ Глинскаго пули отскакиваютъ и бердыши объ него ломаются, такъ на нихъ нашелъ такой страхъ, что и они также ударились бѣжать безъ оглядки. Глинскій съ своей шайкою гналъ ихъ вплоть до городской заставы, втопталъ въ грязь и перерѣзалъ болѣе половины, а самъ воротился въ свой разбойничій вертепъ, не потерявъ ни одного человѣка. Послѣ такой острастки не только всѣ окруженные дворяне, да и Сердобскій воевода носъ повѣсилъ. Дѣлать было нечего: пришлось на время покориться и, сидя у моря, ждать погоды. Въ Москвѣ было не до нихъ: къ ней подступали поляки, а гнѣва царскаго и опальныхъ грамотъ Глинскій не боялся. Одно только наводило на его страхъ и ужасъ: этотъ разбойникъ, котораго ничѣмъ испугать было неможно, этотъ злодѣй и чернокнижникъ Глинскій трусилъ, — какъ вы думаете, — чего?.. Смѣшно сказать!.. Онъ до смерти боялся коршуновъ. Съ утра до вечера вокругъ дома и села ходили люди съ заряженными ружьями, и тотъ, кому, бывало, посчастливится застрѣлить коршуна, несъ его прямо къ дворецкому и получалъ отъ него два алтына денегъ и штофъ романеи...

— Романеи?—прервалъ Заруцкій.—Извините, дядюшка: я не думаю, чтобъ въ старину простые люди пили штофами бургонское вино.

— Да кто тебѣ говоритъ о бургонскомъ винѣ? У нашихъ стариковъ важивалась настойка, которую звали романеею.

— Однакожъ, извѣстное бургонское вино...

— Зовутъ точно также?.. Такъ чтожъ?.. Вотъ то-то, племянникъ, если-бъ ты поменьше зналъ французскихъ, а побольше русскихъ словъ, такъ не попадался бы въ просакъ, какъ безграмотный, и не мѣшалъ бы мнѣ разсказывать...

— Виноватъ, дядюшка! Но я читалъ въ одной критикѣ...

— Эхъ, братецъ, охота тебѣ читать всякій вздоръ!.. Постойте-ка! на чемъ-бишь я остановился?.. Да! на томъ, что Глинскій боялся до смерти коршуновъ. Причина этого непонятнаго страха долго была для всѣхъ загадкою; но такъ какъ подъ конецъ все на свѣтѣ открывается, такъ вотъ что дошло до насъ объ этомъ по изустному преданію. Глинскій точно былъ чернокнижникъ и помыкалъ сатаною, какъ своимъ крѣпостнымъ холопомъ. Да вѣдь лукавый даромъ ничего не дѣлаетъ: онъ пошелъ къ Глинскому въ кабалу, но только съ тѣмъ условіемъ, чтобъ онъ также далъ ему на свою душу рукописаніе, въ которомъ было сказано, что на этомъ свѣтѣ демонъ повинуется ему во всемъ, охраняетъ его отъ огня, воды, меча и всякаго другого оружія, и не имѣетъ самъ надъ нимъ никакой власти до тѣхъ поръ, пока черный коршунъ не пріютится подъ его кровлею и не совьетъ гнѣзда, чтобъ жить вмѣстѣ съ бѣлой горлинкой. Теперь и вамъ не трудно будетъ догадаться, почему Глинскій коршуновъ не жаловалъ, и отчего блѣднѣлъ и дрожалъ всякій разъ, когда эта хищная птица появлялась надъ кровлею его дома.

Изо всѣхъ своихъ челядинцевъ, Глинскій особенно любилъ одного молодого парня, который прозывался Соколомъ. И подлинно онъ былъ дѣтина удалой и годился бы въ есаулы знаменитому Стенькѣ Разину. И его обычай, и черный съ лоскомъ усъ, и окладистая борода, и ростъ и сила богатырскіе,—все въ немъ было по сердцу Глинскому. Никто не зналъ, откуда онъ былъ родомъ. Однажды, въ бурную осеннюю ночь, пріѣхалъ этотъ Соколъ одинъ-одинехонекъ на борзомъ персидскомъ конѣ, вошелъ безъ доклада къ Глинскому, и объявилъ ему, что его зовутъ Андреемъ, по прозванью Соколомъ; что онъ изъ московскихъ жильцовъ; что ему наскучило служить царю-государю и кланяться въ поясъ думнымъ боярамъ; и что, узнавъ о привольномъ житьѣ

Глинскаго, онъ пріѣхалъ къ нему нарочно за тѣмъ, чтобъ предложить свои услуги. Глинскій принялъ его въ число своихъ приближенныхъ челядинцевъ, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ до того къ нему привыкъ, что рѣшился выдать за него свою единородную дочь.

Вотъ этакъ, недѣли за три до свадьбы, на отъѣзжемъ полѣ загорѣлось вдругъ Глинскому повидаться съ стариннымъ своимъ пріятелемъ, за-Сурскимъ помѣщикомъ, Сицкимъ, такимъ же, какъ и онъ, буяномъ и разбойникомъ. Этотъ Сицкій лѣтъ десять сряду шатался по бѣлу свѣту, приставалъ ко всѣмъ крамольникамъ, былъ года два лисовчикомъ, и только что мѣсяца три какъ воротился въ свою наслѣдственную вотчину. Глинскій не любилъ ничего вдаль откладывать: онъ послалъ сказать Андрею Соколу, который на охоту не выѣхалъ, что препоручаетъ ему на время свой домъ, и, не сказавъ никому, куда ѣдетъ, отправился прямо съ поля, въ сопровожденіи двухъ или трехъ слугъ, въ за-Сурскую волость своего пріятеля. Это неожиданное посѣщеніе очень обрадовало Сицкаго; пошла гульба и пированье; господа съ утра до вечера пили, ѣли, прохлаждались, пѣсельники орали во все горло, крестьянки и дворовыя дѣвки играли въ хороводы передъ окнами, и во весь тотъ день на барскомъ дворѣ былъ такой содомъ и гоморъ, что когда ударили въ колоколъ къ вечернѣ, то никому въ голову не пришло и лба перекрестить. За ужиномъ Сицкій сталъ похваляться своимъ удальствомъ, и разсказывалъ, какъ онъ остановилъ на большой дорогѣ цѣлый обозъ и выпрягъ для себя изъ возовъ что ни лучшихъ шесть коней; какъ онъ среди бѣла дня сдѣлалъ порубку въ заповѣдномъ лѣсу у сосѣда, и во все лѣто кормилъ свои табуны подножнымъ кормомъ на чужихъ поляхъ.

— Ну, есть чѣмъ похвастаться!—сказалъ Глинскій подбоченясь.—Ахъ ты горе-богатырь! Видно, у васъ по Сурѣ-та всѣ молодцы перевелись. Удалось тебѣ выпрячь шесть клячъ изъ возовъ, нарубить дровецъ въ чужомъ лѣсу, да пощипать у сосѣда травки, такъ ты

и лба не уставишь—и это по вашему удальство? Охъ вы щепетильники, щепетильники!.. Нѣтъ, любезный! мы на Хопрѣ не такъ потѣшаемся: выѣдемъ погулять, да какъ разыграется кровь молодецкая и расходятся руки богатырскія, такъ послѣ насъ шаромъ покати,— чистехонько, какъ у тебя на ладони! Бери все, что ни попалось! Мы вѣдь не по вашему: на большой дорогѣ съ подъячимъ тágаться не станемъ, съ купцомъ не торгуемся; а коли захватили цѣлую семью горожанъ, такъ мигомъ судъ и расправа: старуху-мать въ Хоперъ, братца кистенемъ по лбу, отца на осину, а дочка на барскій дворъ—вотъ это удальство!.. Да постой-ка, любезный, у меня будетъ въ Ѳоминъ день, ровно черезъ двѣ недѣли, большое веселье,—пиръ на весь міръ,— дочь выдаю замужъ. Милости просимъ на свадьбу, въ посаженные отцы къ моей Варварѣ; а тамъ выѣдемъ поохотиться на большую дорогу, и ты посмотришь самъ и разскажешь своимъ за-Сурскимъ пріятелямъ, какъ на Хопрѣ веселятся добрые молодцы.

Хозяинъ обѣщался пріѣхать, а Глинскій, погостивъ у него денька три, отправился въ обратный путь и доѣхалъ благополучно домой.

Вотъ ужъ остался одинъ день до свадьбы; вотъ и дѣвичникъ справили. Беззащитная дочь Глинскаго заливалась горькими слезами: она была дѣвица кроткая, благочестивая и не могла подумать безъ ужаса, что будетъ женою этого разбойника Сокола. Три ночи ужъ сряду бѣдная сиротинка рыдала и молилась передъ святыми иконами; днемъ она не смѣла ни плакать, ни молиться: злодѣй Глинскій грозилъ убить ее изъ своихъ рукъ, если она станетъ грустить или хоть наморщится, когда священникъ поведетъ ее вокругъ налоя. Вотъ наступилъ и Ѳоминъ день; отпѣли заутреню, ударили къ часамъ, а Сицкій все не ѣдетъ. Вотъ и обѣдня отошла, а посаженаго отца нѣтъ какъ нѣтъ. Я вамъ ужъ сказывалъ, что Глинскій не любилъ ничего откладывать; и когда заблаговѣстили къ вечернѣ, то онъ закричалъ какъ бѣшеный: «не хочу я дожидаться по-

саженаго отца! Ступайте подъ вѣнецъ!»—И вотъ длинный поѣздъ потянулся отъ барскаго двора до церковной паперти. Вечерня кончилась, и началась вѣнчальная служба. Стоя передъ налоемъ подлѣ будущаго супруга и повелителя, полумертвая сирота глотала свои слезы, стараясь улыбаться, и тихо, но твердымъ голосомъ отвѣчала на вопросы священника; словомъ, все было въ порядкѣ, а, несмотря на это, старики покачивали головами. «Эхъ, не ладно! Эхъ, не къ добру»!—шептали межъ собою всѣ барскія барыни и сѣнныя дѣвушки. И подлинно, было чего испугаться: свѣча, которую держала молодая, пылала яснымъ и чистымъ огнемъ; но та, съ которою стоялъ Соколъ, горѣла тускло, дымилась, какъ погребальный свѣточъ, и безъ всякой причины три раза сряду гаснула.

Когда вѣнчанье кончилось, то Глинскій, какъ сущій богоотступникъ, не давъ молодымъ приложиться къ мѣстнымъ иконамъ, повелъ ихъ вонъ изъ церкви, и поѣздъ двинулся обратно на барскій дворъ.

— Что это шумитъ, тамъ вдали?—спросилъ Глинскій, садясь на коня.—Ужъ не ѣдетъ ли нашъ запоздалый гость?

— Никакъ нѣтъ, бояринъ!—отвѣчалъ одинъ изъ слугъ.—Намъ гостей надо ждать не съ этой стороны. Вѣдь это что-то гудитъ тамъ, за Волчьимъ оврагомъ.

— Вы, господа, всѣ хорошо знаете этотъ оврагъ,—продолжалъ Иванъ Алексѣевичъ, обращаясь къ своимъ собесѣдникамъ:—теперь зовутъ его Чортовымъ Беремищемъ. Онъ былъ въ старину сборнымъ мѣстомъ шайки Глинскаго и кладбищемъ всѣхъ проѣзжихъ, зарѣзанныхъ разбойниками на большой дорогѣ.

— Это верстахъ въ двухъ отъ вашего дома?—сказалъ я.

— Нѣтъ, версты полторы, больше не будетъ,—отвѣчалъ хозяинъ.—Ну вотъ!—продолжалъ онъ,—молодые усѣлись за свадебный столъ; пошло пированье,—заздравный кубокъ началъ переходить изъ рукъ въ руки, всѣ начали пить и веселиться; одинъ только Глинскій

сидѣлъ, нахмуривъ брови, и прислушивался съ безпокойствомъ къ отдаленному гулу, который часъ-отъ-часу становился сильнѣе. Вотъ ужъ дѣло пошло за полночь; вдругъ двери настежь отворились и давно жданный гость, пріятель Сицкій, вошелъ въ столовую.

— Хорошъ посаженый отецъ,—вскричалъ хозяинъ, вскочивъ изъ-за стола и идя къ нему навстрѣчу.— Ужъ мы тебя ждали-ждали, да и ждать-то перестали.

— Виноватъ, любезный!—отвѣчалъ Сицкій.—Позамѣшкался выѣхать изъ дому; да вотъ у твоей околицы близко часу провозились. Что за диковинка такая?.. И подо мной и подъ моими холопями кони словно бѣлены объѣлись: храпятъ да упираются! Ужъ мы бились-бились, ну, хоть зарѣжь—ни съ мѣста! Я оставилъ моихъ ребятъ въ полѣ, а самъ дошелъ пѣшкомъ до твоего дома. Да что? иль къ тебѣ еще гости ѣдутъ?.. Вонъ тамъ, правѣе, за лѣсомъ такой шумъ, гамъ и свистъ, что и сказать нельзя. Ну вотъ, слышишь?

— Слышу!—отвѣчалъ Глинскій, посматривая робко вокругъ себя.—Но только я никакихъ гостей не жду.

— Постойте-ка, дядюшка!—прервалъ Заруцкій:— никакъ вашъ разсказъ на дѣлѣ свершается? Слышите-ли, какой гулъ идетъ за дубовой рощею?

— Видно вѣтерокъ разыгрался, — сказалъ Иванъ Алексѣевичъ, взглянувъ на окно. — Вѣдь здѣсь какъ подымется погода, такъ по оврагамъ и перелѣскамъ пойдетъ такой вой, что и, Боже, упаси!.. Да не перерывай меня, племянникъ!.. Ну вотъ, опять сбилъ!.. Да!..

— Но чтожъ мы стоимъ у дверей? — продолжалъ Сицкій.—Подведи меня къ молодымъ.

— Вотъ они! Прошу любить и жаловать,—сказалъ хозяинъ, подходя съ своимъ гостемъ къ столу, за которымъ сидѣли новобрачные.

— Ба, ба, ба!—вскричалъ Сицкій, отступя съ удив-

леніемъ назадъ: — что это?.. Ужъ не мерещится ли мнѣ?.. Нѣтъ!.. Такъ вотъ твой зять!—промолвилъ онъ, указывая на Сокола, который вдругъ поблѣднѣлъ какъ мертвецъ.

— Ну, да! Чему-жъ ты дивишься?

— И ты выдалъ за него свою дочь?

— Такъ чтожъ? Онъ дворянскаго отродья, служилъ жильцомъ въ Москвѣ, и хоть роду не знаменитаго...

— Да, братецъ, да! Онъ точно роду не знаменитаго,—подхватилъ съ громкимъ хохотомъ Сицкій.—Его мать была цыганка, а отецъ татаринъ.

— Ты лжешь!—закричалъ Глинскій.

— Да если я лгу, такъ чтожъ твой дорогой зять не вымолвитъ ни словечка? Иль у него языкъ отнялся?

Въ самомъ дѣлѣ, Соколъ сидѣлъ какъ приговоренный къ смерти, и не только не могъ выговорить ни слова, но не смѣлъ поднять глазъ и взглянуть на своего тестя.

— Не вѣдаю, служилъ ли онъ жильцомъ въ Москвѣ,—продолжалъ насмѣшливо Сицкій;—а знаю навѣрное, что во всей лагерной челяди пановъ Лисовскаго и Сапѣги не было ни одного коновала досужѣе и конокрада удалѣе твоего любезнаго зятюшки.

Около минуты просмотрѣлъ Глинскій молча на своего зятя; вдругъ глаза его засверкали, и онъ сказалъ грознымъ голосомъ:

— Все равно! Теперь онъ зять мой; и если кто-нибудь дерзнетъ порочить Андрея Сокола...

— Да развѣ его зовутъ Соколомъ? — спросилъ Сицкій.

— А почему-же и не такъ? Онъ молодецъ изъ молодцовъ, и подѣломъ прозывается яснымъ Соколомъ.

— О, если такъ, то прошу прощенья!—подхватилъ Сицкій.—Коли онъ заѣлся въ чины, такъ, видно, въ самомъ дѣлѣ былъ на службѣ царской. Шутка ли, подумаешь: изъ коршуновъ махнулъ прямо въ соколы.

— Изъ Коршуновъ?—вскричалъ Глинскій.

— Ну, да! Его теперь прозываютъ Соколомъ, а въ наше время онъ звался просто Чернымъ коршуномъ.

— Чернымъ коршуномъ! — повторилъ страшнымъ голосомъ хозяинъ.

Взоры всѣхъ присутствующихъ невольно устремились на Глинскаго: всѣ съ трепетомъ ожидали чего-то ужаснаго. Вдругъ завылъ буйный вѣтеръ, погасли свѣчи передъ святыми иконами, а надъ трубою дома закаркалъ воронъ и прокричалъ человѣческимъ голосомъ. «Глинскій! Черный коршунъ пріютился подъ твоею кровлею!»

— И свилъ гнѣздо, чтобъ жить вмѣстѣ съ бѣлой горлинкой,—промяукалъ мохнатый котъ, выглядывая изъ-за печки.

— Стукъ! стукъ!—раздалось подъ окномъ, и отвратительный сиповатый голосъ прохрипѣлъ: «Глинскій, выходи на крыльцо, принимай гостей!»

Вдругъ сверкнулъ въ рукѣ Глинскаго широкій ножъ, и Соколъ повалился мертвый на землю. Какъ безумный бросился убійца вонъ изъ столовой и прибѣжалъ въ эту самую комнату, гдѣ мы теперь сидимъ и въ которую кромѣ его никто не хаживалъ. Онъ схватилъ большую книгу въ черномъ переплетѣ, хотѣлъ ее раскрыть, — да не тутъ-то было! Желѣзныя застежки какъ будто бы спаялись, книга не развертывалась, а за лежанкою и по всѣмъ угламъ поднялся такой нелѣпый хохотъ, что чародѣйная книга выпала изъ онѣмѣвшихъ рукъ его. Межъ тѣмъ все небо вспыхнуло и зардѣлось какъ отъ сильнаго пожара, и тутъ-то начался этотъ *ночной поѣздъ*, который, по словамъ стариковъ, каждые двадцать пять лѣтъ, въ тотъ же самый день и часъ повторяется и понынѣ въ этомъ домѣ. По дорогѣ отъ Волчьяго оврага показались незваные гости; вокругъ ихъ ревѣла буря и отъ конскаго топота широкія поля тряслись какъ зыбкое болото. Впереди всѣхъ ѣхалъ на лошадиномъ остовѣ удавленный наканунѣ свадьбы купецъ въ бѣломъ саванѣ; за нимъ тянулся длинный рядъ мертвецовъ: кто съ пере-

рѣзаннымъ горломъ, кто съ размозженной головой, и при свѣтѣ кроваваго зарева не видно было и конца этому ужасному поѣзду. Они подъѣхали къ барскому двору; съ громкимъ скрипомъ распахнулись ворота...

Иванъ Алексѣевичъ замолчалъ.

— Ну чтожъ вы, дядюшка, остановились?—спросилъ Заруцкій.

— Постой-ка, братъ Алексѣй!—шепнулъ хозяинъ,— что это такое?.. Слышите?

— Да!—сказалъ Кольчугинъ,—это ужъ не вѣтеръ воетъ.

Мы всѣ стали прислушиваться: въ самомъ дѣлѣ что-то похожее на свистъ, пѣсни и громкій человѣческій говоръ сливались съ воемъ вѣтра. По временамъ можно было даже различить стукъ колесъ по неровной дорогѣ и сильный конскій топотъ.

— Кому бы, кажется, ѣхать такъ поздно?—промолвилъ почти съ робостію хозяинъ.—Большая дорога отсюда далеко, а къ себѣ я никого не жду. Ужъ не подгулялъ ли мой приказчикъ? Чего добраго, пожалуй, вздумаетъ прокатить гостей по селу: вѣдь онъ сегодня справляетъ свои именины.

— А какъ его зовутъ?—спросилъ я.

— Его зовутъ Ѳомою.

— Ѳомою!—повторили мы всѣ въ одинъ голосъ и взглянувъ невольно другъ на друга.

— Итакъ, сегодня Ѳоминъ день?—сказалъ я:—тотъ самый, въ который...

— Чу! — вскричалъ исправникъ. — Слышите-ль?.. Отпираютъ ворота!

Вдругъ какъ будто бы цѣлая ватага пьяныхъ, съ неистовымъ крикомъ, хлынули на барскій дворъ; какъ бѣшеные подскакали къ подъѣзду, и шумъ отъ скорыхъ шаговъ, повидимому многолюдной и буйной толпы людей, раздался на крыльцѣ. У насъ въ комнатѣ было тихо какъ на кладбищѣ: мы всѣ едва смѣли дышать; одинъ Кольчугинъ казался поспокойнѣе другихъ, но

за то на хозяинѣ и на остальныхъ гостяхъ лица не было.

— Господи, Боже мой!—прошепталъ, заикаясь, Черемухинъ.—Да чтожъ это такое?.. Слышите-ли? они въ сѣняхъ... Если это гости, такъ зачѣмъ они нейдутъ налѣво, въ переднюю? Они подходятъ къ нашей стѣнѣ... Чу!.. что это?

Вотъ съ трескомъ и громомъ посыпались кирпичи и отбитая штукатурка на каменный полъ сѣней.

— Гасподи, помилуй насъ грѣшныхъ!—вскричалъ хозяинъ. Слышите-ль? Они проламываютъ закладенныя двери!.. Они хотятъ ворваться въ эту комнату!.. Такъ точно!.. Господа, это *ночной поѣздъ!*

Мы всѣ повскакали съ нашихъ мѣстъ. Стукъ безпрестанно увеличивался. Вотъ ужъ въ стѣнѣ остается одинъ только рядъ кирпичей... Мы ясно слышимъ какой-то странный говоръ, крикъ, дикій хохотъ... Вотъ падаютъ послѣдніе кирпичи... Одинъ только коверъ, которымъ прикрыты были закладенныя двери, отдѣляетъ насъ еще отъ сѣней... Вдругъ свѣжій, холодный воздухъ врывается въ нашъ теплый покой, коверъ начинаетъ колебаться, и мы всѣ бросаемся стремглавъ вонъ изъ комнаты.

— Тише, господа, тише!—закричалъ Кольчугинъ.—Вы перебьетесь до смерти: здѣсь такъ темно, что зги не видать!

И подлинно, мы всѣ какъ полоумные бѣжали по корридору, спотыкались, падали и давили другъ друга. Вотъ кой-какъ мы выбрались на просторъ, но все еще въ потемкахъ. Парадныя комнаты не освѣщены; только въ одной столовой свѣтится огонекъ: мы бросились туда. Всѣ люди Ивана Алексѣевича, робко прижавшись одинъ къ другому, стоятъ въ кучѣ посреди комнаты; въ передней никого, а въ сѣняхъ ужасная возня, которая вовсе не утихаетъ, а становится часъ-отъ-часу сильнѣе.

— Да чтожъ мы въ самомъ дѣлѣ такъ опѣшили?—проговорилъ, наконецъ, Кольчугинъ.—Насъ человѣкъ

двадцать: чего намъ бояться? Я одинъ-одинехонекъ ужиналъ съ цѣлой дюжиной чертей, да вѣдь ничего же со мной не было. Эхъ, господа! что робѣть, то хуже! Дайте-ка мнѣ свѣчу!.. Ну-ка, ребятишки, перекреститесь, да съ молитвою за мной!

Мы всѣ толпою двинулись за нашимъ предводителемъ. Почти рядомъ съ нимъ шелъ хозяинъ, а позади всѣхъ, едва переставляя ноги, тащился насмѣшникъ Черемухинъ. Вотъ мы вошли въ переднюю. Кольчугинъ пріостановился у сѣнныхъ дверей, оградилъ себя, крестнымъ знаменіемъ; мы всѣ — и слуги и господа, кто про себя, кто вслухъ, творили молитвы, и хотя трепещущимъ голосомъ, но громче всѣхъ восклицалъ; «да воскреснетъ Богъ!» нашъ полумертвый отъ страха аріергардъ. Кольчугинъ, держа въ одной рукѣ свѣчу, толкнулъ другою въ двери: онѣ распахнулись. Все наше христолюбивое воинство заколебалось, попятилось назадъ и примкнуло къ аріергарду, который сдѣлалъ уже налѣво кругомъ и приготовился къ ретирадѣ.

— Смѣлымъ Богъ владѣетъ! — закричалъ Кольчугинъ, переступая черезъ порогъ.

И чтожъ?.. О, чудо!.. Вдругъ все замолкло: и стукотня, и шумъ, и крикъ. За Кольчугинымъ вошелъ хозяинъ, за нимъ исправникъ, я и Заруцкій; за нами вся толпа слугъ, а часть аріергарда, то есть Черемухинъ остался въ лакейской и высунулъ только изъ дверей свою голову. Нашъ храбрый предводитель поднялъ кверху свѣчу: въ сѣняхъ никого. Мы кинулись къ закладеннымъ дверямъ: ни одинъ кирпичъ не выломанъ, штукатурка не обита; кругомъ все смирно, тихо; половая щетка, приставленная къ стѣнѣ, и нѣсколько изломанныхъ стульевъ стоятъ преспокойно на своихъ мѣстахъ; дверь на крыльцо заперта, и даже крючекъ не вынутъ изъ пробоя...

На другой день рано по-утру я простился, и, къ несчастью, навсегда, съ добрымъ и почтеннымъ Ива-

номъ Алексѣевичемъ. Я думалъ прожить нѣсколько дней въ Сердобскѣ, чтобъ похлопотать о своемъ дѣлѣ; но вмѣсто того долженъ былъ провести цѣлый мѣсяцъ въ деревнѣ Заруцкаго. Бѣдный мой пріятель едва не умеръ отъ отчаянія: онъ оставилъ свою невѣсту совершенно здоровою, и нашелъ ее въ гробу. Она занемогла по-утру въ субботу; а ночью, на воскресенье, *ровно въ двѣнадцать часовъ* скончалась, назвавъ его въ послѣдній разъ по имени.

КОНЕЦЪ.

ТРИ ЖЕНИХА

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЕ ОЧЕРКИ

I.

Тому назадъ, — такъ точно, — не болѣе двухъ или трехъ лѣтъ... Но прежде, чѣмъ я разскажу вамъ эту повѣсть, мнѣ хочется спросить васъ, живали ли вы когда-нибудь въ провинціи? Не въ деревнѣ, не въ маленькомъ уѣздномъ городкѣ, но въ губернскомъ городѣ,—среди людей, которые говорятъ съ гордостью, и почти всегда на французскомъ языкѣ, о *своемъ* большомъ свѣтѣ, о своемъ хорошемъ и дурномъ тонѣ, даже о разныхъ кругахъ, на которые раздѣляется ихъ общество? Если вы никогда не живали въ этихъ, подчасъ довольно забавныхъ, образчикахъ нашей матушки Москвы бѣлокаменной, и желаете знать хоть поверхностнымъ образомъ, что такое провинціальный городъ, не двадцать лѣтъ тому назадъ, но теперь, въ наше время,—такъ слушайте.

Далеко отсюда, въ низовомъ губернскомъ городѣ, въ Дворянской улицѣ,—почти въ каждомъ губернскомъ городѣ есть улица, которую зовутъ «Дворянскою»,— возвышается крытый желѣзомъ, двухъ-этажный кирпичный домъ, на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ года два тому назадъ врастали въ землю деревянныя хоромы, выстроенныя, какъ говорятъ старики, еще до Пугачева. Онѣ тянулись въ длину саженъ шестнадцать, не считая двухъ подъѣздовъ съ холодными сѣнями и небольшой пристройки, въ которой помѣщалась русская баня съ двумя предбанниками. Этотъ домъ занималъ всю глубину обширнаго двора, который съ двухъ сто-

ронъ былъ застроенъ развалившимися службами, а съ третьей отдѣлялся отъ улицы почернѣвшимъ отъ времени рѣшетчатымъ заборомъ. Сзади, къ самому дому примыкалъ большой плодовитый садъ, поросшій высокою травою и почти непроходимый отъ безчисленнаго множества кустовъ колючаго крыжовника, барбариса и смородины. Разумѣется, эти хоромы не были ни окрашены, ни обшиты тесомъ, и на дощатой ихъ кровлѣ росла преспокойно мурава шелковая и пробивались кой-гдѣ украдкою цвѣты лазоревые.

Однажды вечеромъ, въ началѣ мая мѣсяца, который, несмотря на восторги нашихъ поэтовъ, почти всегда хуже апрѣля, погода стояла самая осенняя, дождь лилъ какъ изъ ведра, и хотя еще не было восьми часовъ, однако на дворѣ сдѣлалось такъ сумрачно, что въ одномъ изъ оконъ описанныхъ мною развалинъ замелькалъ огонекъ. Онъ свѣтился въ диванной, въ которой хозяйка, пожилая вдова, статская совѣтница Анна Степановна Слукина, сидѣла за ломбернымъ столомъ и раскладывала гранъ-пасіансъ; насупротивъ ея, расположась покойно въ широкихъ креслахъ и понюхивая табакъ изъ огромной серебряной табакерки, сидѣлъ человѣкъ лѣтъ шестидесяти, въ коричневомъ долгополомъ кафтанѣ, съ бронзовою медалью въ петлицѣ и въ черныхъ плисовыхъ сапогахъ. Къ нимъ спиною, подлѣ раствореннаго окна, стояла миловидная дѣвушка лѣтъ семнадцати, въ простомъ бѣломъ платьѣ. Широкій поясъ со стальною пряжкою обхватывалъ гибкій станъ ея; свѣтлорусые волосы, завитые и убранные a l'enfant, разсыпались густыми кудрями по ея плечамъ, полнымъ и бѣлымъ, какъ пушистый снѣгъ въ первозимье. Попытаюсь, удастся ли мнѣ описать вамъ наружность хозяйки. Не совсѣмъ еще увядшее лицо ея высказывало не болѣе сорокапяти лѣтъ. Большіе черные глаза, довольно правильныя черты, прекрасный цвѣтъ лица,—все это заставило бы подумать каждаго, что она была нѣкогда очень хороша собою; но вотъ бѣда,—эти большіе чер-

ные глаза походили на красивые фонари безъ свѣчъ, а румяное, ничего не выражающее лицо ея было просто

> Бѣло и красно,—
> И точно херувимъ на вербѣ восковой!

Впрочемъ я ошибся, сказавъ, что лицо ея ничего не выражало: нѣтъ, въ немъ замѣтно было безпрестанное усиліе казаться «горькой, беззащитной вдовой», какое-то подленькое притворное смиреніе, едва прикрывающее невѣжественную спесь и чванство провинціальной барыни пятаго класса. Эта беззащитная вдова успѣла, по собственнымъ словамъ ея, — при помощи Господа Бога и добрыхъ людей, — укрѣпить за собою двѣ тысячи душъ покойнаго своего супруга, выиграть три процесса, пустить по міру нѣсколько сиротъ, разорить въ конецъ родного брата и выплакать себѣ шестьсотъ рублей пожизненнаго пенсіона.

Самый пошлый мадригалъ щеголя Демутье, столкнувшись нечаянно съ самою высокою, творческою мыслью великаго Ньютона или Гердера, не представилъ бы такой рѣзкой противуположности, какую представляло почти безобразное лицо пожилого господина въ коричневомъ кафтанѣ съ румянымъ и правильнымъ лицомъ хозяйки: огромный носъ Николая Ивановича Холмина, — такъ звали этого гостя, — его изрытыя оспой багровыя щеки, его узкіе калмыцкіе глаза, крутой лобъ, покрытый морщинами, и въ то же время умъ и веселость, которые блистали въ его маленькихъ сѣрыхъ глазахъ, улыбка повременамъ насмѣшливая, но всегда добродушная, пріятный звукъ голоса, и то, чему нѣтъ названія,—это неизъяснимое *что-то такое*, что плѣняетъ насъ съ перваго взгляда, — все это вмѣстѣ составляло одну изъ тѣхъ загадочныхъ физіономій, которыя нравятся, не спросясь у эстетики и вопреки всѣмъ условнымъ понятіямъ о красотѣ и безобразіи человѣческомъ.

— Опять не вышло! — сказала Анна Степановна, бросивъ съ досадою карты, которыя остались у нея

на рукахъ.—А все этотъ проклятый валетъ! Нейдетъ, какъ нейдетъ!.. Эй, дѣвка!.. Дашка, поди сюда, подыми платокъ! Возьми, положи карты въ комодъ, въ третій ящикъ!.. Да что это, мать моя,—никакъ въ корсетѣ? Смотри пожалуй, ужъ и онѣ стали затягиваться!.. Эй, мальчикъ, сними со свѣчи... Дуракъ, чуть не погасилъ!.. Варенька!

Дѣвушка въ бѣломъ платьѣ вздрогнула и обернулась торопливо къ своей мачихѣ.

— Ну что, мой другъ,—продолжала Анна Степановна,—дождикъ пересталъ?

— Пересталъ, маменька!

— Такъ на дворѣ прочистилось?

— Прочистилось, маменька!

Въ эту самую минуту проливной дождь загудѣлъ сильнѣе прежняго, и въ сосѣднемъ покоѣ вода, пробивъ оштукатуренный потолокъ, съ шумомъ полилась на полъ.

— Помилуй, матушка, — вскричала Анна Степановна,—дождь ливмя льетъ, а ты говоришь!.. Да что ты, ослѣпла что-ль? Эй, мальчикъ, Андрюшка!.. Ну что стоишь? Ведро въ гостиную! Подставить тамъ, гдѣ протекло. Да вѣрно на чердакѣ нѣтъ ушатовъ? Вотъ я васъ, разбойники!.. То-то вдовье дѣло! Обо всемъ изволь сама думать... Смотри пожалуй,—прочистилось, дождь нейдетъ! Да чего-жъ ты въ въ окно-то смотрѣла, сударыня?

Варенька вспыхнула и не отвѣчала ни слова, а гость, какъ будто-бы не нарочно, повернулся и взглянулъ на окно, подлѣ котораго она стояла. Прямо черезъ улицу, въ небольшомъ домикѣ мелькалъ огонекъ и хотя слабо, но вполнѣ освѣщалъ гусарскій киверъ, небрежно кинутый на окно. Николай Ивановичъ улыбнулся.

— Что это, Анна Степановна,—сказалъ онъ, обращаясь къ хозяйкѣ, — никакъ противъ вашего дома военный постой?

— Да, Николай Ивановичъ! Вонъ въ томъ домикѣ

дней пять тому назадъ отвели квартиру гусарскому офицеру... какъ бишь его?... Дай Богъ память!... Да! Тонскому.

— Александру Михайловичу? Отличный молодой человѣкъ!

— И, батюшка! Да чтожъ въ немъ отличнаго? Конечно, собой онъ молодецъ изрядный; говорятъ, не пьетъ, въ карты не играетъ; да и то сказать, что ему, сердечному, проигрывать? Вѣдь, чай, за нимъ души нѣтъ христіанской: голъ, какъ соколъ; а какъ поглядишь иногда, такъ, Господи Боже мой, весь облитъ золотомъ! Ну, право, фунта три выжиги будетъ! А, небось, дома перекусить нечего. Вотъ то-то и есть! Служилъ бы себѣ, да служилъ въ пѣхотѣ. Такъ нѣтъ, всѣ въ гусары лѣзутъ!

— Онъ не такъ бѣденъ, какъ вы думаете. Его дядя, Александръ Алексѣевичъ Тонскій, оставилъ ему небольшое, но прекрасно устроенное имѣнье.

— Право? А сколько душъ, батюшка?

— Конечно, не много. Душъ тридцать...

— Тридцать душъ! И ты, Николай Ивановичъ, называешь это имѣньемъ?

— Да онѣ даютъ безъ малаго двѣ тысячи рублей въ годъ доходу.

— Двѣ тысячи? Ну, батюшка, подлинно несмѣтное богатство!

— Нельзя же всякому, какъ вамъ, Анна Степановна, имѣть тысячъ пятьдесятъ въ годъ доходу. Разумѣется, въ сравненіи съ вами, Тонскій бѣденъ, но за то какой образованный, воспитанный малый...

— Да, Николай Ивановичъ, что правда, то правда: воспитанъ хорошо, знаетъ себя и разумѣетъ другихъ. Вотъ хоть со мной: всегда обходится весьма политично,—и, нечего сказать, услужливъ! Прошлое воскресенье, кабы не онъ, такъ не знаю, что было бы со мною: на рукахъ вынесъ изъ собора.

— А что такое съ вами было?

— Вотъ что, батюшка, Николай Ивановичъ. Я

прошлое воскресенье была, какъ слѣдуетъ всякой христіанкѣ, у обѣдни въ соборѣ; самъ преосвященный изволилъ служить, и, хоть въ трапезѣ было довольно просторно, но за то въ настоящей, а особливо кругомъ амвона, и сказать нельзя, что за давка была. Ну, нельзя же, мой отецъ, статской совѣтницѣ стоять позади Богъ вѣсть кого. Вотъ я, гдѣ бочкомъ, гдѣ локотками, продралась и стала впереди. Тѣсно, батюшка, душно, а дѣлать нечего, — чтою! Вотъ, подъ конецъ голова стала у меня кружиться, и начало въ глазахъ зеленѣть,—а я все-таки стою! Когда преосвященный вышелъ съ крестомъ, я, пропустя мимо себя губернаторшу, хотѣла было по моему чину вслѣдъ за нею, какъ вдругъ откуда ни возьмись дворянская предводительница,—шмыгъ изъ-подъ меня, да шасть первая ко кресту! Коллежская ассесорша!.. Ну, батюшка, хоть я и беззащитная вдова, хоть за меня, круглую сироту, вступиться некому, а ужъ не стерпѣла бы я ни отъ кого такого афронта, и еслибъ это было не въ соборѣ, такъ подняла бы такую аларму, что и, Боже, упаси! А тутъ, — дѣлать нечего, — смолчала; да ужъ каково-то было моей душенькѣ! Начало меня подергивать, подкатилось къ сердцу, схватило удушье, и еслибъ не подвернулся этотъ Тонскій, Дай Богъ ему здоровье, такъ я бы со всѣхъ ногъ грянулась о полъ.

— Знаете ли, Анна Степановна,—сказалъ Холминъ, помолчавъ нѣсколько времени:—что еслибъ Александръ Ивановичъ Тонскій былъ побогаче, такъ этакого жениха поискать!

— Да, еслибъ у него было тысячъ тридцать въ годъ доходу.

— Погодите, будетъ и больше. Онъ отличный офицеръ, служитъ охотникъ, и пойдетъ далеко.

— Статься можетъ, батюшка! Да вѣдь это еще буки.

— Я увѣренъ, что и теперь любая невѣста въ нашемъ городѣ за него пойдетъ.

— Любая не любая, а можетъ быть и найдутся

охотницы. Вѣдь дураковъ и дуръ вездѣ много, Николай Ивановичъ! Ихъ не орутъ, не сѣютъ,—сами родятся.

— Знаете ли что,—продолжалъ Холминъ вполголоса: — я иногда думаю — что, еслибъ вышла за него ваша Варвара Николаевна?

— Что, что, батюшка?

— То-то была бы парочка!

— Эхъ, Николай Ивановичъ, охота тебѣ такой вздоръ говорить!

— Почему же вздоръ? Онъ не богатъ, за то у васъ прекрасное состоянiе.

— Что ты, что ты? Перекрестись, батюшка! Тридцать душъ!.. Да этакъ всякiй однодворецъ женихъ моей падчерицы.

— Такъ, Анна Степановна, такъ, не спорю: по состоянiю Тонскiй не женихъ Варенькѣ; но еслибъ онъ успѣлъ ей понравиться...

— Что? Понравиться?.. Безъ моего вѣдома?.. Да еслибъ она смѣла подумать объ этомъ! Еслибъ только заикнулась! Да сохрани ее, Господи! Да развѣ она можетъ выступить изъ моей воли? Развѣ не я ея опекунша? Да хоть бы за нее вся родня вступилась! Да хоть бы самъ покойникъ всталъ изъ гроба!..

— Ну, полноте, матушка, полноте, не сердитесь! Вѣдь это одинъ только разговоръ.

— Добро-бы еще онъ былъ въ чинахъ,—четвертаго или пятаго класса; а то простой офицерикъ, нищiй... Да чему-же ты смѣешься, батюшка?

— А тому, что мнѣ удалось васъ разсердить. Эхъ, матушка, Анна Степановна, ну, какъ вы могли подумать, чтобъ я сталъ сватать не шутя вашу Вареньку, мою крестную дочь, за какого-нибудь гусарскаго поручика, съ тридцатью ревизскими душами, потому только, что онъ уменъ, молодецъ собою и добрый малый?

— Ну, то-то же, мой отецъ! А то было я совсѣмъ перепугалась. Да и я дура: какъ будто бы не знаю,

что ты всегда подшучиваешь! А мнѣ бы надобно съ тобой о серьезномъ поговорить, батюшка, да вотъ видишь ты какой,—опять начнешь балагурить! Варенька, что ты, мой другъ, иль забыла, что мы сегодня съ визитами ѣдемъ! Поди, матушка, надѣнь свое гриделеневое платье... Ну, что стоишь? Ступай, сударыня!.. Теперь, Николай Ивановичъ, поговоримъ-ка о дѣлѣ.

— Поговоримте, Анна Степановна.

— Охъ, дѣти, дѣти!—продолжала хозяйка, смотря вслѣдъ за уходящей Варенкой.—Сколько съ ними горя и хлопотъ! Вотъ, говорятъ, мачихи не заботятся о своихъ падчерицахъ: не правда, мой отецъ? Видитъ Господь Богъ,—только и думаю о томъ, какъ бы пристроить Вареньку. Ты человѣкъ умный, батюшка, — посовѣтуй мнѣ; что ты, родной мой, скажешь, такъ тому и быть.

— Даже и тогда, Анна Степановна, когда мой совѣтъ будетъ не согласенъ съ вашею волею?

— И, батюшка! Да развѣ у меня есть какая-нибудь воля? Что скажутъ добрые люди, то и дѣлаю. Вотъ изволишь видѣть: твоя крестная дочка ужъ на возрастѣ.

— А что, развѣ вы хотите ее выдать замужъ?

— Пора, мой отецъ. Вѣдь ужъ ей скоро семнадцать лѣтъ.

— Да это что еще за года, Анна Степановна!

— Полно, полно, Николай Ивановичъ! Я сама по четырнадцатому году за перваго мужа вышла замужъ,—такъ что тутъ говорить! Да и не объ этомъ рѣчь.

— А что, развѣ кто-нибудь сватается!

— Кто-нибудь!—повторила съ гордою улыбкою хозяйка.—Нѣтъ, батюшка,—продолжала она, поправляя свой чепецъ,—женишки-то давно уже около насъ увиваются, и въ старину бы мнѣ отъ свахъ отбою не было. Вотъ теперь дѣло другое: за это ремесло взялись наши сестры, дворянки. Да полно, лучше ли? Бывало отъ свахи узнаешь всю подноготную, отберешь всю до копѣечки, и коли замѣтишь, что она на-

чала лисой лисить да переминаться, такъ ее, голубушку мою, въ три шеи со двора долой: вѣдь дѣло-то было торговое. А теперь, прошу покорно: сама губернаторша пріѣдетъ сватать; съ ней много говорить не станешь, — вѣрь на честное слово. «У такого-де, сударыня, тысяча душъ, да столько-то доходу, да то, да се». А попробуй сказать: «Нельзя-ли, матушка, ваше превосходительство, документики сообщить?» — такъ пойдутъ исторіи, претензіи, разстанешься навсегда домами, и нашей сестрѣ, беззащитной вдовѣ, отъ этой губернаторши и всѣхъ ея прихвостницъ житья не будетъ.

— А что, развѣ губернаторша дѣлала вамъ предложеніе?

— Вотъ то-то и есть, батюшка! Она говорила мнѣ о своемъ племянникѣ.

— Объ Иванѣ Степановичѣ Вельскомъ?

— Да, Николай Ивановичъ! Я ужъ давно замѣтила, что этотъ отставной камеръ-юнкеръ имѣетъ виды на мою Вареньку. Конечно, онъ человѣкъ порядочный,— слишкомъ тысяча душъ, прекрасный домъ, отличная услуга, музыка,—все это хорошо; да вотъ о чемъ его тетушка не разсудила со мной распространиться: говорятъ, что у него до пятисотъ тысячъ рублей долгу, такъ это почти все равно, что онъ ничего не имѣетъ.

— Слѣдовательно, вы ему отказали?

— Ужъ тотчасъ и отказать! Погоди, батюшка; пусть посватается порядкомъ. Вѣдь его тетушка стороной только мнѣ объ этомъ намекала. Вотъ какъ онъ сдѣлаетъ формальное предложеніе и весь городъ будетъ знать, что онъ ищетъ въ Варенькѣ, такъ успѣю еще и тогда. Небольшая бѣда, если станутъ говорить, что у нея много жениховъ было.

— Такъ какого-же, матушка, вы просите у меня совѣта?

— А вотъ постой, мой отецъ: это еще одинъ женихъ.

— А ктожъ другой?

— Алексѣй Андреевичъ Зоринъ.
— Предсѣдатель гражданской палаты?
— Да, батюшка.
— Пожилой вдовецъ...
— Да, батюшка.
— Съ большою семьею...
— Такъ чтожъ?
— Да кстати ли ему свататься за Вареньку? Она ему въ меньшія дочери годится.

— Это ничего, Николай Ивановичъ! И мой покойникъ былъ вдвое меня старѣе. Да вотъ что худо: вѣдь у него наслѣдственнаго имѣнія нѣтъ, а все благопріобрѣтенное куплено на имя покойной жены; такъ онъ изъ него только и можетъ взять законную седьмую часть, то есть много-много душъ сто. Конечно, онъ человѣкъ умный,—нажилъ бы еще; да времена-то не тѣ, батюшка: ко всему придираются! Судья возьметъ по дружбѣ какой-нибудь подарочекъ, а его назовутъ взяточникомъ. Не бери ни чѣмъ: ни деньгами, ни натурой; да этакъ скоро вовсе служить нельзя будетъ!

— И, матушка, Анна Степановна, ну что Господа Бога гнѣвить! И теперь еще такъ-то себѣ деревеньки и домики наживаютъ, что на—поди!

— Да, небось, ты скопилъ имѣньице? Шесть лѣтъ былъ дворянскимъ предводителемъ, сколько разъ засѣдалъ въ рекрутскомъ присутствіи—а что нажилъ?

— Да покамѣсть честное имя, Анна Степановна.

— Честное имя! Да вѣдь честное имя доходу не даетъ; его не продашь, ни въ опекунскій совѣтъ заложить нельзя; такъ съ нимъ далеко не уѣдешь. А сверхъ того, вы всѣ честные люди—гордецы, а гордымъ Богъ противится... Ну, что ухмыляешься?

— Радуюсь, матушка, Анна Степановна, что вы такъ хорошо знаете и ловко толкуете Священное Писаніе.

— Да что объ этомъ говорить! Всякій молодецъ на свой образецъ. Скажите-ка лучше, что мнѣ дѣлать? Я сама вижу, что Зоринъ не женихъ Варенькѣ.

— Такъ откажите ему.

— А про мое тяжебное дѣло-то, батюшка, ты вѣрно забылъ?

— Нѣтъ, помню. Такъ чтожъ?

— А то, что коли испортятъ его здѣсь въ палатѣ, такъ еще Богъ вѣсть, поправишь-ли въ Москвѣ. Нѣтъ, мой отецъ, успѣю ему отказать и тогда, когда дѣло будетъ рѣшено въ мою пользу.

— Ну вотъ ужъ два жениха забракованы. Нѣтъ ли еще третьяго?

— Есть, Николай Ивановичъ, есть женишокъ! Да и дѣло-то почти совсѣмъ слажено.

— Вотъ что! Какъ же мнѣ Варенька ничего объ этомъ не намекнула?

— Да она еще сама не знаетъ.

— Право? Такъ вы заранѣе увѣрены, что этотъ женихъ ей понравится?

— Какъ ему не понравиться, батюшка! Вѣдь у него,—легко вымолвить,—четыре тысячи душъ.

— Четыре тысячи? Такъ это...

— Князь Василій Ивановичъ Верхоглядовъ. Что, батюшка, каковъ женишокъ!

— Да хорошо ли вы знаете этого человѣка?

— Я знаю, батюшка, навѣрное, что у него четыре тысячи душъ и ни копѣйки долгу.

— Конечно, послѣ этого и говорить нечего. Вотъ, если бы у него не было ста тысячъ въ годъ доходу...

— Полтораста, батюшка.

— Неужели!.. Смотри, пожалуй! Такъ чтожъ это говорятъ, будто онъ самый пустой человѣкъ; будто у него нѣтъ никакихъ правилъ; будто онъ на словахъ сумасшедшій либералъ, а на дѣлѣ трехъ-бунчужный паша; будто онъ толкуетъ безпрестанно о потребности вѣка, о высшихъ взглядахъ, о правахъ человѣчества... и разоряетъ своихъ крестьянъ; будто у него давно уже умъ за разумъ зашелъ и что, рано или поздно, а ему не миновать опеки?

— И, что ты, мой отецъ! Да развѣ отдаютъ подъ

опеку людей, у которыхъ полтораста тысячъ въ годъ доходу и ни копѣйки долгу?

— Вотъ то-то и есть. Говорятъ также, что будто бы у него такой причудливый и скверный характеръ, что съ нимъ ужиться нѣтъ никакой возможности.

— Вздоръ, батюшка, вздоръ! То-же самое говорили и про моего покойника; да вѣдь жили же мы кое-какъ. Ну, конечно, какъ безъ того: бывало пошумимъ, погрыземся, а все-таки онъ, дай Богъ ему царство небесное, сдѣлаетъ какъ сдѣлаетъ по-моему. Нравный мужъ не бѣда, мой отецъ; лишь только не поддавайся, да кричи громче его, такъ все пойдетъ своимъ чередомъ.

— Правда, Анна Степановна, правда; это самый лучшій способъ жить въ ладу съ мужемъ. Дурака запугаешь, умному надоѣшь, такъ и тотъ и другой будутъ поневолѣ дѣлать все, что жена захочетъ. Да Варенька-то, кажется, у насъ не такого характера: она уступчива, добра, самаго кроткаго нрава...

— Перемѣнится, мой отецъ, перемѣнится. Вѣдь нужда чему не научитъ!

— Конечно, Анна Степановна, конечно. Да и материнскіе ваши совѣты, быть можетъ, на нее подѣйствуютъ. Такъ это дѣло кончено; племяннику губернаторши Вельскому...

— Я ничего рѣшительнаго не сказала; однакоже, признаюсь, надеждою польстила.

— Предсѣдателю палаты Зорину...

— Его по-неволѣ приголубливаю, батюшка, вотъ такъ изрѣдка намеки дѣлаю, обиняки говорю.

— А князю Владиміру Ивановичу Верхоглядову?

— И ему еще формальнаго слова не давала.

— То есть вы обнадежили разомъ трехъ жениховъ?

— Эхъ, батюшка, батюшка, да когда-же мнѣ и поломаться-то, какъ не теперь? Пока я не совсѣмъ еще порѣшилась, такъ мнѣ житье-то славное. Посмотри въ собраніи, на балахъ, кому такой почетъ, какъ мнѣ? Одинъ слугу отыщетъ, другой салопъ подастъ, третій

съ лѣстницы сведетъ,—не успѣешь откланиваться. А какъ въ вистикъ-то съ ними засяду, батюшка, въ вистикъ! Житье, да и только! Ренонсъ сдѣлаю,—никто не видитъ; безъ двухъ вигуръ сочту четыре онера,—молчатъ. И даже этотъ скопидомъ, Зоринъ не заикнется сказать, что я ошиблась. А ужъ объ этомъ не говорю, сколько другихъ прочихъ мелкихъ женишковъ мнѣ въ глаза-то забѣгаютъ. Ну такъ и рвутся одинъ передъ другимъ, чтобъ мнѣ услужить!

— Не спорю, Анна Степановна, теперь вамъ весело; да весело ли будетъ тогда, какъ женихи узнаютъ, что вы ихъ дурачили?

— Такъ чтожъ, батюшка? Посердятся, посердятся, да будутъ таковы. Одинъ Алексѣей Андреевичъ Зоринъ могъ, бы мнѣ хлопотъ надѣлать, еслибъ узналъ объ этомъ; да, къ счастію, дѣло мое слушаютъ на будущей недѣлѣ. Ты самъ знаешь, батюшка, резолюціи перемѣнить нельзя; такъ чтожъ мнѣ помѣшаетъ тогда выдать Вареньку за князя Владиміра Ивановича?

— Хорошо разочтено, Анна Степановна! Вы только забыли одно, что отъ этого можетъ пострадать репутація вашей дочери.

— А это какъ, батюшка?

— Да такъ: станутъ говорить, что Варенька сама заводила всѣхъ жениховъ, что она съ ними кокетничала, обманывала съ вами за-одно. Мало ли что злость можетъ придумать!

— Помилуй! Да съ чего бы это взяли?

— Знаю, Анна Степановна, что въ этомъ и на волосъ не будетъ правды; но зачѣмъ давать поводъ къ злословію? Вѣдъ клевета, какъ уголь,—не обожжетъ, такъ замараетъ.

— И, полно, мой отецъ! Стану я бояться всѣхъ людскихъ рѣчей! Да мало-ли что и про меня грѣшную говорили: и обобрала-то я покойнаго моего мужа, и пустила поміру родного брата, да и Богъ вѣсть что! Всего, батюшка, не переслушаешь. А, вотъ и Варенька!.. Ну, что, одѣлась, мой другъ?.. Побудь по-

камѣстъ съ твоимъ крестнымъ, а я пойду и сама принаряжусь. Пора ѣхать съ визитами.

Варенька, оставшись одна съ крестнымъ отцомъ своимъ, сѣла подлѣ него и, не говоря ни слова, не смѣя поднять глазъ, перебирала въ рукахъ концы своего газоваго эшарпа. Щеки ея то пылали, то покрывались блѣдностью. Холминъ также молчалъ. Онъ смотрѣлъ съ нѣжностью и примѣтнымъ состраданіемъ на бѣдную дѣвушку, которая нѣсколько разъ пыталась начать разговоръ, но каждый разъ чувствовала такое сильное замираніе сердца, что слова исчезали на устахъ ея.

— Бѣдненькая!—сказалъ, наконецъ, Холминъ, положивъ руку на ея плечо.

Варенька подняла глаза, взглянула робко на своего крестнаго отца и бросилась къ нему на шею.

— Ну что, мой крестный папенька?—прошептала она едва слышнымъ голосомъ. Говорили-ли вы?

— О чемъ, мой другъ?

— Ну... о томъ.

— О томъ? — повторилъ съ улыбкою Холминъ. — Нѣтъ, мой ангелъ, я ничего но говорилъ *о томъ*.

— Неправда! Вы что-то говорили; я слышала сама, что вы называли его по имени.

— Да о комъ ты говоришь, Варенька?.. Ну, полно, полно, не гнѣвайся! Да, мой другъ, я говорилъ о немъ.

— Ну чтожъ маменька?

— И слышать не хочетъ.

— Ахъ, Боже мой!

— Она рѣшилась выдать тебя замужъ за князя Владиміра Ивановича...

— Что вы говорите?—вскричала съ ужасомъ Варенька.

— Чтожъ ты испугалась, мой другъ? Не бойся: на сватой Руси насильно никого не вѣнчаютъ. Послушай, моя душа, — ты ужъ не ребенокъ, и должна иногда думать о будущемъ. Ты любишь Тонскаго, и онъ достоинъ этого счастія. Но у князя полтораста

тысячъ въ годъ доходу, а Тонскій почти ничего не имѣетъ. Ты также, мой другъ, безъ всякаго состоянія, или, что почти одно и то-же, оно совершенно зависитъ отъ твоей мачихи. Покойный твой батюшка былъ человѣкъ истинно добрый, но подъ старость такъ ослабѣлъ и тѣломъ и душою, что не имѣлъ рѣшительно собственной своей воли. Ты знаешь, Варенька, что всѣмъ его имѣньемъ владѣетъ по жизнь Анна Степановна и что хотя по духовной покойнаго ты имѣешь право требовать въ приданое за собою тысячу душъ, но только тогда, когда выйдешь замужъ за того, кого она сама назначитъ; въ противномъ случаѣ, одно только добровольное ея прощеніе можетъ возвратить тебѣ это право. Теперь ты видишь, мой другъ, что у тебя ничего нѣтъ. Анна Степановна никогда не согласится выдать тебя замужъ за Тонскаго и никогда не проститъ тебя, если ты выйдешь за него противъ ея воли.

— Ахъ, Боже мой! Да какая ей прибыль, если я выйду за этого князя?

— Пребольшая, мой другъ. Засадить тебя вѣчно въ дѣвкахъ она не можетъ; это было бы уже слишкомъ явнымъ и слишкомъ гнуснымъ доказательствомъ ея жадности. Ты сирота: правительство можетъ взять тебя подъ свою защиту, а сверхъ того—и самые бездушные люди боятся общаго мнѣнія. Князь Владиміръ Ивановичъ беретъ тебя безъ приданаго; я это знаю, хотя почтенная Анна Степановна заблагоразсудила умолчать объ этомъ, говоря со мною. Теперь видишь-ли, мой другъ...

— Такъ чтожъ, —прервала съ живостью Варенька,— неужели вы думаете, что Тонскій не откажется также отъ моего приданаго?

— О, я не сомнѣваюсь въ этомъ!.. И развѣ богатство можетъ сдѣлать наше счастье?

— Не о богатствѣ рѣчь, мой другъ. Полтораста тысячъ въ годъ доходу не сдѣлаютъ тебя ни на волосъ счастливѣе, но бѣдность... Ахъ, Варенька, Ва-

ренька, мы живемъ не въ Аркадіи! Кустъ розановъ, шалашъ и милый другъ, — все это прекрасно въ романсѣ, который ты поешь, сидя за фортепіано; но въ шалашѣ и холодно и тѣсно; розаны цвѣтутъ только весною; милый другъ не вѣчно будетъ ворковать подлѣ тебя; онъ захочетъ ѣсть, ты также; а тамъ семья, дѣти... Нѣтъ, мой ангелъ, если счастье наше не всегда бываетъ слѣдствіемъ хорошаго состоянія, по крайней мѣрѣ оно помогаетъ намъ сносить терпѣливѣе всѣ житейскія горести и напасти, которыя при бѣдности становятся еще несноснѣе. Подумай хорошенько, если ты выйдешь за князя, то всѣ желанія твои, всѣ прихоти будутъ исполняться. Ты очень молода, мой другъ: тебя еще, безъ всякаго сомнѣнія, плѣняютъ и щегольской экипажъ, и модныя платья, и тысячи другихъ блестящихъ бездѣлокъ, которыя стоятъ такъ дорого, хотя и не служатъ ни къ чему. Придетъ время, когда все это тебѣ надоѣстъ, не спорю; но пока еще лѣта и горькій опытъ не отучатъ тебя забавляться этими игрушками взрослыхъ людей, ты станешь тосковать о нихъ. Сколько разъ ты будешь плакать отъ зависти и досады, сравнивая свой простенькій московскій буръ-де-суа съ какимъ-нибудь Колокольцовскимъ платкомъ или турецкой шалью прежней твоей подруги. Встрѣчая на каждомъ шагу знакомыхъ, которые станутъ давить тебя своимъ богатствомъ и роскошью, ты поневолѣ сдѣлаешься подозрительною: дружба богатыхъ людей будетъ тебѣ казаться обиднымъ покровительствомъ, а каждое ласковое слово милостынею, которую подаютъ тебѣ изъ состраданія. Что, если тогда встревоженное твое самолюбіе и эта тяжкая необходимость отказывать себѣ почти во всемъ расхолодятъ прежнюю любовь твою?.. Что, если ты начнешь горевать о томъ, что не вышла за богатаго князя, и бѣдный мужъ твой отгадаетъ, наконецъ, причину этой горести?..

— Мужъ мой? — прервала съ жаромъ обиженная дѣвушка.—Тотъ, кого выбрало мое сердце? И вы можете такъ дурно думать о вашей крестной дочери?

Щегольской экипажъ... турецкая шаль!.. Боже мой!.. Да, и я стала бы плакать о турецкой шали, еслибы въ ней показалась милѣе моему мужу! И я стала-бы завидовать богатому экипажу, когда-бы могла имъ потѣшить моего мужа; но желать всего этого для себя, грустить, что богатый мужъ не закутаетъ меня, какъ куклу, въ турецкія шали; горевать о томъ, что я не принадлежу этому князю, котораго ненавижу... Да, да... ненавижу!..

— Да за что же, мой другъ?

— За то, что онъ хочетъ быть моимъ мужемъ! И вы могли мнѣ совѣтовать?..

— Я ничего тебѣ не совѣтую. Когда дѣло идетъ объ участи цѣлой жизни, тогда трудно, мой другъ, совѣтовать. Впрочемъ, если любовь твоя къ Тонскому не одно только минутное предпочтеніе, не какая-нибудь романическая, безотчетная страсть, но искренняя, душевная привязанность, то, безъ всякаго сомнѣнія, съ нимъ и бѣдность будетъ для тебя счастьемъ. Но прежде, чѣмъ ты рѣшительно откажешься отъ супружества, которое свѣтъ сталъ бы называть блестящимъ, я долженъ былъ описать тебѣ всѣ невыгоды твоего замужества съ человѣкомъ небогатымъ. Тебѣ самой никогда-бы не пришло въ голову и подумать о вашемъ будущемъ домашнемъ бытѣ, о необходимомъ прожиткѣ, о расходѣ и приходѣ, однимъ словомъ, о всемъ томъ, что господа поэты называютъ земнымъ и прозаическимъ, но безъ чего и поэзія становится подчасъ прескучною прозою. Теперь я исполнилъ мою обязанность, и если безпрерывныя лишенія и бѣдность тебя не пугаютъ, если любовь точно можетъ для тебя замѣнить все, вотъ тебѣ рука моя,—ты будешь женою Тонскаго. Я не богатъ, Варенька, но все, что имѣю, будетъ принадлежать вамъ... Не благодари меня, мой другъ! Я былъ искреннимъ пріятелемъ отца твоего и люблю тебя, какъ родную дочь. Покойный твой батюшка, умирая на рукахъ моихъ, повидимому, раскаялся въ своемъ необдуманномъ поступкѣ; но духовной перемѣ-

нить было уже невозможно. За нѣсколько минутъ до своей кончины, онъ крѣпко сжалъ мою руку и устремилъ свой потухающій взоръ на твой портретъ, который висѣлъ надъ его изголовьемъ. Онъ не могъ уже говорить, но я понялъ его,—и мой бѣдный, обманутый другъ умеръ спокойно; онъ зналъ, что дочь его не останется круглой сиротою...

Варенька опустила голову на плечо крестнаго отца своего и горько заплакала.

— Полно, полно, мой другъ!—сказалъ Холминъ.— Ты и такъ довольно погоревала. Ба, ба. ба, да никакъ и я расплакался?—продолжалъ онъ, утирая глаза.— Куда мнѣ это должно быть къ лицу!.. Послушай, мой другъ: хорошій генералъ никогда не считаетъ себя побитымъ до тѣхъ поръ, пока не истощитъ всѣхъ средствъ, чтобъ вырвать побѣду изъ рукъ непріятеля. Ты выйдешь за Тонскаго,—это рѣшено; но если въ то-же время и состояніе ваше будетъ обезпечено, такъ, кажется, это ничего не испортитъ.

— Да вы сами говорите, что Анна Степановна никогда не согласится...

— Безъ всякаго сомнѣнія, не согласится. Но дѣло не въ томъ, чтобъ она была твоею посаженою матерью, а только-бы, послѣ свадьбы, васъ простила. У меня кой-что бродитъ въ головѣ. Что еслибы?.. Почему-же нѣтъ!.. А какъ бы это было забавно!..—промолвилъ Холминъ и глаза его, выражавшіе за минуту глубокую чувствительность, заблистали веселостью... Но вотъ, кажется, Анна Степановна кончила свой туалетъ,—продолжалъ Николай Ивановичъ.—Вы ѣдете сегодня съ визитами, я также сдѣлаю завтра по-утру нѣсколько визитовъ и, можетъ быть... Но впередъ загадывать нечего. Прощай, Варенька; прощай, мой другъ!

II.

На другой день Николай Ивановичъ Холминъ, часу въ десятомъ утра, надѣлъ свой коричневый кафтанъ,

накрылъ голову бѣлымъ пуховымъ картузомъ и, опираясь на высокую «натуральную» трость съ костянымъ набалдашникомъ, отправился пѣшкомъ сначала въ домъ предсѣдателя гражданской палаты, Алексѣя Андреевича Зорина. Но прежде, чѣмъ я открою читателямъ причину его посѣщенія, мнѣ должно ихъ предувѣдомить, что, вмѣсто разсказа, я намѣренъ предложить имъ для прочтенія нѣсколько отдѣльныхъ драматическихъ сценъ изъ этой комедіи, которую мы называемъ «общественною жизнью» и которая, глядя по тому, какъ на нее смотришь, и забавна, и скучна, и смѣшна, и печальна, а иногда,—не погнѣвайтесь,—не только вовсе не утѣшительна, но даже гадка и возмущаетъ душу. Можетъ быть, я ошибаюсь; но мнѣ кажется, что эта глава будетъ менѣе утомительна, если я дамъ ей форму совершенно драматическую. *А посему*, прерывая мой разсказъ, прошу почтенныхъ читателей превратиться въ почтеннѣйшихъ зрителей и вообразить, что передъ ними театральный помостъ, на которомъ происходитъ *нижеслѣдующее*:

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

(Довольно опрятная комната, оклеенная зелеными обоями. По стѣнамъ висятъ эстампы въ почернѣвшихъ золоченыхъ рамкахъ, шпага безъ темляка и шляпа съ бѣлымъ плюмажемъ. Между двухъ оконъ, покрытый краснымъ сукномъ столъ, заваленный бумагами. Въ одномъ углу нѣсколько полокъ съ толстыми книгами. Передъ столомъ широкія кресла, обтянутыя черной кожею, которая прибита по краямъ гвоздями съ мѣдными головками. На креслахъ сидитъ Алексѣй Андреевичъ Зоринъ, въ бухарскомъ халатѣ, тафтяномъ зеленомъ нагланикѣ и красныхъ, шитыхъ золотомъ сапожкахъ. Подлѣ него съ бумагами стоитъ секретарь).

Зоринъ *(подписавъ одну бумагу)*. Ну что, Андрей Пахомычъ? Что говорятъ присутствующіе о дѣлѣ

Анны Степановны Слукиной? Вѣдь оно на будущей недѣлѣ пойдетъ въ докладъ.

Секретарь. Да что, ваше высокородіе,—совѣтникъ все еще ломается, никакихъ резоновъ не принимаетъ! А когда я сталъ ему докладывать, что, въ силу сепаратнаго указа тысяча семьсотъ перваго года, можно дать резолюцію въ пользу челобитчицы, вдовы, статской совѣтницы Слукиной, такъ онъ понесъ такую околесную, что и сказать нельзя: и новые, дескать, указы уничтожаютъ силу предыдущихъ, и случайное-де измѣненіе закона, сдѣланное не въ примѣръ другимъ и въ пользу одной особы, не можетъ служить основаніемъ для судейскаго приговора, и то и се. Вотъ я было намекнулъ ему, что штрафа бояться нечего: во-первыхъ потому, что палата во всякомъ случаѣ можетъ отозваться, что судила по крайнему своему разумѣнію, а во-вторыхъ потому, что всякое денежное взысканіе будетъ обезпечено со стороны просительницы; но лишь только я это вымолвилъ, какъ онъ закричитъ!.. Господи, Боже мой! Вѣрите-ль, ваше высокородіе, не зналъ, куда дѣваться!

Зоринъ. Чудакъ!.. Хорошо, хорошо. Я съ нимъ самъ объ этомъ поговорю. *(Дверь изъ лакейской потихоньку растворяется)*. Кто тамъ?

Секретарь. Андрюшка сапожникъ.

Андрюшка *(въ синемъ сюртукѣ и кожаномъ фартукѣ. Въ одной рукѣ шило, въ другой сапожное голенище)*. Пріѣхалъ Николай Ивановичъ Холминъ.

Зоринъ. Проси. А ты, братецъ, Андрей Пахомычъ, подожди покамѣстъ въ столовой. Быть можетъ, у насъ завяжется серьезный разговоръ. Вѣдь онъ крестный отецъ Варвары Николаевны. *(Секретарь кланяется и выходитъ въ боковыя двери)*.

Холминъ *(входя въ комнату)*. Здравствуйте, Алексѣй Андреевичъ!

Зоринъ *(идя къ нему навстрѣчу)*. А, почтеннѣйшій! Добро пожаловать! Какими судьбами?.. Прошу покорно! *(Подвигаетъ стулъ)*.

Холминъ (*садясь*). Давно хотѣлъ съ вами повидаться. Ну что, какъ поживаете?

Зоринъ. Плохо, батюшка, Николай Ивановичъ, плохо! Когда хозяйки нѣтъ въ домѣ, такъ какое житье.

Холминъ. Хозяйки нѣтъ,—такъ чтожъ? Вы, Алексѣй Андреевичъ, не въ такихъ еще годахъ, чтобъ вамъ оставаться вдовцомъ. Я думаю, вамъ и пятидесяти нѣтъ.

Зоринъ. Да... съ небольшимъ.

Холминъ. Такъ за чѣмъ же дѣло стало? Неужели за невѣстою?

Зоринъ (*улыбаясь*). Невѣста, быть можетъ, и найдется...

Холминъ. Вотъ что? Поздравляю! А кто, если смѣю спросить?

Зоринъ. Полноте, почтеннѣйшій! Полноте подшучивать! Чай, вы давнымъ-давно знаете.

Холминъ. Право нѣтъ.

Зоринъ. Да перестаньте! Какъ вамъ не знать? Вы у нихъ человѣкъ свой.

Холминъ. У кого, Алексѣй Андреевичъ?

Зоринъ. Да хоть у Анны Степановны.

Холминъ. Слукиной? Такъ вы на ней хотите жениться?..

Зоринъ. И, нѣтъ, батюшка! Анна Степановна ни за кого не пойдетъ замужъ, да и на что ей? Вотъ дѣло другое—дѣвица безродная, безъ отца, безъ матери...

Холминъ. Какъ? Такъ дѣло-то идетъ о моей крестной дочери?

Зоринъ. Чтожъ вы этому такъ удивились, Николай Ивановичъ? Конечно, мы съ ней не ровни...

Холминъ. И, что вы? Не о лѣтахъ рѣчь. По мнѣ, чѣмъ старѣе мужъ, тѣмъ лучше. Да и чего ждать путнаго, еслибъ такой ребенокъ, какъ Варенька, вышла замужъ за какого-нибудь мальчишку!

Зоринъ. Конечно, конечно!

Холминъ. Когда дѣвушка по сиротству, или какой ни есть другой причинѣ, выходитъ прежде двад-

цати лѣтъ замужъ, такъ ей надобенъ мужъ не вѣтрогонъ, не слетокъ какой-нибудь, а человѣкъ зрѣлыхъ лѣтъ, опытный и благоразумный.

Зоринъ. Совершенная правда

Холминъ. Хороши мужъ и жена, которые оба еще въ куклы играютъ. Вѣдь страсть—пустое дѣло, Алексѣй Андреевичъ: и къ молодому, и къ старому мужу приглядишься; любовь пройдетъ, а дружба и уваженіе остаются.

Зоринъ. Правда, истинная правда!

Холминъ. Нѣтъ, батюшка, я знаю, какой мужъ ей надобенъ. Человѣкъ умный *(Зоринъ кланяется)*, солидный *(Зоринъ кланяется)*, который не станетъ учиться, а другихъ можетъ поучить, какъ домъ вести *(Зоринъ кланяется)*; который ея приданаго не промотаетъ, да и своего имѣнья не проживетъ *(Зоринъ ухмыляется)*; по милости котораго жена будетъ занимать не послѣднее мѣсто въ губерніи *(Зоринъ бросаетъ довольный взглядъ на свою шляпу съ бѣлымъ плюмажемъ)*; который могъ бы въ одно и тоже время быть ея супругомъ и наставникомъ; однимъ словомъ, такой мужъ, какъ вы, Алексѣй Андреевичъ!

Зоринъ *(кланяясь и пожимая руку у Холмина)*. Помилуйте!.. Мнѣ право совѣстно! Такъ вы не прочь отъ этого?

Холминъ. Кто? Я? Да если-бы это отъ меня зависѣло, такъ я и думать бы не сталъ; но вы знаете, что ея мачиха...

Зоринъ *(улыбаясь)*, Съ ней-то мы какъ-нибудь поладимъ.

Холминъ. Право? А что, развѣ ужъ объ этомъ рѣчь была?

Зоринъ. Какъ же! Сначала мы говорили все обиняками, да намеки другъ другу дѣлали; а третьяго дня я просто напрямки сказалъ.

Холминъ. Ну, чтожъ она?

Зоринъ. Почти слово дала; только просила пообождать и до времени не говорить никому.

Холминъ. Вотъ что! Ай да Анна Степановна!.. Ну!!!!

Зоринъ. А что такое?

Холминъ. Такъ, ничего! Что мнѣ въ эти сплетни мѣшаться! Когда они отъ меня секретничаютъ, да не хотятъ со мною посовѣтоваться, такъ мое дѣло сторона.

Зоринъ. Да чтожъ вы такое знаете?

Холминъ. Что я знаю?.. *(Помолчавъ нѣсколько времени)* Послушайте, Алексѣй Андреевичъ. Мнѣ васъ учить нечего, а на вашемъ мѣстѣ я зналъ бы, какъ поступить. Всѣ эти секреты да отсрочки ни къ чему не ведутъ. Я настоятельно бы сталъ требовать помолвки, да не по-домашнему, а публично, торжественно, чтобъ весь городъ зналъ, что вы женитесь на Варенькѣ. И мальчишкѣ лѣтъ въ двадцать остаться съ носомъ вовсе не забавно; а какъ нашему брату, пожилому человѣку, забрѣютъ затылокъ, такъ, признаюсь!..

Зоринъ. Забрѣютъ затылокъ?.. Такъ вы полагаете, что Анна Степановна изволитъ надо мной потѣшаться?

Холминъ. Я не говорю этого. И какъ подумаешь, такъ на чтобы, кажется, ей васъ обманывать?.. Э, да вѣдь у ней есть тяжебное дѣло, и если оно должно скоро рѣшиться...

Зоринъ. Ну, нѣтъ еще—очередь не за нимъ. А позвольте васъ спросить: развѣ у ней есть еще какіе-нибудь женишки на примѣтѣ?

Холминъ. Женишки? Да въ нашемъ городѣ, кажется, жениховъ довольно. Вотъ хоть Иванъ Степановичъ Вельскій.

Зоринъ. Э, э, э! Губернаторскій племянникъ!

Холминъ. Да этого также обракуютъ. *(Поглядѣвъ вокругъ себя, и вполголоса)*. А развѣ князь Владиміръ Ивановичъ...

Зоринъ. О, о! Вотъ что? Такъ и онъ также свагается за Варвару Николаевну?

Холминъ *(значительно улыбаясь)*. Не знаю!

Зоринъ. Ну, если такъ, то позвольте, Николай Ивановичъ... И подлинно, это дѣло надо привести въ ясность.

Холминъ. Однакожъ, смотрите, не выдавайте меня.

Зоринъ. Не безпокойтесь.

Холминъ. Ну то-то же! Пожалуйста, чтобъ это осталось между нами.

Зоринъ. Да ужъ будьте увѣрены! Тутъ и умерло.

Холминъ. Правду сказать, мнѣ бы вовсе не слѣдъ мѣшаться въ эти сплетни. Да и что мнѣ въ голову пришло? Вотъ то-то и есть: языкъ мой—врагъ мой! *(вставая)*. Ну, добро, прощайте, Алексѣй Андреевичъ. Да смотрите-же!

Зоринъ. Не бойтесь! Мы люди присяжные, молчать умѣемъ. Да чтожъ вы такъ изволите торопиться? Не угодно ли закусить чего-нибудь?

Холминъ. Нѣтъ, я никогда не завтракаю.

Зоринъ. Не прикажете ли донского?.. Рюмочку мадеры?

Холминъ *(уходя)*. Покорнѣйше васъ благодарю.

Зоринъ *(проводивъ его до дверей передней)*. Гмъ-гмъ! Такъ вы, матушка, Анна Степановна, финтить со мной изволите?.. Нѣтъ, моя благодѣтельница! Прошу не прогнѣваться, мы васъ выведемъ на чистую воду; а покамѣстъ... *(подходитъ къ дверямъ)*. Андрей Пахомычъ, пожалуй сюда! *(Секретарь входитъ)*. Такъ ты говоришь, что совѣтникъ никакъ не соглашается съ твоимъ мнѣніемъ?

Секретарь. Касательно дѣла госпожи Слукиной?

Зоринъ. Да.

Секретарь. И слышать не хочетъ.

Зоринъ. А что, любезный, какъ ты думаешь! Вѣдь оно въ самомъ дѣлѣ...

Секретарь. Что грѣхъ таить: плоховато, ваше высокородіе!

Зоринъ. То-то и есть! Не худо бы его еще разокъ-другой прочесть со вниманіемъ. Да время-то коротко; вѣдь мы слушаемъ его на будущей недѣлѣ?

Секретарь. Можно и поотложить.

Зоринъ. Нѣтъ ли справокъ какихъ?

Секретарь. Какъ не быть! И если вы прикажете...

Зоринъ. Да, да, не мѣшаетъ. Ступай-ка, любезный, да похлопочи объ этомъ.

Секретарь. Слушаю-съ. *(Кланяется и уходитъ).*

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Роскошный кабинетъ, отдѣланный въ готическомъ вкусѣ. Онъ освѣщается двумя окнами: одно изъ нихъ съ узорчатыми рамами, въ которыя вставлены разноцвѣтныя стекла. Полъ обитъ цѣльнымъ ковромъ. На длинномъ столѣ съ витыми ножками множество бронзовыхъ вещицъ; коллекція обдѣланныхъ въ золото и перламутръ щеточекъ, гребешковъ, лорнетовъ и трубочекъ; полный приборъ инструментовъ для чищенія и подстриганія ногтей и нѣсколько чернильницъ, безъ чернилъ, — готическихъ, китайскихъ, фантастическихъ, изъ бронзы, хрусталя, фарфора. Стѣны оклеены французскими обоями. Вмѣсто картинъ и эстамповъ, вдѣланные въ четыреугольныя дощечки изъ чернаго дерева, миніатюрные портреты мамзель Марсъ, Тальони, Зонтагъ, г-жи Пасты и многихъ другихъ знаменитыхъ артистокъ. Въ одномъ углу этажерка съ дюжиною альбомовъ, кипсековъ и альманаховъ, въ тисненыхъ, сафьянныхъ и бархатныхъ переплетахъ; въ другомъ, на мраморной колоннѣ, ваза изъ прозрачнаго алебастра, и прочая, и прочая. Иванъ Степановичъ Вельскій почти лежитъ въ широкихъ, украшенныхъ рѣзьбою креслахъ; на немъ, сверхъ фланелевой фуфайки, надѣтъ халатъ изъ терно. Противъ него, на стулѣ съ высокою готическою спинкою сидитъ Холминъ.

Вельскій *(зѣвая)*. Извините, я не смѣлъ васъ не принять... Но еслибъ вы знали, какъ я измученъ! *(Зѣваетъ)*. Вчера я имѣлъ дурачество сѣсть послѣ ужина

по пятидесяти рублей въ вистъ съ этимъ несноснымъ Волгинымъ. Ахъ, какой злодѣй!.. Полчаса думаетъ, полчаса держится за карту, двадцать разъ ее мѣняетъ. Повѣрите ли, мы кончили нашу партію безъ свѣчей!

Холминъ. А что вы сдѣлали?

Вельскій. Проигралъ.

Холминъ. Не много?

Вельскій. Такъ, бездѣлицу! *(Зѣваетъ)*. Рублей триста, или четыреста,—не помню.

Холминъ. Вы, кажется, всегда проигрываете?

Вельскій. Почти.

Холминъ. Такъ зачѣмъ вы играете?

Вельскій. Для того, чтобъ какъ-нибудь убить время. Мнѣ надобно было пріѣхать сюда, чтобъ устроить мое имѣнье; и вотъ ужъ я два года занимаюсь хозяйствомъ. Это очень забавно, не спорю. Когда я до обѣда порядкомъ пошумлю съ моими приказчиками, одного похвалю, другого побраню, выгоню ихъ, наконецъ, изъ моего кабинета, отобѣдаю, отдохну,—вотъ, кажется, и день прошелъ, слава Богу! А съ вечеромъ-то что прикажете мнѣ дѣлать? Неужели ѣхать въ здѣшній театръ, который, хоть мнѣ это казалось и невозможнымъ, право еще хуже московскаго.

Х лминъ *(улыбаясь)*. Нѣтъ, шутите!

Вельскій. Въ самомъ дѣлѣ. Виноватъ, — здѣсь иногда въ трагедіи я смѣюсь, а тамъ... о Боже мой! Но въ Москвѣ есть французскій спектакль, въ Москвѣ есть даже общество; а здѣсь, если васъ не посадятъ за карты, такъ, смѣю спросить, какъ вы проведете вашъ вечеръ? Говорить!—О чемъ, съ кѣмъ?.. Съ Хопровой,—что ея горничная дѣвка свела любовную связь съ вице-губернаторскимъ лакеемъ? Съ Елецкимъ,—что у него взбѣсился полвопѣгій кобель и перекусалъ всю стаю? Съ губернскимъ докторомъ, фонъ-Баухомъ,—что онъ дѣлаетъ изъ собственнаго своего табаку отличный кнастеръ? Съ Вельдюзевой,—что у ней сманили третью мадамъ?.. Конечно, все это имѣетъ свою забавную сторону въ первые три дня; но два года!!.. Нѣтъ, Нико-

лай Ивановичъ, холостому человѣку, который ищетъ разсѣянія въ обществѣ невозможно жить въ провинціи; а если ему придется по своимъ обстоятельствамъ заживо схоронить себя въ какомъ-нибудь въ губернскомъ городѣ, то онъ долженъ непремѣнно...

Холминъ. Жениться, не правда-ли?

Вельскій. Разумѣется. Разсчетъ самый вѣрный. Съ хорошей женой ему будетъ весело и дома; съ дурной онъ станетъ безпрестанно ссориться; слѣдовательно, во всякомъ случаѣ не умретъ отъ этой проклятой скуки *(зѣваетъ)*, которая душитъ меня съ утра до вечера.

Холминъ. Такъ чтожъ, Иванъ Степановичъ,—лѣкарство у васъ, кажется, подъ руками.

Вельскій *(значительно улыбаясь)*. Вы думаете?

Холминъ. Да мало-ли у васъ невѣстъ? Вотъ, напримѣръ, Катерина Ѳедоровна Радугина: восемьнадцати лѣтъ, собою не дурна, состояніе хорошее, воспитана...

Вельскій *(прерывая)*. Прекрасно! Двухъ словъ не умѣетъ сказать сряду и одѣвается, какъ прачка. Помилуйте,—да ее стыдно будетъ въ люди показать.

Холминъ. Я думаю, вы не скажете этого о Катенькѣ Лидиной. Она воспитана въ Смольномъ монастырѣ, ловка, мила, собою прелесть...

Вельскій. То есть, молода. Впрочемъ, конечно, она довольно презентабельна, и еслибъ я что-нибудь къ ней чувствовалъ, такъ ужъ вѣрно бы не остановился тѣмъ, что у нея ничего нѣтъ. Я не хлопочу о богатствѣ, однакожъ...

Холминъ. Понимаю. Такъ вамъ бы жениться на единственной дочери перваго виннаго заводчика нашей губерніи, у котораго, какъ говорятъ, есть лежащихъ до полумилліона. Конечно, Степанида Алексѣевна Салковская не красавица...

Вельскій. Салковская? Что вы, что вы? Да развѣ мой домъ кунсткамера? Салковская! Побойтесь Бога! Да ее можно возить по ярмаркамъ, чтобъ за деньги показывать.

Холминъ. Ну вотъ то-то и есть, — на васъ не угодишь.

Вельскій. Да вы Богъ знаетъ, кого называете.

Холминъ. Какъ, Богъ знаетъ? Я назвалъ вамъ первыхъ здѣшнихъ невѣстъ.

Вельскій. А для чего же вы ни слова не говорите о вашей крестницѣ?

Холминъ. О варенькѣ?

Вельскій. Да, о Варварѣ Николаевнѣ.

Холминъ. Для того, что, по моему мнѣнію, одна и та-же дѣвушка не можетъ быть въ одно и то-же время невѣстою двухъ жениховъ.

Вельскій. Двухъ жениховъ? Что вы хотите сказать?

Холминъ. Не погнѣвайтесь: это еще покамѣстъ семейная тайна. По-настоящему, мнѣ бы не должно было и намекать объ этомъ.

Вельскій. Ахъ, сдѣлайте милость!..

Холминъ. Послушайте, Иванъ Степановичъ,—я могу вамъ сказать только одно, и то подъ большимъ секретомъ: не сватайтесь за мою крестницу; она почти помолвлена.

Вельскій. За кого?

Холминъ. Извините, этого я не могу вамъ сказать.

Вельскій. Вы меня удивляете! Третьяго-дня тетушка говорила обо мнѣ съ Анной Степановной, и она не только не отказала, но даже подала ей большую надежду.

Холминъ. Что вы говорите?

Вельскій. Увѣряю васъ.

Холминъ. Ну, это не хорошо, очень не хорошо! Эхъ, Анна Степановна, — вѣчно надѣлаетъ глупостей!

Вельскій. Такъ поэтому вы увѣрены...

Холминъ. Теперь и самъ не знаю, что подумать,— кого она дурачитъ: меня или васъ?

Вельскій *(невольно приподымаясь съ креселъ)*. Меня?.. Да нѣтъ, это невозможно! *(Садится опять)*.

Холминъ. Со мною, кажется, ей хитрить нечего, — такъ воля ваша, мнѣ кажется, она дурачитъ васъ!

Вельскій *(съ примѣтною досадою)*. Меня? Oh, ceci est trop fort! Я не люблю, чтобъ меня дурачили женщины и помоложе Анны Степановны. Впрочемъ, я во всякомъ случаѣ благодаренъ, что вы мнѣ это сказали. Теперь я знаю, какъ мнѣ должно поступить.

Холминъ. Постойте, постойте! Что вы хотите дѣлать?

Вельскій. Не безпокойтесь, я васъ не компрометирую; но сегодня же эта статская совѣтница скажетъ мнѣ рѣшительно: принимаетъ ли она мое предложеніе или нѣтъ. Я знаю, что замужество Варвары Николаевны зависитъ отъ ея воли; но если она для того, чтобъ продолжать грабить свою падчерицу, будетъ подъ разными предлогами отдѣлываться отъ рѣшительнаго отзыва, то дядя мой, какъ начальникъ губерніи, и, безъ сомнѣнія, нашъ предводитель дворянства вступятся въ положеніе этой несчастной сироты, тѣмъ болѣе, что исканія мои, какъ видно по всему, не противны Варварѣ Николаевнѣ.

Холминъ. Въ самомъ дѣлѣ?

Вельскій. А вотъ послушайте. Недѣли три тому назадъ, мой дядя давалъ балъ. Я пріѣхалъ поздно, потому что долженъ былъ завернуть къ Александру Михайловичу Тонскому,—вотъ къ этому гусарскому офицеру. Вы, кажется, съ нимъ знакомы?

Холминъ. Да, немножко.

Вельскій. Онъ также приглашенъ былъ на балъ, и просилъ меня заѣхать за нимъ въ моей каретѣ. Тетушка разсказала мнѣ послѣ все. До моего пріѣзда на балъ ваша крестница была печальна, задумчива, разсѣяна, безпрестанно смотрѣла на двери и какъ будто кого-то дожидалась; но лишь только я показался на балѣ, она въ ту-же самую минуту стала весела, разговорчива, — словомъ, совершенно переродилась. Ну, что вы на это скажете?

Холминъ. Да, это не даромъ.

Вельскій. Въ прошлую субботу, на déjeuner-dansant у княгини Ландышевой, когда въ котильонѣ къ ней подводили два раза меня и Тонскаго, —то, какъ вы думаете, кого она каждый разъ выбирала?.. Да не забудьте, что это было въ глазахъ ея мачихи; не забудьте также, что Тонскій танцуетъ лучше меня, и, какъ кажется, старается очень съ ней любезничать. Меня, Николай Ивановичъ! Оба раза меня! Смѣю спросить, что это значитъ?

Холминъ. О, это явное предпочтеніе!

Вельскій. Когда я сталъ въ первый разъ говорить ей о любви моей, такъ она поблѣднѣла и до того смѣшалась, что не могла отвѣчать ни слова. Конечно, не всякій постигнетъ настоящую причину этого испуга; но тотъ, кто имѣетъ нѣкоторый опытъ, кто успѣлъ уже разгадать женское сердце,—тотъ безъ труда пойметъ, что значитъ такая необычайная робость.

Холминъ. Ну, Иванъ Степановичъ, испалать вамъ! Да, я вижу, вы настоящій профессоръ въ этомъ дѣлѣ.

Вельскій *(улыбаясь)*. Опытъ, Николай Ивановичъ, опытъ! Женщины имѣли всегда такое сильное вліяніе на судьбу мою! Въ жизни моей было столько необычайныхъ случаевъ, что я... Да вы вѣрно знаете французскую пословицу—à force de forger...

Холминъ. Какъ не знать! Однакожъ, я съ вами черезчуръ заговорился: мнѣ еще надобно кой-куда зайти, а ужъ теперь, я думаю, часъ первый?

Вельскій. Едва ли. Да постойте, выпейте со мною чашку шоколаду.

Холминъ. Я его никогда не пью. *(Вставая)*. Прощайте. Только, сдѣлайте милость, — если у васъ дойдетъ до какого-нибудь изъясненія съ Анной Степановной, такъ прошу васъ, чтобъ я былъ совершенно въ сторонѣ.

Вельскій *(провожая его нѣсколько шаговъ)*. Не безпокойтесь. Я камеражей не люблю, а ссобливо съ тѣхъ поръ, какъ живу въ провинціи. Все то, что слишкомъ

обыкновенно, становится скучнымъ. Прощайте. До свиданія!

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

(Обширная комната. Кругомъ большіе шкапы съ книгами. Въ одномъ углу, на столѣ, модели разныхъ машинъ, воздушный насосъ и полный гальваническій приборъ; въ другомъ, коллекція медалей и образчики разныхъ минераловъ. По стѣнамъ развѣшаны эстампы, гравированные съ картинъ Вернета, и портреты Лафаета, Манюэля, Виктора Гюго, Мирабо, Байрона и леди Морганъ. Всѣ шкапы и этажерки уставлены бюстами Вольтера, Руссо, Дидерота и другихъ философовъ прошедшаго столѣтія. Вездѣ, на окнахъ, въ простѣнкахъ, на столахъ, бюсты и статуи Наполеона,—большіе, маленькіе, бронзовые, фарфоровые, изъ слоновой кости, во всѣхъ возможныхъ видахъ и положеніяхъ. Посреди комнаты, огромный столъ, на столѣ ящикъ съ сигарами, переплетенные въ юфть фоліанты, одинъ томъ Conversations-Lexicon'а, романы: Жюль Жанена, Евгенія-Сю и Жоржъ-Занда, Journal des Débats и Revue de deux mondes. Подъ столомъ нѣсколько листковъ Франкфуртскаго Журнала и цѣлыя кипы русскихъ періодическихъ изданій. Къ ножкѣ стола привязанъ веревкою оборванный мальчикъ лѣтъ двѣнадцати. Князь Верхоглядовъ сидитъ въ откидныхъ вольтеровскихъ креслахъ. Онъ держитъ въ одной рукѣ исписанный листъ бумаги, а въ другой толстый хлыстъ. Холминъ стоитъ въ дверяхъ кабинета).

Князь *(не замѣчая Холмина и обращаясь къ мальчику)*. Глупое созданіе! Ничего не понимаешь, ничего не помнишь! Да я вколочу въ тебя просвѣщеніе!.. Мало-ли я толковалъ тебѣ о достоинствѣ человѣка,—животное! Ну, что такое человѣкъ?

Мальчикъ *(привязанный къ ножкѣ стола)*. Человѣкъ есть твореніе, имѣющее свободную волю...

Князь. Слѣдовательно, никто не имѣетъ права... Ну!

Мальчикъ. Никто не имѣетъ права...

Князь. Посягать на его личность и долженъ... Ну!

Мальчикъ *(переминаясь)*. И долженъ... и долженъ...

Князь *(бьетъ его хлыстомъ)*. И долженъ поступать съ нимъ кротко и сердобольно!

Мальчикъ *(кричитъ и плачетъ)*. Ай, ай, ай!.. Кротко и сердобольно... болѣно... больно!

Холминъ. Что это вы, князь Владиміръ Ивановичъ, какую науку преподаете?

Князь *(вставая)*. Ахъ, это вы, Николай Ивановичъ!

Холминъ. Извините, что я вошелъ къ вамъ безъ докладу: въ лакейской никого нѣтъ.

Князь. Какъ никого? Возможно-ли? *(бѣжитъ къ дверямъ, и вдругъ останавливается)*. Да, да, совсѣмъ забылъ. Вы знаете, что я ненавижу эту азіатскую роскошь, и никогда не держу болѣе четырехъ слугъ: вчера я долженъ былъ двухъ отдать въ солдаты...

Холминъ. А третьяго я сейчасъ повстрѣчалъ: онъ, кажется, ведетъ четвертаго на съѣзжую.

Князь. Негодяй!.. Закоренѣлый невѣжда! Какъ вы думаете, онъ не только не хотѣлъ мнѣ вѣрить, но даже осмѣлился спорить со мною, когда я сталъ ему толковать, что солнце гораздо болѣе земли?.. Варваръ!.. *(Отвязываетъ мальчика)*. Пошелъ въ лакейскую!.. Да если ты выйдешь за ворота!.. *(Мальчикъ уходитъ)*. Прошу покорно садиться. Ну что, не слышали-ли чего-нибудь новаго? Правда ли, что въ Петербургѣ входятъ въ большое употребленіе артезіанскіе колодцы?

Холминъ. Нѣтъ, не слыхалъ. Да для чего бы это?

Князь. Какой вопросъ! Помилуйте, Николай Ивановичъ, да будемъ ли мы когда-нибудь европейцами?

Холминъ *(улыбаясь)*. А развѣ европеецъ непремѣнно долженъ пить воду изъ артезіанскаго колодца?

Князь. О, святая Русь!.. Да неужели вы не постигаете, что отвергать всѣ улучшенія, держаться

во всемъ старины, стоять на одномъ мѣстѣ, когда вся Европа идетъ впередъ, есть самый вѣрный признакъ непросвѣщенія!

Холминъ. Нѣтъ, князь, я постигаю, что хорошое перенимать вовсе не стыдно; да только вотъ бѣда,— не все хорошее равно хорошо для всѣхъ. Перенимать, не думая о томъ, полезна-ли будетъ эта новость собственно для насъ, передразнивать иностранцевъ только для того, чтобъ сказать: «я иду за вѣкомъ, я европеецъ!» — воля ваша, а это по моему просто пускать пыль въ глаза и увлекаться однѣми фразами и громкими словами, которыя, конечно, имѣютъ свою цѣну послѣ сытнаго обѣда и рюмки шампанскаго, но на тощій желудокъ никуда не годятся.

Князь. Да почему-жъ вы полагаете, что, хоть, напримѣръ, введеніе артезіанскихъ колодцевъ...

Холминъ. Чрезвычайно будетъ полезно въ степныхъ и безводныхъ мѣстахъ, — въ этомъ, конечно, никто съ вами спорить не станетъ; но въ Петербургѣ, гдѣ подчасъ отъ воды не знаютъ куда дѣваться, смѣю васъ спросить, какую пользу принесутъ эти артезіанскіе колодцы?

Князь. Пользу, пользу! Вы только и думаете о пользѣ! Да знаете-ли, сударь, что эти-то меркантильные разсчеты и убиваютъ все на свѣтѣ. Прошу говорить о просвѣщеніи и высшихъ взглядахъ съ людями, которые считаютъ копѣйки!

Холминъ. Чтожъ дѣлать, князь! Каждый думаетъ по своему. По мнѣ, всякое новое изобрѣтеніе, служащее къ улучшенію общественнаго быта, тогда только достойно подражанія, когда оно приноситъ дѣйствительную пользу не одному человѣку, не одному классу людей, а цѣлому обществу. Все то, что не облегчаетъ труда рабочихъ людей, не улучшаетъ состоянія простого народа, не оживляетъ торговли, не уменшаетъ расходовъ на первыя и необходимыя потребности человѣка, однимъ словомъ, что не доставляетъ существенной и общей пользы, едва-ли можетъ быть предметомъ

безусловнаго подражанія. Я удивляюсь изобрѣтательному генію человѣка, который придумалъ артезіанскіе колодцы, и сталъ бы еще болѣе удивляться тому, кто нашелъ бы способъ извлекать изъ воздуха чистую, рѣчную воду; но вѣрно бы не рѣшился тратить и время и деньги на то, чтобъ для вседневнаго употребленія добывать воду посредствомъ химическаго процесса, когда могу просто зачерпнуть ее въ рѣкѣ. Вотъ, я очень понимаю всю пользу канала, который устраивается теперь близъ древней нашей столицы, для соединенія Москвы рѣки съ Волгою: когда барки съ товаромъ не должны будутъ отправляться изъ Москвы въ Нижній, чтобъ попасть въ Петербургъ, такъ тутъ не трудно понять, для чего правительство учреждаетъ это водяное сообщеніе.

Князь. Водяное сообщеніе! И, Николай Ивановичъ, кто въ наше время станетъ заботиться о водяныхъ сообщеніяхъ! Да развѣ вы не знаете, что чугунныя дороги давно уже убили всѣ каналы?

Холминъ. Можетъ быть; но до тѣхъ поръ, пока у насъ нѣтъ еще чугунныхъ дорогъ...

Князь. Да что у насъ есть?.. Степи, лѣса, болота. Намъ еще надобно многому учиться у иностранцевъ, много перенять... Нѣтъ, Николай Ивановичъ, я совершенно согласенъ съ однимъ изъ нашихъ мыслителей что мы до тѣхъ поръ не поумнѣемъ, пока не перемемъ не только обычаевъ, но даже одежды иностранцевъ.

Холминъ. Вотъ что! Вѣроятно, князь, это касается до нашего простого народа, потому что мы съ вами давно уже носимъ фраки. А что вы думаете, — въ самомъ дѣлѣ, нашъ русскій мужичекъ точно поумнѣетъ, если вмѣсто своего теплаго овчиннаго тулупа надѣнетъ, а особливо зимою, холодный нѣмецкій камзолъ или холстинную блузу французскаго крестьянина. Хоть, по правдѣ сказать, я не очень вижу, почему нашъ толковый простой народъ глупѣе французскаго и когда въ тысячу восемьсотъ четырнадцатомъ году мнѣ удалось побывать во Франціи...

Князь (*прерывая съ досадою*). Да, вы были въ Парижѣ точно такъ же, какъ были въ немъ цѣлыя поколѣнія Башкирцевъ; но что отъ этого прибыли, когда вы смотрѣли на все сквозь призму этого,—извините!—квасного патріотизма, котораго душа моя выносить не можетъ. Нѣтъ, почтенный Николай Ивановичъ,—вы человѣкъ умный, не безъ познаній, много читали; но не смотря на это,—признайтесь,—вы очень отстали отъ нашего вѣка.

Холминъ (*улыбаясь*). Статься можетъ, князь. Я человѣкъ пожилой, бѣгать не мастеръ, да и боюсь: какъ разъ спотыкнешься.

Князь. Мы этого не боимся.

Холминъ. И, полноте, князь! Будто-бы вы никогда и ни въ чемъ не ошибались? Не смотря на премудрость, *глубину* и либерализмъ нашего вѣка, мы точно такъ же какъ прежде, рабы своихъ собственныхъ страстей,—слѣдовательно, ошибаемся, дѣлаемъ глупости, и всегда возстаемъ противъ здраваго смысла, если онъ противорѣчитъ нашему образу мыслей. Въ старину, закоренѣлые невѣжды называли благоразумнаго человѣка вольнодумцемъ, а нынче его же, и можетъ быть тѣ же самые люди, назовутъ старовѣромъ, отсталымъ и варваромъ. Нѣтъ, Владиміръ Ивановичъ, люди всегда останутся людьми. Да одна любовь сколько глупостей заставляетъ насъ дѣлать не только въ молодыхъ лѣтахъ, но въ годахъ зрѣлаго разсудка; и если, князь, вы когда-нибудь любили...

Князь. Я?.. Если я любилъ?.. И вы это спрашиваете?.. У меня?

Холминъ. Ого! Да вы, кажется, и теперь еще любите?

Князь. Съ безуміемъ, съ неистовствомъ!

Холминъ. Ай, ай, ай!

Князь. Какъ Ромео любилъ свою Жюльетту, какъ Дюмасовъ Антоній свою... свою...

Холминъ. Невѣсту?

Князь. Нѣтъ,—жену другого.

Холминъ. Ахъ, батюшки! Да неужели и вы также?..

Князь (*почти съ горемъ*). О, нѣтъ, она свободна!

Холминъ. Слава Богу! Да кто-жъ эта красавица, которая, какъ видно, къ крайнему вашему прискорбію, можетъ законнымъ образомъ принадлежать вамъ?

Князь. Она? Это фантастическое созданіе пламеннаго юга! Эта полувоздушная Пери! Эта Сильфида!.. О, какъ она прекрасна! Какое блаженство льется изъ-подъ ея сладострастно опущенныхъ рѣсницъ! Она... да неужели вы не отгадали, о комъ я говорю?

Холминъ. Нѣтъ, князь. Это піитическое описаніе вовсе меня съ толку сбило.

Князь. Виноватъ! Я позабылъ, что вашъ идеалъ красоты не можетъ быть сходенъ съ моимъ. Вы любите русскую красоту. По вашему была бы только бѣла, да дородна, да румянецъ во всю щеку. А такъ какъ ваша крестная дочь блѣдна и худощава...

Холминъ. А, такъ вы это говорите о Варенькѣ?

Князь. Да о комъ же, Николай Ивановичъ? Кого могъ бы я назвать Сельфидою?

Холминъ. Вотъ что! Вѣроятно, и вы, князь, ей также нравитесь?

Князь. О, мы давно уже понимаемъ другъ друга. Съ мѣсяцъ тому назадъ, я пріѣхалъ поутру къ Аннѣ Степановнѣ; въ гостиной никого не было; но на столѣ лежало рукодѣлье и бѣлый платокъ; онъ былъ смоченъ, вымытъ слезами. Этотъ платокъ былъ ея. Я невольно прижалъ его къ груди, и чувство сладостное и горькое, чувство вовсе до того мнѣ не знакомое, какъ дикій звѣрь впилось въ мое сердце. О, сколько поэзіи было въ этомъ брошенномъ платкѣ! Этотъ платокъ былъ цѣлая поэма!.. Она вошла въ гостиную, наши взоры встрѣтились,—и все было кончено.

Холминъ. Такъ вы даже и не говорили съ ней объ этомъ.

Князь. Нѣтъ! Одинъ взглядъ сказалъ мнѣ все: я прочелъ въ немъ и настоящій адъ ея положенія и бу-

дущій рай моего блаженства. Мнѣ нужно было только переговорить съ ея мачихою. Тутъ земной языкъ былъ необходимъ: мы съ ней поладили, и, можетъ быть, недѣли черезъ двѣ вы поздравите меня женихомъ.

Холминъ. Отъ всего сердца. Но зачѣмъ же черезъ двѣ недѣли? Зачѣмъ не прежде?

Князь. Вотъ ужъ объ этомъ меня не спрашивайте. Анна Степановна никакъ не хотѣла согласиться на мои просьбы и даже требовала, чтобъ я отъ всѣхъ скрывалъ это какъ государственную тайну.

Холминъ. (*значительнымъ голосомъ*). Право? Послушайте, князь, дѣлайте что хотите, но по моему чѣмъ скорѣе будетъ вашъ сговоръ съ Варенькою, тѣмъ лучше.

Князь. Вы думаете?

Холминъ. Имѣю полное право такъ думать. Отвѣчайте откровенно: какъ вы полагаете,—выдавая за васъ свою падчерицу, что имѣетъ въ виду Анна Степановна: ея счастіе или собственную свою выгоду? Да не церемоньтесь, говорите прямо.

Князь. Ну, если вы хотите, такъ я думаю, что дѣло идетъ вовсе не о счастіи вашей крестной дочери.

Холминъ. Вотъ видите! Вы теперь поладили съ Анной Степановной; а если кто-нибудь другой поладитъ съ ней еще болѣе... Вы меня понимаете?

Князь. Понимаю. Но развѣ вы имѣете причины подозрѣвать, что кто-нибудь другой...

Холминъ. Я не скажу вамъ ничего. Только совѣтую не соглашаться ни на какую отсрочку. Эй, князь, куйте желѣзо, пока оно горячо! Вы не знаете Анны Степановны: она готова объявить торги и съ аукціона продать свою падчерицу.

Князь. Что вы говорите?

Холминъ. То, что внушаетъ мнѣ искреннее желаніе выдать мою крестную дочь за человѣка, который ея достоинъ и за которымъ она вѣрно будетъ счастлива.

Князь. Мнѣ чрезвычайно пріятно слышать, Николай Ивановичъ... Я вамъ очень благодаренъ.

Холминъ. Не безпокойтесь, князь: вамъ, право не за что меня благодарить.

Князь. Такъ вы думаете, что я долженъ...

Холминъ. Настоятельно требовать, что все было рѣшено, и какъ можно скорѣе. Да оно, впрочемъ, и натурально. Вы сами говорите, что любите безъ ума Вареньку, а любовь всегда нетерпѣлива. Это знаютъ всѣ: это даже пойметъ и Анна Степановна,— вѣдь всякій изъ насъ любилъ хоть разъ въ своей жизни.

Князь. Любилъ! И, полноте! Да знаютъ ли у насъ, что такое любовь? Могутъ ли холодныя сердца, воспитанныя на квасѣ, понимать это чувство, исполненное жизни и энергіи? Взгляните на изображеніе этой неукротимой страсти во всѣхъ произведеніяхъ юной европейской словесности,—и если дыханіе не сопрется въ груди вашей, если волосы ваши не станутъ дыбомъ, если вы не постигнете всей прелести этихъ судорожныхъ восторговъ, этихъ неистовыхъ порывовъ страсти, этой адской пытки и райскаго наслажденія, то, сдѣлайте милость, Николай Ивановичъ,—кушайте на здоровье ваши соленые огурцы, живите два-три года по уши въ снѣгу, заведитесь, если хотите, хозяйкою: только Бога ради не говорите ничего о любви!

Холминъ. Слушаю, ваше сіятельство! Впрочемъ, если за мои грѣхи Господь Богъ пошлетъ на меня горячку съ пятнами, такъ, можетъ быть, тогда...

Князь *(почти съ презрѣніемъ)*. Не будемте говорить объ этомъ! Скажите-ка лучше, увижу ли я васъ сегодня вечеромъ у княгини Ландышевой?

Холминъ. Не думаю.

Князь. Я постараюсь пріѣхать къ ней поранѣе. Вотъ женщина, съ которой еще можно провести безъ скуки нѣсколько часовъ. Не правда ли, что она вовсе не походитъ на нашу русскую барыню?

Холминъ *(улыбаясь)*. А мнѣ такъ кажется, что очень походитъ. Однакожъ, прощайте, князь, мнѣ пора домой!

Князь (*провожая его нѣсколько шаговъ*). Очень вамъ благодаренъ. До свиданія!

III.

Начиная эту повѣсть, я, кажется, говорилъ уже моимъ читателямъ, что почти въ каждомъ губернскомъ городѣ дворянское общество раздѣляется на нѣсколько круговъ. Надобно прибавить къ этому, что ни въ одной изъ столицъ этотъ раздѣлъ не наблюдается съ такою строгостью, какъ въ провинціи. Можно было бы сравнить эти отдѣльные круги съ индѣйскими кастами, если бы иногда, въ табельные дни, за обѣденнымъ столомъ у губернатора и на балахъ Благороднаго собранія, не сливались они въ одно общество; но и въ этихъ рѣдкихъ случаяхъ самый высшій кругъ отличается обыкновенно отъ другихъ и туалетомъ и французскимъ языкомъ, а болѣе всего, этимъ свободнымъ обращеніемъ и насмѣшливой улыбкой, которыя, какъ кладъ, не даются деревенскимъ, мелкопомѣстнымъ барышнямъ и дочерямъ ассессоровъ, стряпчихъ и секретарей.

Молодая вдова, княгиня Ландышева, занимала первое мѣсто въ числѣ этихъ блестящихъ созвѣздій городского общества. Домъ ея былъ сборнымъ мѣстомъ всѣхъ модныхъ дамъ высшаго круга и молодыхъ фешенебельныхъ людей всей губерніи. Княгиня Ландышева имѣла весьма хорошее состояніе, наружность пріятную и столько ума, чтобъ съ перваго взгляда не показаться глупою: она знала наизусть множество краснорѣчивыхъ фразъ, въ которыхъ не было ни на волосъ здраваго смысла, и все то, чего не понимала, называла «тривіальнымъ»; говорила весьма хорошо по-французски, не дѣлала никогда des liaisons dangereuses и выговоръ имѣла самый чистый. Но это еще ничего: она два раза ѣздила въ Карлсбадъ, провела цѣлое лѣто въ Дрезденѣ и сверхъ того,—о, Господи, помилуй насъ грѣшныхъ!—два мѣсяца жила въ Парижѣ. Ожесточеніе, съ которымъ она преслѣдовала все русское, было

бы очень забавно, еслибъ она не такъ часто прибѣгала къ этому средству выказывать свое европейское просвѣщеніе. Впрочемъ, надобно сказать правду, въ этомъ отношеніи ей нечѣмъ было похвастаться передъ своими пріятельницами. Конечно, и наши московскія барышни,—дай Богъ имъ добраго здоровья!—не упустятъ случая сдѣлать обидное сравненіе между чужимъ и своимъ отечествомъ; но у нихъ бываютъ иногда минуты милосердія и справедливости; случается, что онѣ похвалятъ отечественнаго художника, прочтутъ съ удовольствіемъ русскую книгу, и даже, къ ужасу своихъ почтенныхъ матушекъ, рѣшатся подъ-часъ назвать глупцомъ француза, если онъ точно пошлый дуракъ; но наши провинціальныя модницы.

«Жестокія созданья!
Онѣ не знаютъ состраданья
И душатъ сряду всѣхъ».

Небольшой кругъ, котораго главою была княгиня Ландышева, называлъ самъ себя обществомъ людей «высокаго полета»,—извините, не умѣю лучше перевести французскаго выраженія—de la haute volée. Въ числѣ этихъ высоколетающихъ господъ, разумѣется, первыя мѣста занимали князь Владиміръ Ивановичъ и Вельскій; а между дамами отличались особенно высокимъ полетомъ Анна Ивановна Златопольская и Глафира Өедоровна Гореглядова. Первая—женщина лѣтъ тридцати пяти, съ томными глазами, глубокой чувствительностью и огромнымъ носомъ, который, par procédé, называли греческимъ. Она жила большую часть года въ своемъ городскомъ домѣ, ѣздила по баламъ для того, чтобъ поддержать знакомство, давала у себя вечера для своей дочери, которую еще никуда не вывозила, и не мѣшала заниматься хозяйствомъ своему мужу, который жилъ почти безвыѣздно въ деревнѣ, пахалъ землю, курилъ вино и ѣздилъ съ собаками. Вторая, то есть Глафира Өедоровна Гореглядова, лѣтъ двадцати двухъ, весьма пріятной наружности, ловкая,

стройная женщина, которая такъ граціозно присѣдала, входя въ комнату, и такъ мало припрыгивала, когда подходила цѣловаться съ хозяйкою дома, что всѣ дѣвицы и молодыя женщины низшаго полета смотрѣли на нее съ какимъ-то благоговѣніемъ и удивлялись ей со страхомъ и трепетомъ. Старикъ, мужъ ея, человѣкъ богатый, но скупой и мѣсяцевъ десять въ году прикованный подагрою къ своимъ вольтеровскимъ кресламъ, женился на ней для того, чтобъ не сидѣть одному дома; а она вышла за него для того, чтобъ разъѣзжать съ утра до вечера по гостямъ. Сначала онъ сердился; потомъ, какъ слѣдуетъ, пересталъ, и чтобъ не умереть отъ скуки, билъ хлопушкою мухъ, выводилъ канареекъ и игралъ въ марьяжъ со своимъ дворецкимъ. Весь городъ дивился ихъ согласію и всѣ называли старика Гореглядова отмѣнно счастливымъ.

Часу въ седьмомъ вечера, въ тотъ самый день, въ который по-утру Николай Ивановичъ Холминъ сдѣлалъ три визита, описанные въ предыдущей главѣ, княгиня Ландышева, въ ожиданіи гостей, которые и въ провинціи не съѣзжаются прежде девятаго часа на вечеръ, сидѣла въ гостиной съ пріятельницами своими: Златополской и Гореглядовой. Передъ ними на столѣ лежали двѣ французскія книги въ синей красивой оберткѣ; это были «Сцены изъ приватной жизни», сочиненіе г. Бальзака.

— Сцены изъ приватной жизни!—сказала Гореглядова (разумѣется, по-французски), перебирая листы перваго тома.—Это названіе немного обѣщаетъ.

— Я получила ихъ сегодня,—прервала княгиня.—Говорятъ, что онѣ очень интересны.

— Но ужъ вѣрно не такъ, какъ романы моего милаго д'Арленкура,—подхватила Златопольская, закативъ подъ лобъ свои чувствительныя глаза.

— И я сомнѣваюсь въ этомъ,—сказала княгиня.—Кто написалъ Неизвѣстную, Ренегата, Ипсибоэ...

— А Пустынника!—вскричала Златопольская.—А

Пустынника!—Fuis, fleure de la vallée!.. О, д'Арленкуръ!

— Я читала, однакожъ, — продолжала княгиня, — въ одномъ русскомъ журналѣ, что этотъ Бальзакъ...

— Ахъ, перестань, ma chère!—прервала Златопольская. — Что можетъ сравниться съ д'Арленкуромъ... Fuis, fleure de la vallée!

— Это правда,—прибавила Горегладова.—Кто читалъ Ипсибоэ, Ренегата...

— И знаетъ наизусть Пустынника,—сказала Златопольская, — тому не скоро понравится какой-нибудь Бальзакъ. Да онъ же и старый писатель! Я еще ребенкомъ слыхала о немъ отъ нашего французскаго учителя. Какая разница мой милый д'Арленкуръ·.. Oh, fuis fleure...

— Ольга Өедоровна Зарѣцкая! — сказалъ громкимъ голосомъ лакей, отворя двери гостиной,

— Ольга Өедоровна! — вскричала княгиня, вставая съ канапе. — Такъ она пріѣхала изъ Москвы?.. Ахъ, chére amie, какъ я рада, что вы опять съ нами!—продолжала она, идя на встрѣчу къ пожилой дамѣ, разодѣтой по послѣдней модѣ, съ преогромными *беретами* на рукавахъ и колоссальнымъ токомъ на головѣ.

Послѣ обыкновенныхъ лобызаній и отрывистыхъ фразъ, которыя, разумѣется, должны всегда выдерживать искреннюю радость, хозяйка и гости усѣлись вокругъ стола и между ними начался слѣдующій разговоръ:

Княгиня. Ахъ, ma chére, какіе у васъ чудные рукава Comme c'est joli!

Зарѣцка. Да. Это самая послѣдняя мода; мадамъ Лобуръ поклялась мнѣ, что этимъ фасономъ первое платье дѣлано для меня.

Златопольская. Ахъ, какъ мило!

Горегладова. Прелесть! А косынка!.. Посмотрите!

Зарѣцкая. Ихъ только что привезли изъ Парижа. Это шали.

Княгиня. Шали... Да, да, знаю! C'est délicieux!

Горeглядова *(тихо Златопольской)*. Какъ все это пестро!.. А этотъ токъ! Боже мой, въ пятьдесятъ лѣтъ!.. Elle est d'un ridicule achevé.

Княгиня. Ну что, ma chere, вы очень веселились въ Москвѣ?

Зарѣцкая. О, не говорите мнѣ! Я умирала съ тоски.

Княгиня. Неужели?

Зарѣцкая. Ахъ, ma chere, что за общество! Что за тонъ! Я вообразить себѣ не могла, чтобъ въ городѣ, который называется столицею, было такъ мало просвѣщенія. Одни названія улицъ выведутъ всякаго изъ терпѣнія. Напримѣръ, я остановилась у моей родственницы, въ собственномъ ея домѣ, — какъ вы думаете, гдѣ?—на Плющихѣ!!!

Златопольская. На Плющихѣ? Dieu, comme c'est vulgaire.

Зарѣцкая. А какъ живутъ, ma chere! Вотъ однажды пригласили меня на балъ въ одинъ домъ, помнится, за Москвой-рѣкой, на Зацѣпѣ...

Горeглядова. На Зацѣпѣ? Боже мой, какія *тривіальныя* названія!

Княгиня. Согласитесь, что это можетъ быть только у насъ.

Зарѣцкая. И только въ Москвѣ. Вотъ мы ѣхали, ѣхали какими-то огородами, Крымскимъ Бродомъ... Ужасъ! И чтожъ вы думаете нашли на этомъ балѣ?.. Хозяйку, которая заговорила съ нами по-русски, голыя деревянныя стѣны и сальныя свѣчи въ запачканныхъ хрустальныхъ люстрахъ.

Княгиня. Нѣтъ, шутите!

Зарѣцкая. Увѣряю васъ. По этому вы можете судить, какъ живутъ въ Москвѣ. Въ Благородномъ собраніи я была только однажды, на масляницѣ. Зало не дурна; но что за тонъ, что за манеры! Молодые люди ходятъ взадъ и впередъ; никто не обращаетъ на васъ никакого вниманія, и если вы не хотите си-

дѣть на скамейкѣ, то ужъ, конечно, не догадаются подать вамъ стула. Я это испытала на себѣ.

Княгиня. А театръ, ma chere?

Зарѣцкая. Французскій—прелесть, но зато русскій!.. Вы не можете себѣ представить!.. Что за актеры, какія названія у этихъ актеровъ! Щепкинъ, Рѣпина. Ну, повѣрите ли, тошно слышать! А какъ играютъ!.. Меня уговорили однажды посмотрѣть какую-то оперу, кажется, Волшебнаго Стрѣлка. Ну, ma chére, признаюсь, мнѣ стало стыдно, что я русская. Но это еще ничего. Подлѣ меня въ ложѣ, какой-то господинъ, котораго называли графомъ, началъ говорить со своими дамами и хвалить игру актеровъ, декораціи, костюмы, словомъ, все и даже увѣрять ихъ, что онъ видѣлъ эту оперу въ Парижѣ и что она дается тамъ не лучше, чѣмъ въ Москвѣ. Какъ вы думаете? Эти дамы, которыя, впрочемъ, одѣты были не дурно и, казалось, принадлежали къ хорошему обществу, слушали его, какъ оракула! Такое невѣжество вывело меня совершенно изъ терпѣнія, и чтобъ показать этому господину, какъ мнѣ гадко было слушать его наглую ложь, я вскочила, накинула шаль и тотчасъ уѣхала изъ театра.

Княгиня. Признаюсь, и я на вашемъ мѣстѣ не усидѣла бы спокойно.

Горeглядова. Вы меня удивляете, Ольга Ѳедоровна!

Княгиня. Ахъ, ma chère, чему тутъ удивляться? Да развѣ прошлаго года не были у насъ пріѣзжіе изъ Москвы. Помнишь этого князя Брянскаго и еще какого-то ученаго? Ну, вотъ этихъ, надъ которыми мы такъ смѣялись, когда они объявили преважно, что *вояжируютъ* по Россіи. Они не хотѣли сблизиться съ нашимъ кругомъ,—а съ кѣмъ были знакомы? Съ Волгиными, съ Дубровинымъ, съ Закамскимъ, съ этимъ невѣжею Холминымъ. Помнишь, что они говорили: «Вотъ почтенные люди! Вотъ настоящіе русскіе дворяне! Вотъ истинно просвѣщенные помѣщики!» Про-

свѣщенные!.. А первый Дубровинъ говоритъ по-французски такъ, что безъ смѣха нельзя слышать.

Зарѣцкая. Ну, ma chére, я въ Москвѣ видѣла двухъ вояжеровъ англичанъ, которые еще хуже Дубровина коверкаютъ несчастный французскій языкъ.

Княгиня. И, ma bonne amie! Да зато они прекрасно говорятъ по-англійски.

Зарѣцкая. Да, это правда. Да что это за князь Брянскій, ma chére? Я что-то никогда не слыхала этой фамиліи. Что онъ такое?

Княгиня. Какъ что? Онъ принадлежитъ къ лучшему московскому обществу;—я это знаю.

Гореглядова. О, если такъ, то, кажется, намъ нечего перенимать у Москвы.

Златопольская. Намъ перенимать? Нѣтъ, ma chére, не мы у Москвы, а Москва должна перенимать у насъ.

Княгиня. Да, да! Не мѣшало бы ей поучиться здѣсь хорошему тону, и спросить у насъ, что значитъ образованный вкусъ.

Зарѣцкая (*которая между тѣмъ взяла въ руки одну изъ книгъ*). Ахъ, Боже мой! Бальзакъ!

Княгиня. Вы его знаете, ma chére?

Зарѣцкая. Бальзака? Какой вопросъ! Вся Москва отъ него безъ ума.

Гореглядова. Неужели?

Златопольская. Однакожъ, вѣрно, д'Арленкуръ...

Зарѣцкая. Фи, ma chére, что вы говорите? д'Арленкуръ! Да его ужъ никто не читаетъ; всѣ надъ нимъ смѣются. Но Бальзакъ!.. Ахъ, Бальзакъ!.. Въ Москвѣ нѣтъ ни одной порядочной женщины, которая не знала бы его наизусть.

Княгиня. Въ самомъ дѣлѣ?

Зарѣцкая. Да, ma chére. Когда на масляницѣ я была въ Благородномъ собраніи, кто-то сказалъ, что Бальзакъ въ Москвѣ. Потомъ стали говорить, что онъ въ собраніи. Боже мой, какъ всѣ дамы засуетились,

какая пошлая тревога, шумъ, разспросы! Одного молодого человѣка, который съ виду походилъ на француза, совсѣмъ было задушили. Къ счастію, онъ заговорилъ по-русски; это его спасло.

Златопольская. Ахъ, ma chére, вы вѣрно дадите мнѣ прочесть эти книги?

Горелядова. И мнѣ, ma bonne amie!

Княгиня. Съ большимъ удовольствіемъ... когда прочту ихъ сама.

Слуга *(растворяя дверь)*. Анна Степановна Слукина!

Княгиня. Ну, такъ,—всегда первая!.. Какъ она мнѣ надоѣла! *(Идетъ къ ней на встрѣчу)*. Вотъ одолжили, Анна Степановна! Это по пріятельски. Чѣмъ ранѣе, тѣмъ лучше... А, Варвара Николаевна! Bon soir, mon enfant!

Черезъ полчаса въ гостиной княгини Ландышевой играли уже на трехъ столахъ въ вистъ, а въ залѣ музыканты настраивали свои инструменты. Иванъ Степановичъ Вельскій и Алексѣй Андреевичъ Зоринъ были на лицо; но Анна Степановна не взяла карточки, потому что не доставало князя Владиміра Ивановича, чтобъ составить ея всегдашнюю партію. Четвертаго игрока найти было не трудно, да только, можетъ быть, онъ не сталъ бы прощать Аннѣ Степановнѣ ренонсы и не позволилъ бы ей приписывать онеровъ. Вотъ ужъ въ гостиной стало тѣсно. Вотъ загремѣла музыка и нѣсколько вѣжливыхъ кавалеровъ съ просѣдью *подняли* съ полдюжины почетныхъ дамъ и первыхъ чиновницъ общества. Переваливаясь съ ноги на ногу, они потащились въ залу, чтобы, какъ водится, открыть балъ неизбѣжнымъ «польскимъ». Молодые люди нехотя пристали къ нимъ, и длинный рядъ танцующихъ, изгибаясь и изворачиваясь въ разныя стороны, началъ прохаживаться по залѣ и всѣмъ открытымъ комнатамъ. Въ третьей парѣ Вельскій велъ Анну Степановну, которая съ примѣтнымъ нетерпѣніемъ посматривала вокругъ себя.

— Что это нашъ князь Владиміръ Ивановичъ не

ѣдетъ? — сказала она, наконецъ, своему кавалеру. — Охота-же ему терять золотое времячко! Да не сѣсть-ли намъ, батюшка, Иванъ Степановичъ, втроемъ? Я буду играть парти-фиксъ съ болваномъ.

— Князь скоро будетъ,—отвѣчалъ сухо Вельскій;— а между тѣмъ я хочу воспользоваться его отсутствіемъ и спросить васъ: слышали ли вы, что говорятъ въ городѣ?

— А что такое?

— Вы вѣрно не забыли, зачѣмъ пріѣзжала къ вамъ третьяго дня моя кузина. Вы почти дали ей слово; а, несмотря на это, говорятъ, будто бы имѣете какіе-то другіе виды на Варвару Николаевну. Я не хочу этому вѣрить; но согласитесь, что такіе слухи очень непріятны, особливо для человѣка, который, смѣю васъ увѣрить, не привыкъ играть жалкую роль всесвѣтнаго жениха. Такъ извините, Анна Степановна, если я попрошу васъ не откладывать моего благополучія и объявить рѣшительно, что вы принимаете мое предложеніе.

— Что вы, что вы, Иванъ Степановичъ? Подумайте! Мѣсто ли здѣсь?..

— Да я и не прошу васъ дѣлать помолвку здѣсь на балѣ, а если позволите, пріѣду къ вамъ послѣзавтра съ моей кузиной.

— Послѣзавтра? То-есть въ пятницу? Помилуйте, что за экстра такая, и къ чему такъ торопиться?

— Да хотьбы для того, сударыня, чтобъ уронить эти вздорные слухи, столько же обидные для васъ, сколько и для меня. Впрочемъ, я не хочу никакъ васъ женировать; извольте, я пріѣду къ вамъ не въ пятницу, а въ субботу; но тогда уже попрошу у васъ позволенія извѣстить всѣхъ родныхъ и пріятелей о моей помолвкѣ. Послѣ того, что вы изволили говорить моей кузинѣ, я не смѣю и сомнѣваться...

— Помилуйте, да чтожъ я такое говорила?—прервала съ большимъ смущеніемъ Анна Степановна. — Конечно, я сказала ея превосходительству, что для меня весьма пріятно, что я очень буду рада...

— Слѣдовательно, вы согласны? И позвольте вамъ сказать, Анна Степановна, что послѣ этого всякое съ вашей стороны затрудненіе будетъ явнымъ доказательствомъ, что вы хотѣли насъ одурачить, смѣяться надо мной, надъ моей кузиной, надъ всѣмъ нашимъ семействомъ... Но,—виноватъ,—я вижу, что ужъ одно это обидное предположеніе васъ огорчаетъ. И такъ въ субботу?.. Вотъ и «польскій» кончился. Теперь я въ вашихъ приказаніяхъ, и если вамъ угодно играть втроемъ въ вистъ...

Но Слукиной было не до виста. Она отказалась и сѣла въ залѣ между матушекъ, тетушекъ и старшихъ сестрицъ. Проигравъ еще нѣсколько минутъ «польскій», музыка перестала, и изъ толпы нетерпѣливыхъ танцовщиковъ, между которыми было человѣкъ пять военныхъ, раздалось, наконецъ, давно жданное восклицаніе—«вальсъ!» Музыканты заиграли изъ Волшебнаго Стрѣлка, и этотъ, исполненный жизни, веселый и невинный танецъ начался...

Невинный! Какая пошлая иронія! Какая старая, избитая насмѣшка! — Извините, я вовсе не шучу и повторяю еще разъ безъ всякой ироніи, что этотъ танецъ точно такъ же невиненъ, какъ и всѣ прочіе: какъ щеголеватая французская кадриль, какъ блестящая мазурка, какъ давно забытые экосезы и даже, какъ древній, чопорный минуэтъ. Англійскіе писатели, а вслѣдъ за ними французскіе, а вслѣдъ за французскими наши немилосердно клевещутъ на бѣдный и, право, безвинный вальсъ. Послушайте ихъ: какъ сердце дѣвушки бьется почти въ одной груди съ сердцемъ того, кто съ ней танцуетъ; какъ дыханья ихъ сливаются; какъ шелковые волосы красавицы касаются его пылающихъ щекъ; какъ рука въ руку, душа въ душу, они летаютъ по гладкому паркету, отдѣляются отъ земли, живутъ въ другомъ мірѣ, и прочая. Ну, прошу послѣ этого вѣрить печатному! Я спрашиваю всѣхъ молодыхъ людей, что можетъ быть невиннѣе этого удовольствія, и приходитъ ли кому изъ нихъ на умъ

въ то время, когда онъ вальсируетъ съ какой-нибудь красавицей, что она почти лежитъ въ его объятіяхъ? Чувствуетъ ли онъ какое-нибудь особенное удовольствіе отъ того, что рука ея покоится на его плечѣ, и не предпочтетъ ли онъ праву обвивать своей рукой ея талію и вертѣться съ нею въ кадансъ, дозволеніе, просто, безъ всякихъ танцевъ и украдкою, взять ее за руку? Почему правовѣрный мусульманинъ, не имѣющій никакого понятія о нашихъ обычаяхъ, отвернется съ отвращеніемъ отъ самой добродѣтельной женщины, которая подойдетъ къ нему съ открытымъ лицомъ, и почтительно будетъ смотрѣть на какую-нибудь Нинону Ланкло, если она окутаетъ свою голову вуалемъ? Потому, что наши дамы, даже и не очень красивыя, не прячутъ ни отъ кого своихъ лицъ; на Востокѣ безъ покрывала ходятъ однѣ только женщины, принадлежащія къ самому послѣднему и презрительному разряду общества. Почему какая-нибудь краса Востока, пламенная черноглазая турчанка трепещетъ и дрожитъ, какъ преступница, почему сердце ея замираетъ отъ восторга и ужаса, когда она откидываетъ назадъ свое покрывало передъ мужчиною? Потому, что, открывая лицо свое, она дѣлаетъ все то-же самое, что сдѣлала бы наша русская барышня, еслибъ сказала мужчинѣ: «я люблю тебя и хочу быть твоею». Теперь видите ли, что въ нашемъ житейскомъ быту не самое дѣйствіе, но мысль, которую мы къ нему привязываемъ, дѣлаетъ его или совершенно невиннымъ, или рѣшительно преступнымъ въ глазахъ нашихъ! И вотъ почему я называю невиннымъ танецъ, который, несмотря на всѣ піитическія описанія, не можетъ возбуждать въ насъ никакихъ дурныхъ помысловъ, потому что право обнимать гибкій станъ дѣвушки и держать въ рукѣ своей ея руку принадлежитъ не исключительно одному, но всѣмъ, то есть каждому, кто танцуетъ, и по этой самой причинѣ не говоритъ ничего нашему воображенію, не ведетъ насъ ни къ чему, и, слѣдовательно, не значитъ ничего.

Но, виноватъ: заступаясь за бѣдный, оклеветанный вальсъ, я забылъ совсѣмъ про мою не столь невинную Анну Степановку. — «Въ субботу», — повторила она про себя, — «въ субботу! А дѣло мое слушаютъ еще на будущей недѣлѣ... Нѣтъ, батюшка Иванъ Степановичъ, хоть вы и родня нашему губернатору, а не прогнѣвайтесь: своя рубашка къ тѣлу ближе. Не хотѣлось бы мнѣ ссориться съ ея превосходительствомъ... ну, да дѣлать нечего!»

Въ эту самую минуту обѣ половины дверей передней распахнулись, и губернаторша, въ сопровожденіи двухъ дамъ, вошла въ зало. Она сказала что-то мимоходомъ хозяйкѣ, и, не замѣчая никого, прямо подошла къ Слукиной, расцѣловалась, сѣла подлѣ нея на стулѣ и наговорила ей столько пріятныхъ вещей, что бѣдная статская совѣтница совсѣмъ одурѣла, особливо, когда губернаторшины ассистентки принялись, одна передъ другой, увѣрять ее въ своей дружбѣ, любви и уваженіи. Вся твердость ея поколебалась.—«Ахъ ты, Господи Боже мой»!—думала она, когда губернаторша усѣлась со своимъ причтомъ за ломберный столикъ. «Да что же мнѣ дѣлать? Итти на явную ссору съ ея превосходительствомъ послѣ такихъ ласкъ? Теперь я почти первый человѣкъ на балѣ... а тогда! И взглянуть-то на меня никто не захочетъ. Охъ, да вѣдь они потребуютъ приданаго... непремѣнно потребуютъ!.. А мое дѣло?.. Ахти!.. Бѣда, да и только!»

— Здравствуйте, матушка, Анна Степановна!— сказалъ предсѣдатель гражданской палаты, Зоринъ, усаживаясь подъ Слукиной. Радъ сердечно, что могу съ вами словечко два перемолвить. Да гдѣ же Варвара Николаевна?

— Здѣсь, батюшка, Алексѣй Андреевичъ! Развѣ не видишь, танцуетъ вотъ съ этимъ гусарскимъ офицеромъ... какъ его?

— Тонскимъ?

— Да, батюшка. Да чтожъ она съ нимъ такъ растанцовалась!.. Не видитъ, что ты здѣсь, а то давно

бы кончила, чтобъ подойти къ намъ. Ужъ какъ она тебя уважаетъ, Алексѣй Андреевичъ, какъ любитъ!.. Варенька, поди сюда, мой другъ! Ну, вотъ ты все спрашиваешь: «Да будетъ ли сюда Алексѣй Андреевичъ? Да пріѣдетъ ли онъ?..» Вонъ онъ, на лицо. Ну что, успокоилась?

Бѣдная Варенька поглядывала съ удивленіемъ на свою мачиху, краснѣла, присѣдала и не знала, что ей отвѣчать.

— Какъ вы изволили вспотѣть, Варвара Николаевна!—сказалъ съ вѣжливою ужимкою Зоринъ, цѣлуя у ней руку. — Словно розанъ раскраснѣлись. А что, вѣрно, очень устать изволили?

— Нѣтъ-съ! —отвѣчала разсѣянно Варенька, поглядывая въ ту сторону, гдѣ стоялъ прекрасный собою молодой человѣкъ, въ гусарскомъ вицъ-мундирѣ.

— Вы, какъ вижу, отмѣнно любите танцы,—продолжалъ Алексѣй Андреевичъ.

— Да-съ.

— Угодно вамъ французскую кадриль? — сказалъ, шаркнувъ ногою, долговязый недоросль съ огромнымъ хохломъ и накрахмаленными брызжами.

Варенька подала ему руку, а Зоринъ снова обратился къ Аннѣ Степановнѣ.

— Сегодня, матушка, я цѣлое утро занимался вами,—сказалъ онъ вполголоса.

— Мною, Алексѣй Андреевичъ!

— Тоесть вашей тяжбой.

— Покорнѣйше васъ благодарю.

— Охъ, Анна Степановна, надѣли вы мнѣ петлю на шею!

— Какъ такъ, батюшка?

— Да вѣдь дѣло-то ваше больно плоховато.

— Что ты, мой отецъ! Дѣло чистое, святое!

— Нѣтъ, матушка, Анна Степановна, пополамъ съ грѣшкомъ. Конечно, можно бы повернуть его иначе, да чтобъ оглядокъ не было. Вѣдь рѣшеніе уѣзднаго суда не законъ, а голословныя доказательства ва-

шего права не документы, матушка, Анна Степановна!

— Ну, Алексѣй Андреевичъ, не думала я, чтобъ ты...

— Да чтожъ мнѣ дѣлать! — прервалъ предсѣдатель.—Я вамъ докладываю, что дѣло ваше очень плоховато. Конечно, одинъ Богъ безъ грѣха: что и говорить, какъ подчасъ не покривить душою для родного человѣка!..

— Ну вотъ то-то и есть, батюшка!

— Да вѣдь мы еще съ вами не родня, Анна Степановна!

— Я тебѣ говорила, мой отецъ, возьми терпѣнья недѣльки на три.

— Такъ и вы ужъ, матушка, потерпите.

— Какъ потерпѣть? А не ты ли мнѣ сказалъ, что на будущей недѣлѣ?.,

— Мало ли что говорится, сударыня! Да вѣдь я же вамъ не передъ зерцаломъ это объявилъ, и мои слова въ протоколъ не записаны.

— Ну, батюшка, Алексѣй Андреевичъ, покорнѣйше благодарю!

— Да что, Анна Степановна, изъ пустого въ порожнее переливать! Не угодно ли вамъ этакъ денька черезъ три помолвку сдѣлать, такъ я за ваше дѣло примусь порядкомъ. А тамъ, какъ свадебку сыграемъ, такъ на другой день и резолюцію подмахну.

— Что ты, что ты, мой отецъ? Черезъ три дня помолвка! Да вѣдь это не что другое — около пальца не обведешь. Черезъ три дня! Да въ умѣ-ли ты, батюшка?

— Какъ угодно, Анна Степановна! Вашъ разумъ, ваша и воля.

— И гдѣ видано? Присталъ, какъ съ ножомъ къ горлу!

— И, матушка, Анна Степановна! Да коли вы сами проволочекъ не жалуете, такъ за что-же и мнѣ ихъ любить?.. Но, извините: господинъ Вельскій ска-

залъ мнѣ, что вы отъ партіи отказались, такъ я взялъ карточку и, чай, меня дожидаются. Подумайте хорошенько, матушка. Денька черезъ два я самъ у васъ побываю. Честь имѣю кланяться!

Анна Степановна не успѣла еще образумиться отъ такого неожиданнаго нападенія, какъ вдругъ худощавый мужчина, высокаго роста, съ усами и густыми черными бакенбардами, которыя, сходясь подъ галстукомъ, обхватывали, какъ рамками, блѣдное лицо его, явился передъ нею и молча устремилъ на нее свои блестящіе глаза.

— Ахъ, князь Владиміръ Ивановичъ! — вскричала Слукина.—Это вы?

— Да, сударыня, это я, — прошепталъ князь,— продолжая смотрѣть на нее съ той «горькой» Бироновской улыбкой, о которой такъ много говорятъ новѣйшіе французскіе писатели.—Это я!—повторилъ онъ тихо, но такимъ мрачнымъ и глухимъ голосомъ, что у статской совѣтницы сердце замерло отъ ужаса.

— Ахъ, батюшка, ваше сіятельство,—сказала она съ безпокойствомъ,—да что съ вами сдѣлалось?

— Ничего, бездѣлица, самый обыкновенный случай. Представьте себѣ, что мнѣ бы вздумалось понтировать и счастье всей моей жизни поставить на одну карту.

— Эхъ, князь, напрасно! Что вамъ дался этотъ банкъ? Играли бы себѣ да играли въ вистикъ...

— Да!—продолжалъ князь, не слушая Слукиной.— Да, все блаженство, всѣ радости, все, что привязываетъ насъ къ жизни, поставлено на одной картѣ, и вы думаете, что я позволю банкомету передернуть?.. Вы меня понимаете!

— Нѣтъ, батюшка, не понимаю.

— Скажите мнѣ, Анна Степановна, знаете ли вы, что такое любовь?

— Какъ не знать, Владиміръ Ивановичъ! Я очень любила покойника.

— Любили? То есть поплакали, когда онъ умеръ,

износили черное фланелевое платье и построили деревянный голубецъ надъ его могилой?

— Да, князь, я все это выполнила, какъ слѣдуетъ

— Какъ слѣдуетъ! Нѣтъ, Анна Степановна, я говорю вамъ не объ этой любви.

— О какой же, батюшка?

— О той, которая наполняетъ мою душу; о той, которая не знаетъ и не хочетъ знать никакихъ приличій, никакихъ условій свѣта, которая... Но я вижу, что мнѣ должно говорить съ вами опредѣлительнѣе. Эта любовь, сударыня, походитъ на булатный кинжалъ черкеса: онъ гладокъ, свѣтелъ и красивъ, но имъ играть опасно. Вы меня понимаете?

— Нѣтъ, батюшка, не понимаю!

— Послушайте. Я люблю Варвару Николаевну, и если бы кто-нибудь осмѣлился забавляться этой страстью, шутить счастіемъ всей моей жизни; если-бъ вы, Анна Степановна...

— Ахъ, батюшка, ваше сіятельство, что вы, что вы?..

— Я васъ спрашиваю, для чего она до сихъ поръ не принадлежитъ мнѣ? Для чего всѣ эти отсрочки? Кажется, между нами все кончено. Мы сторговались?..

— Опомнитесь, князь! Что вы говорите?

— Не прогнѣвайтесь, Анна Степановна! Я ненавижу эту приторную вѣжливость, которая хочетъ все на свѣтѣ усыпать розами. Я люблю называть вещи собственными ихъ именами, и повторяю еще разъ,— мы сторговались; и теперь вы не имѣете никакого права продавать эту несчастную сироту съ публичнаго торга, какъ продаютъ невольницъ на базарахъ Востока. Она моя!

— Тише, князь! Бога ради, тише! Что вы это?..

— Скажите одно слово, и я замолчу.

— Да что это съ вами сдѣлалось! Помилуйте, съ чего вы взяли, что я отступлюсь отъ моего обѣщанія? Но вѣдь надобно также подумать и о Варенькѣ. Дайте ей хоть немножко къ вамъ привыкнуть,—а то долго

ли до бѣды? Какъ больно круто повернемъ, да дѣвка-то заупрямится...

— О, объ этомъ не безпокойтесь!

— Ну, Богъ вѣсть! Вѣдь она еще молода, глупа, не вдругъ пойметъ, что жениха съ четырьмя тысячами душъ не встрѣтишь на каждомъ перекресткѣ.

— Фи, что это такое? Да кто вамъ говоритъ о душахъ, Анна Степановна? Я вижу, мы вѣчно не поймемъ другъ друга. Послушайте: быть можетъ, вы имѣете причины откладывать нашу свадьбу, но я ихъ не имѣю, и говорю вамъ рѣшительно: или завтра же вы меня примете, какъ жениха Варвары Николаевны, или весь городъ узнаетъ, какъ вы торгуете вашей падчерицей.

— Завтра? Какъ завтра?

— Извольте, я дамъ вамъ двое сутокъ на размышленіе. Слышите ли, Анна Степановна? Двое сутокъ! То есть,—прибавилъ князь, посмотрѣвъ на свои часы,— въ пятницу, ровно въ полночь, Варвара Николаевна назоветъ меня женихомъ своимъ, а вы,—какъ вамъ угодно,—вы можете меня не называть своимъ сыномъ: я объ этомъ не хлопочу.

Сказавъ это, князь кивнулъ слегка головою Аннѣ Степановнѣ и пошелъ отыскивать хозяйку дома.

— Да чтожъ это такое?—прошептала статская совѣтница.—Что они всѣ, прости Господи, бѣлены чтоль объѣлись? Ну какъ они вздумаютъ стакнуться, да всѣ трое разомъ ко мнѣ пристанутъ? Ахъ, Господи! Нѣтъ, нѣтъ!.. Уберусь-ка, за добра ума, поскорѣй домой, и завтра чѣмъ-свѣтъ пошлю за Николаемъ Ивановичемъ: авось онъ придумаетъ что-нибудь?.. Варенька! Варенька!.. Не слышитъ!.. Да что у ней за шуры-муры съ этимъ Тонскимъ?.. Варвара Николаевна!

— Что вамъ угодно?—сказала Варенька, подойдя къ Аннѣ Степановнѣ.

— А то, сударыня, чтобъ вы не изволили перебивать съ каждымъ сорванцомъ, который танцуетъ съ вами на балѣ. О чемъ ты, матушка, тараторила пол-

часа съ этимъ офицерикомъ, а? Ужъ не подпускаетъ ли онъ тебѣ какихъ-нибудь турусовъ на колесахъ? Ну то-то; у меня смотри, сударыня! Да изволь-ка взять свою шаль мы сейчасъ ѣдемъ.

— Какъ маменька? Такъ рано!

— У меня голова очень разболѣлась.

Когда Слукина сошла съ крыльца, чтобъ ѣхать домой, она почувствовала, что кто-то подсаживаетъ ее въ карету. Этотъ вѣжливый кавалеръ былъ Тонскій.

— Покорно васъ благодарю, батюшка,—сказала она очень сухо;—напрасно изволили трудиться!

Карета застучала по исковерканной мостовой, и кто-то черезъ минуту проскакалъ мимо нея на дрожкахъ.

— Да чтожъ это такое?—продолжала Слукина, помолчавъ нѣсколько времени.—Что этотъ усачъ, словно осенняя муха, такъ въ глаза мнѣ и лѣзетъ? Куда я не люблю этихъ подлипалъ!

— А онъ очень васъ любитъ и уважаетъ,—сказала робкимъ голосомъ бѣдная дѣвушка.

— Право?.. А что мнѣ, матушка, въ его любви? И на какую потребу уваженіе этого нищаго? Я и сама замѣтила, что онъ что-то не путемъ умильно на меня посматриваетъ. Ужъ не хочетъ ли денегъ попросить взаймы?.. Пожалуй, чего добраго, прикинется, что влюбленъ въ меня. Вѣдь эта голь хитра на выдумки: на обухѣ рожь молотитъ и съ камня лыки деретъ.

— Вы напрасно, маменька, такъ дурно о немъ думаете. Онъ очень честный и хорошій человѣкъ.

— Ась?.. Что, мать моя?

— Я говорю, что онъ честный и хорошій человѣкъ.

— Право? Да что ты за него заступаешься? Что это значитъ, сударыня?

— Такъ, маменька, ничего.

— То-то ничего. Правда, я до нынѣшняго дня не замѣчала, чтобъ ты съ нимъ пускалась въ большіе разговоры, да и не думаю, чтобъ этотъ однодворецъ осмѣлился... Но какъ бы то ни было, а прошу васъ, сударыня, впередъ съ нимъ не фамильярничать: я этого

не люблю. Да вотъ ужъ и мы пріѣхали. Ну, что сидишь? Вылѣзай, матушка!

Варенька выпрыгнула изъ кареты, и когда обернулась назадъ, сердце ея забилось отъ радости: насупротивъ, въ маленькомъ домикѣ, свѣтился огонекъ и подлѣ открытаго окна сидѣлъ Тонскій.

IV.

— Голубчикъ, Николай Ивановичъ, батюшка, будь отецъ родной: приставь голову къ плечамъ!—такъ говорила Анна Степановна Слукина, когда на другой день, рано по-утру, Холминъ вошелъ въ гостиную, въ которой она его дожидалась.

— Что съ вами сдѣлалось, Анна Степановна?—спросилъ онъ, садясь подлѣ нея на канапе.

— Охъ, бѣда, кормилецъ, сущая бѣда! Всю ноченьку не спала; ужъ я вертѣлась съ боку на бокъ, думала, думала!.. А что проку? Какъ ни кинь, все клинъ!

— Да что такое?

— Что, батюшка, худо! Всѣ женихи мои взбѣленились.

— Какъ такъ?

— Да такъ: словно заговоръ какой. Вчера,—да еще, слава Богу, что поодиночкѣ,—пристали ко мнѣ: «рѣши, да рѣши!» Я и такъ, и сякъ. Куда-те! И слышать не хотятъ. Повѣришь ли, никто больше трехъ дней сроку не даетъ? Этотъ франтъ, шематонъ, губернаторскій племянникъ, такъ закидалъ меня словами, что я чуть было сама не повѣрила, что выдаю за него Вареньку. А крапивное-то сѣмя, выжига проклятая, Зоринъ, какъ будто бы ему чортъ на ухо шепнулъ! Формально объявилъ мнѣ, что дѣло мое до тѣхъ поръ не будетъ рѣшено, пока я сама съ нимъ не порѣшусь. И даже этотъ шальной князь, Владиміръ Ивановичъ, ну вотъ такъ и напираетъ,—да какія рѣчи говоритъ,—Господи, Боже мой, уши вянутъ, батюшка!

— Ну, матушка, не предсказывалъ ли я вамъ?..

— Эхъ, Николай Ивановичъ,—брани меня, ругай, да только выручи!

— Выручи! Это легко сказать, Анна Степановна Какъ ни вертись, какъ ни хитри, а надобно объявить, за кого Варенька идетъ замужъ.

— Да лишь только я объявлю, такъ Зоринъ и Вельскій...

— Что и говорить: житья вамъ не будетъ! А особливо Вельскій и его семейство...

— Охъ, бѣда, батюшка! Живую съѣдятъ. Вѣдь ть знаешь, какая семейка-то!

— То-то и есть. Впрочемъ, чтожъ въ самомъ дѣлѣ: не за того, такъ за другого, а надобно выйти замужъ. Оно досадно, спору нѣтъ; да вѣдь нельзя же и Варенькѣ разорваться. Посердятся, посердятся, да перестанутъ. А вотъ чего никогда вамъ не простятъ, что вы ихъ обманывали, водили за носъ, за-знамо дурачили.

— Такъ, батюшка, такъ.

— Ну, пусть Варенька выйдетъ за князя Владиміра Ивановича, это еще ничего; только бы васъ-то какъ-нибудь выгородить.

— Въ томъ-то и дѣло, мой отецъ. Постарайся, родной! Придумай что-нибудь.

— Постойте-ка!.. А что, въ самомъ дѣлѣ, Анна Степановна,—вѣдь вы тогда только будете въ отвѣтѣ, когда отдадите сами Вареньку замужъ!.. Ну, а если она убѣжитъ и обвѣнчается безъ вашего вѣдома?..

— Какъ убѣжитъ?

— Ну да! Если ее увезутъ.

— Увезутъ? Кто увезетъ?

— Разумѣется, князь Владиміръ Ивановичъ.

— А, понимаю! Только, воля твоя, что ему за радость увозить Вареньку, когда онъ и безъ этого можетъ на ней жениться?

— Что за радость? Такъ вы вовсе его не знаете! Да онъ, я думаю, съ тоски умираетъ, что долженъ жениться такимъ обыкновеннымъ и пошлымъ обра-

зомъ. О, повѣрьте мнѣ, Анна Степановна,—лишь только я ему намекну, что онъ можетъ и даже долженъ увезти свою невѣсту, такъ онъ запрыгаетъ отъ радости. Да, впрочемъ, это ужъ мое дѣло: не безпокойтесь.

— Но, я думаю, мнѣ надобно прежде поговорить объ этомъ съ Варенькой?

— Что вы, что вы! Напротивъ, она должна думать, что все дѣлается безъ вашего вѣдома. За скромность мою я вамъ ручаюсь; но я никакъ не поручусь вамъ ни за Вареньку, ни за будущаго ея мужа, съ которымъ, вѣроятно, она секретничать не станетъ. Вы, я думаю, понимаете всю важность этой тайны. И малѣйшее подозрѣніе можетъ васъ совершенно погубить въ общемъ мнѣніи. А если, на бѣду, откроется вся истина, то вы совсѣмъ погибли. Весь городъ на васъ обрушится. Чего добраго, эту невинную хитрость назовутъ, пожалуй, подборомъ, стачкою, фальшивымъ поступкомъ, вмѣшаютъ правительство. А вы знаете, Анна Степановна, какъ судятъ дворянъ за фальшивые поступки?..

— Охъ, знаю, батюшка, знаю! Лишатъ чиновъ и дворянства. Только, воля твоя, гдѣ-жъ тутъ фальшивый поступокъ?

— Какъ гдѣ? Да развѣ вы не должны будете принести жалобу губернатору? Развѣ не станете кричать, что Вареньку увезли, что она обвѣнчалась безъ вашего вѣдома и согласія?.. Вѣдь чѣмъ болѣе вы надѣлаете шуму, тѣмъ невиннѣе будете казаться въ глазахъ тѣхъ, которые по милости вашей останутся въ дуракахъ.

— Правда, мой отецъ, правда!

— Не мѣшайте только мнѣ, а ужъ дѣло будетъ сдѣлано. Да гдѣ Варенька?

— У себя, батюшка, на антресоляхъ.

— Такъ я пойду и переговорю съ нею, а вы подождите меня здѣсь.

Часа черезъ полтора Холминъ вошелъ опять въ гостиную.

— Ну что, мой отецъ,—спросила торопливо Анна Степановна;—уладилъ ли ты наше дѣльце?

— Кой-какъ уладилъ. Да ужъ чего же мнѣ это стоило! Въ одномъ я не ошибся: Варенька точно неравнодушна къ князю, но убѣжать съ нимъ и обвѣнчаться безъ вашего вѣдома никакъ не хотѣла.

— Вотъ что!

— Я объявилъ рѣшительно, что вы никогда не выдатите ея замужъ за того, кого она любитъ.

— Ну!.. Чтожъ она?

— Заплакала, а бѣжать не соглашалась. Я сказалъ ей, что она не родная ваша дочь и не обязана вамъ слѣпымъ повиновеніемъ.

— Ну, ну! Чтожъ она?

— Согласилась со мною, а бѣжать не хотѣла. Я сталъ ей доказывать, что это одинъ способъ выйти замужъ; что она вѣчно останется въ дѣвкахъ, если будетъ дожидаться вашего благословенія...

— Ну!

— И въ этомъ не спорила со мною; а убѣжать никакъ не рѣшалась.

— Этакая упрямая дѣвчонка! Батюшкинъ нравъ, что и говорить. Да чего-жъ она хотѣла?

— Чтобъ я далъ честное слово, что вы ее простите. Нечего было дѣлать: я побожился ей, что вы торжественно и при всѣхъ ее простите. Теперь смотрите же, Анна Степановна, не введите меня въ слово.

— Такъ она очень этого добивалась? А не знаешь ли, батюшка, на что ей мое прощеніе?

— Она говоритъ, что ей стыдно будетъ на людей смотрѣть, если вы навсегда отъ нея отступитесь.

— Право? Такъ у ней нѣтъ ничего другого на умѣ?

— А что такое?

— Такъ, ничего! Впрочемъ мы съ княземъ на этотъ счетъ ужъ объяснились; и у меня есть кой-какіе документики.

— Документы? Какіе документы?

— Такъ, батюшка, такъ! Вотъ изволишь видѣть:

дѣло мое вдовье, — сохрани Господи, навяжется зять ябедникъ, затаскаетъ по судамъ. Вѣдь за меня, сиротинку, вступиться некому. Такъ Варенька хочетъ непремѣнно, чтобъ я ее простила?

— Да, Анна Степановна, и я въ этомъ далъ ей честное слово.

— Ну, хорошо! Однако-жъ, какъ ты думаешь, батюшка: все-таки надобно поломаться?

— Немножко, да! Но много не совѣтую: это будетъ ненатурально. Вы всегда такъ любили Вареньку, ваша нѣжность къ ней всѣмъ извѣстна, и если вы хоть крошечку пересолите, злые люди тотчасъ скажутъ, что вы играли комедію.

— Хорошо, батюшка, хорошо! А когда же?

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше; а то, Богъ знаетъ, не равно еще ваши женихи какъ-нибудь изъяснятся между собою, такъ и выдумка наша ни на что не будетъ годиться. Я думаю, сегодня ночью.

— Сегодня?..

— Да. Скажите, что у васъ голова болитъ. Вареньку спать не укладывайте, а сами часу въ десятомъ лягьте почивать. Она скажетъ своей дѣвушкѣ, что у ней безсонница, и, этакъ часу въ двѣнадцатомъ, пойдетъ гулять по саду. Въ задней улицѣ, подлѣ калитки, будетъ стоять карета, а я въ моей деревнѣ,— знаете, что верстъ пять отсюда, — стану ихъ дожидаться въ приходской церкви. Да ужъ не безпокойтесь,—все будетъ улажено. Вы, Анна Степановна, не извольте вставать ранѣе обыкновеннаго; а какъ встанете, да хватитесь Вареньки, такъ и подымите штурмъ: сейчасъ карету, къ губернатору; ревите, плачьте... Да что вамъ толковать,—прибавилъ Холминъ, раскрывая свою серебряную табакерку: ученаго учить, лишь только портить.

Слукина улыбнулась, и, понюхавъ табаку вмѣстѣ съ Николаемъ Ивановичемъ, сказала съ видомъ глубокаго смиренія:

— И, батюшка, гдѣ намъ! Вѣдь я человѣкъ глу-

ный: что на умѣ, то и на языкѣ. Да дѣлать нечего,— попробую, прикинусь какъ-нибудь.

— Только смотрите,—продолжалъ Холминъ, вставая, — если губернаторъ васъ спроситъ: на кого вы имѣете подозрѣніе, не вздумайте намекнуть на князя: онъ изо всѣхъ Варенькиныхъ жениховъ самый выгодный, слѣдовательно, тотчасъ можетъ родиться подозрѣніе, что тутъ есть съ вашей стороны какая-нибудь хитрость и подборъ. Стойте въ одномъ: знать не знаю, вѣдать не вѣдаю!

— Слушаю, батюшка.

— Прощайте-же, Анна Степановна. Я отправлюсь теперь къ князю, а тамъ къ себѣ, въ деревню. Мнѣ сегодня дѣла будетъ много, — такъ не погнѣвайтесь, если я къ вамъ ужъ не зайду

Николай Ивановичъ отправился. Вотъ прошло утро; вотъ ужъ буфетчикъ Филька, въ своемъ засаленномъ сюртукѣ, вошелъ въ гостиную и доложилъ, что кушанье готово. Анна Степановна сѣла вдвоемъ со своей падчерицей за столъ. Онѣ обѣ молчали. Какъ ни старалась Варенька казаться спокойною, но яркій румянецъ, который выступалъ по временамъ на ея блѣдныхъ щекахъ, разсѣянные взоры, смущенный видъ,— все изобличало необыкновенное состояніе ея души. Анна Степановна была также не очень спокойна; кушала очень мало, то есть, не за троихъ, вертѣлась на своемъ стулѣ и безпрестанно посматривала на стѣнные часы съ курантами, которые висѣли въ столовой.

— Что это подѣлалось съ нашей барыней? — шептали межъ собой слуги. Словно въ воду опущенная; словечка не вымолвитъ! Да и барышня-то не краше ея.

— Посмотри-ка, Пареенъ,—сказалъ буфетчикъ, сдавая повару непочатое блюдо,—что за диковинка такая: барыня не изволила сегодня и левашниковъ кушать?

— Да, братъ, это не даромъ!—замѣтилъ поваръ, посматривая съ удивленіемъ на любимое «хлѣбенное» Анны Степановны... Всѣ до одного цѣлехоньки! Ну!..

Такъ прошелъ весь день. Часу въ девятомъ Анна

Степановна стала жаловаться на головную боль, повязалась намоченнымъ въ уксусѣ полотенцемъ и безпрестанно нюхала оде-колонъ.

— Ахъ, какъ у меня голова-то расходилась,—промолвила она подъ-конецъ болѣзненнымъ голосомъ. Лягу пораньше, авось сномъ пройдетъ... А вы, голубушки, смотрите,—продолжала она, обращаясь къ своимъ горничнымъ дѣвушкамъ,—прошу не мѣшать мнѣ спать; чтобы ни случилось, не смѣй никто меня будить! Слышите?.. Ахъ, Господи, словно молотками въ виски колотитъ! А все оттого, что совсѣмъ моціону не дѣлаю. Да и ты, Варенька, вовсе не ходишь; все сидишь за рукодѣльемъ. Ну, что хоть теперь: вечеръ славный, пошла бы себѣ гулять по саду. Эхъ, вы барышни, барышни,—толку-то въ васъ нѣтъ! или всю ночь танцуете до-упаду, или цѣлый день сидите на одномъ мѣстѣ! Въ твои годы я, бывало, такую теплую ночь на-пролетъ гуляю. Ступай-ка, мой другъ, ступай! Какъ обойдешь разъ двадцать всѣ дорожки, такъ завтра будешь какъ встрепанная. А я прилягу; авось пройдетъ... Охъ, батюшки-свѣты, что за боль такая! Такъ голова и трещитъ... Прощай Варенька, прощай мой другъ!

Прошло еще около двухъ часовъ. Вотъ въ столовой заиграили куранты, и громкій колокольчикъ прозвенѣлъ одиннадцать разъ сряду.

— Не дожидайся меня, Дуняша,—сказала тихимъ голосомъ Варенька: мнѣ что-то не спится,—я пойду гулять по саду и разбужу тебя, когда ворочусь назадъ.

Дуняша, толстая дѣвка лѣтъ тридцати, у которой давно ужъ глаза слипались, вышла въ другую комнату, помолилась Богу, прилегла на свою постеленку и заснула мертвымъ сномъ. Варенька закутала голову платкомъ, накинула на себя бархатную кацавейку и сошла по дѣвичьему крыльцу во дворъ. Кругомъ все было тихо; одинъ только дремлющій сторожъ постукивалъ отъ времени до времени въ чугунную доску и лаяла изрѣдка цѣпная собака. Робко озираясь кругомъ,

Варенька растворила рѣшетчатыя дверцы сада и пустилась по длинной, заросшей травою, аллеѣ. Ночь была лунная, но свѣтъ отъ полнаго мѣсяца едва проникалъ сквозь частыя вѣтки огромныхъ липъ, которыми обсажены были дорожки. О, какъ билось, какъ замирало сердце бѣдной дѣвушки! Черезъ нѣсколько минутъ участь ея должна была навсегда рѣшиться. Каждый шорохъ приводилъ ее въ трепетъ: зашелеститъ-ли вѣтерокъ между деревьями, хрупнетъ-ли сухая вѣтка подъ ея ногою, вскрикнетъ ли кузнечикъ,— все заставляло ее вздрагивать и озираться.

Случалось ли вамъ, — я спрашиваю это у моихъ читателей, а не читательницъ: женская скромность помѣшаетъ имъ отвѣчать откровенно, случалось ли вамъ, во-первыхъ, любить?.. Но поймете меня хорошенько: не такъ любить, какъ любятъ всѣ, во второй, десятый, сотый разъ; а такъ, какъ мы любимъ въ первый разъ въ жизни, со всею непорочностью юной, дѣвственной души; когда честь и добродѣтель той, которую выбрало наше сердце, дороже намъ самой жизни; когда мы не вѣримъ, а вѣруемъ и въ дружбу и въ любовь? Если вы испытали это чувство, если когда-нибудь, поздно вечеромъ или въ тихую весеннюю ночь, вы дожидались вашей любезной въ тѣнистой рощѣ, и дожидались для того только, чтобъ въ сотый разъ повторить ей, и, можетъ быть, въ первый услышать отъ нея: «я люблю тебя!» —то скажите мнѣ, что происходило тогда въ душѣ вашей? Не замирало-ли сердце, не прерывалось-ли ваше дыханіе, когда, послѣ многихъ и напрасныхъ тревогъ, вы слышите, наконецъ, знакомый для васъ шорохъ, и вдали между деревьями мелькаетъ бѣлое платьице? Если вы не забыли еще, какое производили надъ нами дѣйствіе эти мучительныя и, въ то-же время, неизъяснимо пріятныя ощущенія, то легко можете себѣ представить, что почувствовала Варенька, когда въ недальнемъ отъ нея разстояніи раздался внятный шелестъ шаговъ. Въ концѣ аллеи, по которой она шла, двѣ густыя чере-

мухи, сплетаясь вѣтвями, составляли небольшой сводъ, сквозь который виднѣлись, какъ въ окно, свѣтло-голубыя усѣянныя звѣздами, небеса. Вдругъ что-то темное заслонило этотъ отдаленный просвѣтъ.

— Это онъ! — шепнула Варенька, прислонясь къ дереву, чтобъ не упасть на землю.

Вотъ опять замелькали вдали звѣзды; опять что-то ихъ зазастило. Этотъ темный предметъ, бросая передъ собой длиную тѣнь, быстро подвигался впередъ. Вдругъ свѣтлый лучъ мѣсяца прорвался сквозь частыя вѣтви липъ и облилъ своимъ мирнымъ и тихимъ свѣтомъ закутаннаго въ сѣрую шинель высокаго мужчину. Варенька хотѣла сдѣлать шагъ впередъ, но ноги ея подогнулись, и она упала почти безъ чувствъ въ объятія Тонскаго.

— Это вы!.. Это ты, мой другъ!.. вскричалъ съ восторгомъ молодой человѣкъ. О, я не смѣю вѣрить моему счастію! Мнѣ все кажется... Да, мой другъ, да, я боюсь проснуться!

Варенька не говорила ни слова, но голова ея лежала на груди Тонскаго и крупныя слезы текли по ея пылающимъ щекамъ.

— Ахъ, если вы когда-нибудь перестанете любить меня!—прошептала она прерывающимся голосомъ.

— О, никогда, никогда!

— Меня некому было благословить,—продолжала Варенька, рыдая. У меня нѣтъ ни отца, ни матери...

— Они видятъ мое сердце,—прервалъ Тонскій,— и, вѣрно, въ эту минуту благословляютъ насъ обоихъ. Но пойдемъ, мой другъ: твой крестный отецъ дожидается насъ въ церкви. О, поспѣши, поспѣши сказать, что ты навсегда будешь принадлежать мнѣ!

Опираясь на руку Тонскаго, Варенька вышла изъ аллеи на обширный лугъ, который начинался отъ самаго дома и оканчивался заборомъ. Она невольно оглянулась назадъ, и ей показалось, что одно изъ оконъ спальни ея мачихи до половины было растворено. Между тѣмъ Тонскій отперъ калитку. Она опять за-

хлопнулась, и коляска, запряженная четверткою лихихъ коней, помчалась, какъ изъ лука стрѣла. На минуту оживилась молчаливая улица: вдали раздался окликъ полусоннаго будочника, еще далѣе залаяли встревоженныя собаки... Стукъ отъ звонкой мостовой становился все тише и тише... Вотъ раздался еще одинъ едва слышный окликъ часового, — и вскорѣ все замолкло попрежнему.

— Ну, слава Богу, уѣхали!—сказала Слукина, затворяя окно.—Ухъ, какъ гора съ плечъ!..

Она поправила свой ночникъ, легла на постель, и, мечтая о двухъ тысячахъ душъ, которыя теперь на всю жизнь и нераздѣльно останутся въ ея единственномъ владѣніи, заснула самымъ сладкимъ и спокойнымъ сномъ.

V.

— Дѣвка, дѣвка!.. Малашка!

Горничная дѣвушка отворила потихоньку дверь въ спальню Анны Степановны и остановилась на порогѣ.

— Который часъ?

— Семь часовъ, сударыня.

— Какъ я заспалась сегодня! Да что ты тамъ стоишь? Войди!

Горничная вошла. За нею перевалилась за порогъ старуха Кондратьевна, нянюшка Анны Степановны; за Кондратьевной тащились ключница Мавра; за Маврой двѣ пожилыя сѣнныя дѣвушки, изъ-за которыхъ виднѣлись головы трехъ или четырехъ прачекъ,—онѣ не смѣли войти въ опочивальню ихъ барыни и стояли въ уборной. На всѣхъ лицахъ изображались страхъ, смущеніе и какое-то робкое любопытство.

— Что вы, что вы?—вскричала Слукина,—Зачѣмъ?

Нянюшка посмотрѣла на ключницу, ключница поглядѣла на сѣнныхъ дѣвушекъ, сѣнныя дѣвушки поглядѣли другъ на друга; но никто не отвѣчалъ ни слова.

— Ну, что-жъ вы молчите? Зачѣмъ пришли?—повторила грознымъ голосомъ Слукина.

— Ахъ, матушка, Анна Степановна!—прохрипѣла, наконецъ, Кондратьевна.

— Родная ты наша!—завопила ключница.

— Да что такое сдѣлалось? — спросила Слукина, вставая съ постели и накидывая на себя шлафрокъ.

— Бѣда, матушка!—завизжала одна изъ сѣнныхъ дѣвушекъ. Такой грѣхъ, что и доложить не смѣемъ.

— Да скажете-ли вы мнѣ, проклятыя?—закричала Анна Степановна. Говори хоть ты, Кондратьевна!

— Что, матушка, — несчастье, да и только: Варвара Николаевна безъ вѣсти пропала.

— Какъ пропала?

— А такъ, кормилица,—сгинула, да пропала. Вчера около полуночи она изволила пойти гулять въ садъ; Дуняшкѣ приказала себя не дожидаться, а та сдуру-то прилегла соснуть, да и прохрапѣла до самаго утра, окаянная. Какъ проснулась, — глядь, барышни нѣтъ, постель не измята! Она въ садъ, и тамъ никого; а калитка отперта! Вотъ, какъ она увидѣла, что дѣло-то худо, — ко мнѣ! Мы подняли всю дворню на ноги, обшарили всѣ мышиныя норочки: нѣтъ, какъ нѣтъ!

— Ахъ, Боже мой, да что-жъ это значитъ? Неужели Варенька убѣжала съ какимъ-нибудь пострѣломъ? Быть не можетъ!

— Охъ, кормилица, видно такъ!—промолвила ключница. Я сейчасъ ходила купить французскихъ хлѣбовъ къ нѣмцу булочнику, вотъ, что живетъ позади нашего сада. — «Все-ли у васъ здорово?» — спросилъ онъ у меня.—А что, Францъ Ивановичъ?—«Да такъ!.. Вчера, этакъ въ полночь, подлѣ калитки вашего сада стояла коляска, и я самъ видѣлъ, какой-то высокій баринъ съ барыней вышли изъ саду, сѣли ва нее, да и по всѣмъ по тремъ!»

— Ахъ, Господи! Такъ въ самомъ дѣлѣ?!—вскричала отчаяннымъ голосомъ Слукина. Такъ точно, она ушла?!.. Карету, карету! Одѣваться, скорѣй, сейчасъ!

Ахъ, срамъ какой? Бѣгите къ Николаю Ивановичу! Скажите ему, что я поскакала къ губернатору. Вотъ до чего дожила! Что стоите? Ступайте вонъ!.. Антонъ и Филька поѣдутъ за каретою... Ахъ, батюшки мои свѣты, что это!.. Малашка, черное платье!.. Да поворачивайся, негодная!. Государи мои, что это!.. Бѣлый чепецъ!.. Да, Бога ради, карету, скорѣй карету!

Карету подвезли. Два дюжихъ лакея посадили въ нее Анну Степановну, у которой съ горя ноги подкосились и чуть-чуть голова держалась на плечахъ. Кучеръ ударилъ по лошадямъ, и они взяли съ мѣста рысью,—что обыкновенно случалось въ однихъ только важныхъ и «экстренныхъ» случаяхъ. Анна Степановна была очень сострадательна къ животнымъ, и особенно берегла своихъ лошадей, правда, она кормила ихъ однимъ сѣномъ, но за-то всегда ѣздила шагомъ. До губернаторскаго дома было далеко, и Слукина успѣла обдумать все и приготовиться къ своей роли. Она сдернула на одну сторону чепецъ, растрепала волосы, перевернула на-изнанку свою турецкую шаль, и до тѣхъ поръ нюхала сткляночку съ нашатырнымъ спиртомъ, что глаза ея налились кровью, а вѣки распухли и покраснѣли. Вотъ, наконецъ, усталые кони остановились у подъѣзда губернаторскаго дома. Антонъ и Филька вынули свою барыню изъ кареты; почти внесли ее на рукахъ на лѣстницу; потомъ ввели подъ-руки въ столовую и посадили въ кресла, которыя подалъ ей вѣжливый губернаторскій камердинеръ, сказавъ, что его превосходительство сейчасъ ее приметъ. Минутъ черезъ пять двери изъ гостиной отворились, и вышелъ Николай Ивановичъ Холминъ.

— Губернаторъ проситъ васъ къ себѣ,—сказалъ онъ.

— Ахъ, это ты, мой отецъ!—вскричала Слукина.— Помогите мнѣ, родной. Охъ, батюшки мои!.. Ноги нейдутъ!

Николай Ивановичъ пособилъ ей подняться и, ведя ее подъ-руку, прошепталъ:

— Славно, Анна Степановна, славно; нельзя лучше. Только, пожалуйста, не такъ налегайте—тяжело, матушка.

Въ гостиной встрѣтилъ ихъ губернаторъ; подлѣ него стояли дворянскій предводитель и докторъ фонъ-Дахъ.

— Успокойтесь, сударыня,—сказалъ губернаторъ, усаживая Слукину на канапе.

— Ахъ, батюшка, ваше превосходительство!—завопила она. Отецъ ты нашъ!.. Помоги, спаси!

— Успокойтесь!.. Будьте увѣрены, я сдѣлаю все, что отъ меня зависитъ. Я сейчасъ узналъ отъ Николая Ивановича, что Варвара Николаевна...

— Вотъ, ваше превосходительство, до чего я дожила! Какой позоръ! Уйти изъ моего дома!.. Убѣжать, Богъ знаетъ съ кѣмъ!..

— Какъ? Такъ вы не знаете?..

— Нѣтъ, ваше превосходительство! Какъ Богъ святъ, не знаю.

— И не имѣете даже подозрѣнія?

— Не имѣю, видитъ Богъ, не имѣю! Да и кого я могу подозрѣвать? Какъ могло прійти мнѣ въ голову, чтобъ дочь покойнаго моего Николая Степановича рѣшилась на такое дѣло? Ахъ, Господи, да неужели бы я стала противиться ея склонности? Ужъ я-ли не любила, я-ли не тѣшила ее, неблагодарную? На всѣхъ пошлюсь: въ глаза ей смотрѣла, сдувала съ нея каждую порошинку. И чѣмъ-же она мнѣ отплатила? Ахъ, я несчастная! Охъ, тошно!.. Батюшки мои, тошно!.. Смерть моя!..

Анна Степановна закрыла глаза, голова ея скатилась на грудь, и она упала *безъ чувствъ* на канапе.

— Воды, скорѣй воды!—закричалъ губернаторъ.— Ей дурно!

— Однакожъ она вовсе не поблѣднѣла,—замѣтилъ предводитель.

— Позвольте!—сказалъ докторъ фонъ-Дахъ, взявъ за руку Слукину.—Гмъ, гмъ!—промычалъ онъ, нахму-

ривъ брови.—Пульсъ очень высокъ, весьма высокъ... Сильный приливъ крови къ головѣ... Посмотрите, какъ горитъ ея лицо! Э, да это можетъ имѣть серьезныя послѣдствія. Сей-же-часъ надобно пустить кровь.

— Вы думаете?—сказалъ Холминъ.

— Да, да! Позвольте: со мною, кажется, есть ланцетъ. Гей, человѣкъ, тарелку... полотенце! Скорѣй, скорѣй! Не надобно терять ни минуты! Потрудитесь, Николай Ивановичъ, заворотить рукавъ; хотя на правой рукѣ... все равно!

Анна Степановна очнулась.

— Что вы, что вы? — вскричала она, отталкивая фонъ-Даха.

— Ничего, сударыня, ничего! Потерпите одну минуту. Вамъ надобно непремѣнно пустить кровь.

— Ахъ, батюшка, зачѣмъ, на что? Подите прочь, подите прочь!..

— Какъ вы себя чувствуете?—спросилъ губернаторъ.

— Крошечку получше. Охъ, батюшка, ваше превосходительство, что мнѣ дѣлать, къ чему приступить?.. Надоумьте меня, посовѣтуйте мнѣ!

— Если вамъ угодно знать мое мнѣніе, такъ вотъ оно. Вѣроятно, Варвара Николаевна уже обвѣнчана; слѣдовательно это перемѣнить нельзя: на вашемъ мѣстѣ я простилъ бы ее.

— Какъ, батюшка, ваше превосходительство? Вы мнѣ совѣтуете?..

— Да вы сами говорили, что не стали бы противиться ея склонности.

— О, конечно бы не стала!.. Но разсудите милостиво!

— Я не оправдываю поступка вашей падчирицы: она дурно сдѣлала, что не имѣла къ вамъ довѣренности; вы такъ ее любите...

— Какъ родную дочь! Видитъ Богъ, какъ родную дочь!

— А если такъ, сударыня,— сказалъ предводитель! — такъ будьте же до конца нѣжной матерью—простите ее!

— Въ самомъ дѣлѣ, Анна Степановна,—прибавилъ Холминъ, мигнувъ украдкою Слукиной,—вѣдь снявши голову, о волосахъ не плачутъ. Добро-бы дѣло то было поправное, а то, что толко и себя надрыватъ, и ихъ мучить? Эхъ, матушка, простите ее!

— Ну, если всѣ меня просятъ,—сказала съ глубокимъ вздохомъ Слукина,—такъ видно пришлось простить...

— Но, можетъ быть,—промолвилъ губернаторъ,—тотъ, за кого она вышла замужъ...

— Да кто-бы онъ былъ,—прервала Слукина,—все равно! По-моему, батюшка, ваше превосходительство, прощать, такъ прощать. Онъ мужъ ея такъ я и его буду любить, какъ родного сына.

— Какъ вы добры, Анна Степановна! — сказалъ предводитель.

— Чтожъ дѣлать, Николай Ивановичъ! Знаю сама, что это слабость; да ужъ у меня натура такая!

— Вы слышите, ваше превосходительство?—сказалъ вполголоса Холминъ, обращаясь къ губернатору.—Госпожа Слукина добровольно, по одному побужденію своего добраго сердца, прощаетъ мою крестницу... Варенька здѣсь. Анна Степановна, и если вы позволите ей войти...

— Охъ, постой, батюшка, постой! Дай собраться съ духомъ... Сердце-то у меня, сердце... вотъ такъ выскочить и хочетъ!

— Право, вамъ не мѣшаетъ пустить кровь, сударыня, — шепнулъ докторъ фонъ-Дахъ: вы въ такомъ волненіи...

— Не ваше дѣло, батюшка!—вскричала Слукина.—Ну, пусть войдетъ, — О, Господи, укрѣпи меня, грѣшную!

Боковыя двери отворились, и молодые вошли въ гостиную.

— Вотъ она!—сказалъ Холминъ, подводя къ Слукиной свою крестьницу.

— Ну, Варенька, Богъ тебѣ судья,—проговорила Анна Степановна, стараясь всхлипывать: огорчила ты меня на старости! Ну, да такъ и быть, Господь съ тобой! Я прощаю тебя, мой другъ!.. Да гдѣ-же твой мужъ?

— Вонъ онъ, маменька.

Слукина подняла глаза: передъ нею стоялъ Тонскій.

На этотъ разъ она не шутя упала въ обморокъ, и докторъ фонъ-Дахъ добился своего: онъ пустилъ ей кровь.

Недѣли черезъ двѣ послѣ этого приключенія, въ собраніи общества людей «высокаго полета» происходилъ слѣдующій разговоръ:

Княгиня Ландышева *(обращаясь къ Вельскому)* Такъ князь Владиміръ Ивановичъ сегодня къ вамъ не будетъ?

Вельскій. Нѣтъ, княгиня. Я уговорилъ его отправиться въ деревню.

Горенлядова. Что это вамъ вздумалось?

Вельскій. Такъ вы не знаете? Князь хотѣлъ рѣзаться съ Тонскимъ.

Златопольская. Ахъ, Боже мой! Дуэль?

Вельскій. Да! И вы не можете себѣ представить, какого мнѣ стоило труда доказать ему, что онъ не всегда сдѣлается смѣшнымъ, если станетъ драться съ этимъ молокососомъ, и за кого-же?—За какую-то Варвару Николаевну Тонскую, урожденную Слукину?

Княгиня. Да неужели онъ въ самомъ дѣлѣ былъ влюбленъ въ эту дѣвочку?

Вельскій. До безумія.

Княгиня. Впрочемъ, у ней очень хорошее состояніе. Надобно сказать правду, Анна Степановна поступила съ ней весьма благородно: она дала за ней въ приданое тысячу душъ.

Гореглядова. Право? О, такъ я понимаю, что Тонскій могъ въ нее влюбиться. Но князь! Боже мой, да что онъ нашелъ въ ней хорошаго? Une petite sotte!

Зарѣцкая. Худа, блѣдна, какъ смерть.

Гореглядова. Стеклянные, голубые глаза...

Княгиня. Сѣрые, ma chére.

Гореглядова. Сѣрые или голубые, только въ нихъ вовсе нѣтъ души.

Златопольская. А носъ, ma chére, носъ?.. *(взглянувъ украдкою въ зеркало)*. Надѣюсь, его никто не назоветъ греческимъ.

Вельскій. И, полноте,—охота вамъ говорить объ этой алебастровой куклѣ! Мнѣ все кажется, что ее сейчасъ на лоткѣ носили.

Зарѣцкая. Comme vous êtes méchant!

Гореглядова. Для меня этотъ Тонскій несравненно лучше своей жены. *(Взглянувъ изъ-подлобья на Вельскаго)* Il est assez joli garçon!

Вельскій. Кто, онъ? Да, конечно, онъ былъ бы бы прекраснымъ тамбуръ-мажеромъ.

Княгиня. Да, это правда,—онъ не дуренъ собою, но такъ обыкновененъ! Такія *инъобельныя* формы!..

Зарѣцкая. Бѣлъ, румянъ...

Златопольская. Звѣтлые волосы... Фи, настоящая русская физіономія!

Вельскій *(улыбаясь)*. Вы, кажется, не всегда это думали.

Златопольская *(коверкаясь)*. Ай, что вы это говорите? Полноте!

Вельскій *(обращаясь къ Зарѣцкой)*. Да, мнѣ помнится, что и вы...

Зарѣцкая *(ломаясь)*. Кто? Я?.. Quelle idée!

Вельскій. Если не ошибаюсь, такъ было время, что даже и вы, княгиня...

Княгиня *(взглянувъ пристально на Вельскаго)*. Я?

Вельскій. Да, да! Признайтесь, что онъ вамъ очень нравился.

Княгиня. Можетъ быть. Я даже вамъ скажу, когда это было... Да точно такъ: въ то самое время, какъ вы сватались за эту алебастровую куклу.

Гореглядова *(вспыхнувъ)*. Какъ? Вельскій, вы хотѣли на ней жениться?

Вельскій *(съ примѣтнымъ замѣшательствомъ)*. Кто? Я... Жениться на Слукиной? Помилуйте!...

Княгиня. Да вы почти при мнѣ ей дѣлали предложеніе.

Гореглядова *(не скрывая своей досады)*. Прекрасно!

Вельскій *(тихо Гореглядовой)*. Полноте! *(громко)* Какъ вамъ не стыдно, княгиня!

Княгиня. А, Вельскій, вы любите шутить надъ другими!

Гореглядова. C'est bien, monsieur! C'est très bien! Такъ вы хотѣли жениться?... *(Ее начинаетъ подергивать)*.

Княгиня. Qu'avez-vous ma chere?... Что вы?

Гореглядова! Ничего!... Dieu!... Спазмы! Мнѣ душно...

Княгиня. Человѣкъ!... Человѣкъ!... Спирту, воды! *(Всѣ суетятся около Гореглядовой)*.

Гореглядова *(Вельскому)*. Laissez moi!.. Ахъ, я задыхаюсь!.. Oh, les hommes, les hommes!

Вельскій. Это ничего, пройдетъ! *(Тихо княгинѣ)*. Какая неосторожность!

Златопольская *(тихо Зарѣцкой)*. Какъ она себя компроментируетъ!

Зарѣцкая. Да, ma chére! Мнѣ ее очень жаль! Elle est si bonne!.. *(Въ сторону)*. Поѣду сейчасъ разсказать объ этомъ моей кузинѣ!

КОНЕЦЪ ДЕСЯТАГО ТОМА.

СОДЕРЖАНІЕ ДЕСЯТАГО ТОМА

DATE DUE

БИБЛІОТЕКА
РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ
[illegible]